

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2010

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
академик РАН А.П. Деревянко, д.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт,
академик РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, академик РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

**Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”», РАН**

© Российская академия наук, 2010 г.

© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2010

Руднинская неолитическая культура в Приморье: проблемы периодизации и хронологии <i>Батаршев С.В., Морева О.Л., Кузьмин Я.В.</i>	5
Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования <i>Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.</i>	18
Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: динамика развития <i>Шерстобитова О.С.</i>	28
Антропоморфные надгробия в погребальной практике греков и варваров в VII–II вв. до н.э. <i>Стоянов Р.В.</i>	36
Чаши мастера Тлесона из раскопок в Северном Причерноморье в собрании Государственного Эрмитажа <i>Петракова А.Е.</i>	46
Истоки экономического кризиса III в. до н.э. <i>Тереценко А.Е.</i>	56
Эволюция двупластинчатых фибул Крыма в V–VII вв. н.э. <i>Фурасьев А.Г.</i>	66
Куриловский клад раннесредневекового времени <i>Родинкова В.Е.</i>	78
Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (к расселению и ранней истории чиков) <i>Кызласов И.Л.</i>	88

Дискуссии

О путях исследования звериного стиля (к проблеме метода и этики в новейших работах по искусству сарматской эпохи) <i>Королькова Е.Ф.</i>	101
---	-----

Публикации

Энеолитический “скипетр-утюжок” из Ставрополя <i>Корневский С.Н., Калмыков А.А.</i>	110
Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) <i>Корочкова О.Н., Стефанов В.И.</i>	120
“Алан Бакур” из Древней Иберии <i>Балахванцев А.С., Николаишвили В.В.</i>	130

История науки

“Воспоминания” В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии <i>Гайдуков П.Г.</i>	136
А.Д. Чертков и его вклад в русскую нумизматику и археологию <i>Фролова М.М.</i>	143

Критика и библиография

Археология: Учебник / Под ред. акад. РАН В.Л. Янина. М., 2006 <i>Шер Я.А.</i>	159
Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008 <i>Вискалин А.В.</i>	164
Г.Г. Король. Искусство средневековых кочевников Евразии. М.; Кемерово, 2008 <i>Ермоленко Л.Н., Советова О.С.</i>	167
Открывая и интерпретируя прошлое Юго-Восточной Азии <i>Захаров А.О.</i>	170

Хроника

Международный симпозиум "Pottery, people and places". Зандберг, 2008 <i>Журавлев Д.В.</i>	176
IV Международная археологическая конференция "Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э." <i>Сташенков Д.А.</i>	178
К 70-летию А.З. Винникова <i>Пряхин А.Д.</i>	180
Памяти Наталии Львовны Членовой <i>Кузьминых С.В., Коренько В.А.</i>	182
Памяти Николая Дмитриевича Праслова <i>Синицын А.А.</i>	184
Список сокращений	187
Правила для авторов	189
Авторский указатель тома за 2010 г.	190

Сдано в набор 12.07.2010 г.

Цифровая печать

Усл.печ.л. 24,0

Подписано в печать 00.03.2010 г.

Усл.кр.-отт. 13,1 тыс.

Тираж 537 экз. Зак. 687

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Уч.-изд.л. 25,5

Бум.л. 12,0

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number 4, 2010

The Rudnaya Neolithic culture in Primorye: issues of periodization and chronology <i>Batarshev S.V., Moreva O.L., Kuzmin Y.V.</i>	5
Chronological correlation of the Eneolithic cultures in the Volga-Urals region in the light of radiocarbon dating <i>Morgunova N.L., Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V.</i>	18
Krasnoozerki culture in the Middle Irtysh region: dynamics of the evolution <i>Sherstobitova O.S.</i>	28
Anthropomorphic gravestones in the funeral practice of Greeks and barbarians, 7 th – 2 nd cc. BC <i>Stoyanov R.V.</i>	36
Cups by Tleson Painter from the excavations in the North Pontic region, State Hermitage museum collection <i>Petrakova A.E.</i>	46
Sources of the economic crisis of the 3 ^d c. BC <i>Tereschenko A.E.</i>	56
The evolution of Crimean two-plate fibulae in the 5 th – 7 th . cc. AD <i>Furasyev A.G.</i>	66
The early medieval hoard from Kurilovka <i>Rodinkova V.E.</i>	78
A new type of commemorative sites of the Turkic-speaking population in South Siberia (concerning the expansion and early history of the Chiks) <i>Kyzlasov I.L.</i>	88

Discussions

About the ways of study of Animal Style (concerning the issue of method and ethics in the latest works on the art of the Sarmatian period) <i>Korolkova E.F.</i>	101
---	-----

Publications

Eneolithic “ironing” scepter from the Stavropol region <i>Korenevsky S.N., Kalmykov A.A.</i>	110
Bronze Age cult site at Lake Shaitanskoye near Ekaterinburg (based on the materials of the 2008 excavations) <i>Korochkova O.N., Stefanov V.I.</i>	120
“Bakur the Alan” from Ancient Iberia <i>Balakhvantsev A.S., Nikolaishvili V.V.</i>	130

History of Science

V.G. Druzhinin’s Recollections as a source for the history of the Imperial Archaeological Commission <i>Gaidukov P.G.</i>	136
A.D. Chertkov and his contribution to Russian numismatics and archaeology <i>Frolova M.M.</i>	143

Critics and Bibliography

Archaeology: Manual / Ed. by V.L. Yanin, Academician of the RAS. Moscow, 2006

Sher Ya.A.

159

Vybornov A.A. The Neolithic of the Volga-Kama region. Samara, 2008

Вискалин А.В.

164

G.G. Korol'. The art of medieval Eurasian nomads. Moscow; Kemerovo, 2008

Ermolenko L.N., Sovetova O.S.

167

Discovering and interpreting the past of Southeast Asia

Zakharov A.O.

170

Chronicle

International symposium, Pottery, People and Places. Sandberg, 2008

Zhuravlev D.V.

176

IV International archaeological conference "Cultures of the Eurasian steppes in the Second Half of the 1st Millennium AD"

Stashenkov D.A.

178

To the 70th anniversary of A.A. Vinnikov

Pryakhin A.D.

180

In memory of Natalia L'vovna Chlenova

Kuzminykh S.V., Korenyako V.A.

182

In memory of Nikolai Dmitrievich Praslov

Sinitsyn A.A.

184

List of abbreviations

187

Rules for authors

189

Index of authors. 2010

190

РУДНИНСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИМОРЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ

© 2010 г. С.В. Батаршев*, О.Л. Морева*, Я.В. Кузьмин**

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО, РАН, Владивосток
(batar@museum.dvgu.ru)

**Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

Ключевые слова: *средний неолит, юг Дальнего Востока, культура штамповой керамики: руднинская, бойсманская, маринская, малышевская. Единая “культурная область”.*

The article considers the important problem of Neolithic studies in the Primorye region of the Russian Far East, the periodization and chronology of the Rudnaya (Tetukhe) cultural complex. Analysis of all the materials from the Rudnaya culture sites (pottery, stone artifacts and dwellings) reveals a sub-division within the complex. Two chronological variants can be identified: 1) early Rudnaya stage (6700-6100 cal BC) and 2) late Sergeevka stage (6200-4600 cal BC).

Неолит юга Дальнего Востока России (Приморье и Приамурье) в настоящее время представлен серией локальных археологических культур, которые, согласно терминологии Л.С. Клейна, можно охарактеризовать как демикультуры, т.е. культуры, выделенные на основе отдельных категорий памятников или их комплексов (1991. С. 393). В Приморье и Приамурье на большинстве памятников из-за кислых почв практически полностью отсутствуют артефакты из органических материалов, поэтому единственными надежными критериями для выделения и периодизации археологических культур эпохи неолита являются формально-типологические признаки традиций керамического и каменного производства. С позиций данного подхода в настоящей работе рассматриваются проблемы периодизации и хронологии археологических комплексов руднинской культуры – наиболее ранней, на сегодняшний день, неолитической культуры Приморья.

Начало изучения руднинской культуры связано с широкомасштабной деятельностью Дальневосточной археологической экспедиции АН СССР (ДВАЭ) под руководством А.П. Окладникова. В 1950–1960-е годы отрядами ДВАЭ раскапывались три многослойных памятника, неолитические слои которых стали опорными для характеристики новокаменного века восточного и западного районов Приморья – Рудная Пристань (Тетюхе), Моряк-Рыболов (Пхусун) и Осиновка. На основании этих материалов А.П. Окладников и А.П. Деревянко предложили первые концепции новой культуры, получившей позднее название “руднинская”. Исследователи ис-

ходили из нескольких общих положений: по хронологии культура является наиболее ранней для неолита Приморья (в пределах IV–III тыс. до н.э.), однако характеризуется “развитыми” традициями в гончарстве и камнеобработке; культура своим происхождением связана с неолитом сопредельного Нижнего Приамурья; ее наиболее ярким признаком является орнамент на керамике, выполненный оттисками ромбического штампа (“амурская плетенка”). В понятие “культура” исследователи вкладывали разный смысл: А.П. Окладников, следуя концепции стадийности, под “культурой” понимал определенный этап в развитии древнего населения Приморья (1958; 1959; 1964); А.П. Деревянко, напротив, одним из первых стал выделять в неолите Приморья и Приамурья не этапы развития, а локальные археологические культуры (1973).

В 1970–1980-е годы количество исследований по неолиту Приморья возросло. В результате была выделена собственно руднинская культура, причем сформировалось несколько вариантов ее трактовки. В.А. Татарников (1978; 1983) и В.И. Дьяков (1992) понимали под ней культуру на территории западного, центрального и восточного Приморья; коллектив исследователей под руководством Ж.В. Андреевой – только локальную группу памятников восточного Приморья (Неолит юга ..., 1991). Особую точку зрения высказал Д.Л. Бродянский (1980; 1987), включивший руднинские памятники в состав кондонской культуры, занимающей территорию Нижнего Приамурья, Приморья и северной Маньчжурии. А.М. Кузнецов (1981) и С.В. Алкин (1992) сформулировали идею о приморской группе

памятников кондонской общности. Д.А. Сапфиров (1985) предложил исключить из состава руднинской культуры памятники Ханкайской равнины, представляющие, по его мнению, самостоятельную ханкайскую культуру. В.А. Лынша в долине р. Нестеровка открыл в 1988 г. неолитический памятник Сергеевка-1. На основании разведочных материалов исследователь определил объект как однослойный и отнес его к “приханкайской группе памятников раннего неолита” (Лынша, 1989). Кроме того, он поддержал идею Д.А. Сапфирова (1985) о выделении этих памятников в особую “ханкайскую неолитическую культуру”, а для обозначения керамики этой культуры ввел термин “керамика сергеевского типа” (Лынша, 1989. С. 43).

Благодаря исследованиям 1950–1980-х годов сложился комплекс идей по общим проблемам характеристики руднинской культуры (стратиграфия и хронология, круг памятников, комплекс культурно-значимых признаков). При этом основное внимание уделялось проблеме культурного единства памятников, расположенных в разных районах Приморья, и правомерности их отнесения к кондонской культуре Нижнего Приамурья. Изучение развития руднинской культуры во времени и периодизация ее комплексов остались за рамками дискуссии.

С начала 2000-х годов несколько коллективов археологов независимо друг от друга начали целенаправленные исследования на памятниках руднинской культуры. В итоге к настоящему времени

в Приморье известно 25 объектов, материалы которых различными исследователями связываются с руднинской культурой или с типологически и хронологически близкими к ней комплексами. Однако, на наш взгляд, далеко не все эти памятники можно характеризовать как руднинские. О шести из них (Алмазинка, Рославка, Березянка, Михайловка-2, Весенняя-1, Малый Улисс-1) известно по схематичным описаниям единичных находок или отдельным упоминаниям, что не позволяет определить культурную принадлежность. Два памятника (Моряк-Рыболов и Перевал) содержат комплекс керамики веткинского типа, еще не получившего аргументированной культурной интерпретации (Морева и др., 2008). Остальные объекты на данном этапе археологической изученности региона мы рассматриваем как собственно руднинские (рис. 1). Среди них есть как раскопанные памятники (Бойсмана-2, Дворянка-1, ЛЗП-3-6, Лузанова Сопка-2, Лузанова Сопка-5, Новотроицкое-2, Осиновка, Рудная Пристань, Сергеевка-1, Устиновка-8, Чертовы Ворота, Шекляево-7), так и известные только по работам разведочного характера или сборам из разрушенного культурного слоя (Катериновка-1, Петровици, Синий Гай-4, Сиротинка, Черниговка-1). Основанием для подобной интерпретации стало сходство технико-технологических, морфологических и орнаментальных признаков керамики – самой массовой категории археологического инвентаря в неолите Приморья.

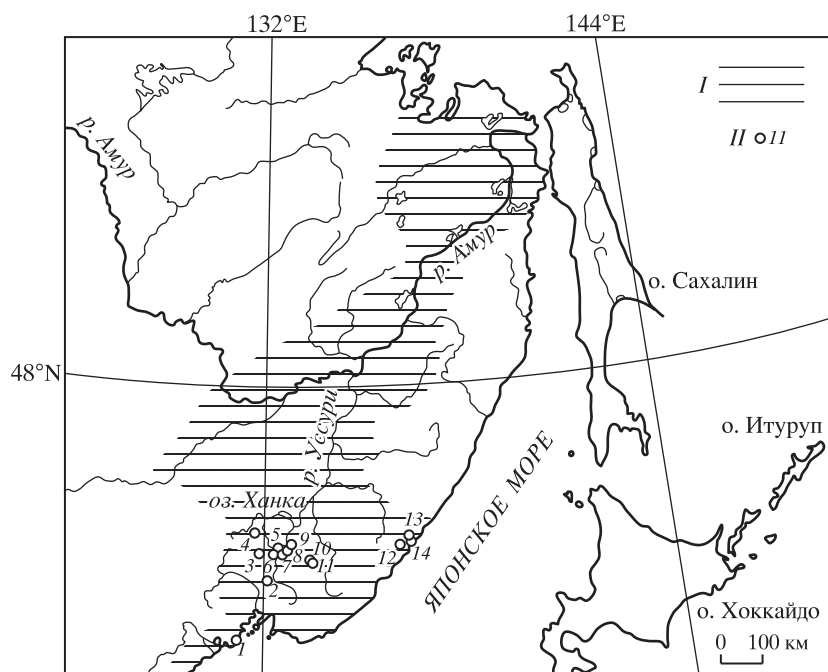

Рис. 1. Область распространения штамповой керамики в среднем неолите юга Дальнего Востока (I). Памятники руднинской культуры (II): 1 – Бойсмана-2; 2 – Осиновка; 3 – Сергеевка-1; 4 – Дворянка-1; 5 – Лузанова Сопка-2, Лузанова Сопка-5; 6 – Петровици; 7 – Сиротинка; 8 – Черниговка-1; 9 – Синий Гай-4; 10 – ЛЗП-3-6; 11 – Шекляево-7, Новотроицкое-2; 12 – Устиновка-8; 13 – Чертовы Ворота; 14 – Рудная Пристань.

Анализ материала большинства из перечисленных памятников, а также просмотр архивных и литературных источников позволили выделить в рамках гончарной традиции руднинской культуры два культурно-хронологических типа керамики (Батаршев, 2005; 2008). Для их обозначения предлагается использовать уже сложившиеся в литературе термины. Керамика первого типа впервые встречена на памятнике Рудная Пристань в восточном Приморье, поэтому вполне логично обозначить ее как “руднинскую” (“руднинского типа”), имея в виду не керамику всей культуры, а только ее определенную часть. Керамика второго типа в публикациях последних лет фигурирует как “ханкайская”, “приханкайская”, “сережевская” или “петровици-сиротинская” (Батаршев и др., 2003; Лынша, 1989; Сапфиров, 1985). В настоящей работе вслед за В.А. Лыншей (1989) предлагается именовать подобную керамику “сережевской” (“сережевского типа”) по памятнику Сергеевка-1.

Керамика руднинского типа в чистом виде представлена на Лузановой Сопке-2 (Попов, Батаршев, 2007) и в девяти жилищах поселения Рудная Пристань (Дьяков, 1992). Керамика сергеевского типа встречена на памятниках Дворянка-1 (Гарковик, Ключев, 2007); ЛЗП-3-6 (Ключев, Пантюхина, 2006); Лузанова Сопка-5 (Батаршев и др., 2003); Новотроицкое-2 (Ключев, Гарковик, 2008); Сергеевка-1 (Батаршев, 2008); Синий Гай-4 (Морева и др., 2002); Устиновка-8 (Крупянко, 2008); Чертовы Ворота (Неолит юга ..., 1991); Шекляево-7 (Ключев и др., 2003) и Бойсмана-2 (Морева и др., 2002); в жилище № 9 поселения Рудная Пристань (Дьяков, 1992). На трех памятниках с разрушенным культурным слоем (Петровици, Сиротинка и Черниговка-1) найдена керамика обоих типов (Морева и др., 2002). Интересное расположение керамики прослежено в Осиновке. В коллекции из юго-западной части поселения содержится керамика руднинского и сергеевского типов (Батаршев и др., 2003), а из северо-восточной части – только руднинского типа (Батаршев, Крупянко, 2008). Важно отметить, что керамика руднинского и сергеевского типов получена как с сезонных промысловых стоянок (Бойсмана-2, ЛЗП-3-6, Лузанова Сопка-2, Лузанова Сопка-5, Осиновка, Устиновка-8), так и с долговременных поселений, имеющих углубленные в грунт котлованы жилищ, препятствующие естественному перемещению материала (Дворянка-1, Новотроицкое-2, Рудная Пристань, Сергеевка-1, Чертовы Ворота, Шекляево-7). Таким образом, можно считать вполне обоснованным не только *типологическую*, но и *пространственную* дискретность двух комплексов керамики в рамках руднинской гончарной традиции.

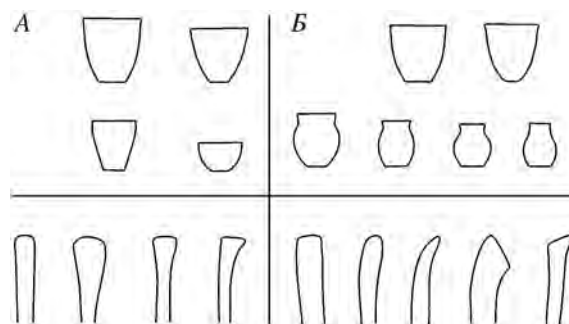

Рис. 2. Морфология сосудов руднинского и сергеевского типов (по: Батаршев, 2008).

Обобщая имеющийся археологический материал, можно охарактеризовать выделенные керамические типы следующим образом. По технико-технологическим признакам керамика обоих типов идентична. Конструирование посуды осуществлялось жгутовым или ленточным кольцевым налепом; днища изготавливались по донной программе из тонкой лепешки, которая зажималась между стенками сосудов. Стенки сосудов тщательно выравнивались и с одной или двух сторон покрывались слоем жидкой тонкодисперсной глины. Обжигалась посуда в костре при температуре 600–700 °С в окислительной и восстановительной средах. Некоторые различия проявляются лишь при подготовке глиняного теста. На памятниках центрального, западного и южного Приморья используются три рецептуры: “глина+песок”, “глина+песок+дресва” и “глина+песок+шамот”. Гончары восточного Приморья применяли рецептуры “глина+песок” и “глина+песок+дресва”. Кроме этого, следует отметить определенные различия в способе формовки дна у сосудов памятника Бойсмана-2. Здесь они собирались по донно-емкостной программе, дно образовывалось за счет уплощения округлого начина. Ранее отмечалось, что данная особенность возникла, по-видимому, в результате смешения разных гончарных традиций – протобойсманской и руднинской (Морева и др., 2002). Сходная в технико-технологическом отношении керамика рассматриваемых типов имеет яркие морфологические и орнаментальные отличия.

Керамика руднинского типа. Сосуды плоскодонные, простой ситилообразной формы. Максимальное расширение сосуда соответствует обрезу устья или приустьевой части. Венчики прямые, иногда слегка вогнутые внутрь или отогнутые наружу. Кромки венчиков плоские и округлые, часто с Г-образным и Т-образным утолщением (рис. 2). Орнамент наносился в двух зонах – по кромке венчика и в приустьевой части тулова, – между которыми, как правило, оставалась узкая неорнаментированная зона.

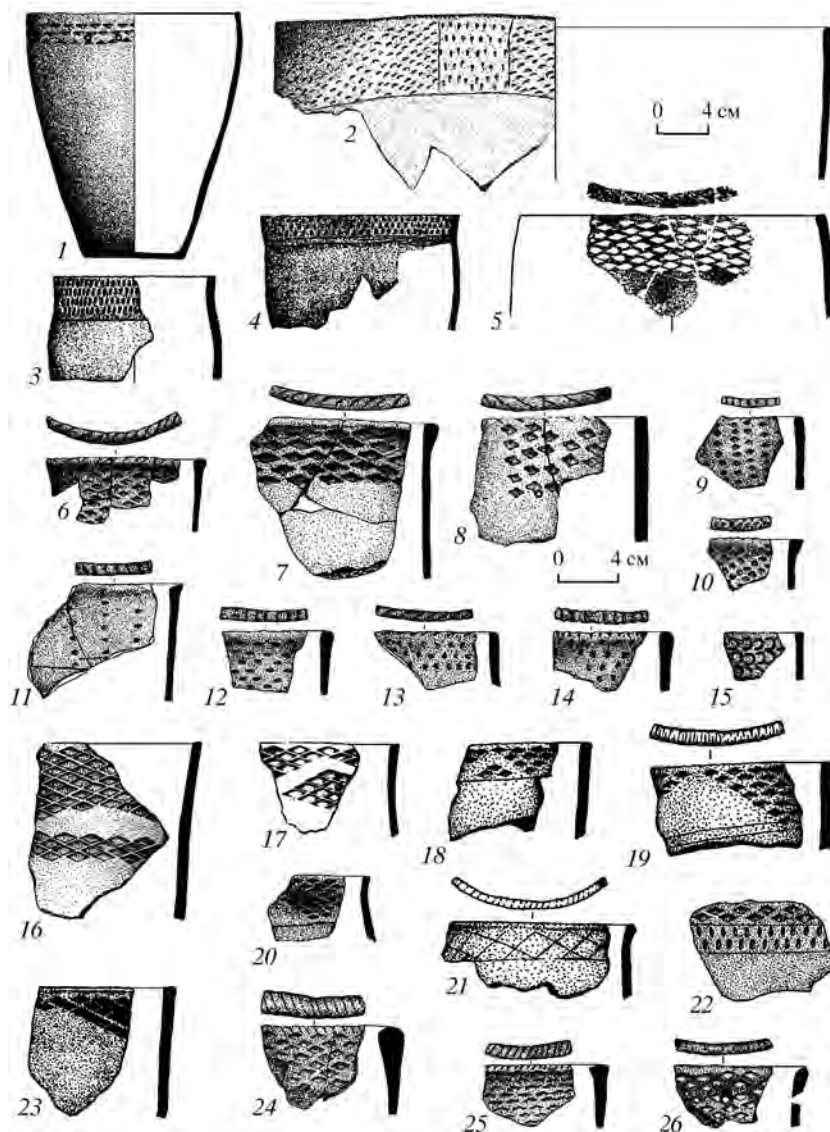

Рис. 3. Керамика руднинского типа: 1, 2, 6–14 – Лузанова Сопка-2 (по: Попов, Батаршев, 2007); 3, 4, 15–23 – Рудная Пристань (по: Дьяков, 1992; архивные материалы С.В. Батаршева, С.А. Коломийца); 5, 24–26 – Осиновка (по: Батаршев и др., 2003; Батаршев, Кругляк, 2008).

ванная полоса. Основными типами декора¹ являются оттиски ромбического, треугольного и овально-округлого штампов; для орнаментации кромок чаще всего применялись оттиски веревки. Среди мотивов орнамента доминирует сетка (“амурская плетенка”). Декор образует опоясывающую сосуд сплошную полосу с параллельными краями (рис. 3). Иногда орнамент прерывается по верти-

кали неорнаментированным участком (рис. 3, 8), вставкой другого орнамента или прочерченной линией (рис. 3, 2). Встречаются сосуды, украшенные треугольными фигурами (шевронами), составленными из оттисков штампа (рис. 3, 17–20, 23). Характерной чертой является оконтуривание нижнего края орнаментальной полосы прочерченными линиями (рис. 3, 2–4, 11, 18–22).

Керамика сергеевского типа. Посуда плоскодонная, по степени структурированности выделяются сосуды без горловины, с намеченной горловиной и выделенной горловиной. Венчики прямые или отогнутые наружу; кромки венчиков приостренные симметричные, приостренные несимметричные

¹ В работе используются классификация орнамента керамики, разработанная А.В. Гребенчиковым и Е.И. Деревянко. Низший уровень классификации включает *тип* орнамента, сочетающий в себе два признака: кинематику руки мастера и форму рабочего инструмента (орнаментира) (Гребенчиков, Деревянко, 2001. С. 51–57).

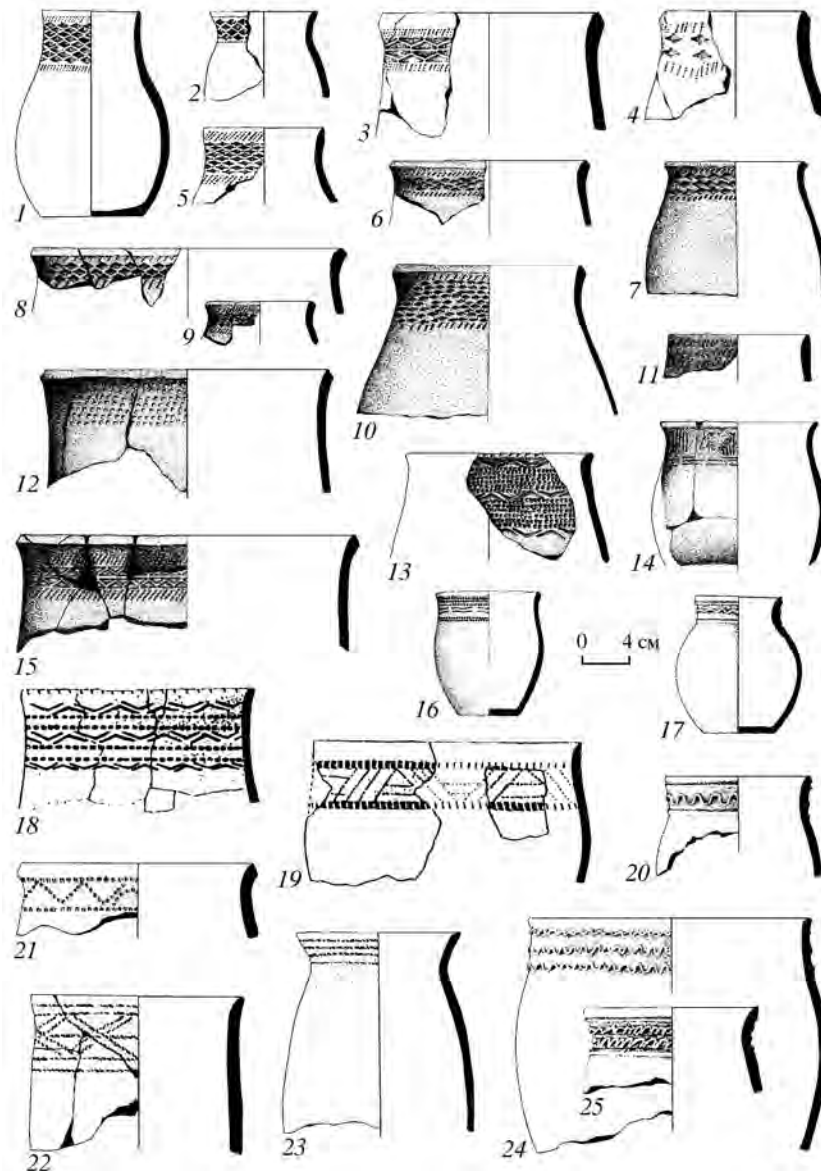

Рис. 4. Керамика сергеевского типа: 1–5, 17, 20–25 – Шекляево-7 (по: Клюев и др., 2003); 6–11, 13, 14 – Сергеевка-1 (по: Батаршев, 2008); 12 – Осиновка (по: Батаршев и др., 2003); 15 – Лузанова Сопка-5 (по: Батаршев и др., 2003); 16 – Дворянка-1 (по: Клюев, Гарковик, 2008); 18, 19 – Рудная Пристань (по: Дьяков, 1992).

(кромка скошена наружу или внутрь), плоские и округлые (рис. 2). Орнамент наносился сплошной полосой с параллельными нижними и верхними краями в приустьевой части сосуда (рис. 4). Декор состоит из комбинаций оттисков ромбического и треугольного штампа (“амурская плетенка”), горизонтальных полос оттисков “птичек”, скобок, гребенки, прямоугольников (рис. 4, 1–16, 18, 19) и оттисков веревки (рис. 4, 21–23). Характерный прием построения декора – оконтуривание орнаментального бордюра снизу и сверху гребенчатыми оттисками, оттисками веревки или горизонтальными рядами “птичек”. Внешний край кромки венчика мог

украшаться овально-округлыми оттисками. Выделяется орнамент, составленный из прямых или волнистых налепных валиков и “защипов” (рис. 4, 17, 20, 24, 25).

Сравнительная характеристика материалов разных памятников выявила определенную зависимость между формой сосуда и его орнаментацией в рамках керамики сергеевского типа. По соотношению этих признаков можно выделить четыре типа посуды.

Тип 1. Сосуды без горловины или с намеченной горловиной, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Кромки венчиков приостренные симметричные, плоские или округлые. Орнамен-

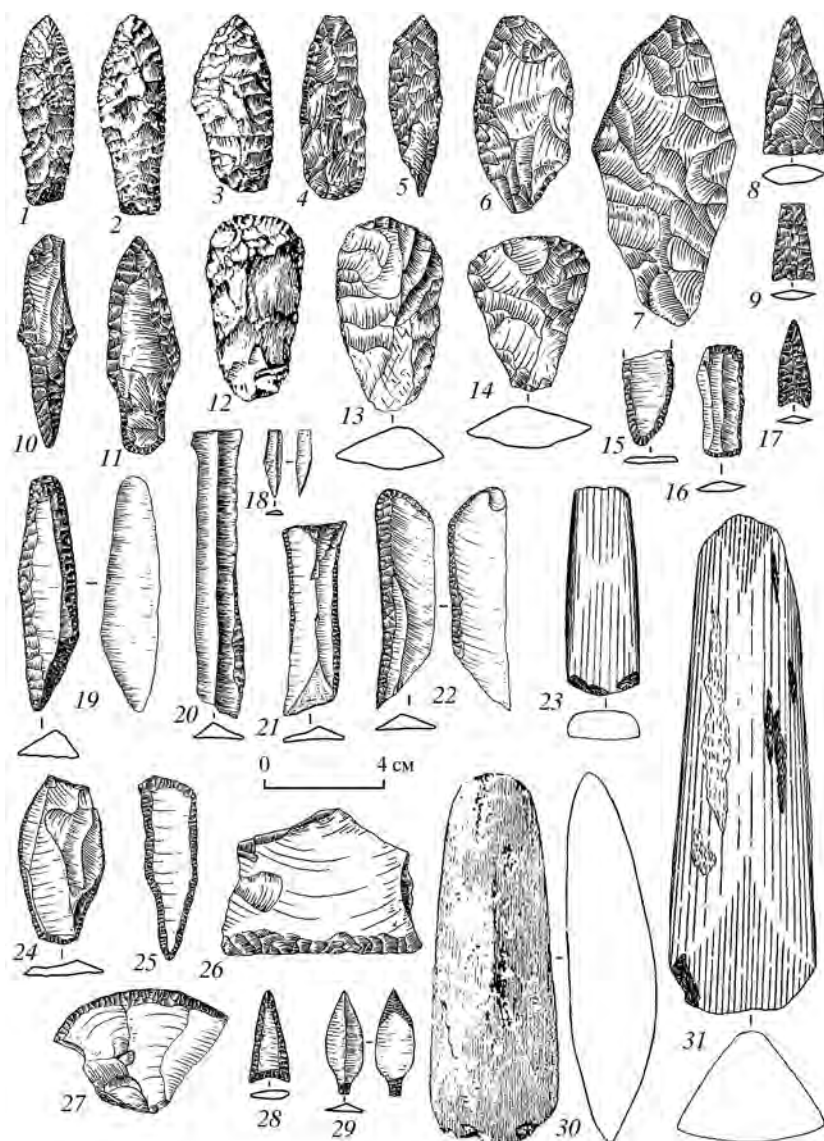

Рис. 5. Каменный инвентарь, соответствующий керамике руднинского типа; памятник Рудная Пристань. 4–11, 13–29, 31 – архивные материалы С.А. Коломийца; 1–3, 12, 30 (по: Окладников, 1958; 1959).

тация сосудов состоит из различного сочетания горизонтальных полос оттисков гребенчатого штампа с горизонтальными или вертикальными рядами оттисков “птичек”. На кромки венчиков часто наносились овально-округлые оттиски (рис. 4, 11, 13, 14, 16, 18).

Тип 2. Сосуды имеют намеченную или выделенную горловину, слегка или сильно отогнутый наружу венчик с приостренным несимметричным профилем (край кромки скошен наружу). В целом сосуды второго типа отличаются более развитой морфоструктурой и определенным профилем кромки венчика. Орнаментирована посуда полосой из оттисков треугольников или ромбов (“амурская плетенка”), оконтуренной сверху и снизу, реже –

только сверху гребенчатым штампом, иногда – оттисками “птичек” (рис. 4, 1–10, 12, 15).

Тип 3. Сосуды с намеченной или выделенной горловиной, со слегка или сильно отогнутым наружу венчиком. Некоторые сосуды имеют шаровидное тулово и короткую прямую горловину. Кромки венчиков приостренные симметричные, плоские или округлые. Декор представлен налепными волнистыми или прямыми валиками, а также “защипами” (рис. 4, 17, 20, 24, 25).

Тип 4. По морфологии сосуды сходны с типами 1–3; орнаментация представлена исключительно оттисками веревочного штампа в виде горизонтальных параллельных линий или пояса из двух линий, пространство между которыми заполнено треуголь-

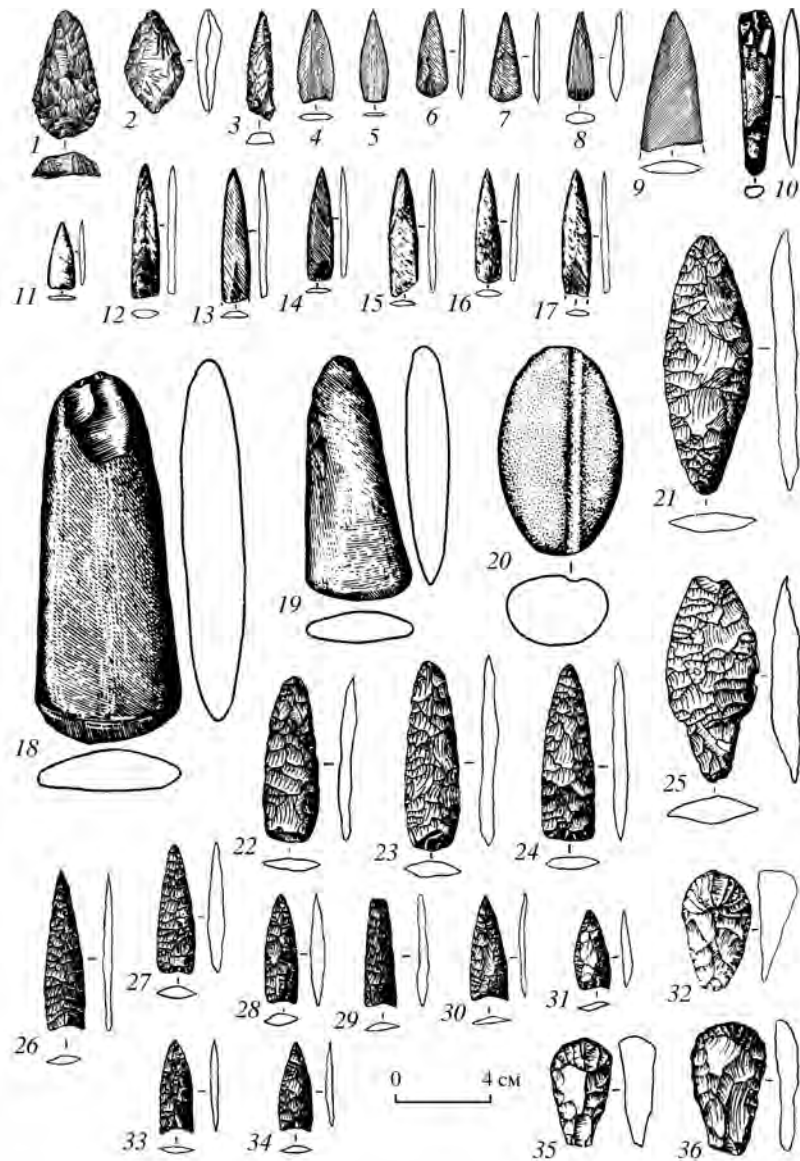

Рис. 6. Каменный инвентарь, соответствующий керамике сергеевского типа: 1–9 – Сергеевка-1 (по: Батаршев, Попов, 2008); 10–36 – Чертовы Ворота (по: Неолит юга..., 1991).

ными фигурами (рис. 4, 21–23). На памятниках Рудная Пристань и Чертовы Ворота аналогичный орнамент выполнен зубчатым краем раковины моллюска, отпечатки которого внешне напоминают веревочные (рис. 4, 19).

Прослеженная зависимость между морфологией и орнаментацией не является жесткой; в коллекциях можно найти различные сочетания признаков, но в целом приведенные типы доминируют. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в рамках комплекса сергеевской керамики начинают складываться “эталоны” сосудов, соответствующие, по-видимому, определенным стереотипам в представлениях древних мастеров.

Соответствующие руднинской и сергеевской керамике комплексы каменного инвентаря не демонстрируют ярких технологических различий. На памятниках с руднинской керамикой основная часть изделий обрабатывалась приемами бифасиальной и краевой ретуши (рис. 5, 1–22, 24–29), в то время как техника шлифовки применялась лишь для изготовления рубящих орудий (топоры, тесла, см.: рис. 5, 23, 30, 31). Для памятников с сергеевской керамикой характерно разнообразие шлифованных изделий (топоры, тесла, см.: рис. 6, 18, 19; ножи, см.: рис. 6, 9; наконечники стрел, см.: рис. 6, 4, 5, 11–17; украшения); отмечается применение шлифовки для изготовления тесловидных инструментов

небольших размеров (Осиновка, Сергеевка-1, Чертовы Ворота, Шекляево-7) (рис. 6, 6–8, 10). Скорее всего данные особенности обусловлены причинами хронологического порядка и отражают смену приоритетов в использовании разных техник обработки камня. Кроме того, некоторые изделия, характерные для памятников с руднинской керамикой (например, так называемые скребки “руднинского типа”: рис. 5, 12–14), перестают играть ведущую роль для комплексов с керамикой сергеевского типа или вообще исчезают.

Представительная информация имеется по долговременным жилым конструкциям, сопровождающим оба типа керамики. Всего в настоящее время раскопано (полностью или частично) 15 жилищ руднинской культуры: Рудная Пристань – 10 жилищ; Дворянка-1, Новотроицкое-2, Сергеевка-1, Чертовы Ворота и Шекляево-7 – по одному жилищу. Для них характерны котлованы квадратной (подквадратной) или прямоугольной формы. По площади выделяется три группы жилищ – до 10, 20–35 и 70–140 м². В центре жилища или близко к нему обязательно расположен очаг. Конструкции очагов разнообразны: без специального устройства очажного места; в земляных углублениях; в деревянном ящике с подсыпкой песка; на глиняной площадке; в яме с каменной обкладкой. Дно котлованов, как правило, ровное, без специальной подсыпки или обмазки. Для некоторых жилищ (Рудная Пристань, Сергеевка-1) характерны ступенчатые выходы (ниши), примыкающие к стенкам, и каменные площадки (кладки, шлейфы), оформляющие внешний периметр котлована или пространство вокруг него. Столбовая конструкция кровли укреплялась в ямах, расположенных по периметру и в центре котлована; встречаются ямы с каменной забутовкой. Приведенные характеристики показывают, что конструкции жилищ, содержащие керамику руднинского и сергеевского типов, схожи между собой, причем даже в таких специфических деталях оформления котлованов, как боковые выходы/ниши и каменные площадки/шлейфы.

Ключевым в понимания руднинской и сергеевской керамики как культурно-хронологических типов является выяснение их хронологии. К настоящему времени получена серия радиоуглеродных (¹⁴C) дат (табл. 1), согласно которым керамика руднинского типа укладывается в интервал 7700–7300 лет назад (л.н.), сергеевского – 7100–5900 л.н. Для калибровки ¹⁴C-дат использована шкала IntCal04 (Reimer et al., 2004), доверительный интервал – ± 2 сигма; все возможные календарные интервалы объединены (табл. 1). Календарный возраст составляет для руднинского типа около 6700–6100 гг. до

н.э.; для сергеевского – около 6200–4600 гг. до н.э. (табл. 1).

Возраст образца памятника Дворянка-1 (СОАН-5902, табл. 1) оказался древнее, чем все остальные даты комплекса керамики сергеевского типа; учитывая, что это единичный случай, его можно в настоящее время не принимать во внимание. Необходимо также иметь в виду, что ¹⁴C-даты, полученные по пищевому нагару (памятник Устиновка-8; табл. 1), минимальные, так как часто этот материал дает заведомо удвоенный ¹⁴C-возраст (см., например, Fischer, Heinemeier, 2003).

Безусловно, без дальнейшего увеличения количества ¹⁴C-дат предложенная хронология предварительная, однако уже сейчас можно говорить о более раннем возрасте комплексов с руднинской керамикой и более позднем – с сергеевской. Не противоречит этому и поздний облик сергеевской керамики по сравнению с руднинской: усложнение морфологии сосудов, большее разнообразие типов и композиционного строения орнамента, появление налепного орнамента (Батаршев, 2008; Батаршев, Попов, 2008).

Учитывая хронологическую последовательность керамических типов и наличие общих (связующих) элементов (прежде всего технико-технологический цикл производства, приемы и принципы орнаментации сосудов), можно интерпретировать их как культурно-хронологические типы, соответствующие двум *хронологическим вариантам (этапам)* руднинской культуры (Батаршев, 2005; 2008). Различия между руднинским (первая половина VII тыс. до н.э.) и сергеевским (начало VII – середина V тыс. до н.э.) этапами четко проявились в керамике как наиболее динамичной археологической структуре, в меньшей степени – в каменном инвентаре и практически не отразились в конструктивном устройстве жилищ. В связи с этим, на наш взгляд, пока нет оснований выделять сергеевский вариант в отдельную культуру, как это в свое время предлагали В.А. Лынша (1989) и Д.А. Сафиров (1985). Территория распространения памятников руднинского и сергеевского вариантов включает восточное, центральное и западное Приморье. Судя по публикациям, памятники с керамикой сергеевского типа известны также в Северо-Восточном Китае: Ванлихотун (Алкин, 1992), Даобэйшань (У Вэйкэ и др., 1987), Синькайлю (Tan et al., 1995), памятник в районе г. Дуннин (Алкин, 1992).

Учитывая широкое (по всей видимости) распространение руднинских памятников в Северо-Восточном Китае, следует с особым вниманием отнестись к проблеме использования гончарами руднинской культуры шамота для отошения кера-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты руднинской культуры Приморья

Тип керамики	Памятник	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Календарный возраст, гг. до н. э.	Индекс и № даты	Материал	Источник информации
Руднинский	Лузанова Сопка-2	7320 ± 40	6250–6070	IAAA-32076	Пищевой нагар на керамике	Попов, Батаршев, 2007
	Рудная Пристань	7390 ± 100	6430–6070	ГИН-5984	Древесный уголь	Дьяков, 1992
Сергеевский	Дворянка-1	7550 ± 60	6500–6250	ГИН-5631	То же	Клюев, Гарковик, 2008
		7690 ± 80	6680–6420	ГИН-5983	»	
		7615 ± 180	7030–6080	СОАН-5902	»	
					»	
	Новотроицкое-2	6920 ± 50	5970–5720	SNU07-257	»	Клюев, Гарковик, 2008
	Сергеевка-1	6700 ± 80	5730–5490	AA-60608	Пищевой нагар на керамике	Попов, Батаршев, 2007
	Устиновка-8	6770 ± 50	5740–5570	ТКа-13433	Пищевой нагар на керамике	Kunikita et al., 2007
		6830 ± 50	5830–5630	ТКа-13432		
		6890 ± 50	5890–5670	ТКа-13430		
		7020 ± 90	6050–5730	ТКа-13431	(даты по одному сосуду)	
	Чертовы Ворота	5890 ± 45	4900–4620	ЛЕ-4181	Кость животного	Кузьмин и др., 1995
		6380 ± 70	5480–5220	МГУ-504	Древесный уголь	
					То же	
					Кость животного	
	Шекляево-7	6575 ± 45	5620–5480	СОАН-1083	То же	Kuzmin et al., 2002 Kluyev et al., 2007
		6710 ± 105	5830–5470	ЛЕ-4182	То же	
		6825 ± 45	5790–5630	СОАН-1212	То же	
		7010 ± 95	6050–5720	TERRA-b011300a36	»	
		7110 ± 95	6210–5780	TERRA-b011300a37	»	
		6045 ± 50	5200–4800	AA-60055	Древесный уголь,	
		6120 ± 45	5210–4940	AA-60054	Обугленный	
		6200 ± 50	5300–5030	AA-60057	маньчжурский орех	
		6280 ± 50	5370–5070	AA-60056		
		6455 ± 50	5490–5320	AA-60059		

мического теста. Шамотная керамика встречается на руднинских памятниках центрального, западного и южного Приморья; памятники восточного Приморья ее не содержат. По данным С.В. Алкина (1992), сергеевская керамика китайских памятников изготовлена из глины с примесью песка или дробленой породы. Таким образом, традиция отошения керамики шамотом территориально связана с приханкайским ареалом руднинской культуры, причем здесь она прослеживается в обоих ее вариантах. В целом же для среднего неолита юга Дальнего Востока характерно использование рецептуры “глина+песок”, что обусловлено особенностями минерально-сырьевой базы региона и высокой функциональностью изделий из этого сырья, поэтому отошение глиняного теста минеральной примесью рассматривается исследователями как региональная традиция в гончарстве Приморья и Приамурья (Жушиховская, 2004). В неолите Нижнего Приамурья минералогенная технология предполагает широкое использование как песка, дрес-

вы, гравия, так и шамота (Мыльникова, 1999). В Приморье же шамотная примесь встречается крайне редко, а ее массовое использование прослеживается только в керамике сергеевского типа. Однако показательно, что шамот содержится и в керамике руднинского типа на памятниках, тяготеющих к границам Ханкайской равнины, т.е. западного ареала руднинской культуры, который (в отличие от восточного ареала) легко доступен для проникновения как с севера (из Нижнего Приамурья), так и с юга-запада (из Северо-Восточного Китая) (рис. 1). Все это свидетельствует о пришлое характере шамотной технологической традиции в руднинской культуре.

Предложенная концепция не претендует на завершенность; многие ее положения нуждаются в дополнительных исследованиях и аргументах. Ниже хотелось бы остановиться на наиболее дискуссионной проблеме – однородности (однокультурности) керамики, объединяемой нами в сергеевский тип. Выше отмечалось, что внутри сергеевского типа по

Таблица 2. Соотношение типов сосудов на памятниках сергеевского варианта руднинской культуры

Памятник*	Тип памятника	Характер объекта	Типы сосудов**			
			1	2	3	4
Дворянка-1	Поселение	Жилище	+++	—	—	—
ЛЗП-3-6	Стоянка	Жилая площадка	—	++	++	++
Лузанова Сопка-5	»	Следы пребывания	—	++	—	—
Новотроицкое-2	Поселение	Жилище	+++	—	—	—
Осиновка	Стоянка	Следы пребывания	+++	+++	++	—
Рудная Пристань	Поселение	Жилище (№ 9)	+++	—	—	++
Сергеевка-1	»	Жилище	+++	+++	++	++
Устиновка-8	Стоянка	Следы пребывания	—	++	++	—
Чертовы Ворота	Поселение	Жилище	—	++	+++	—
		Жилая площадка	?	?	—	?
Шекляево-7	»	Жилище	+++	+++	+++	++

* Учтены только те памятники, на которых проводились раскопки.

** По отношению к другим типам сосуды данного типа представлены: массово (+++), единично (++), отсутствуют (—), соотношение типов неясно (?).

сочетанию морфологии и особенностей орнаментации можно выделить несколько типов сосудов. В жилищах памятников Дворянка-1 и Новотроицкое-2 распространены сосуды 1-го типа; в жилищах Рудной Пристани и Чертовых Ворот преобладает соответственно посуда 1-го и 4-го типов; в жилищах Сергеевки-1 и Шекляево-7 представлены практически все типы (табл. 2).

Впервые данную особенность попытался объяснить А.М. Кузнецов (2002), разделивший неолитические материалы пещеры Чертовы Ворота на два разнотипных комплекса. В первый комплекс исследователь объединил керамику, украшенную отпечатками штампов, во второй — керамику с наклепным орнаментом (валики, “защипы”). Основным аргументом в разделении керамики стали наблюдения над структурой культуросодержащих отложений. Керамика со штампованной орнаментацией локализована в предвходовой части пещеры, керамика с наклепным орнаментом — в жилище в ее глубине. Материалы из предвходовой части отнесены к собственно руднинской культуре, а из жилища — к более поздней культуре, определенной предварительно “как чертоворотский эпизод неолита Приморья” (Кузнецов, 2002. С. 28). В последующие годы керамика, украшенная наклепным орнаментом, была найдена еще на нескольких памятниках: ЛЗП-3-6, Синий Гай-4, Устиновка-8 и Шекляево-7 (Клюев и др., 2003; Клюев, Пантюхина, 2006; Крупяно, 2008; Морева и др., 2002), причем везде она залегала вместе с керамикой, украшенной штампованным орнаментом. Оказалась она и в небольших коллекциях ранее изученных памятников Осиновка, Петровичи и Сиротинка (Морева и др., 2002).

В последнее время появилась еще одна точка зрения на проблему однородности керамики сергеевского типа. Н.А. Клюев и А.В. Гарковик (Гарковик, Клюев, 2007; Клюев, Гарковик, 2006; 2008) по результатам исследований серии памятников в центральном (Шекляево-7, ЛЗП-3-6, Новотроицкое-2) и западном (Дворянка-1) Приморье предложили концепцию “шекляевской культуры”. На этих поселениях получена керамика, полностью соответствующая основным признакам сергеевского типа. Однако в заполнении жилищ двух памятников (Дворянка-1 и Новотроицкое-2) встречены только сосуды 1-го типа (табл. 2). Последнее обстоятельство и стало основным аргументом при обособлении некоторой части керамики сергеевского типа в отдельную культуру.

Основное отличие керамики “чертоворотского эпизода” и “шекляевской культуры” от сергеевского варианта руднинской культуры заключается в некоторой избирательности приемов нанесения и типов орнамента. В первом случае это выполнение орнамента исключительно приемами наклепа, во втором — применение ограниченного набора типов орнамента, нанесенных штампованием (“птички”, гребенка). При этом все остальные признаки рассматриваемых керамических комплексов (техника и технология производства керамики, формы сосудов, принципы размещения декора) идентичны.

Каким же образом можно объяснить нахождение в жилище Чертовых Ворот сосудов, украшенных только наклепными валиками и “защипами”, а в жилищах Дворянка-1 и Новотроицкое-2 — сосудов, украшенных комбинациями из отпечатков “птичек”, скобок и гребенки? На наш взгляд, данная ситуация, являясь по существу проблемой *процес-*

суальной, отражает индивидуальные предпочтения древних мастеров, реализуемые через возможность выбора конкретных приемов и инструментов нанесения декора. Другие стороны производственного процесса древнего гончарства (технично-технологический цикл, морфология сосудов, принципы размещения орнамента) жестко регламентированы традицией и менее подвержены изменениям. На таких памятниках, как Чертовы Ворота, Дворянка-1 и Новотроицкое-2, раскопаны жилища с инвентарем, демонстрирующим сравнительно короткий период пребывания людей, прерванный катастрофическим событием (пожар и гибель жилища). Соответственно этому посуда, найденная на полу жилищ, может являться продукцией одного или нескольких (двух-трех) мастеров, изготовивших ее по одной стандартной схеме. Например, И.С. Жущиховская по особенностям оформления сосудов из жилища Чертовых Ворот выделила “рабочий почерк” трех мастеров, которые, по всей видимости, и обеспечивали потребности его обитателей в посуде (2004. С. 162–167). В жилищах, где фиксируется продолжительный период проживания (как минимум несколько зимних сезонов), керамика очень многочисленна, изготовлена в разное время и разными мастерами; именно в таких жилищах находят посуду с разнообразной орнаментацией (Рудная Пристань, жилище № 9; Сергеевка-1; Шекляево-7). Также возможно, что разные типы сосудов отражают изменение сергеевской керамики во времени, но подтверждающие это данные пока отсутствуют. Интересно, что в редких случаях встречаются сосуды, совмещающие разные приемы и типы орнаментации. Так, на памятнике Сергеевка-1 найден фрагмент сосуда, орнаментированный гребенчатым штампом и налепным валиком; в коллекции памятника Сиротинка есть венчик, украшенный оттисками веревки и ромбического штампа, и т.п. На наш взгляд, это еще раз подтверждает принадлежность разных типов сосудов к единому сергеевскому культурно-хронологическому типу.

Логика предшествующего изложения позволяет подойти к определению руднинской культуры на формально-типологическом уровне как *локальной археологической демикультуры среднего неолита*, занимающей территорию восточного, западного и частично южного Приморья и восточной части Маньчжурии. Четко выделяются два ареала распространения памятников руднинской культуры: 1) восточный (восточные макросклоны Сихотэ-Алиня) и 2) западный или приханкайский (территория Ханкайской равнины и примыкающих к ней предгорий). В таком виде руднинская культура органично вписывается в круг локальных культур среднего неолита юга Дальнего Востока, отличительной чертой которых является традиция штамповой орнаментации керамики, которая тем не менее индивидуальна для каждой из конкретных культур.

В Приморье к ним относятся руднинская и бойсманская культуры (Морева, 2005), а также дискретные веткинский (Морева и др., 2008) и протобойсманский (Морева, 2005) комплексы, которые пока еще не получили аргументированной культурной интерпретации; в Нижнем Приамурье это маринская (Медведев, 2007), кондонская (Медведев, 2005; Шевкомуд, 2003) и малышевская (Медведев, 2005; 2007) культуры. Ранее для обозначения сходных комплексов штамповой керамики Приморья и Приамурья ряд авторов использовал термин “кондонская культура/общность” (Бродянский, 1980; 1987; Кузнецов, 1981; Алкин, 1992). Мы предлагаем рассматривать *все локальные культуры и дискретные культурно-хронологические типы керамики со штамповой традицией орнаментации* среднего неолита Приморья, Нижнего Приамурья и восточной Маньчжурии в рамках единой “культурной области”, а не “общности”. Понятие “общность” предполагает родство входящих в нее структур, а “область” дает представление о географическом регионе, где по ряду причин в определенный промежуток времени формируется комплекс сходных признаков в материальной культуре и хозяйстве нескольких, не обязательно родственных, археологических культур (рис. 1).

Мы благодарны С.А. Коломийцу (Владивосток) за возможность использовать материалы из его личного архива по памятнику Рудная Пристань. Данная работа частично поддержана РФФИ, грант № 06-06-80258.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алкин С.В. “Кондонская” культурная общность: новые материалы и перспективы исследования // VI Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992.
- Батаршев С.В. Руднинская археологическая культура в Приморье: хронологические варианты и межкультурные связи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.
- Батаршев С.В. Керамика сергеевского типа в неолите Приморья: проблемы выделения и культурно-хронологической интерпретации // Столетие великого АПЭ (К юбилею академика Алексея Павловича Окладникова). Владивосток, 2008.
- Батаршев С.В., Крупяно А.А. Осинковский холм: по следам А.П. Окладникова // Окно в неведомый мир. Новосибирск, 2008.
- Батаршев С.В., Морева О.Л., Попов А.Н. Керамический комплекс поселения Осиновка и проблема раннего

- неолита Приханкайской низменности // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003.
- Батаршев С.В., Попов А.Н.* Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3.
- Бродянский Д.Л.* Неолит Приморья // Тихоокеанская археология. Владивосток, 1980.
- Бродянский Д.Л.* Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987.
- Гарковик А.В., Клюев Н.А.* Неолит континентального Приморья по материалам исследований 2003–2005 гг. // Россия и АТР. 2007. № 2.
- Гребенчиков А.В., Деревянко Е.И.* Гончарство древних племен Приамурья. Новосибирск, 2001.
- Деревянко А.П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.
- Дьяков В.И.* Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток, 1992.
- Жутиховская И.С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток, 2004.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В.* К вопросу о культурной принадлежности неолитического комплекса памятника Дворянка-1 в Приморье // Россия и АТР. 2006. № 4.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В.* Новые данные о неолите Приморья (по материалам исследований 2000-х гг.) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря. Владивосток, 2008.
- Клюев Н.А., Янишина О.В., Кононенко Н.А.* Поселение Шекляево-7 – новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. 2003. № 4.
- Клюев Н.А., Пантюхина И.Е.* Новые памятники раннего неолита Приморья (стоянка ЛЗП-3-6) // Пятые Гродековские чтения. Ч. 1. Хабаровск, 2006.
- Крупянюк А.А.* Долина реки Зеркальной: вверх по течению // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток, 2008.
- Кузнецов А.М.* Каменный век юго-западного Приморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
- Кузнецов А.М.* Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота и некоторые проблемы неолита Приморья // РА. 2002. № 2.
- Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Сулержницкий Л.Д., Джалл Э.Дж.* Радиоуглеродная хронология древних культур эпох камня и бронзы Приморья (Дальний Восток России) // РА. 1995. № 3.
- Лынина В.А.* Сергеевка-1 – новая неолитическая стоянка на юге Приморья // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Уссурийск, 1989.
- Медведев В.Е.* Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Медведев В.Е.* Общее и особенное в неолите юго-западной и северо-восточной частей Нижнего Приамурья // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 1. Иркутск, 2007.
- Морева О.Л.* Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.
- Морева О.Л., Батаршев С.В., Попов А.Н.* Керамический комплекс эпохи неолита с многослойного памятника Ветка-2 (Приморье) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток, 2008.
- Морева О.Л., Попов А.Н., Батаршев С.В.* Взаимовлияние ранне-неолитических культур Приморского края (по керамическим материалам) // Традиционная культура востока Азии. Вып. 4. Благовещенск, 2002.
- Мыльникова Л.Н.* Гончарство неолитических племен нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). Новосибирск, 1999.
- Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М., 1991.
- Окладников А.П.* Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953–1956 гг. // Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959.
- Окладников А.П.* Древнее поселение в бухте Пхусун // Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
- Попов А.Н., Батаршев С.В.* Материалы руднинской культуры на памятнике Лузанова Сопка-2 в Западном Приморье // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. II. Иркутск, 2007.
- Сапфиров Д.А.* Проблема руднинской культуры Приморья // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1985.
- Татарников В.А.* К вопросу о выделении памятников кондонской культуры в Приморье // Археология и этнография в Восточной Сибири. Иркутск, 1978.
- Татарников В.А.* Неолитическая стоянка в пещере Чертовы Ворота (северо-восточное Приморье) // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983.
- У Вэйкэ, Лю Хуаньсинь, Чан Чжунцян.* Неолитический комплекс Даобэйшань, г. Цзиси // Бэйфан Вэнь. 1987. № 3 (на кит. яз.).
- Шевкомуд И.Я.* Кондонская неолитическая культура на Нижнем Амуре: общий обзор // Проблемы археоло-

- гии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003.
- Fischer A., Heinemeier J.* Freshwater reservoir effect in ^{14}C dates of food residue on pottery // *Radiocarbon*. 2003. V. 45. № 3.
- Kluyev N.A., Yanshina O.V., Kim Jae-Yoon.* An introduction of the recent Neolithic materials in the Maritimes of Siberia // *Open Debates in Archaeology*. V. 1. Pusan, 2007 (на кор. яз.).
- Kunikita D., Yoshida K., Miyazaki Y. et al.* Analysis of radiocarbon dates of an archaeological site in the Russian Far East: the marine reservoir effect as seen on charred remains on pottery // *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B*. 2007. V. 259.
- Kuzmin Y.V., Richards M.P., Yoneda M.* Palaeodietary patterning and radiocarbon dating of Neolithic populations in the Primorye Province, Russian Far East // *Ancient Biomolecules*. 2002. V. 4. № 2.
- Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E. et al.* IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // *Radiocarbon*. 2004. V. 46. № 3.
- Tan Y., Sun X., Zhao H. et al.* The Neolithic in Heilongjiang Province // *The Archaeology of Northeast China*. L., 1995.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В СВЕТЕ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

© 2010 г. Н.Л. Моргунова*, А.А. Выборнов**, Н.Н. Ковалюх***, В.В. Скрипкин***

* Оренбургский государственный педагогический университет (nina-morgunova@yandex.ru)

** Самарский государственный педагогический университет

*** Институт геохимии окружающей среды НАН Украины, г. Киев

Ключевые слова: энеолит, абсолютная хронология Поволжья, Южное Приуралье, степь, лесостепь, прикаспийская культура, самарская культура, хвалынская культура, токский и турганикский типы, ямно-репинские памятники.

The authors used radiocarbon dating of pottery from Eneolithic cultures in the Volga-Urals interstream area. The about 50 dates that were obtained were then compared with ^{14}C dates obtained from other material found at sites belonging to the Samara, Caspian and Khvalynsk cultures, and also to cultures of the steppe zone of Eastern Europe. The authors have arrived at the conclusion that the process of Eneolithization and transition to the Bronze Age in the Volga and Urals regions took a rather long period of time, from the second half of the 6th millennium BC till the end of the 5th millennium BC (calibrated). The radiocarbon dates for the early Eneolithic materials (of the Caspian and S'ezzhee types) synchronize with late Neolithic sites, which fact allows to consider both within the limits of the neo-Eneolithic stage, the chronological boundaries whereof are within 5400 to 4800 BC. The following Eneolithic stage is connected with the development (possibly with the arrival) of the Khvalynsk culture, and also with the emergence of sites of the Ivanovskaya, Tok, Altata and other types, which followed the local traditions of cultural development. The chronological boundaries of the period are determined as 5000 to 4300 BC. Radiocarbon dating of pottery of the Turganik and Repino types determined the time of their existence as the 4th millennium BC.

Проблема выделения энеолитических культур на территории степной и лесостепной зон волго-уральского междуречья принципиально по новому была поставлена в 70-е годы XX в. после открытия таких выдающихся памятников, как Съезжинский, Хвалынский и Хлопковский могильники (Васильев, Матвеева, 1979; Васильев, 1981; Малов, 2008). Несколько ранее была выделена прикаспийская культура на территории Нижнего Поволжья (Мелентьев, 1976. С. 13, 14). В предшествующие годы к энеолиту относили древнейшие подкурганные погребения ямной культуры. Энеолитический характер самарской и прикаспийской культур обосновывался не только новизной погребальной обрядности и всех культурных компонентов в сравнении с неолитом, но и широким кругом их контактов, в том числе с ареалом северо-причерноморских культур, близких к балкано-карпатскому центру древнейшей металлургии. Таким образом, были обоснованы два этапа степного энеолита Восточной Европы – мариупольский и хвалынско-среднестоговский, – каждый из которых содержал по ряду культурных образований, близких друг другу по многим признакам погребального обряда и инвентаря, а также по элементам хо-

зяйственного уклада и духовной сферы (Васильев, Синюк, 1985; Мерперт, 1980. С. 6 и сл.).

Открытие новых памятников позволило углубить представления о развитии энеолитических культур в Поволжье и Приуралье. Было выделено два этапа самарской культуры: съезжинский и ивановский (Моргунова, 1980; 1984а). В последующие годы новые поселенческие и погребальные памятники прикаспийской, самарской и хвалынской культур были открыты по всей территории волго-уральского междуречья. Помимо концепции И.Б. Васильева представлена точка зрения о хронологической синхронности памятников съезжинского и хвалынского круга (Барынкин, 1992; Пестрикова, 1987). С этими взглядами отчасти солидарны и некоторые другие исследователи (Ставицкий, Хреков, 2003; Ставицкий, 2006).

Факты, подтверждающие хронологический приоритет памятников прикаспийского и съезжинского типа по отношению к материалам хвалынской культуры и ивановского типа (II этапа самарской культуры), неоднократно излагались в достаточно аргументированной форме (Васильев, 1981; 2003; Моргунова, 1984а; 1995).

Приведем их суммарно: типологические различия в погребальной обрядности и в различных категориях артефактов, в том числе в керамике; аналогии одних в мариупольском круге памятников, других – в среднестоговском ареале; находки хвалынской керамики (в виде импорта) на памятниках II этапа самарской культуры (Ивановка, Турганинская, Лебяжинка VI; Гундоровка и др.) и ее отсутствие на памятниках съезжинского типа (Лебяжинка III, Виловатое, Съезжее); появление шнуровой орнаментации на керамике II этапа самарской; стратиграфические наблюдения А.И. Юдина на стоянке Кумыска, где слой с керамикой хвалынской культуры и алтатинского типа залегает выше слоя с прикаспийской керамикой; стратиграфические данные в западных от Волги памятниках (поселение Раздорское I, памятники Среднего Дона, могильники мариупольского типа), согласно которым материалы мариупольского типа предшествуют среднестоговским.

Данные наблюдения, сделанные на основании археологических методов, на наш взгляд, должны иметь решающее значение в работе над периодизацией степного энеолита. Они свидетельствуют о том, что на всей территории распространения культур мариупольской и хвалынской-среднестоговской КИО первые, в целом, предшествовали последним. При этом не исключается возможность некоторого сосуществования в отдельных районах неолитических и мариупольских, поздних мариупольских и хвалынской-среднестоговских, поздних хвалынской-среднестоговских и раннеямных культурных групп (Васильев, 2003; Юдин, 2006; Телегин, 1999).

Наряду с проблемой периодизации степного энеолита решались и вопросы хронологии волго-уральских энеолитических культур (Васильев, 1981. С. 58–66; Моргунова, 1995). Первоначально это было возможно лишь путем сопоставления с уже имевшейся хронологией земледельческих культур Северного Причерноморья и на основании уже достаточно разработанной хронологии ямной культуры. И.Б. Васильев датировал хвалынскую культуру второй половиной IV тыс. до н.э. по традиционной хронологии или второй половиной V – началом IV тыс. до н.э. в калиброванном значении (1981. С. 58–64). Тогда же появились первые ^{14}C -даты по Хвалынскому могильнику, подтвердившие его синхронизацию с Трипольем А – VI (Агапов и др., 1990. С. 85–87). Следует подчеркнуть, что при этом во внимание принимались, прежде всего, даты, полученные по костям человека. Даты по раковине выглядели значительно более удревленными. В дальнейшем в других независимых лабораториях были получены ^{14}C -даты по костному материалу II Хвалынского могильника, которые в целом подтвердили первоначальные выводы (Телегин и др., 2001. С. 129; Шишлина, 2007. С. 380).

Таким образом, на протяжении 80–90-х годов XX в. и по настоящее время проблема периодизации и хронологии энеолита волжско-уральского междуречья находилась в постоянной разработке, являясь одной из наиболее дискуссионных. Имевшиеся радиоуглеродные даты в силу своей малочисленности не столько способствовали решению данной проблемы, сколько, скорее, вносили еще большие разногласия в связи с их интерпретацией. Причина разногласий, на наш взгляд, заключалась и в том, что одни авторы в большей степени полагались на археологические материалы, другие же придавали особое значение радиоуглеродным датировкам. При этом еще раз необходимо подчеркнуть, что радиоуглеродных определений было явно недостаточно. Однако, опираясь на эти даты, ряд исследователей обратили внимание на хронологический разрыв между хвалынскими и ямными древностями, при этом оперируя датировками для классических ямных памятников развитого периода. Тем самым были поставлены под сомнение заключения о сложении ямной культуры на базе культур хвалынской-среднестоговской КИО. Например, из имевшихся всего четырех ^{14}C по ранней бронзе в Северном Прикаспии две были приняты во внимание (Кызыл-хак I и II: 3820 ± 28 ; 4107 ± 200), другие же (Кызыл-хак I и II: 4900 ± 40 ; 6090 ± 130) показались весьма удревленными (Барынкин, 1992. С. 22). Иными словами, ограниченность радиоуглеродных датировок привела к серьезным разногласиям среди исследователей в вопросах как культурного, так и хронологического определения процесса энеолитизации и перехода в этап ранней бронзы на территории Волго-Уралья.

В плане решения данных проблем авторами настоящей статьи были предприняты усилия для получения новых радиоуглеродных дат. Для радиоуглеродного датирования была взята керамика всех выделенных на сегодняшний день типов, которые исследователи относят к энеолитическому периоду. Всего было получено 54 новые ^{14}C -даты, которые публикуются впервые. Радиоуглеродные определения проводились в Институте геохимии окружающей среды НАН Украины по методике, уже достаточно освещенной в печати (Зайцева и др., 2008; Выборнов и др., 2008б; Ковалюх, Скрипкин, 2007).

Кратко остановимся на материалах, взятых для датирования, и на их археологическом аспекте.

Съезжинский могильник

Керамика памятника подразделяется на две группы. Обе группы отличаются не только типологическими признаками в форме и орнаментации, но и по технологическим особенностям, на основании ана-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников самарской культуры (I этап)

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Мог. Съезжее	Ki 14525	Кр	6760 ± 80²	5730–5610	5800–5510
2	Мог. Съезжее	Ki 14526	Кр	6580 ± 100	5630–5470	5670–5320
3	Мог. Съезжее	Ki 14527	Кр	5890 ± 90	4860–4670	4960–4520
4	Пос. Лебяжинка III	Ki 15581	Кр	5860 ± 90	4810–4590	4940–4490
5	Пос. Лебяжинка III	Ki 15579	Кр	5870 ± 80	4810–4600	4950–4490
6	Пос. Лебяжинка III	Ki 15580	Кр	6035 ± 80	5040–4800	5150–4720
7	Пос. Лебяжинка III	Ki 15577	Кр	5930 ± 80	4910–4870	5000–4590
8	Пос. Лебяжинка III	Ki 15582	Кр	6055 ± 80	5060–4840	5150–4770
9	Пос. Лебяжинка III	Ki 15578	Кр	6140 ± 80	5210–5160	5300–4900
10	Пос. Лебяжинка III ¹	ГИН 7248	У	6660 ± 50	5588–5490	
11	Пос. Лебяжинка III	ГИН 7087	Р	5960 ± 80	4938–4750	

Условные обозначения: кр – керамика, кж – кости животных, кч – кости человека, р – раковина, у – уголь даны для всех таблиц;

¹ № 10, 11: Тимофеев и др., 2004. С. 78.

² Здесь и далее в таблицах выделены даты, полученные авторами и публикуемые впервые.

лиза которых сделано заключение о связи первой группы с местным неолитом и о пришлое происхождении второй группы (Васильева, 1999. С. 201). Важно подчеркнуть, что оба типа керамики зафиксированы в комплексе на одних и тех же жертвенных площадках могильника. Для датирования были отобраны образцы из обеих групп. Первые два образца (табл. 1, № 1, 2) принадлежали сосудам II группы с меандровым орнаментом, один – I группе с гребенчатым орнаментом (табл. 1, № 3).

К сожалению, полученные даты не дали ожидаемых результатов. Расхождение между ними составило интервал почти в 800 лет, что вряд ли возможно в пределах одного небольшого (всего 10 погребений) могильника. В дальнейшем необходимо провести дополнительный ¹⁴C анализ как керамики, так и, по возможности, костяных предметов. Однако представляется, что в свете аналогий материалам Съезжей в Мариупольском могильнике, в свою очередь синхронном памятникам Триполья А, истина находится где-то посередине полученных значений. Например, по одному из вытянутых погребений № 124 Мариупольского могильника получены две ¹⁴C-даты: 6645±70 и 6480±70 (5600–5300 BC)¹ (Тимофеев и др., 2004. С. 118). Значительный интерес, особенно для решения вопроса о хронологическом соотношении вытянутых и скорченных погребений Мариупольского могильника, представляют три ¹⁴C-даты из погребения № 24 со скорченным положением скелета и с металлом. Даты абсолютно совпадают – 6320±70, 6370±75, 6345±65 (5300–5340 BC) (Котова, 2006. С. 150). В пределах 5400–4700 лет BC датируется ряд погребений Ясиноватовского, Никольского и Дериевского могильников (Тимо-

феев и др., 2004. С. 116; Телегин и др., 2001. С. 126), а также ряд памятников, относящихся к раннему этапу (А) трипольской культуры (Черных и др., 2000. С. 57, 58). Аналогичные ¹⁴C-даты известны для слоев с воротничковой керамикой, украшенной меандровыми композициями, нижнедонской энеолитической культуры с поселения Ракушечный Яр – 6440±35, 6320±40, 6300±90 л.н. (Тимофеев и др., 2004. С. 76; Белановская, 2000. С. 7, 8).

Поселение Лебяжинка III

Исследовано на р. Сок в Самарской обл. (Овчинникова, 1995). Важно, что этот памятник однослонен, культурный слой не нарушен более поздними поселениями. Вороничковая посуда отличается орнаментацией, выполненной длиннозубыми гребенчатыми штампами, отсутствием прочерченной техники и меандровых узоров, что в большей степени сближает ее с I группой керамики Съезжинского могильника. Особенности гончарной технологии также указывают на ее связь с местным неолитом. Относительная синхронизация поселения и Съезжинского могильника подтверждается ¹⁴C-датыми, полученными по фрагментам керамики от разных сосудов (табл. 1)². Получено шесть ¹⁴C-дат, значения которых приходятся на отрезок от 5860±90 до 6140±80. То есть временной интервал существования поселения мог достигать примерно 300–400 лет в пределах от 5200 до 4800 лет BC. Еще по одной дате были получены по углю и по раковине, которые были взяты из жилища поселения Лебяжинка III. Дата по раковине совпадает с полученными значениями по керамике. Дата по углю представляется

¹ В данной статье авторы придерживаются калиброванных значений датировок по всему тексту.

² Авторы выражают большую признательность Н.В. Овчинниковой за разрешение использовать в данной публикации полученные по керамике радиоуглеродные даты с поселения Лебяжинка III.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты прикаспийской культуры

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Буровая 41	Ki 14616	Кр	6880 ± 80	5840–5700	5920–5630
2	Буровая 41	Ki 14618	Кр	6790 ± 80	5740–5620	5840–5530
3	Курпеже-Молла	Ki 14831	Кр	6050 ± 80	5050–4840	5150–4770
4	Курпеже-Молла	Ki 14832	Кр	6020 ± 80	5000–4790	5080–4710

значительно более древней, что возможно связано с загрязнением образца во время отбора. Следует упомянуть и две даты для погребений, которые относят к кругу мариупольских, на стоянке Лебяжинка V – 6280±90 и 6510±80 (Васильев, Овчинникова, 2000. С. 220).

Таким образом, полученные даты по керамике съезжинского типа с учетом радиоуглеродных определений по памятникам мариупольского круга определяют время ее бытования в интервале крайних значений от 5600 до 4600 ВС, а в более узких, если отказаться от единичных самых древних и самых молодых дат, в пределах 5300–4800 лет ВС.

Прикаспийская культура

Для радиоуглеродного датирования отобраны образцы со стоянок Буровая 41 (Васильев, Выборнов, 1986. С. 12; Барынкин, Козин, 1998. С. 75. Рис. 5) и Курпеже-Молла (Барынкин, Васильев, 1985. Рис. 1, 2). Воротничковая керамика характеризуется орнаментальными композициями в виде меандров из прочерченных линий, заполненных отпечатками гребенчатого штампа, в том числе шагающей гребенкой.

Первые две даты совпадают с самой ранней датой по керамике с меандровыми композициями могильника Съезжее, две другие ближе к наиболее поздним датам для памятников съезжинского типа в Самарском Поволжье. Интересно, что получен-

ные даты по памятникам прикаспийской культуры соответствуют датировкам по керамике тентексорского типа, который связывают с поздним неолитом Северного Прикаспия (табл. 3).

Исследователи и ранее, основываясь на типологических особенностях тентексорской керамики, допускали ее параллельное сосуществование с прикаспийской традицией. Факт совместного залегания прикаспийской и керамики позднего этапа орловской культуры, находящей аналогии в тентексорских материалах, зафиксирован в верхнем слое Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004). Представленные ¹⁴C-даты подтверждают мнение о сосуществовании тентексорских, поздних орловских и прикаспийских групп населения Нижнего Поволжья в рамках переходного нео-энеолитического периода и, таким образом, находятся в соответствии со стратиграфическими данными Варфоломеевской стоянки, согласно которым прикаспийская и поздняя орловская керамика предшествуют хвалынской (Юдин, 2004). Согласно прежним ¹⁴C-датировкам наблюдалось обратное соотношение³. Новая серия

³ Следует заметить, что первые полученные ¹⁴C-даты по костному материалу из разных слоев Варфоломеевки отличались значительной противоречивостью. Они были опубликованы недостаточно корректно. В одних случаях даны значения только ВР, в других – только ВС (Тимофеев, Зайцева, 1997. С. 101). Поэтому их интерпретация была весьма затруднена.

Таблица 3. Радиоуглеродные даты памятников позднего неолита Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Тентексор III	Ki 14445	Кр	7005 ± 90	5930–5790	6030–5710
2	Варфоломеевка 2а	Ki 14612	Кр	5810 ± 80	4730–4550	4810–4460
3	Варфоломеевка 2а	Ki 14614	Кр	5870 ± 90	4810–4600	4950–4490
4	Варфоломеевка 2а	Ki 14613	Кр	6540 ± 80	5560–5460	5630–5340
5	Варфоломеевка 2а	Ki 14373	Кр	6860 ± 90	5810–5660	5920–5610
6	Варфоломеевка 2а	Ki 14371	Кр	6890 ± 80	5850–5700	5920–5630
7	Варфоломеевка 2а	Ki 14375	Кр	6970 ± 70	5910–5740	6020–5700
8	Тентексор I	Ki 14101	Кр	6640 ± 80	5630–5510	5720–5470
9	Тентексор I	Ki 14137	Кр	6630 ± 80	5630–5510	5720–5460
10	Кызыл-хак пос.	Ki 14443	Кр	6400 ± 90	5480–5300	5650–5050
11	Кызыл-хак пос.	Ki 14443	Кр	5905 ± 100	4860–4670	5050–4500

Примечание: № 1, 8–11: Выборнов и др., 2008а. С. 192; № 2–7: Юдин, 2008. С. 283.

^{14}C -дат получена по керамике, представляющей все слои (Юдин, 2008. С. 282–284). Для обсуждаемой нами проблемы наибольший интерес представляют 6 дат из слоя 2А, который относится к позднему этапу неолитической орловской культуры (табл. 3). Большинство дат в основном определяют время накопления культурного слоя 2А в пределах от 5900 до 5500 лет ВС. Они соответствуют данным по стоянкам Северного Прикаспия (Буровая 41). Две даты значительно более поздние – 4800–4500 лет ВС. Ориентируясь на преобладающие значения, А.И. Юдин полагает, что верхний (1) слой Варфоломеевки, содержащий керамику прикаспийского типа, может быть датирован второй половиной VI тыс. до н.э., что устраняет прежнее противоречие между радиоуглеродными датами и данными стратиграфии и подтверждает следующую последовательность этапов развития нижневолжского неолита-энеолита: сложение прикаспийской энеолитической культуры на местной неолитической основе и ее предшествование хвалынской культуре (Юдин, 2008. С. 284).

Таким образом, на основании проведенного радиоуглеродного датирования керамики и путем сопоставления полученных данных с имеющейся базой данных по сходным энеолитическим материалам мариупольского круга прикаспийская и самарская (I этапа) культуры датируются в интервале от 5400 до 4800 лет ВС.

Хвалынская культура

Первые ^{14}C -даты были получены по костям человека и по раковине из I Хвалынского могильника (Агапов и др., 1990. С. 85, 86). Их разброс был существенным, но в среднем калиброванном значении они датировали памятник первой половины V тыс. до н.э. (табл. 4). Позднее даты по II Хвалынскому могильнику, сделанные в Оксфордской лаборатории, в целом, подтвердили эти выводы.

Для радиоуглеродного датирования по керамике было взято три образца от сосудов хвалынского типа со стоянки Каиршак VI в Северном Прикаспии (Барынкин, 1989. С. 110). Они датированы в интервале 5000–4500 лет ВС (табл. 4). Аналогичный разброс дат получен по керамике со стоянки Кара-Худук (Барынкин, Васильев, 1988. С. 132). По одному образцу керамики хвалынского типа продатировано со стоянок Ивановская, Лебежинка IV и Гундоровская в Самарском Поволжье, на которых хвалынские сосуды единичны и залегают совместно с материалами II этапа самарской культуры – ивановского и тоцкого типов. Полученный временной интервал 5260–4540 лет ВС соответствует данным по стоянкам Каиршак VI и Карахудук в Северном Прикаспии. Несколько более поздней выглядит

дата по фрагменту хвалынской керамики ^{14}C -дата со стоянки Чекалино IV. Следует также упомянуть две ^{14}C даты, которые пока даны в предварительном варианте Н.М. Маловым (2008. С. 61), полученные для Хлопковского могильника – 6160 ± 60 и 6090 ± 70 ВР.

Таким образом, радиоуглеродные даты по керамическому материалу позволяют уточнить хронологические рамки существования хвалынской культуры – в пределах от 5000 до 4500 лет ВС. Судя по некоторым более поздним датам хвалынских материалов, возможно продолжение развития хвалынской культуры и во второй половине V тыс. до н.э. В целом, хронология хвалынской культуры выглядит позднее, чем хронология прикаспийской культуры, в то же время, допуская их сосуществование в период формирования хвалынской культуры. По археологическим компонентам культура была синхронизирована с памятниками среднестоговской культуры, а также с энеолитическими материалами Нальчикского могильника (Васильев, 1981). Данный вывод подтверждается при сравнении радиоуглеродных дат (Кореневский, 2008; Черных и др., 2000).

Самарская культура II этап

На данном этапе культура характеризуется *керамикой ивановского типа*. Типологически она впервые была выделена на Ивановском поселении и синхронизирована с хвалынской культурой (Моргунова, 1980; 1984б; 1986). Сосуды отличаются воротничковым окончанием венчика. В отличие от съезжинской посуды в орнаментации отсутствуют меандровые композиции, наряду с гребенчатым штампом для украшения сосудов использовалась веревочка.

Полученная ^{14}C -дата по керамике с Ивановского поселения 6100 ± 90 совпадает с ^{14}C -датами, сделанными по фрагменту хвалынского типа и по изделию из кости из слоя этого же поселения (табл. 5). Еще одна ^{14}C -дата по кости животного из этого же слоя моложе первых трех примерно на 500 лет и, возможно, она указывает на крайнее значение существования самарской культуры. Четыре даты по керамике ивановского типа получены со стоянок Турганинская, Кузьминковская и Гундоровская. В целом, калиброванный возраст данных материалов составил от 5100 до 4300 лет ВС и соответствует хронологии, установленной для хвалынских памятников. Хронологическое соответствие обеих культур и их близкие контакты были выявлены также в результате анализа технологических особенностей керамики ивановского и хвалынского типов (Васильева, 2006. С. 22).

Таблица 4. Радиоуглеродные даты хвалынской культуры

№	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Ивановское пос.	Ki 14514	Кр	6180 ± 90	5260–4490	5320–4900
2	Лебяжинка IV пос.	Ki 15427	Кр	5920 ± 90	4920–4780	5030–4540
3	Гундоровское пос.	Ki 14524	Кр	5790 ± 80	4720–4540	4810–4460
4	Чекалино IV пос.	Ki 15074	Кр	5260 ± 80	4230–4190	4260–3940
3	Хвалынский мог. I	УПИ-119	Кч	5903 ± 72	4902–4712	
4	Хвалынский мог. I	УПИ-132	Кч	6085 ± 193	5220–4790	
5	Хвалынский мог. I	УПИ-120	Кч	5808 ± 79	4770–4576	
6	Хвалынский мог. I	УПИ-122	Кч	4026 ± 57	2610–2464	
7	Хвалынский мог. I	Ki 2180	Р	7140 ± 150	6160–5800	
8	Хвалынский мог. I, п. 127	GrA26899	Кж	5840 ± 40	4779–4621	
9	Хвалынский мог. I, п. 149	GrA29178	Кж	5565 ± 40	4447–4360	
10	Хвалынский мог. II, п. 10	ОхА 4311	Кч	5790 ± 85	4763–4536	
11	Хвалынский мог. II, п. 18	ОхА 4314	Кч	6015 ± 85	5009–4794	
12	Хвалынский мог. II, п. 24	ОхА 4312	Кч	5840 ± 85	4795–4586	
13	Хвалынский мог. II, п. 34	ОхА 4313	Кч	5920 ± 80	4906–4709	
14	Хвалынский мог. II, п. 35	ОхА 4310	Кч	6040 ± 80	5047–4810	5300–4700
15	Каиршак VI пос.	Ki 14908	Кр	6070 ± 80	5070–4840	5000–4580
16	Каиршак VI пос.	Ki 14909	Кр	5920 ± 80	4860–4690	4810–4450
17	Каиршак VI пос.	Ki 14910	Кр	5780 ± 80	4720–4530	5250–4600
18	Кара-худук пос.	Ki 14907	Кр	5980 ± 90	4960–4770	4850–4490
19	Кара-худук пос.	Ki 14911	Кр	5820 ± 80	4730–4580	5040–4680
20	Кара-худук пос.	Ki 14912	Кр	5950 ± 80	4860–4770	

Примечание: № 3–7: Зайцева, Тимофеев, 1997. С. 108–116; № 8–14: Шишлина, 2007. С. 380.

Таблица 5. Радиоуглеродные даты материалов ивановского типа

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Ивановское пос.	Ki 15086	Кж	5440 ± 80	4360–4220	4460–4040
2	Кузьминки пос.	Ki 15066	Кр	5630 ± 70	4540–4360	4620–4330
3	Турганинское пос.	Ki 15067	Кр	5660 ± 70	4590–4440	4690–4350
4	Турганинское пос.	Ki 14516	Кр	5790 ± 90	4730–4530	4810–4450
5	Гундоровское пос.	Ki 14523	Кр	5840 ± 80	4790–4590	4860–4490
6	Ивановское пос.	Ki 14513	Кр	6100 ± 90	5080–4900	5280–4790
7	Ивановское пос.	ЛЕ 8413	Кж	5870 ± 130	4851–4550	5057–4452
8	Лебяжинка IV	Ki 15426	Кр	6100 ± 90	4920–4870	5030–4540
9	Лебяжинка I	Ki 14822	Кр	6240 ± 90	5310–5060	5500–4850

Помимо материалов самарской культуры нами были продатированы семь образцов воротничковой керамики со стоянок Нижнего Прикамья (табл. 6). Она встречается на многих памятниках этой территории наряду с позднеэнеолитическими материалами (Бадер, Выборнов, 1980; Васильев, Габяшев, 1982). Полученный временной интервал в пределах 4700–4100 лет ВС подтвердил представления о распространении традиции воротничковой керамики в северные лесостепные и лесные районы с юга. Однако этот процесс проходил с некоторым запозданием и приходился в основном уже на вторую половину II этапа самарской культуры.

На памятниках II этапа самарской культуры наряду с воротничковой керамикой ивановского типа

встречается безворотничковая керамика, которая по своим признакам продолжает традицию второй группы Съезжинского могильника. Она получила наименование *керамика токсского типа* (Моргунова, 1989. Рис. 4–6). Ранее на основании ее совместного залегания с керамикой ивановского типа предполагалась их синхронность. Данная керамика характеризуется высотными пропорциями сосудов и разреженной орнаментацией, выполненной широкозубыми гребенчатыми штампами как длинными, так и короткими. Получено пять ^{14}C -дат по керамике этого типа (табл. 7). Из них три даты по керамике из энеолитического слоя Ивановки практически совпадают и дают интервал ее бытования в пределах от 4000 до 3600 лет ВС. Согласно этим

Таблица 6. Радиоуглеродные даты воротничковой керамики Нижнего Прикамья

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Каен-тубинское пос.	Ki	Кр	5680±80	4620–4440	4710–4350
2	Каен-тубинское пос.	Ki	Кр	5620±80	4540–4350	4680–4330
3	Сауз II пос.	Ki	Кр	5560±90	4500–4330	4620–4220
4	Сауз II пос.	Ki	Кр	5410±90	4350–4210	4400–4030
5	Русский Азибей пос.	Ki	Кр	5540±90	4490–4320	4600–4050
6	Гулюговское пос.	Ki	Кр	5460±80	4370–4220	4460–4210
7	Татар. Азибей II пос.	Ki	Кр	5270±90	4170–3980	4260–3950

Таблица 7. Радиоуглеродные даты керамики токсского типа и погребений на Гундоровском поселении

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Турганикское пос.	Ki 14517	Кр	5830±70	4780–4590	4850–4500
2	Ивановское пос.	Ki 15068	Кр	4930±80	3800–3640	3950–3620
3	Ивановское пос.	Ki 15070	Кр	5070±80	3960–3780	4000–3690
4	Ивановское пос.	Ki 15089	Кр	4940±80	3800–3640	3960–3630
5	Лебяжинка IV	Ki 15583	Кр	5420±70	4350–4220	4370–4040
6	Гундоров. пос. п.9	ГИН 9042	Кч	5010±50	3930–3712	
7	Гундоров. пос. п.4	ГИН 9040	Кч	5080±40	3948–3808	
8	Гундоров. пос. п.10	ГИН 9041	Кч	5120±140	4080–3720	
9	Гундоров. пос. п.11	ГИН 9039	Кч	5130±50	3982–3812	

трем датам, казалось бы, сосуществование керамики токсского типа наряду с ивановским типом ставится под сомнение. Однако ^{14}C -даты по фрагменту из слоя Турганикской стоянки (5830 ± 70) и поселения Лебяжинка IV (5420 ± 70) вполне соответствуют датам по воротничковой керамике. Кроме того, обращают на себя внимание даты для погребений на Гундоровском поселении (Тимофеев и др., 2004. С. 78). Погребенные лежали в позе на спине и, судя по этому и по наличию в слое керамики как токсского, так и волосовского типа, они, вероятно, были связаны с пребыванием на поселении именно данных культурных групп (Васильев, Овчинникова, 2000. Рис. 34, 35). Данный вывод подтверждается радиоуглеродными датами (табл. 7), значения которых находятся в диапазоне от 4100 до 3700 лет ВС.

Поэтому следует предположить, что керамика токсского типа, во-первых, судя по ее взаимодействию с воротничковой керамикой, все же имела распространение на II этапе самарской культуры, во-вторых, данная линия развития гончарства имела продолжение и в дальнейшем, когда традиция изготовления воротничковой керамики уже была утрачена. Этот вывод подкрепляется заключением И.Н. Васильевой, что гончарная технология керамики токсского типа развивалась в рамках традиций, присущих средневожско-приуральскому региону начиная с неолита (2006. С. 23).

Этот же вывод ею сделан и еще для одной группы керамики из энеолитического слоя Ивановского

поселения – *керамики турганикского типа*, которая в сравнении с токсской обладает рядом своеобразных черт как в форме сосудов, так и в орнаментальных композициях (Моргунова, 1989). Однако по ряду признаков (гребенчатые штампы, примесь раковины и др.) она, без сомнения, имеет истоки в токсской керамике, что подтвердилось и технологическим анализом. По культуруобразующим элементам, находящим стадильное сходство с материалами репинской культуры и памятников типа Михайловка II, данная группа керамики была датирована раннеямным временем (Моргунова, 1984а). Для проверки этого заключения продатированы три фрагмента керамики турганикского типа из Ивановки (табл. 8). Две даты совпали – 4860 ± 80 и 4790 ± 80 – и дали интервал в пределах 3760–3500 лет ВС. Одна дата значительно древнее первых двух – 5920 ± 80 , т.е. она совпадает с датами керамики ивановского типа и с одной из дат токсского типа. Возможно, объяснение такому разбросу дат как по токсской, так и по турганикской керамике следует искать в их типологической близости.

Таким образом, радиоуглеродное датирование керамики токсского и турганикского типа выявило длительный период их существования во времени и в то же время преемственность и хронологический приоритет материалов токсского типа. В основном производство керамики турганикского типа, продолжавшее традиции лесостепного энеолита, приходится на начало раннего бронзового века и по времени совпадает с раннеямной (репинской) культурой.

Таблица 8. Радиоуглеродные даты керамики турганикского типа

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Ивановское пос.	Ki 15069	Кр	4860 ± 80	3760–3620	3950–3350
2	Ивановское пос.	Ki 14515	Кр	5920 ± 80	4860–4690	5000–4580
3	Ивановское пос.	Ki 15088	Кр	4790 ± 80	3660–3510	3710–3360

Раннеямные памятники

К сожалению, радиоуглеродных определений для ранних подкурганных памятников собственно ямной культуры известно немного (табл. 9). Подкурганные погребения в могильниках Вертолетное поле и Перегрузное дали разные даты. Одна из них синхронна датам хвалынской культуры, т.е. подтверждает мнение исследователей о возникновении подкурганного обряда в степной зоне в энеолите (Васильев, 1981; Малов, 2008; Юдин, 2006). Самая поздняя дата приходится на рубеж V и IV тыс. до н.э., что допускает, как предполагал И.Б. Васильев, развитие бережновской традиции и в позднем энеолите. В интервале от 4000 до 3000 лет ВС датируется ряд безынвентарных подкурганных погребений ямной культуры в Приднестровье, а также отдельные ^{14}C -даты в диапазоне 4500–4000 ВС для энеолитических подкурганных погребений (Иванова и др., 2005. С. 96, 97 и сл.). Поэтому вполне возможно, что и на территории степного Поволжья в рамках заключительного этапа энеолита, судя по датам в Перегрузном, Вертолетном поле и по датам для

предмайкопских памятников (Кореневский, 2006. С. 84–86), продолжалась линия развития хвалынской культуры, представленная подкурганными погребениями бережновского типа. К сожалению, ни одно из подкурганных погребений бережновского типа не датировалось радиоуглеродным методом, что позволяет усомниться в утверждениях об их полной синхронности Хвалынским могильникам. В противном случае не представляется возможным объяснить преемственность погребального обряда и многих категорий вещей ямной культуры от хвалынской культуры.

Вопрос о времени начала собственно ямной культуры раннего этапа многими связывается с формированием репинской культуры. Нами получены две даты по керамике репинского типа со стоянки Кзыл-хак II в Северном Прикаспии (Барынкин и др., 1998. С. 179–192. Рис. 3, 4). Их значения – 4550 ± 70 и 4730 ± 70 – достаточно близки, датируют памятник от 3500 до 3100 лет ВС. С учетом полученной ранее даты 4900 ± 40 по стоянке Кзыл-Хак I (табл. 9, № 14) нижняя дата существования репин-

Таблица 9. Радиоуглеродные даты памятников ямно-репинского типа

№ п/п	Комплекс	Шифр лаб.	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68%	Дата ВС 95%
1	Петровка КМ 1/1	Ki 14521	Кр	4730 ± 90	3640–3490	3750–3300
2	Кзыл-Хак II пос.	Ki 15092	Кр	4550 ± 70	3370–3100	3520–3020
3	Кзыл-Хак II пос.	Ki 15075	Кр	4730 ± 70	3540–3490	3650–3360
4	Кзыл-Хак I пос.	Ki 14542	Кр	4510 ± 80		3500–3000
5	Кзыл-Хак I пос.	Ki 14543	Кр	4540 ± 80		3500–3000
6	Лопатино I КМ к.31	Ki 14544	Кр	4750 ± 70	3700–3300	
7	Лопатино I КМ к.31	Ki 14545	Кр	4800 ± 80	3700–3300	
8	Лопатино I КМ к.31	АА 47804	Кч	4432 ± 66		
9	Перегрузное КМ 13/7	ИГАН2401	Кч	5890 ± 153	4940–4555	
11	Перегрузное КМ 13/7	GrA 19260	Кч	5430 ± 50	4339–4253	
12	Вертолетное поле М 1/12	ИГАН 2516	Кч	5180 ± 100	4200–3800	
13	Кзыл-Хак I пос. Кзыл-Хак I пос. Кзыл-Хак II пос. Кзыл-Хак II пос.	УПИ-428 УПИ-430 УПИ-557 УПИ-558	? ? ? ?	3820 ± 28 4900 ± 40 4107 ± 200 6030 ± 130		
14	Турганикское пос.	Ki 15597	Кр	4710 ± 80	3630–3370	3700–3300
15	Турганикское пос.	Ki 15598	Кр	5230 ± 90	4230–3960	4350–3800
16	Турганикское пос.	Ki 15599	Кр	5150 ± 90	4050–3790	4250–3700
17	Кзыл-Хак II пос.	ГИН ?	?	5050 ± 45		

Примечание: № 4–8: Кузнецов, Ковалюх, 2008. С. 194–199; № 9–12: Шишлина, 2007. С. 380; № 20: Лаврушин и др., 1998. С. 58.

ских комплексов может быть удревнена⁴. Кроме того, известна еще одна ранняя дата (5050±45) со стоянки Кзыл-хак II (табл. 9, № 20), которая раньше считалась значительно удревненной.

По керамике репинского типа, взятой из слоя бронзового века на Турганинском поселении, нами получены три ¹⁴C-даты, одна из которых дает примерный интервал от 3600 до 3400 лет BC, две другие – от 4200 до 3800 лет BC. Обращают на себя внимание три даты, полученные по костям человека (поза – вытянуто на спине) и по керамике репинского типа из одного погребения № 1 кургана 31 КМ Лопатино (Кузнецов, Ковалюх, 2008), которые совпадают с первой датой по Турганинскому поселению. Еще одна аналогичная дата получена нами по фрагменту сосуда репинского типа из кургана у с. Петровка в Приуралье. Ее значение 4730±90 BP (3640–3490 BC).

Полученные даты явно не решают проблему хронологии раннего этапа ямной культуры Поволжья и Приуралья, поскольку пока их немного. Однако, на наш взгляд, они указывают на достаточно протяженный период формирования ямной культуры, видимо, синхронный раннему этапу майкопской культуры. Однако имеется необходимость дальнейших радиоуглеродных исследований всех без исключения ямных подкурганых захоронений, в том числе и безынвентарных, что, возможно, позволит заполнить образовавшуюся лакуну между энеолитическими хвалынской и самарской культурами и классической ямной культурой, развитой этап которой по последним данным приходится на период 3300–2600 лет BC (Моргунова, 2007. С. 214).

Подводя итог исследованию, следует заключить, что процесс энеолитизации и перехода к бронзовому веку в Поволжье и Приуралье охватил достаточно продолжительный период — со второй половины VI тыс. до н.э. до первых веков IV тыс. до н.э. (в калиброванном значении). Синхронизация по радиоуглеродным датам материалов раннего энеолита и позднееэнеолитических памятников позволяет рассматривать и те и другие в рамках нео-энеолитического этапа, хронологические рамки которого определяются в пределах от 5400 до 4800 лет BC. Следующий энеолитический этап связан с формированием (возможно, с проникновением) хвалынской культуры, а также появлением памятников ивановского, токсского, алтатинского и других типов, которые продолжают местные традиции культурного развития. Хронологические рамки этого этапа определяются в пределах от 5000 до 4300 лет

BC. Проведенное радиоуглеродное датирование в некоторой степени позволило определиться с хронологией позднего этапа энеолита волго-уральского междуречья, который, видимо, должен занять интервал от 4300 до 3800 лет BC — между памятниками хвалынской культуры и ранним (репинским) этапом ямной культуры.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00148.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.
- Бадер О.Н., Выборнов А.А. Саузовская II стоянка в устье реки Белой и некоторые проблемы неолита – энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Барынкин П.П. Энеолитический памятник Каир-Шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж, 1985.
- Барынкин П.Н., Васильев И.Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кзыл-хак II – памятник ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Барынкин П.Н., Козин Е.В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Белановская Т.Д. Хронологическая характеристика многослойного поселения Ракушечный Яр // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000.
- Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
- Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура волго-уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4.
- Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара, 2000.

⁴ Даты по стоянкам Кзыл-Хак I и II (табл. 12, № 7–10), к сожалению, не опубликованы и не проанализированы должным образом, лишь упомянуты в автореферате диссертации (Барынкин, 1992. С. 22).

- Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
- Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург, 1999.
- Васильева И.Н. Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М., 2008а.
- Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. 2008б. № 4.
- Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. и др. Радиоуглеродное датирование керамики памятников неолита Евразии: проблемы и перспективы // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М., 2008.
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты памятников мезолита–энеолита юга европейской России и Сибири // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997.
- Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005.
- Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
- Корневский С.Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок – Мешоко – Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Котова Н.С. О начале контактов степного и предкавказского населения в эпоху раннего энеолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тысяч лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 6. Саратов, 2008.
- Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита – энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне волго-уральского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984а.
- Моргунова Н.Л. Турганинская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев, 1984б.
- Моргунова Н.Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Моргунова Н.Л. Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры (по данным Южного Приуралья) // Радиоуглерод в археологических исследованиях. СПб., 2007.
- Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Заволжья. Самара, 1995.
- Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век сурско-окского междуречья и верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2006.
- Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.
- Телегин Д.Я. К вопросу о нео-энеолитическом времени на юго-западе Восточной Европы // Матер. конф. “Етнічна історія та культура населення степу та лесостепу Єврозії”. Днепропетровск, 1999.
- Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск, 2001.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны европейской части России и Сибири (обзор источников) // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шокуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
- Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2006.
- Юдин А.И. Хронология неолита степного Поволжья в свете новых данных // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М., 2008.
- Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М., 2007.

КРАСНООЗЕРСКАЯ КУЛЬТУРА В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

© 2010 г. О.С. Шерстобитова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
ГБ Дирекция Национального археологического и природного парка "Батаково" (booholdoi@rambler.ru)

Ключевые слова: Среднее Прииртышье, поздняя бронза, взаимодействие культур, орнаментальные традиции сузгунской, ирменской, красноозерской керамики.

The article is based on the analysis of a specific pottery assemblage of the Krasnoozerkki culture. The pottery comes from settlements in the pre-taiga zone of the Middle Irtysh. Analysis of the pottery showed that its characteristics do not correspond to either the early Khutor-Bor or the late Inberen' stage of Krasnoozerkki culture, and that the pottery thus belongs to a transitional type. The development of the transitional type of Krasnoozerkki ware followed two main directions: 1 – modifying Khutor-Bor elements while keeping the Khutor-Bor ornamental schemes; 2 – including the autochthonous Late Bronze elements into the evolving Krasnoozerkki ornamental canon. Using the characteristics of the transitional Krasnoozerkki ware, the author studies the mechanisms and conditions of the transformation of Krasnoozerkki antiquities from one stage to another. The final evolution of the Inberen' ornamental canon took place in the forest-steppe, whereas the pre-taiga zone played the role of a certain "buffer area" (territorially and chronologically). In the author's opinion it is the Inberen' stage that reflects in full the specific characteristics of the archaeological culture. Hence the Krasnoozerkki culture as such can be correlated with the late Inberen' stage, whereas the Khutor-Bor stage and the transitional group which is the subject of the present article show the evolution of the original Krasnoozerkki ornamentation in the evolving culture.

Памятники красноозерской культуры обладают специфической топографо-хронологической особенностью: ранние (начального, хуторборского, этапа) приурочены к южнотаежной зоне, тогда как наиболее поздние (инберенские) располагаются главным образом в лесостепи. Основной причиной, побудившей меня обратиться к рассмотрению динамики развития красноозерских древностей, послужил ряд вопросов, до сего дня не нашедших ясного ответа и отчасти обострившихся в свете новых данных. Очевидно, что напрямую (не принимая во внимание внешних факторов формирования культуры) инберенский орнаментальный "шаблон" не выводим из основных признаков, свойственных керамике ранних хуторборских памятников. Это становится более явным при обозначении некоторых существенных черт, характеризующих каждый из этапов красноозерской культуры.

Начальный, хуторборский этап был выделен А.Я. Труфановым на материалах лесного Прииртышья (Хутор-Бор-I), где удалось зафиксировать первые контакты носителей "крестовой" посуды с местным сузгунским населением, когда "керамические традиции существуют во времени на одном памятнике в еще не смешанном виде" (1983. С. 74). Говоря об основных чертах, характеризующих

хуторборскую посуду, А.Я. Труфанов указал на "преобладание косоугольного штампованного креста, образующего различные геометрические элементы" (1983. С. 68).

Основные характеристики посуды инберенского этапа красноозерской культуры сводятся к следующему.

1. Наличие ряда довольно устойчивых сформированных орнаментальных моделей, которые, несмотря на различное соотношение между памятниками, вполне четко распределяются по нескольким группам ("сетчатая" керамика; керамика, украшенная многорядными горизонтальными линиями, выполненными гладким или гребенчатым штампом; посуда с луночной и отступающе-наколычатой техникой орнаментации, "елочная" и "псевдоструйчатая" (фигурноштампованная) группы). Из этих групп наиболее канонична посуда, украшенная многорядными горизонтальными линиями, которая, как правило, практически всегда преобладает на памятнике.

2. Обязательное присутствие горизонтальных рядов ямочных вдавлений, разделяющих орнаментальное поле сосуда как минимум на четыре-пять зон. Наравне с одинарными часты сдвоенные и строенные ямочные узоры.

3. Частое дублирование в пределах орнаментального поля одного сосуда композиций, размещенных на шейке и тулове.

Перечисленные особенности в полной мере соответствуют характеристикам всех известных на данный момент красноозерских (инберенских) памятников Прииртышья. В отличие от хutorборской группы, красноозерская посуда представляет собой *результат* взаимодействия пришлой (“крестовой”) и местной (сузгунской и ирменской¹) традиций (Труфанов, 1983. С. 76), когда в красноозерской орнаментике наряду с сузгунскими и ирменскими элементами нашли воплощение многие “возродившиеся” черты, восходящие еще к доандроновской эпохе: отступающая и прочерченная техника, ряды “шагающей” и “проташенной” гребенки (Труфанов, 1984. С. 67). Именно на инберенском этапе эти традиции, став *специфической чертой* красноозерской посуды, придали ей особый колорит, проявившийся в материалах лесостепных памятников (Инберень V–VII, Новотроицкое I).

Как видно из приведенных характеристик, налицо явная трансформация керамического комплекса по мере развития культуры; этот процесс сопровождался и определенными территориальными подвижками. На сегодняшний день нам не известны хutorборские памятники, расположенные южнее предтаежной зоны, в то время как северную границу распространения памятников инберенского типа характеризует городище Алексеевка XIX (раскопки С.Ф. Таурава), также расположенное в зоне предтайги (рис. 1).

В качестве основных компонентов, принявших участие в формировании собственно красноозерской (инберенской) посуды, традиционно фигурируют автохтонные по отношению к красноозерской сузгунская и ирменская традиции. Но основной вопрос, связанный с тем, *какие конкретно элементы* “перекочевали” в красноозерский комплекс и *в каком виде и степени* они в нем воплотились, пока остается без должного ответа, как и вопрос, касающийся *механизмов и условий* трансформации красноозерских древностей из одного этапа в другой. Поиску ответов поможет обращение к своеобразной группе красноозерской посуды, по своим характеристикам занимающей промежуточное положение между обозначенными этапами культуры. Речь пойдет о переходном типе.

Рис. 1. Карта Омской обл., расположение памятников: 1 – Красноярский археологический комплекс (Усть-Ишимский р-н); 2 – поселение Кип III; 3 – поселение (жертвенное место) Хutor-Бор-I; 4 – поселение Конашевка III (Тевризский р-н); 5 – Красноозерское городище (Тарский р-н); 6 – поселение Алексеевка I; 7 – городище Алексеевка XIX; 8 – поселение Надеждинка IV и городище Надеждинка V (Муромцевский р-н); 9 – Инберенский комплекс памятников (Инберень V–VII) (Большереченский р-н); 10 – поселение Новотроицкое I (Омский р-н). Условные границы распространения разных типов красноозерской посуды: I – керамика хutorборского этапа красноозерской культуры; II – красноозерская керамика переходного типа; III – керамика инберенского этапа красноозерской культуры.

Смешанные и переходные формы красноозерской посуды. Приведенные выше характеристики показывают, что если хutorборская группа соотносится именно с доминированием на сосудах “крестового” штампа, то на посуде инберенского этапа исчезает “крестовый геометризм”. Вместо этого на небольшой части сосудов появляются простые многорядные линии, выполненные “крестом”, в то время как подавляющая часть демонстрирует преобладание “некрестовых” орнаментальных моделей. Однако основная особенность, отличающая лесостепные комплексы красноозерской

¹ Говоря об ирменской культуре, я в первую очередь имею в виду ее среднеиртышский (розановский) вариант.

культуры от южнотаежных, заключается не только в доминировании “некрестовых” групп посуды на лесостепных инберенских памятниках. “Некрестовая” красноозерская посуда известна и в южнотаежной, и в предтаежной зонах, но, несмотря на отсутствие “креста”, она абсолютно лишена тех *стандартизированных орнаментальных моделей*, что характеризуют собственно инберенскую керамику.

Ранее северная граница распространения памятников с инберенской традицией отодвигалась до междуречья Иртыша и Уя (рис. 1), когда “некрестовая” посуда Красноозерского городища рассматривалась в рамках инберенского этапа культуры (Труфанов, 1983. С. 76; Абрамова, Стефанов, 1985. С. 124). Исследователи в первую очередь руководствовались самим фактом присутствия “некрестовых” групп на памятнике и определенной долей сходства этих материалов с коллекцией Инберенского комплекса. Представляется, что коллекция посуды данного комплекса не соответствует инберенскому типу не только по составу и соотношению упомянутых “некрестовых групп”, но и по причине отсутствия в орнаментальной схеме этих сосудов воплощения *специфически инберенского феномена*, связанного с “возрождением” автохтонных доандроновских традиций (Полеводов, Шерстобитова, 2008).

В последнее время в лесной и предтаежной зонах Среднего Прииртышья увеличилось количество исследованных красноозерских памятников, содержащих весьма своеобразную “некрестовую” посуду. Наравне с Красноозерками аналогичная керамика представлена в южнотаежной зоне Омской обл. на Красноярском археологическом комплексе (раскопки Е.М. Данченко), на поселениях Кип III (раскопки Е.М. Данченко) и Конашевка III (раскопки Б.А. Коникова). Аналогичные группы известны и южнее, в предтаежной зоне – на городище Надеждинка V, поселениях Надеждинка IV (раскопки С.С. Тихонова и С.Ф. Татаурова) и Алексеевка I (раскопки С.С. Тихонова), материал которых явился основной источниковой базой настоящей работы². Памятники расположены в Муромцевском р-не Омской обл. (рис. 1). Основной керамический комплекс Надеждинки IV, V (единый комплекс) и Алексеевки I представлен позднебронзовой посудой сузгунского и ирменского облика, но вместе с тем культурный слой памятников содержал и красноозерскую посуду, анализ которой позволяет говорить об ее переходном характере. Совместное стратиграфически неразделимое нахождение специфических красноозерских сосудов с сузгунской и

ирменской керамикой не только указывает на относительную хронологическую позицию такого типа посуды, но и свидетельствует о непосредственных и довольно интенсивных контактах красноозерского населения с носителями местных позднебронзовых традиций.

Сузгунско-ирменско-красноозерская группа керамики. Перед тем как обратиться к рассмотрению собственно переходной красноозерской посуды, необходимо остановиться на анализе яркой, во многом уникальной группы керамики, которую можно обозначить как смешанную, *сузгунско-ирменско-красноозерскую* (Шерстобитова, 2008). Под смешанным типом имеются в виду сосуды, в орнаментальной схеме которых представлен хотя бы один элемент, являющийся *индикаторным* для культурной атрибуции сузгунской, ирменской либо красноозерской посуды, в своем сочетании с элементами, характерными для противоположной культурной традиции. К таким элементам относятся узоры, придающие “геометризм” ирменской (“гладкие” и штрихованные ромбы, равнобедренные треугольники, зигзаги), “нарядность” сузгунской посуде (“скоба”, уголки вдавливанию), зачастую украшающие сосуды с дугообразно вогнутой шейкой и сочетающиеся в пределах одного орнаментального поля с красноозерскими многорядными горизонтальными линиями, сдвоенными ямками, крестовым штампом и т.д. Наиболее ярко культурный синтез выражают сосуды с дугообразной шейкой, украшенной рядами специфического сузгунского штампа “скоба” (рис. 2, 1, 3–5, 7), сочетающегося с характерными для красноозерских орнаментальных канонов горизонтальными рядами лунок, выполненными отступающей техникой (рис. 2, 1, 3, 7). Следует отметить, что “скоба” украшает не только шейки, но и тулова сосудов смешанного типа (рис. 2, 6, 8, 9), в ряде случаев занимая подчиненное положение и сочетаясь с типично красноозерскими узорами – многорядными горизонтальными линиями, выполненными как отступающей техникой, так и гребенчатым штампом (рис. 2, 6, 9). Отмечу уникальные сосуды, на орнаментальном поле которых ряды “скобы” занимают доминирующее положение (рис. 2, 2). Казалось бы, с красноозерской традицией их связывают лишь морфологические характеристики сосудов – такие же низкие, широкогорлые и узкодонные, известные как в хutorборских, так и в инберенских комплексах. Тем не менее на этих сосудах имеется специфический орнамент, вероятно, имитирующий штрихованный ромб, но выполненный при помощи “скобы”. Среди собственно сузгунских серий керамики не зафиксировано ни одного случая подобного сочетания узоров, абсолютно не вписывающихся в довольно стандартизованный шаблон сузгунской

² Благодаря авторов раскопок за возможность использовать неопубликованные материалы.

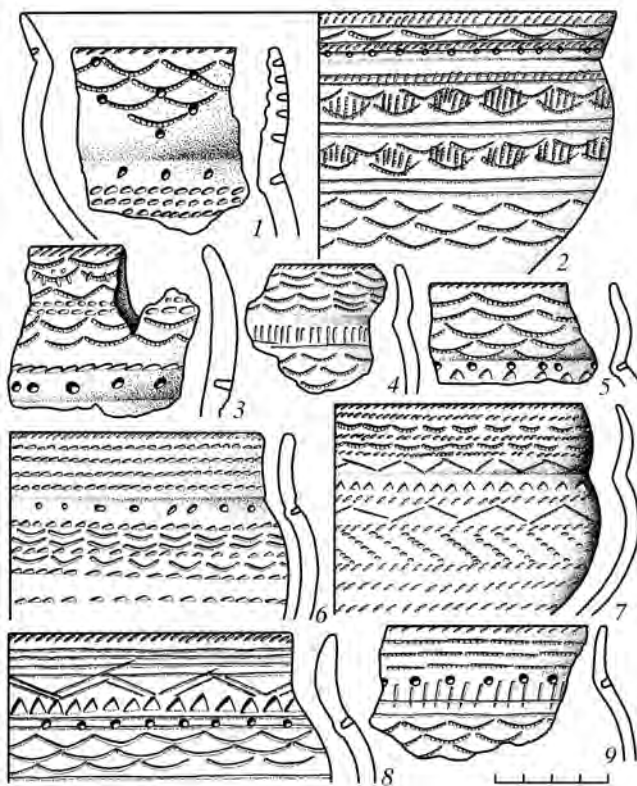

Рис. 2. Керамика. 1–3, 6–9 – поселение Надеждинка IV и городище Надеждинка V; 4, 5 – поселение Алексеевка I.

орнаментики. Кроме “скобы” на смешанной посуде представлены угловые вдавления (рис. 2, 5, 7, 8) и композиции с характерным для сузгунской традиции сочетанием наклонных и прямо поставленных оттисков штампа (рис. 3, 8).

Ирменские реплики представлены “жемчугом” (рис. 3, 2, 3, 6, 9), зигзагом, штрихованными треугольниками и ромбами (рис. 2, 7, 8; 4, 1–4). Казалось бы, исходя из многочисленного присутствия в орнаментации смешанной группы отдельных ирменских и сузгунских элементов, посуду такого типа можно было бы обозначить как позднесузгунскую/позднеирменскую. Но этому противоречит материал других прииртышских памятников, содержащих наравне с ирменской и сузгунской абсолютно иную позднесузгунскую и позднеирменскую посуду, характеризующуюся главным образом укрупнением орнамента при общем обеднении орнаментальной схемы (Труфанов, 1990. С. 64; Татаурова и др., 1997). Орнаментальная схема смешанной посуды, напротив, более чем насыщенная, часто с равным соотношением генетически различных орнаментальных традиций, причудливое (и уникальное!) сочетание которых подчас не позволяет дать точную культурную атрибуцию артефактам подобного рода.

Именно в смешанной группе “ломаются” орнаментальные схемы, являющиеся образующими индикаторами для культур, участвующих во взаимодействии, и именно смешанные формы наглядно демонстрируют сам процесс, направление и первые итоги культурного взаимодействия среднеиртышских позднебронзовых традиций в зоне предтайги, когда выявляются механизмы, с помощью которых осуществлялась трансформация орнаментальных схем. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что формирование смешанных и переходных форм имело место лишь там, где достоверно зафиксированы достаточно продолжительное сосуществование и взаимодействие носителей крестовой традиции с сузгунским и ирменским населением.

Таким образом, появление в Прииртышье сузгунско-ирменско-красноозерской посуды стало предтечей в процессе формирования собственно красноозерской³ традиции, тогда как следующий этап этого процесса связан с посудой *переходного* типа. В отличие от смешанной группы на керамике переходного типа ранее известные орнаментальные элементы хutorборской и автохтонных позднебронзовых традиций представлены уже в ином, модифицированном виде.

³ Под собственно красноозерской традицией я имею в виду уже сформированные инберенские комплексы, с четким, вполне стандартизованным набором признаков, их характеризующих.

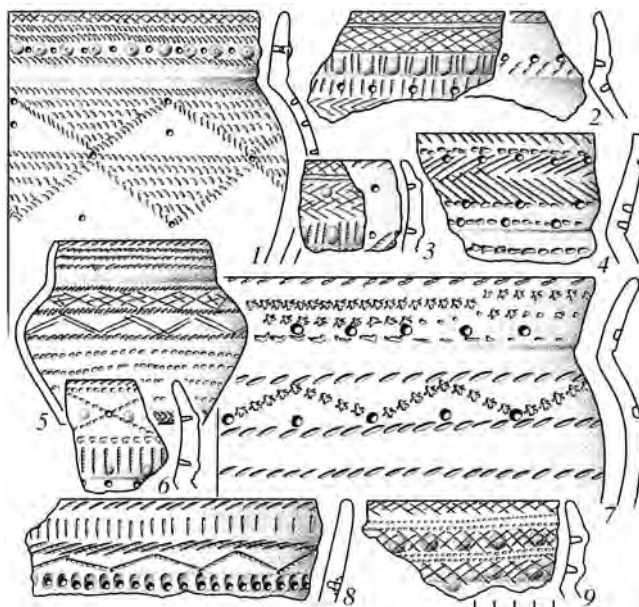

Рис. 3. Керамика. 1, 5, 7 – поселение Надеждинка IV и городище Надеждинка V; 2, 3, 6, 9 – поселение Алексеевка I; 4, 8 – Красноозерское городище.

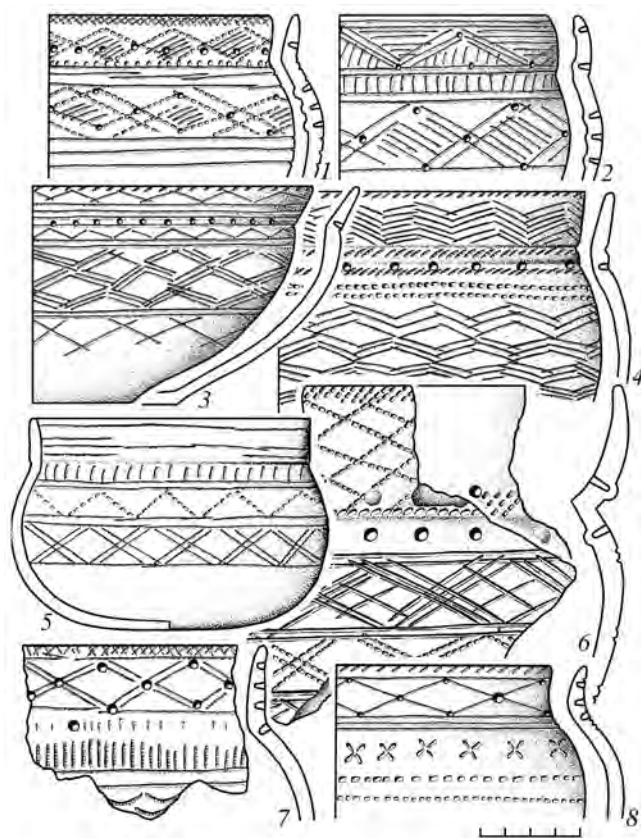

Рис. 4. Керамика. 1–3, 6–8 – поселение Надеждинка IV и городище Надеждинка V; 4, 5 – поселение Алексеевка I.

Красноозерская керамика переходного типа. Попытки выделения переходных типов (периодов, этапов и т.п.) нуждаются в особо тщательной аргументации и в довольно представительной источниковой базе, поскольку сама переходность, по определению, характеризуется поликомпонентностью и, как следствие, нечеткостью своих критериев. Формирование переходного типа красноозерской посуды шло как минимум в двух направлениях: 1) по пути модификации хutorборских “крестовых” элементов при сохранении хutorборских орнаментальных схем; 2) по пути внедрения автохтонных позднебронзовых элементов в формирующийся красноозерский орнаментальный канон. Первый путь представлен сосудами, на которых преобладают отступающе-накольчатая техника и луночная орнаментация. При этом узоры, выполненные этими элементами, полностью копируют орнаментальные схемы, характерные для “крестовой” посуды и таким образом замещают “крест” (рис. 5, 2, 5, 8–11), что демонстрирует начало процесса, связанного со сложением оригинальной красноозерской орнаментики (это направление более выражено в материале памятников южнотаежной зоны). Вто-

рое направление многокомпонентно и требует более подробного рассмотрения.

Ирменская орнаментальная схема (ромбы, треугольники, зигзаги) находит совершенно новое воплощение на посуде переходного типа (см., например, рис. 3, 1). Для этой посуды характерно непременное оформление внешнего контура штрихованного ромба дополнительными линиями, а также использование “контурного ромба”, который, в силу частого присутствия на посуде, может считаться одним из “маркеров” переходной группы (рис. 3, 5; 4, 1, 2, 6–8). Подавляющая часть ромбических орнаментов украшалась ямочными вдавлениями в местах пересечения линий (рис. 4, 2, 7, 8) – приемом, характеризующим среднеиртышский (розановский) вариант ирменской культуры (Стефанов, Труфанов, 1988. С. 82). Следует отметить, что штрихованный и “контурный” ромб практически не встречаются в материалах инберенского этапа культуры, где предложенная орнаментальная схема несколько упрощается, превращаясь либо в линию зигзага с ямками в местах пересечений (Абрамова, Стефанов, 1985. Рис. 3, 5, 8), либо в наиболее распространенный орнамент в виде двух ямок, соединенных линией по диагонали (Абрамова, Стефанов, 1985. Рис. 4, 13) (рис. 6). Выявленная трансформация орнамента указывает на промежуточную хронологическую позицию переходного типа красноозерской посуды: она явно старше инберенской, но

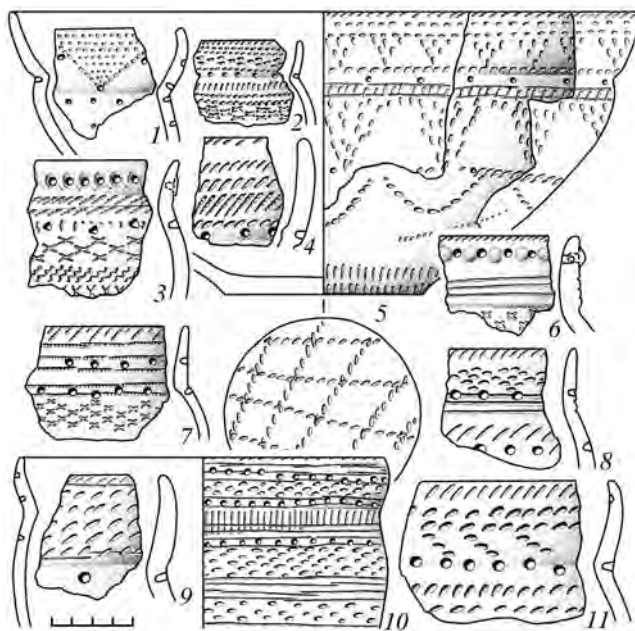

Рис. 5. Керамика. 1–7, 10 – поселение Надеждинка IV и городище Надеждинка V; 9 – поселение Алексеевка I; 8, 11 – поселение Конашевка III.

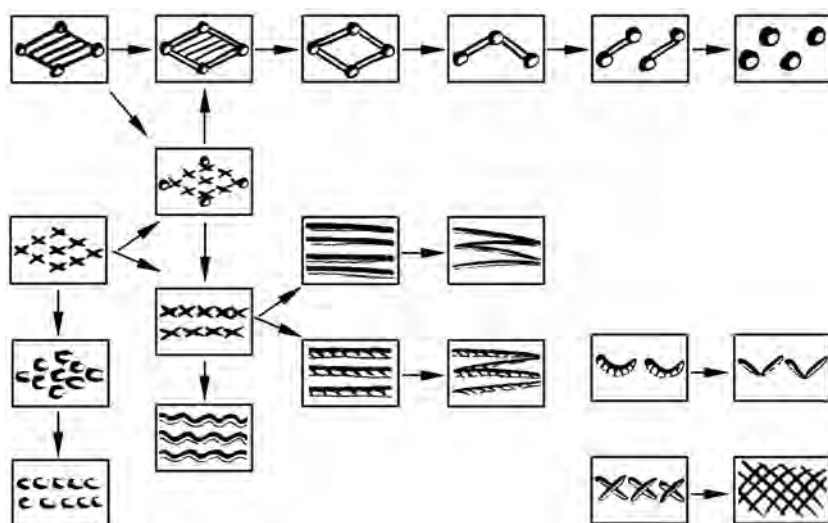

Рис. 6. Схема трансформации “крестовых” и позднебронзовых орнаментальных моделей по мере формирования красноозерской культуры.

по ряду признаков ощутимо моложе хutorборской группы.

На части сосудов присутствует сетчатый орнамент, характерный для ирменской керамики. Чаще всего он, как и на ирменской посуде, занимает шейку (рис. 4, 6), в некоторых случаях сочетается с “жемчугом”. Еще одним позднебронзовым (в большей степени ирменским) элементом на переходной группе посуды является “воротничок”, характерный для приземистых, узкодонных и широкогорлых сосудов с низкой шейкой и высокими плечиками.

Обращаясь к анализу сузгунских реминисценций, в первую очередь необходимо отметить большой удельный вес рядов прямо поставленных оттисков штампа (рис. 4, 5, 7; 5, 2, 5, 10), которые, как и на сузгунской посуде, часто занимают зону перехода от шейки к плечикам. Данный элемент достаточно прочно и почти в неизменном виде вошел в инберенский орнаментальный канон. К сузгунским заимствованиям следует отнести “елочные” орнаменты (рис. 3, 4), диагонально ниспадающие оттиски и лунки.

Новым технологическим приемом, проявившимся в переходной группе, является украшение части посуды орнаментиром, оставляющим неровные края и напоминающим косточку. При этом узоры, исполненные таким оригинальным образом, иногда воспроизводят *позднебронзовые* орнаментальные схемы (зигзаг, треугольник) (рис. 3, 4, 7).

Еще одной чертой, характерной для переходной группы красноозерской посуды, является многочисленное употребление традиций⁴ чередующих-

ся “жемчуга” и ямки для украшения шеек сосудов (рис. 3, 1; 5, 6). Эта черта была чужда местной позднебронзовой и проявилась впервые именно в орнаментике переходной группы красноозерской посуды. Орнамент “ямка-жемчуг” появился на переходной посуде довольно спонтанно и в количественном отношении занял далеко не последнее место, однако об истоках его появления в Среднем Прииртышье судить пока сложно. В инберенский канон этот орнамент не вошел, сохранившись в южнотаежной зоне и органично внедрившись в орнаментальную схему журавлевских и богочановских древностей. Своеобразной альтернативой по отношению к только что упомянутому орнаменту выступают чередующиеся ямка и ногтевой “защип” (рис. 3, 8; 5, 3), а также простые ряды ногтевых зашипов, украшающие преимущественно нижнюю часть шейки.

Сказанное выше справедливо главным образом для характеристики “некрестовой” красноозерской посуды. Вместе с тем на каждом из известных на сегодняшний день красноозерских памятников в той или иной степени представлена керамика, украшенная “крестом”. При анализе материалов красноозерской культуры в лесостепном Прииртышье обращалось внимание на явное доминирование “крестового” орнамента на сосудах с этим элементом при общей тенденции к количественному сокращению “крестовой” посуды по мере развития культуры (Абрамова, Стефанов, 1985. С. 107; Труфанов, 1984. С. 59). Такие наблюдения как будто подтверждаются в немногочисленной коллекции “крестовой” посуды Надеждинки IV, V, но наряду с этим отмечена представительная группа сосудов, на которых “крестовый” штамп теряет доминирующее положение, располагаясь либо на тулове, либо на шейке сосуда (рис. 5, 2, 3, 6, 7). В таком случае

⁴ Как правило, при статистическом анализе элементов орнамента позднебронзовых древностей Прииртышья, сочетание “ямка-жемчуг” давало отрицательный коэффициент при их парной корреляции, что получается только тогда, когда элементы взаимоисключают (взаимозаменяют) друг друга в пределах орнаментального поля одного сосуда.

остальное пространство орнаментируется ямочными вдавлениями, “жемчугом”, горизонтальными линиями, насечками или геометрическими фигурами – схемой, характерной для “некрестовой” красноозерской посуды. Как представляется, здесь мы имеем дело с общей тенденцией в развитии красноозерских древностей, когда отдельные сосуды наглядно демонстрируют процесс постепенного изживания лесного хutorборского шаблона. Правда, следует заметить, что этот процесс проходил своеобразно. По сути орнаментальный шаблон, характерный для “крестовой” красноозерской посуды, сохранился. Это полностью или частично проявилось в переходной группе, где произошло замещение орнаментальных моделей, ранее выполнявшихся при помощи “креста”, на аналогичные, исполненные в “некрестовой” манере. Переосмысление ранних схем шло не только по пути замещения “креста” луночными орнаментами, но и по пути копирования красноозерских “крестовых” композиций, но выполняемых в традициях автохтонных позднебронзовых культур.

Вероятно, вытеснение “креста” – элемента, пришедшего в своей основе, – закономерно, если учесть довольно сильные местные корни позднебронзовых культур в Прииртышье, но этот процесс лишен здесь своеобразия. На начальном этапе взаимодействия “крестовой” и позднебронзовых традиций происходит так называемая автохтонизация пришедшего компонента. Это проявилось как в хutorборской посуде группы Б (Труфанов, 1983), так и в смешанной сузгунско-ирменско-красноозерской группе. Наиболее ярко этот процесс проявляется в замещении “креста” “скобой” при том что последняя используется в абсолютно несузгунской манере. “Скоба” располагается на орнаментальном поле сосуда очень плотно, в шахматном порядке, образуя подчас многорядные композиции в сочетании с элементами орнаментов, характерных для красноозерской традиции (рис. 2). На некоторых сосудах обнаруживается сочетание “креста” и “скобы” в пределах одного орнаментального поля (Данченко, Полеводов, 2007. Рис. 1, б)!

Можно предположить, что “крест” и “скоба” в знаково-орнаментальном отношении являются одними из центральных аспектов культур, своеобразными культурными паспортами. Если согласиться с тем, что взаимодействие культур касается в первую очередь их центральных аспектов, и лишь затем второстепенных, то именно центральные аспекты подвержены наибольшему изменению при условии свободных (ненасильственных) контактов между носителями разных культурных традиций (Herskovits, 1964. Р. 187). В данном случае принимающей оказалась именно формирующаяся

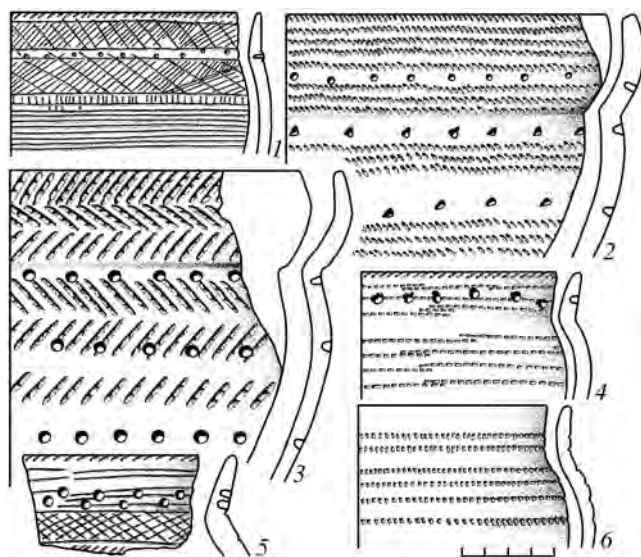

Рис. 7. Керамика. 1–4 – поселение Надеждинка IV и городище Надеждинка V; 5 – Красноозерское городище; 6 – поселение Алексеевка I.

красноозерская традиция, в то время как отдающими – уже вполне сформированные сузгунская и ирменская.

Говорить о переходной красноозерской посуде как о непосредственной предшественнице формирования инберенского канона позволяет факт наличия в культурном слое упомянутых предтаежных памятников наравне с переходными немногочисленных сосудов собственно инберенского облика. В орнаментации таких сосудов воплощена уже инберенская схема (рис. 7), в то время как их малочисленность может указывать на начальный этап этого процесса. Однако процесс формирования инберенского орнаментального канона продолжался и в лесостепном Прииртышье. Здесь имеется в виду красноозерская посуда с поселения Инберень V (Абрамова, Стефанов, 1985. Рис. 3, 3–5, 8; 4, 4–6), часть которой по своим характеристикам также относится к переходной. Если учесть, что именно поселение Инберень V – наиболее раннее среди красноозерских памятников Инберенского комплекса (Абрамова, Стефанов, 1985. С. 121), то можно говорить о времени проникновения красноозерских традиций в лесостепь. Очевидно, что это произошло на этапе самого начала формирования собственно инберенской посуды, когда красноозерские орнаментальные схемы еще не достигли четкой канонизации. Окончательно инберенский орнаментальный канон сложился именно в лесостепи, в то время как зона предтайги сыграла в истории формирования культуры роль своеобразного (не только территориального, но и хронологического) буфера. Невозможно переоценить этот уникальный этно-

культурный синтез, в результате которого возник столь яркий феномен.

Что же касается южнотаяжской зоны Среднего Прииртышья, то здесь позднебронзовые (сузгунские и красноозерские) традиции легли в основу формирования посуды журавлевского типа VI–IV вв. до н.э., которая частично синхронна с самыми поздними инберенскими памятниками. О причинах иного развития красноозерских древностей в южнотаяжном Прииртышье можно судить только предположительно. Возможно, здесь имело место продолжение тех процессов, которые вызвали миграцию всего таяжского “крестового” населения на юг. Возможно, определенную роль в этом сыграло лесное сузгунское население, под давлением которого носители красноозерской традиции могли переселиться в более южные районы. В отличие от лесостепной и предтаяжской зоны, где немалую роль играло ирменское влияние, в лесу в конце бронзового века наблюдается практически безраздельное господство собственно сузгунской традиции, которая, очевидно, была здесь сильнее, чем в лесостепи. Косвенно об этой силе свидетельствует множество сузгунских реминисценций на посуде журавлевского типа, в то время как элементы, восходящие к красноозерской керамической традиции, представлены на ней значительно скромнее.

Таким образом, появление в Прииртышье сузгунско-ирменско-красноозерской посуды оказалось предтечей в сложении оригинальной красноозерской орнаментики, тогда как следующий этап этого процесса связан с посудой переходного типа, орнаментальная схема которой проявила модифицированные черты позднебронзовых традиций. В итоге именно эти черты стали основой формирования собственно красноозерского (инберенского) орнаментального канона.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-67107 а/Т “Этнокультурная история Среднего Прииртышья во второй половине II – начале I тыс. до н.э.”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.* Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.
- Данченко Е.М., Полеводов А.В.* Сузгунское наследие в культурогенезе южнотаяжного Прииртышья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007.
- Полеводов А.В., Шерстобитова О.С.* К проблеме соотношения лесных и лесостепных памятников красноозерской культуры Среднего Прииртышья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008.
- Стефанов В.И., Труфанов А.Я.* К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Труфанов А.Я.* Жертвенное место Хутор-Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- Труфанов А.Я.* Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
- Труфанов А.Я.* Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990 (рукопись).
- Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я.* Алексеевка-XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаяжного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997.
- Шерстобитова О.С.* Посуда со смешанными культурными признаками: к вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008.
- Herskovits M.J.* Cultural dynamics. N.Y., 1964.

АНТРОПОМОРФНЫЕ НАДГРОБИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ГРЕКОВ И ВАРВАРОВ В VII–II вв. до н.э.

© 2010 г. Р.В. Стоянов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (roman.stoyanov@gmail.com)

Ключевые слова: Ближний Восток, Центральная Анатолия, надгробия, антропоморфные стелы и рельефы, греческие некрополи Северного Причерноморья.

Anthropomorphic stelae and reliefs are a specific group of funeral monuments, schematic images of a human figure or full-face busts with flat face area. We can identify at least two regions where the tradition of anthropomorphic gravestones could have originated, and that is the Near East and Central Anatolia. The differences in the shape and semantics of the monuments that can be observed from the 7th to the 2nd cc. in the two regions indicate that the sculpture of this type was evolving independently in each of the regions. Anthropomorphic sculptures from Phoenicia, Palestine and Lebanon are stelae with relief or incised images of heads, shoulder-length images or schematic anthropomorphic figures of deities (Fig. 6, 3). Sites of this type in North Africa and Sicily are connected with the Phoenician colonization. The monuments from South Italian necropolises, hermae with a rounded head in the upper part, could also have their origin in the Punic religion that underwent transformation in the local milieu (Figs. 4; 6; 1–2). The monuments from Central Anatolia are sculptured stelae and relief images (busts and hermae) (Fig. 7). They were connected with the Phrygian cult of the goddess Matar. In its Hellenized form the cult became popular in the Greek centers of the region, from which it found its way to other areas of the ancient world. The issue of the origin of the anthropomorphic gravestones in Greek necropolises of the North Pontic region (Figs. 1–3) remains a complex one. It appears that in our search for the origins of the tradition we should look to the milieu of Greek colonists. It is possible that the iconographic type of anthropomorph found its way to the North Pontic region with the people from other regions of the ancient world, possibly from Anatolia, who arrived together with the Greek colonists.

Антропоморфные стелы и рельефы составляют обособленную группу надгробных монументов в виде схематических изображений человеческой фигуры или бюста анфас с плоской лицевой частью. В обозначенный период подобные памятники известны по материалам греческих и варварских некрополей Северного Причерноморья, Средиземноморья и Анатолии¹. Антропоморфные надгробия, выявленные в пределах каждого из указанных регионов, имеют свои особенности, а степень их изученности неравнозначна. Эта статья посвящена проблемам локализации, этнической интерпретации, а также эволюции традиции использования стел этого типа в погребальной практике различных античных обществ в пределах обозначенных регионов на протяжении VII–II вв. до н.э.²

Материалы греческих некрополей Северного Причерноморья свидетельствуют о повсеместном

распространении антропоморфных надгробных стел в регионе. Надгробия и рельефы, относящиеся к интересующему нас времени, были найдены в Ольвии, Херсонесе Таврическом, Пантикапее, Мирмекии, Порфмии, Фанагории, Гермонассе, Танаисе, некрополе у мыса Тузла³ (рис. 1, 1–6). Наибольшее количество подобных памятников было найдено в Херсонесе. Из этого центра происходят 196 скульптурных антропоморфных надгробий, приблизительно столько же прямоугольных постаментов под них и 166 монолитных наисков с антропоморфными рельефами (Колесникова, арх. НЗХТ. № 2705. С. 3; Колесникова, 1986. С. 87; Буйських, Зубар, 2006 С. 13). Это почти в 2 раза больше общей численности антропоморфных надгробий, найденных в других центрах Северного Причерноморья, вместе взятых.

¹ Статья была подготовлена в рамках проекта “Anatolian Burial customs and their reflection in Classical and Hellenistic necropoleis of the Black Sea settlements” (Research Center of Anatolian Civilizations, Koc University, Istanbul).

² Здесь и далее все даты, кроме особо оговоренных, приведены до н.э.

³ Литература по данному вопросу многочисленна. Публикации материалов отдельных памятников и обобщающие работы см.: Колесникова, арх. НЗХТ. № 2705; Иванова, 1950. С. 239; Кобылина, 1951. С. 179–182; Шелов, 1970. С. 138–141; Античная скульптура..., 1976. С. 79–81; Молева, 1977; 1983; 1986; 2002а. С. 24–70; Tsatskheladze, Kondrashev, 2001. С. 345–365; Буйських, Зубар, 2006. С. 12–23.

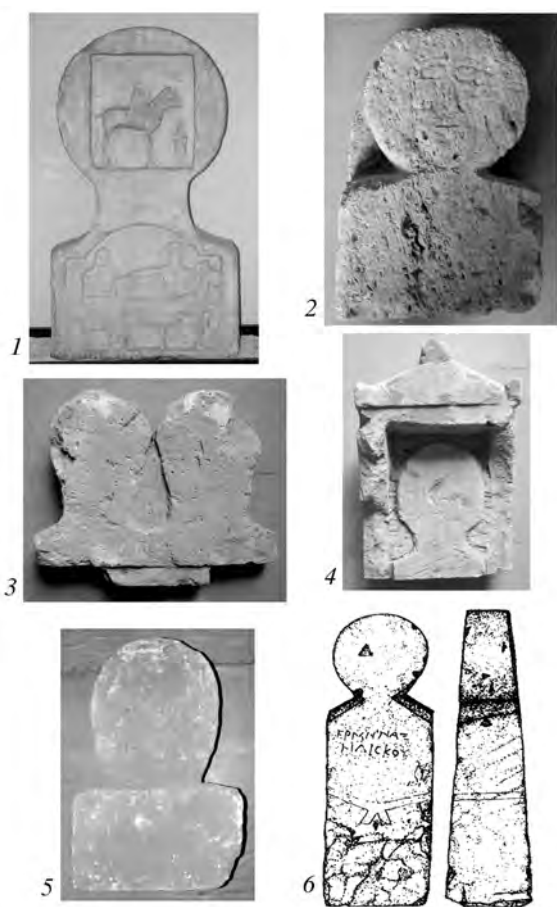

Рис. 1. Антропоморфные надгробия Северного Причерноморья: 1 – стела Публия, сына Коссы. Керченский музей (фото Р. Позаментира); 2–5 – стелы из некрополя Херсонеса. НЗХТ; 6 – некрополь в районе мыса Тузла (по: Tsetskhladze, Kondrashev, 2001. Fig. 7).

На основании особенностей формы все изваяния разделяются на две группы: рельефы и объемная скульптура⁴. Рельефы распределяются на два типа. К первому относятся антропоморфы в наисках и надгробия, на которых лицо покойного изображалось красками (Буйских, Зубар, 2006. С. 17; Иванова, 1950. Рис. 16; Tsetskhladze, Kondrashev, 2001. Fig. 20, 21) (рис. 1, 4; 3). Ко второму типу, известному в Херсонесе и Нимфее, относятся антропоморфные изображения в невысоком рельефе или вырезанные линиями на плоских плитах (Иванова, 1950. С. 252. Рис. 15; Буйских, Зубар, 2006. С. 16–18) (рис. 1, 3).

Скульптурная группа представлена стелами с круглой или овальной головой на прямоугольном или трапециевидном постаменте (рис. 1, 2, 5, 6). На некоторых из них имелись портретная роспись,

углубления для плитки с именем, вырезанное или нанесенное краской имя покойника (Иванова, 1961. С. 127; Колесникова, 1973. С. 43; Молева, 1983. С. 122; Буйских, Зубар, 2006. С. 20; Posamentir, 2007. P. 54). Особый вариант внутри данной группы представляют стелы из Херсонеса, выделяющиеся сравнительно коротким туловом (поплечное изображение). Отметим также, что только в этом центре известны антропоморфные стелы в виде парных бюстов с общим туловом (Античная скульптура..., 1976. Кат. 255, 284; Молева, 2002а. С. 25; Буйских, Зубар, 2006. С. 15 и сл.) (рис. 1, 3; 2, 1).

Все антропоморфные стелы и рельефы представляли собой надгробные памятники, устанавливавшиеся вертикально над могилами. Иногда в нижних частях стел имелся шип для крепления в прямоугольных постаментах. Только в Херсонесе были зафиксированы случаи сочетания антропоморфной стелы или рельефа с прямоугольной стелой “греческого типа” (рис. 2, 2). В таких случаях антропоморфные стелы посредством шипа устанавливались на верхней плоскости постамента или размещались в углублении (иногда в наиске), вырезанном на его лицевой части (Щеглов, 1968. С. 212–220. Прим. 13; Буйских, Зубар, 2006. С. 14; Posamentir, 2007. P. 50, 53, 54. Fig. 9–11, 13) (рис. 3). В указанный период антропоморфные надгробия были связаны с погребальными сооружениями различных типов: грунтовыми могилами, склепами, захоронениями в курганах. Пример последнего дают материалы некрополя Панское I (Рогов, 1998. С. 35, 36). Иногда антропоморфные надгробия находились во вторичном использовании в кладках стен, в том числе и в обкладках могил, что дало возможность некоторым исследователям предполагать их использование в качестве апотропеев (Молева, 1991. С. 134; 2002а. С. 33, 34; 2002б. С. 202; Буйских, Зубар, 2006. С. 21).

Время бытования этих памятников в Северном Причерноморье охватывает период с IV в. до первых веков н.э. При этом наибольшее количество изваяний приходится на период IV–II вв.⁵ Надгробия, относящиеся к первым векам н.э., были выполнены в иной стилистической манере, сближающей эти памятники с портретными надгробиями, получив-

⁵ Иванова, 1950. 239 и сл.; Античная скульптура..., 1976. С. 79–81; Козуб, 1974. С. 123 и сл.; Молева, 2002а. С. 30 и сл.; Tsetskhladze, Kondrashev, 2001. P. 349 ff. Отнесение надгробия из Херсонеса к концу V в. (Буйских, Зубар, 2006. С. 17, со ссылкой на Г.Д. Белова) не обосновано, так как единственным датирующим признаком для безынвентарного погребения, с которым было связано это надгробие (могила № 91), является расположение могильной ямы в насыпном слое, сформировавшемся не позднее середины IV в. (Белов, 1950. С. 274).

⁴ Подробнее о классификации антропоморфных надгробий см.: Молева, 2002а. С. 37–70; Буйских, Зубар, 2006. С. 12 и сл.

Рис. 2. Некрополь Херсонеса. 1 – антропоморфная стела; 2 – сочетание антропоморфного надгробия и прямоугольной стелы на одном постаменте (по: *Gravestone of Chersonesos*, 2006. Fig. 6); 3 – постамент для прямоугольной стелы с нишей-эдикулой на лицевой стороне (по: *Gravestone of Chersonesos*, 2006. Fig. 84).

шими широкое распространение в римское время: рельефные изображения упрощенных черт лица, заостренного в нижней части, прически, деталей одежды. К первым векам н.э. также относятся стелы антропоморфной формы, использованные в качестве рамок для сюжетных рельефов. Как отмечала А.П. Иванова, последнее демонстрирует утрату формы антропоморфного надгробия своего первоначального смысла и трансформацией ее в декоративный элемент (1950. С. 250, 251).

Относительно происхождения традиции антропоморфных надгробий в Северном Причерноморье были высказаны различные мнения. Часть исследователей связывает их с погребальной и культовой практикой варварского населения, а наличие подобных памятников в греческих некрополях считалось следствием межкультурных взаимодействий между греками и варварами⁶.

Такое решение проблемы, кажущееся, на первый взгляд, вполне оправданным, вызывает многочисленные вопросы. Антропоморфные изваяния были

⁶ Эта гипотеза была впервые высказана А.П. Ивановой (1941. С. 108) и впоследствии поддержана и развита другими исследователями. См.: Пятышева, 1946. С. 175, 176, 178, 179; Щеглов, 1968. С. 221; Tsetsikhladze, Kondrashev, 2001. P. 360–362; Posamentir, 2007. P. 54.

Рис. 3. Антропоморфные надгробия в экспозиции Склада местных древностей Императорской археологической комиссии в Херсонесе (Фото: НА ИИМК РАН. ФА. О. 274. 7).

распространены в варварских культурах Северного Причерноморья и Крыма в бронзовом веке. Эти монументы имеют вид массивных объемных плит прямоугольной или конической формы со слабо выделенной (или не выделенной) непропорционально маленькой головой (Тощев, 2007. С. 87–93. Рис. 40, 41, библ.). Как отмечал П.Н. Шульц, смысловое содержание этих скульптур развивалось от образа родоначальника к образу военачальника (1967. С. 236; 1968. С. 328). По мнению Л.Г. Колесниковой и Н.В. Молевой, в скульптурах северопричерноморских варваров, относящихся к интересующему нас периоду, нет изваяний, которые можно было бы считать убедительной аналогией антропоморфным надгробиям, встречающимся в некрополях греческих центров (Колесникова, 1973. С. 47; Молева, 1991. С. 72 и сл.; 2002а. С. 24 и сл.). Антропоморфные изваяния варваров имели культовый характер, тогда как антропоморфные надгробия греческих некрополей относились к могилам рядового населения, греческого в своей основе⁷.

Исключительно греко-варварскими взаимодействиями нельзя объяснить факт появления антропоморфных надгробий в уже сложившемся виде на протяжении сравнительно небольшого хронологического отрезка (около половины столетия) в некрополях греческих центров с неоднородным варварским окружением. Очевидно, что характер и степень подобных взаимодействий не были одинаковыми, как не были однородными социальная и политическая организации, а также уровень культурного развития варваров. Антропоморфная скульптура не известна у некоторых племен, долгое время составлявших постоянное, а в некоторых случаях исключительное окружение отдельных греческих центров. Наиболее показательным примером в данном случае является отсутствие антропоморфных изваяний на памятниках кизил-кобинской культуры, представители которой составляли основной варварский контингент округа Херсонеса, в некрополе которого было найдено наибольшее количество антропоморфных надгробий. Этот факт тем более красноречив на фоне отсутствия регулярных контактов между скифами и Херсонесом до середины IV в. (Столба, 1990. С. 12; Рогов, 2002. С. 142 и сл.). В этой связи стоит указать на отсутствие антропоморфных надгробий в полисах Западного Причерноморья, имевших тесные связи не только с северопричерноморскими колониями, но и с фракийцами, для которых, как и для скифов, были характерны антропоморфные изваяния. При

этом процессы греко-варварских взаимодействий в указанном регионе проходили не менее интенсивно, чем в Северном Причерноморье (Тончева, 1972. С. 101 и сл.).

Перечисленное выше не позволяет считать антропоморфные надгробия греческих некрополей порождением исключительно автохтонной культуры северопричерноморских варваров. Следовательно, истоки этой традиции необходимо искать в среде греческих колонистов. Из этого исходили исследователи, считавшие, что подобные изваяния представляют местный вариант развития греческой скульптуры (Блаватский, 1964. С. 83, 84; Буйских, Зубар, 2006. С. 20). В пользу такой интерпретации помимо изложенного выше свидетельствовали расположение некоторых антропоморфных изваяний на одних постаментах с греческими стелами, а также особенности этих памятников, которые, по мнению сторонников данной версии, не могли зародиться или самостоятельно развиваться в варварской среде: расположение рельефа в наиске, наличие шипа-крепления, вставки в виде плитки с именем, а также росписи, вырезанного или нанесенного краской имени. (Подробнее о следах росписи на антропоморфных надгробиях см.: Колесникова, 1973. С. 45; Молева, 1983. С. 122; Gravestone of Chersonesos, 2006. P. 65. Fig. 72).

В рамках этой гипотезы были высказаны различные предположения о семантике антропоморфных надгробий. В.Д. Блаватский считал эти памятники упрощенным вариантом герм, которые было сравнительно просто изготовить в условиях греческой периферии (1964. С. 83, 84). С подобной интерпретацией трудно согласиться. Она не учитывает надгробия в виде поплечных и парных антропоморфных стел, а также антропоморфные рельефы в наисках. Если считать, что антропоморфные надгробия были упрощенным вариантом герм, их отсутствие в целом ряде периферийных районов античного мира необъяснимо, поскольку традиционные гермы были распространены повсеместно.

Другая точка зрения на происхождение и значение этих памятников была высказана Л.Г. Колесниковой. Она была основана на сопоставлении херсонесских изваяний со скульптурами в виде объемных женских фигур до колен с лицом в виде колонны или полукруглой плоскости, найденными при исследовании некрополя Кирены (рис. 4). Издатели связывали эти монументы с культом Персефоны, а сами скульптуры считали изображениями этой богини и датировали их не ранее IV в. до н.э. Оформление головы в виде колонны сопоставлялось с формой надгробных памятников местных племен. Таким образом, иконографический образ греческого

⁷ Подробнее см.: Спицын, 1928. С. 487 и сл.; Елагина, 1959. С. 186 и сл.; Мелюкова, 1953. С. 126. Рис. 1, 2; Шульц, 1967. С. 225–237; Молева, 2002а. С. 24, 25.

Рис. 4. Культовая скульптура из некрополя Кирены (по: Rowe, Healy, 1959. Pl. 27 a; 29 a).

божества, трансформированный под воздействием религиозных представлений автохтонного населения, – это одно из материальных свидетельств, отражающих этап инкорпорирования этого населения в структуру полиса (Rowe, Healy, 1959. P. 3, 4. Pl. 27–29; Cassels, 1971. P. 4–6). На основании этой аналогии все херсонесские надгробия предложено было связывать с захоронениями женщин, а традицию их установки – с хтоническим аспектом культа Керы–Персефоны, получившим распространение в Херсонесе в конце IV в. (Колесникова, 1977. С. 89, 92, 93, 96).

Такому объяснению противоречат очевидные различия между монументами из Кирены и антропоморфными надгробиями. Скульптура из Кирены изображает женское божество, она не связана с отдельными погребениями, а маркирует какие-то участки некрополя, возможно, святилища, расположенные на его территории. Херсонесские и боспорские надгробия, напротив, были связаны с конкретными захоронениями. Не подтверждается и соотношение всех антропоморфных надгробий с женскими захоронениями. На Боспоре известны по меньшей мере девять стел с мужскими именами. Кроме того, антропоморфные надгробия из Мирмекия, Танаиса, Фанагории, Нимфея и Горгиппии были найдены в

насыпях и конструкциях, принадлежавших не только женским, но и мужским, а также детским могилам (Молева, 1983. С. 122, 123. Прим. 34–38).

В ряде публикаций, посвященных происхождению традиции антропоморфных надгробий из Северного Причерноморья, можно встретить утверждения, что подобная форма монументов была характерна для греческой скульптуры, а традиция антропоморфных изваяний сохранялась в греческих полисах вплоть до римского времени (Колесникова, 1977. С. 94, 95; Молева, 1991. С. 72, 73; 2002a. С. 27, 28; Буйских, Зубар, 2006. С. 20, 21). Антропоморфные идола действительно были распространены в различных культурах Средиземноморья. Однако на территории материковой Греции не известны монументы, позволяющие проследить непрерывную эволюцию антропоморфных форм от бронзового века до римского времени. На протяжении интересующего нас периода здесь полностью отсутствовали памятники, сопоставимые с антропоморфными надгробиями (Kurtz, Boardman, 1971. P. 56, 57, 219, 220. Fig. 45). Попытки видеть истоки северопричерноморских антропоморфных стел и рельефов в греческой скульптуре бронзового – раннего железного веков нельзя считать оправданными. Мало вероятно, чтобы причерноморские греки в IV в. по непонятным причинам стали изготавливать надгробные памятники, являющиеся стилизованными копиями скульптуры, существовавшей в материковой Греции более пяти столетий назад.

Нельзя считать доказанной и эволюционную взаимосвязь антропоморфных надгробий с надгробными стелами в виде скульптурных бюстов, широко распространенными в античных некрополях в эллинистическое и римское время. Последние, вероятно, произошли от объемной надгробной скульптуры вследствие независимого развития (см.: Сокольский, 1966. С. 243–256).

В качестве примера антропоморфных надгробий, происходящих с территории Греции, указывались находки из Коринфа⁸. Во время исследования западного святилища и некрополя здесь были найдены изваяния в виде невысоких столбиков с прямоугольными основаниями (*cippi*). По мнению издателя, они служили метками, обозначавшими отдельные захоронения или участки некрополя или же границы священных участков (Robinson, 1969. P. 7, 8. Pl. 9). Надгробные памятники в виде прямоугольных, округлых в сечении, конических стол-

⁸ Колесникова, 1977. С. 94, 95; Буйских, Зубар, 2006. С. 21. В последней работе, вероятно по ошибке, как пример антропоморфного рельефа из Греции был указан декоративный антефикс, изображенный на прямоугольной надгробной стеле из Афин (с отсылкой к: Braden, 1974. P. 149. Pl. 66, 807).

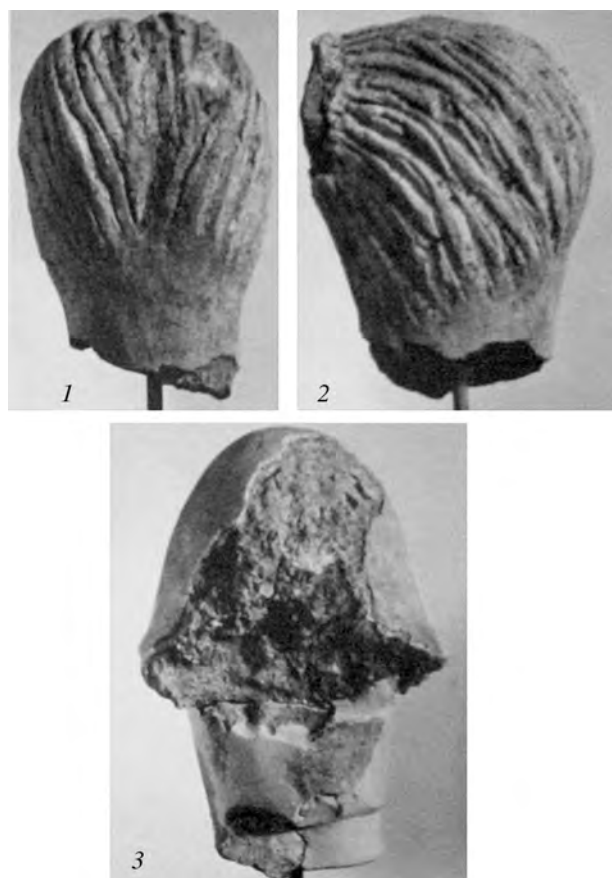

Рис. 5. Части культовых статуй из некрополя Коринфа (по: Robinson, 1969. Pl. 8, 38, 39).

биков или колонн известны в некрополях многих греческих центров, в том числе и в Херсонесе⁹. Находка подобного памятника в Херсонесе принципиально важна, поскольку она является доказательством одновременного использования *cippi* и антропоморфных надгробий, что в свою очередь указывает на независимое развитие этих типов надгробной скульптуры.

Кроме *cippi* в некрополе Коринфа были найдены два фрагмента в виде объемных голов с гладкими лицевыми частями, вероятно, являвшимися фрагментами от каких-то скульптур, устанавливавшихся на могилах не ранее начала III в. (Robinson, 1969. № 38, 39. Fig. 16) (рис. 5). Хотя единичность этих находок не позволяет сделать однозначных выводов, следует отметить, что форма эта принципиально иная, отличная от формы антропоморфных стел и рельефов Северного Причерноморья. Вероятно, она имеет иное развитие и скорее сопоставима со

скульптурными надгробиями. Отсутствие “лица” не является в данном случае убедительной параллелью, поскольку лицевые части, по крайней мере отдельных антропоморфных надгробий, были нанесены краской или рельефно. Кроме того, коринфские надгробия хронологически не предшествуют северопричерноморским, поэтому обе группы монументов отражают не эволюцию погребальных памятников одного типа, а традиции, имевшие место в одно и то же время в разных частях античного мира.

Несколько примеров антропоморфных стел и рельефов демонстрируют античные центры Средиземноморья. Стелы и рельефы в наисках, а также антропоморфные изображения, вырезанные в монолитных плитах, известны по материалам *tophet*, открытых в нескольких финикийских центрах Средиземноморья (рис. 6, 3). Подобные памятники были связаны с захоронениями в урнах останков жертвенных детей или животных. Антропоморфное изображение символизировало божество, в жертву которому должен был приноситься первый новорожденный ребенок в семье. Наиболее многочисленная группа подобных находок происходит из *tophet* Карфагена, датирующегося V–II вв. (Charles-Picard, 1954. Cat. 19 ff, 103, 104, 140–149, 158, 169 ff.; Gras et al., 1991. P. 150 ff; Ribichini, 2004. P. 247 ff). Кроме того, стелы подобной формы хорошо известны по материалам *tophet* Тире и других центров Ближнего Востока (Sader, 1991. P. 104 ff).

Из некрополя Помпей происходит серия антропоморфных стел, наиболее ранние из которых датируются II в. (Kockel, 1983. S. 16 ff) Одна из наиболее интересных стел этой группы была найдена на могиле семьи Истонция (рис. 6, 2). Судя по рисунку, эта стела имела гладкую лицевую часть и переданную в детальном рельефе прическу на оборотной стороне головы. Надпись, вырезанная на фасовой стороне, содержала имя рабыни из Ливии, состоявшей в общине Венеры (Mau, 1902. P. 418. Fig. 240). По мнению В. Кокеля, подобные изваяния выполняли функцию не надгробий, а своеобразных маркеров, указывающих на места совершения культовых возлияний. Стелы данной формы были найдены в гробницах, принадлежавших как рядовым, так и зажиточным семьям, поэтому они не могут быть связаны с определенным социальным статусом. Совместные находки стел и скульптурных надгробий в виде бюстов, на которых было вырезано одно и то же имя, указывает на независимое развитие этих типов погребальной скульптуры¹⁰. Кроме Помпей подобные стелы известны

⁹ Примеры многочисленны. См.: Pfuhl, 1905. P. 90 ff; Kurtz, Boardman, 1971. P. 129, 240–243. Fig. 51, 52; Robinson, 1969. P. 7. Fig. 17; Jehasse, 1973. Tabl. 167; Pensabene, 1975. P. 263 ff; Колесникова, 1977. С. 93, 94. Рис. 3, 3, 4; Petzl, 1982. № 454–456.

¹⁰ Kockel, 1983. S. 16–18. Taf. 14 b, e; 26 d, e; 68 d, e. Этот факт ставит под сомнение эволюционную взаимосвязь между антропоморфными и портретными надгробиями римского времени в Херсонесе (ср.: Иванова, 1941. С. 107, 108).

Рис. 6. 1, 2 – антропоморфные стелы из некрополя Помпей (по: Kockel, 1983. Taf. 68 d, e); 3 – стела из tophet Тире (по: Sader, 1991. Fig. 9).

в ряде некрополей Южной Италии и Сицилии. Данный тип надгробных памятников имел истоки в пуническом погребальном обряде. Центром распространения этой традиции, по всей видимости, следует считать Финикию и побережье Палестины (Brusin, 1958. P. 39, 40. Taf. 26. Abb. 4; Tusa, 1982. P. 95–108 ff. Taf. 13 c, 14 e).

На территории Анатолии антропоморфные изваяния бытовали начиная с бронзового века. В Центральной Анатолии в настоящее время известно в общей сложности 36 антропоморфных стел, датирующихся в пределах VIII–V вв. Монументы из Фригии, как и северопричерноморские изваяния, можно разделить на две группы: отдельно стоящие стелы небольших размеров и рельефы в виде антропоморфных стел. Антропоморфные рельефы в свою очередь подразделяются на одиночные, групповые, а также связанные со ступенчатыми конструкциями (Berndt-Ersöz, 2003. P. 157, 158. Fig. 7, 1, 2).

Основная часть стел была найдена во вторичном использовании, и только единичные изваяния были открыты *in situ* с привязкой к археологическим ком-

плексам. Несколько стел и рельефов были вмонтированы в стены, что позволяет высказать предположение об их использовании в качестве апотропеев. В нескольких случаях рядом с антропоморфными рельефами были расположены вырубленные в скале шишкообразные алтари (*bosses*), бассейны, чаши; несколько антропоморфных стел были найдены в нишах или поблизости от них. Все это указывает на прямую связь антропоморфов с культовыми действиями – жертвоприношениями, возлияниями (Berndt-Ersöz, 2003. P. 225. Note 969).

Ступенчатые монументы, в том числе и те, на которых были высечены антропоморфные рельефы, могут быть с большой долей вероятности соотнесены с символом трона, берущем свое начало в хеттской религии и связанным с культом богини Матар (Матери Богов) (Naumann, 1983. S. 92–100; Berndt-Ersöz, 2003. P. 243–245). Происхождение культа Матери Богов из Анатолии не вызывает сомнений. Именно отсюда он через греческие центры этого региона распространился в разные части античного мира. Исходя из археологических источников, можно заключить, что антропоморфная стела – наиболее древнее иконографическое изображение этого божества. Наиболее ранние археологические источники, относящиеся к этому культу, найденные в греческих центрах Западной Анатолии, относятся, по всей видимости, к VII–VI вв. На территории Греции культ Матери Богов (Кибелы) претерпел сильные изменения, сохранив тем не менее многие атрибуты, присущие ему в Малой Азии. При этом его связь с погребальными традициями оставалась очень прочной на протяжении всего времени бытования. В данном контексте следует указать, что греки употребляли имя Матар не только как собственное или эквивалентное Кибеле, но и в дополнение к именам Реи и Деметры. Иконографический образ божества также был трансформирован (Roller, 1991. P. 128–144; 1999. P. 119–123, 192; Berndt-Ersöz, 2003. P. 249, 250).

Археологические материалы свидетельствуют, что традиция антропоморфных стел и рельефов бытовала в Анатолии на протяжении многих столетий (Korkut, 1999–2000. S. 181 ff). Находки подобных стел в греческих некрополях региона крайне редки. Одна стела была найдена вне погребального комплекса в некрополе Ассоса и датирована издателями в широких хронологических рамках. Еще один экземпляр, предположительно, происходит из Киликии (Stupperich, Serdaroğlu, 1996. S. 29, 30. Taf. 12, 5, 6; Utili, 1999. S. 116 ff. Abb. VIII; Çalik, 1999. P. 102–104. Taf. 19, 1) (рис. 7, 3, 4). Еще несколько антропоморфных стел без определенного археологического и хронологического контекста

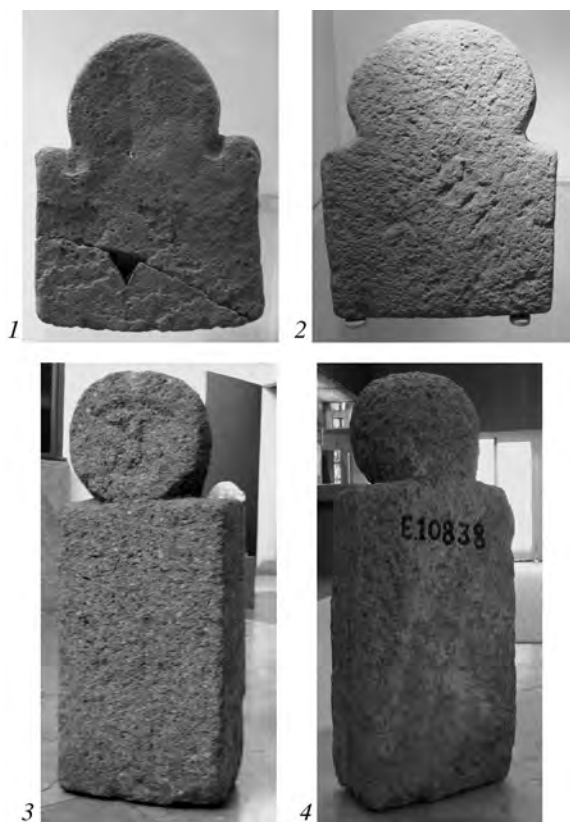

Рис. 7. 1, 2 – антропоморфные стелы из Гордиона. Музей Гордиона; 3, 4 – антропоморфная стела из некрополя Ассоса. Музей Чанаккале.

хранятся в археологическом музее Бурсы¹¹. На первый взгляд, это указывает на отсутствие традиции антропоморфных изваяний в греческих полисах региона. Вместе с тем наличие даже нескольких находок на фоне слабой изученности как погребального обряда местного населения, так и некрополей многих греческих центров региона, относящихся к рассматриваемому периоду, не позволяют сделать однозначных выводов.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют уверенно выделить по меньшей мере два района зарождения традиции антропоморфных надгробий – Ближний Восток и Центральную Анатолию. Различия в форме и семантике монументов в пределах этих регионов на протяжении VII–II вв. указывают на независимое развитие скульптуры этого типа в каждом из указанных регионов.

Антропоморфные изваяния Финикии, Палестины, Ливана представлены стелами с рельефами или прорисованными изображениями в виде голов, погрудных изображений или схематических че-

ловеческих фигур, изображающих божество. Эти стелы устанавливались за пределами поселений в местах совершения жертвоприношений. Памятники этого типа в Северной Африке и Сицилии были напрямую связаны с финикийской колонизацией. Монументы, происходящие из некрополей южной Италии в виде герм с округлой головой в верхней части, по всей вероятности, также имели свои истоки в пунической религии, трансформированной в среде автохтонного населения. На это, кроме формы этих монументов, указывает их использование в качестве указателей на места совершения жертвенных возлияний. Таким образом, антропоморфные изваяния этих регионов представляли собой самостоятельный тип, развитие которого, вероятно, происходило независимо от других районов античного мира.

Монументы, происходящие из Центральной Анатолии, были представлены скульптурными стелами и рельефными изображениями в виде бюстов и герм. Эти памятники были связаны с фригийским культом богини Матар. Из археологического контекста можно заключить, что они использовались в погребальном культе, маркировали места совершения захоронений, жертвоприношений или возлияний, возможно, использовались в качестве апотропеев. В эллинизированном виде этот культ получил широкое распространение в греческих центрах региона, из которых он распространился в другие части античного мира.

Наиболее сложным остается вопрос о происхождении антропоморфных надгробий греческих некрополей Северного Причерноморья. Мало вероятно, чтобы их прообразом могли стать антропоморфные изваяния местных варварских племен. По всей видимости, истоки этой традиции следует искать в среде греческих колонистов, где она могла возникнуть вследствие адаптации и трансформации формы антропоморфного изваяния, которая не была характерной для греческой скульптуры. Не исключено, что греки попросту заимствовали эти изваяния, привнеся в них новые элементы конструкции (шип крепления) и декора (роспись, расположение в наиске). Возможно, подобное заимствование являлось следствием распространения каких-то культов или религиозных представлений, остающихся нам неизвестными. При этом первоначальная семантика антропоморфных памятников могла быть изменена. Нельзя исключать, что иконографический тип антропоморфа попал в Северное Причерноморье вместе с выходцами из других регионов античного мира, прибывшими сюда совместно с греческими колонистами. Происхождение носителей этой традиции из Анатолии – региона, в котором были рас-

¹¹ Выражаю благодарность Р. Позаментиру, сообщившему мне об этом.

положены метрополии большинства причерноморских колоний, — представляется весьма вероятным.

Таким образом, антропоморфные надгробия и рельефы — яркий пример межкультурных взаимодействий. Локальные особенности, характерные для каждого из рассмотренных регионов, не только указывают на их самобытность, но и позволяют проследить степень и характер культурных трансформаций, происходивших в различных частях античного мира на протяжении VII–II вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Античная скульптура Херсонеса / С.Н. Бибииков. Киев, 1976.
- Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1950. № XIII.
- Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964.
- Буйських А.В., Зубар В.М. До типології та інтерпретації антропоморфних надгробків Херсонеса Таврійського // Археологія. 2006. № 2.
- Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СА. 1959. № 2.
- Иванова А.И. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями // СА. 1941. № 7.
- Иванова А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. № XIII.
- Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- Кобылина М.М. Скульптура Боспора // МИА. 1951. № 19.
- Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е. Київ, 1974.
- Колесникова Л.Г. Антропоморфные надгробия Херсонеса. Арх. НЗХТ. № 2705.
- Колесникова Л.Г. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? // СА. 1973. № 3.
- Колесникова Л.Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 1977. № 2.
- Колесникова Л.Г. Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // Античная скульптура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
- Мелюкова А.И. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. 1953. Вып. XLVIII.
- Молева Н.В. Группа антропоморфных надгробий из некрополя Мирмекия // АМА. 1977. Вып. 2.
- Молева Н.В. Новые антропологические надгробия в коллекции Керченского музея // АМА. 1983. Вып. 5.
- Молева Н.В. Антропоморфные памятники Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Молева Н.В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний // СА. 1991. № 2.
- Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002а.
- Молева Н.В. Древности эпох камня и бронзы на античных памятниках Боспора // АМА. 2002б. Вып. 11.
- Пятыйшева Н.В. Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ. 1946. № 3.
- Рогов Е.Я. Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н.э. в Северном Причерноморье: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998 // НА ИИМК РАН. РА. Ф-35. Оп. 2-Д. № 561.
- Рогов Е.Я. Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма // АМА. 2002. Вып. 11.
- Сокольский Н.И. Синдская скульптура // Античное общество. М., 1966.
- Спицын А.А. Каменные бабы — стелы // Тр. РАНИИОН. 1928. Вып. IV.
- Столба В.Ф. Херсонес и скифы в V–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.
- Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям // Тракия. 1972. I
- Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970.
- Щеглов О.М. Херсонесські антропоморфні стели з врізними зображеннями // Археологія. 1968. № 21.
- Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1967.
- Шульц П.Н. Скифское изваяние, найденное у городища “Чайка” // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Berndt-Ersöz S. Phrygian rock-cut shrines and other Religious Monuments. A study of structure, function and practice. Stockholm, 2003.
- Braden D.W. Inscriptions: the funerary monuments // Agora. 1974. V. 17.
- Brusin G. Di un tipo stele sepolcrale caratteristico di Verona // BJB. 1958. N. 158.
- Cassels J.S. Cyrenaican expeditions of the University of Manchester 1955, 1956, 1957. The excavated areas of the cemeteries at Cyrene. Descriptions of the coins // The Antiquaries jr. 1971. 41.
- Çalik A. Local Funerary Busts from Cilicia // AMS. 1999. Bd. 34.
- Charles-Picard G. Catalogue du Musée Alaoui: nouvelle série. Tunis, 1954.
- Gras M., Rouillard P., Teixidor J. The Phoenicians and death // Berytus. 1991. V. XXXIX.
- Jehasse J. La nécropole préromaine d'Aléria (1960–1968). Paris, 1973 (Gallia Suppl.; 25).

- Kockel V.* Die Grabbauten vor dem Herkulaner Tor in Pompeji. Mainz, 1983.
- Korkut T.* Überlegungen zum Aufkommen der Halbfiguren auf kleinasiatischen Grabstelen vom Hellenismus bis zur römischen Kaiser // *Adalya*. 1999–2000. № 4.
- Kurtz D.C., Boardman J.* Greek burial customs. N.Y., 1971.
- Mau A.* Pompeii: its life and art. L., 1902.
- Naumann F.* Die Ikonographie der Kybele in der Phrygischen und der Griechischen Kunst // *IstMitt*. 1983. Beih. 28.
- Pensabene P.* Cippi Funerari di Taranto // *RM*. 1975. Bd. 82(1).
- Petzl G.* Die Inschriften von Smyrna // *IK*. 1982. Bd. 23(1).
- Pfuhl E.* Das Beiwerk auf den ostgriechischen Grabreliefs // *JdI*. 1905. Bd. XX.
- Posamentir R.* Colonization and acculturation in the early necropolis of Chersonesos // *BIAA Mon*. 2007. № 42.
- Ribichini S.* Tophet und das punische Kinderopfer // *Hannibal ad portas*. Stuttgart, 2004.
- Robinson H.S.* A Sanctuary and Cemetery in Western Corinth // *Hesperia*. 1969. V. XXXVIII.
- Roller L.E.* The Great Mother at Gordion: the Hellenization of an Anatolian Cult // *JHS*. 1991. V. CXI.
- Roller L.E.* In search of God the Mother. The cult of Anatolian Cybele. Berkeley, 1999.
- Rowe A., Healy J.F.* Cyrenaican Expeditions of University of Manchester 1955, 1956, 1957. Manchester, 1959.
- Sader H.* Phoenician stelae from Tyre // *Berytus*. 1991. V. XXXIX.
- Stupperich R., Serdaroğlu Ü.* Ausgrabungen in Assos // *AMS*. 1996. Bd. 21.
- The Gravestone of Chersonesos. Research and conservation / Ed. J.C. Carter. Istanbul, 2006.
- Tsetskhladze G.R., Kondrashev A.V.* Notes on the rescue excavation of the Tuzla Necropolis // *North Pontic Archaeology*. 2001. V. 6.
- Tusa V.* La presenza fenicio-punica in Sicilia // *MB*. 1982. Bd. 8.
- Utili F.* Die Archaische Necropole von Assos // *AMS*. 1999. Bd. 31.

ЧАШИ МАСТЕРА ТЛЕСОНА ИЗ РАСКОПОК В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

© 2010 г. А.Е. Петракова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (petrakova.anna@gmail.com)

Ключевые слова: мастер Тлесона, мелкофигурные чаши, атрибуция аттической расписной керамики, метод Бизли, чернофигурные аттические вазы, Эрмитаж, Северное Причерноморье.

The State Hermitage museum owns over 350 cups and fragments of Little-Masters cups of all the existing types (without counting the floral band-cups). Twelve of them, including one whole lip-cup, two fragments of lip-cups and nine fragments of band-cups can be attributed to the Tleson Painter, one of the most typical and prolific of the Little-Masters. Two fragments of the lip-cup with palmettes and inscriptions can be dated c. 550 BC, early phase of the painter, while the whole lip-cup of Beazley's type LI with siren inside can be dated to the middle phase of the painter in Fellmann's chronology. Two fragments of band-cups with typical for the painter description of fighting cocks, two fragments of band-cups with sirens, four fragments of band-cups with palmettes and one item with inscriptions can be attributed to the Tleson Painter of the middle phase, 550–530 BC. The whole cup and seven fragments were found on Berezan island, three fragments in Nymphaion and one in Olbia. All together these fragments form about 11% of the whole quantity of the cups by the Tleson painter the provenance of which we can define. This fact makes Northern Black Sea the second main direction of export of the cups by this painter, setting it after Italy and Sicily (about 35%).

В собрании Государственного Эрмитажа хранятся целые чаши и фрагменты, относящиеся к группе так называемых мелкофигурных чаш (*Little-Master Cups*; *Kleinmeisterschalen*) – тонкостенных чернофигурных аттических сосудов, для которых характерны высокая ножка, глубокое тулово с высоким венчиком, длинные изящные ручки; название класс получил благодаря декору в виде миниатюрных фигур. Дж. Бизли заложил основы классификации, датировки и атрибуции мелкофигурных чаш, выявив основные разновидности формы и декора, определив принадлежность к гончарным мастерским и назвав некоторое количество имен вазописцев (Beazley, Payne, 1929; Beazley, 1932. P. 167–203). По форме мелкофигурные чаши близки так называемым чашам Сиана (*Siana cups*), которые начали изготавливать в Аттике на 15 лет раньше и которые в течение приблизительно 25 лет сосуществовали с мелкофигурными чашами (Brijder, 1983; 1991; 2000). Ножка у мелкофигурных чаш более высокая, изящная и четко отделена от круглой базы; ручки, напротив, длиннее и массивнее, чем у чаш Сиана; тулово же, с высоким венчиком, позволяет делать выводы о генетической связи этих двух форм.

Из пяти разновидностей мелкофигурных чаш наиболее близки чашам Сиана так называемые “lip-cups” (*Randschale*; *coupe à lèvres*) – чаши с четко выделенным высоким венчиком: высота венчи-

ка составляет приблизительно треть высоты всего тулова, а способ размещения декора на наружной стороне близок некоторым типам декора, впервые изобретенным вазописцами, расписывавшими чаши Сиана: “двухъярусная” (*double-decker*) схема декора, при которой изображение на наружной стороне чаши располагается в два яруса (один – на венчике, другой – на тулове), была разработана вазописцами чаш Сиана (Brijder, 1983). Свое название чаши типа *lip-cups* получили благодаря хорошо заметному выступу между венчиком и туловом (Beazley, 1932; 1956. P. 159–197, 688; 1971. P. 67–80; Boardman, 1974. P. 58–61; Haldenstein, 1983; CVA München 10; CVA München 11; Käser, Vienneis, 1990; Heesen, 1996. P. 49–61).

Другой тип мелкофигурных чаш, так называемые “band-cups” (*Bandschale*; *coupe à bande*), не имеют четкого отделения тулова от венчика: высокий венчик постепенно переходит в тулово, образуя с ним единую плавную кривую по обводу контура чаши. Тем не менее, как и у чаш типа “lip-cup”, венчик отделен от тулова. У всех чаш типа “band-cup” венчик покрыт черным лаком (что и дало название чашам этого типа). Подобная схема декора также впервые была опробована мастерами чаш Сиана (Brijder, 1983). Чаши типа “lip-cup” и “band-cup” часто имеют фигуративный декор и миниатюрные пальметты у ручек; композиции на чашах типа “lip-cup”, как

правило, состоят из одной-двух фигур на каждой стороне (редко трех-четырех и больше), расположенных либо на венчике, либо на тулове (редко и там, и там); композиции на чашах типа “*band-cup*” нередко многофигурные, с неким выделенным центральным элементом; также встречаются композиции из ритмически повторяющихся пар персонажей или однотипных фигур, движущихся в одну сторону. Внутри большинство чаш типа “*band-cup*” декорированы черной окружностью с точкой внутри на фоне в цвете глины, в то время как на чашах типа “*lip-cup*” чаще встречаются фигуративные медальоны с орнаментальным обрамлением, напоминающим медальоны чаш Сиана. Три другие разновидности мелкофигурных чаш – так называемые чаши Дропа (*Droop cups*), Кассельские чаши (*Cassel cups*) и чаши из Гордиона (*Gordion cups*) – имеют фигуративный декор гораздо реже.

Датировка мелкофигурных чаш до сих пор остается сложным вопросом по многим причинам: количество дошедших до нас экземпляров весьма велико и увеличивается с каждым годом благодаря археологическим раскопкам. Будучи массовой продукцией, мелкофигурные чаши изготавливались довольно широким кругом мастеров, при этом развитие формы в пределах каждого типа чаш было незначительным; живопись и гравировка в проработке миниатюрных фигур, украшающих чаши, за исключением работ нескольких вазописцев, имеют посредственное качество; и, наконец, место и особенности находок большинства этих чаш позволяют давать им лишь широкую датировку в 40–20 лет (Heesen, 1996. P. 46–109). После работ по классификации мелкофигурных чаш, опубликованных Бизли (Beazley, 1932. P. 167–203), Дропом (Droop, 1910) и Юром (Ure, 1932), значительный вклад в изучение вопросов датировки внес Ф. Виллар, создавший общую шкалу развития формы чаши в Аттике (Villard, 1946). На сегодняшний день наиболее ранние по времени создания мелкофигурные чаши (так называемые “гибридные”, переходные от чаш Сиана к мелкофигурным) датируются 560–550 гг. до н.э., основной массив чаш – 550–530 гг. до н.э., поздние мелкофигурные чаши – 520 гг. до н.э. В отношении небольшого количества мастеров, таких как мастер Тлесона, Мастер кентавра, Мастер Агоры 1241, Мастер бегунов и др. хронология была разработана более детально на основе развития индивидуального стиля мастера (Beazley, 1956. P. 159–197, 688–689; 1951. P. 48–52; 1971. P. 67–80; Boardman, 1974. P. 58–62; Haldenstein, 1983; CVA München 10; CVA München 11; Käser, Vierneisel, 1990; Heesen, 1996. P. 49–106).

В собрании Государственного Эрмитажа в виде целых форм и фрагментов представлены все раз-

новидности мелкофигурных чаш. Общее их количество составляет более 350 единиц (не считая так называемых *floral band-cups*, украшенных лишь цепочкой пальметт и лотосов), поступивших в музей в результате покупок в XIX – начале XX в. и благодаря археологическим экспедициям, имевшим место с 1870-х по 1991 годы. Наибольшую часть коллекции мелкофигурных чаш в Эрмитаже составляют фрагменты чаш типа *band-cup*, происходящие из археологических раскопок на территории Северного Причерноморья; чаши типа *lip-cup*, Кассельские чаши и чаши Дропа составляют меньшую ее часть. В этой богатой коллекции можно выделить группу мелкофигурных чаш и фрагментов, росписи которых отличают особое изящество и тонкая тщательная проработка деталей при помощи гравировок. Их следует атрибутировать мастеру Тлесона (*Tleson Painter*) – одному из наиболее выдающихся и представительных мастеров, расписывавших мелкофигурные чаши (Beazley, 1951. P. 50). Мастер получил свое условное имя по имени гончара Тлесона, сына Нейарха, подписи которого (в форме “Тлесон сделал меня” или “Тлесон, сын Нейарха, сделал меня”) сохранились на значительном количестве мелкофигурных чаш, большинство из которых и расписал вазописец, получивший условное имя “мастер Тлесона” по имени гончара, с которым он работал (Beazley, 1956. P. 178–183; 1951. P. 50, 51; 1971. P. 74–76; Boardman, 1974. P. 60; Haldenstein, 1983. P. 70–80; CVA München 10. S. 20–23; CVA München 11. S. 16–18; Fellmann, 2002). Вопрос о том, были ли гончар Тлесон и вазописец, расписавший большую часть ваз, вылепленных им, одним и тем же мастером, до сих пор остается открытым. В то время как Дж. Бордин пишет, что “Тлесон..., без сомнений, гончар и живописец” (Boardman, 1974. P. 60), Х.Р. Иммервар замечает: “В целом лучше считать, что вазописец Тлесона был отдельной от гончара Тлесона личностью, хотя и противоположное не исключено” (Immerwahr, 1990. S. 53). Наиболее полное и серьезное исследование вопросов хронологии и особенностей развития стиля мастера Тлесона – статья Б. Фельмана 2002 г. (Fellmann, 2002. S. 111–121), в которой особое внимание автор уделил анализу форм чаш, декора в виде пальметт у ручек, а также специфике написания букв на чашах вазописца. Фельман разделил творчество мастера Тлесона на раннюю, зрелую и позднюю фазы, распределив в соответствии с ними наиболее известные чаши мастера из разных музеев мира. Благодаря работе Фельмана стало возможным заниматься датировкой и атрибуцией не только целых чаш или крупных фрагментов с фигуративным декором, но и определить как работы мастера Тлесона даже маленькие фрагменты, на которых сохранились

лишь миниатюрная пальметта или несколько букв надписи.

На сегодняшний день известно более ста семидесяти мелкофигурных чаш, атрибутированных гончару Тлесону, вазописцу с условным именем «мастер Тлесона» или обоим сразу. Приблизительно третья часть от этого общего количества (главным образом чаши типа *lip-cup*) украшены на наружных сторонах надписью (подпись гончара или пожелание пьющему), расположенной на тулове в зоне между ручек и ограниченной справа и слева миниатюрными пальметтами; никакого другого декора внутри и снаружи чаш нет. Как справедливо заметил Дж. Бизли, «в то время как на большинстве форм ваз надписи являются несущественным дополнением декора, в мелкофигурных чашах, особенно типа *“lip-cup”*, они являются очень важной составляющей всего декора» (Beazley, 1932. P. 194), что, по мнению П. Хеезена, представляет собой «наиболее удовлетворительное соединение формы и основной схемы декора чаш типа *“lip-cup”*» (Heesen, 1996. P. 49).

Написание подписей и надписей на чашах мастера Тлесона характеризуется аккуратно выполненными буквами почти одинакового размера, помещенными в прямую линию и на равных расстояниях друг от друга. Среди дошедших до нас работ вазописца не известны случаи, когда слова были бы отделены друг от друга пунктуацией или пространством (Heesen, 1996. P. 49, 50). Помимо уже упоминавшихся надписей «ΤΛΕΣΟΝΕΠΟΙΕΣΕΝ» и «ΤΛΕΣΟΝΗΟΝΕΑΡΧΟΕΠΟΙΕΣΕΝ» для чаш мастера Тлесона характерны надписи-пожелания типа «ΧΑΙΡΕ» – известно более шестнадцати таких чаш, пять из которых, объединяющие надпись с фигуративным декором, были атрибутированы Джоном Бизли: Нью-Йорк 18.74.2, Лондон В 416, Никосия С 438, Мюнхен 9414, Тампа 86.50 (Beazley, 1956. P. 179. № 8; P. 179. № 11; P. 180. № 34; P. 180. № 37; P. 180. № 41). Список был дополнен Д. фон Ботмером (Beazley, 1971; аукцион в Женеве, Кутулакис), Х. Хоффманном (Hoffmann, 1969. S. 347. Fig. 31; Гамбург 1967.34), Дж. Хальденштайн (Haldenstein, 1983. P. 71ff; Мюнхен 2132, Берлин F 1775, Базель, частное собрание) и Б. Фельманом (CVA München 10. S. 28; Лондон В 422 – в соответствии с атрибуциями Хальденштайн в Берлине и Мюнхене). Надпись читается (или может быть восстановлена по сохранившимся буквам) как «ΧΑΙΡΕΚΑΠΠΕΙΕΥ», исключение составляет чаша с аукциона в Женеве с надписью «ΣΥΧΑΙΡΕΚΑΠΠΕΙΕΥΤΟΙ» (Beazley, 1971. P. 75). Вынося суждение только лишь на основе надписей и рисунка пальметт, Бизли приписал мастеру Тлесона три чаши без фигуративного

декора: Нью-Йорк аукцион, Лондон В 415, Лондон 54.5–19.2 (Beazley, 1971. P. 76), а Фельман (CVA München 10. S. 28) добавил еще две чаши без декора – Филадельфия аукцион (Hesperia Art Bulletin 38. № 11) и Уилсон колледж 0-18a (Pinney, Ridgeway, 1979. P. 28. № 11). Как было ранее замечено Хальденштайн (Haldenstein, 1983. P. 77) и Фельманом (CVA München 10. S. 50) три чаши с необычной надписью «ΧΑΙΡΕΣΥΚΑΠΠΕΙΕΥ» также могут быть расписаны мастером Тлесона: Берлин F 1771 (Furtwängler, 1885. S. 294), Мюнхен 2134 (CVA München 10. Taf. 31, 1–5) и Тюбинген S/10 1222 (CVA Tübingen 3. Taf. 27, 5–7, 9). Хеезен (Heesen, 1996. P. 49, 50) добавил к списку чашу из частного собрания в Германии (Hornbostel, 1986. № 13), а также два фрагмента, возможно принадлежащих одной и той же чаше в Никольсон музее в Сиднее 53.02 и 53.03 (Cambitoglou, 1992. P. 104) с надписями «(ΧΑΙΡ)ΕΚΑΠΠΕΙΕΥΤ(ΟΙ)» и «(...Π)ΙΕΙΕΥΤΟΙ» соответственно.

Не только надписи, но и пальметты мастера Тлесона весьма характерны и узнаваемы: обычно они состоят из девяти или одиннадцати листочков со скругленными кончиками, листочки расположены плотно друг к другу и отделены друг от друга только гравированной линией; сердцевина пальметты обычно красная, а все листики – черные. В ранних работах мастера все листики одинаковые, в работах среднего периода центральный листик становится чуть длиннее, что придает пальметте овальную форму; в наиболее поздних росписях листики расположены не совсем вплотную.

Помимо надписей и пальметт для декора чаш мастера Тлесона характерны изображения сирен (по одной – внутри медальонов или в центре венчика на чашах типа *“lip-cup”*; по одной или по две – в фигуративных поясах чаш типа *“band-cup”*); сфинксов (по одному – внутри медальонов или в центре венчика, а также по одному – по сторонам от ручек на чашах типа *“lip-cup”*); лебедей (по одному – внутри медальонов или в центре венчика на чашах типа *“lip-cup”*), сражающихся петухов, стоящих куриц, идущих козлов (в поясах чаш типа *“band-cup”* или на венчиках чаш типа *“lip-cup”*). Все эти фигуры отличаются тщательной проработкой мельчайших элементов при помощи гравировки, а также обильно использованные для обозначения деталей дополнительные красная и белая краски. П. Хеезен датирует чаши мастера Тлесона типа *“lip-cup”* с фигуративным медальоном внутри ранним периодом мастера, т.е. 560–550 гг. до н.э., в то время как чаши типа *“lip-cup”* с фигуративным декором только снаружи и чаши типа *“band-cup”* более поздним временем – 550–530 гг. до н.э. (Heesen, 1996. P. 49, 50).

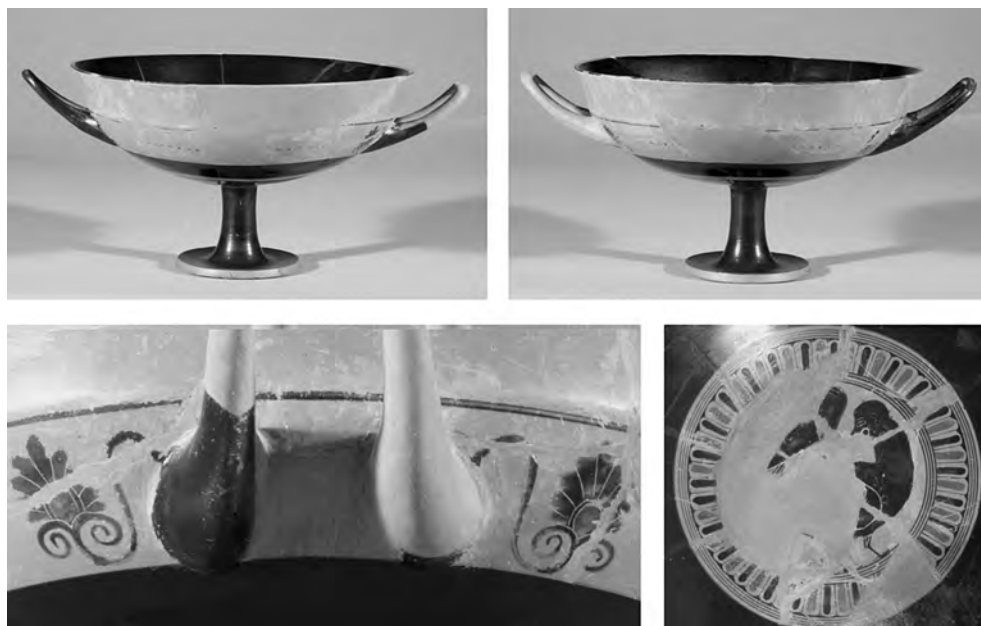

Рис. 1. Чаша типа “lip-cup”. Инв. № Б. 137. Мастер Тлесона. Середина VI в. до н.э. Государственный Эрмитаж.

В собрании Государственного Эрмитажа имеет-ся одна целая чаша типа “lip-cup” и два фрагмента, которые вне всяких сомнений необходимо отнести к работам мастера Тлесона. По степени сохранности первой следует назвать чашу с инв. номером Б. 137 (выс. 13.5 см; диам. 22.8 см; диам. с ручками 30.1 см), происходящую из раскопок на Березани в 1909 г. (CVA The State Hermitage Museum 8. Pl. 6, 1–5; 7, 1–4). Чаша склеена из кусков, отсутствующие фрагменты восполнены из гипса и тонированы в цвет лака или глины (рис. 1). Венчик чаши не имеет декора, на тулове частично сохранились пальметты у ручек (на одной стороне – две, на другой – одна) и надписи между ними: “ΤΛΕΣΟΝ(…)ΟΕΠΟΙΕ(…)ΕΝ” на стороне А и “ΤΛΕΣ (..)ΟΙΕΣΕΝ” на стороне Б, являющиеся, судя по имеющимся буквам и расстоянию между ними, частично сохранившимися надписями “ΤΛΕΣΟΝΗΝΕΑΡΧΟΕΠΟΙΕΣΕΝ” (“Тлесон, сын Неарха, сделал”). Внутри чаши – частично сохранившийся медальон с изображением стоящей вправо в профиль сирены в обрамлении из пояса с чередующимися черными и красными язычками (*tongue-band*). Чаша, таким образом, принадлежит к разновидности LI (“имеющие фигуративный декор только внутри”) по классификации Дж. Бизли (Beazley, 1932. P. 168). По крайней мере шестнадцать чаш мастера Тлесона типа “lip-cup”, не имеющих наружного декора, имеют чернофигурный медальон внутри (Beazley, 1932. Group LI; CVA Amsterdam 2. P. 49, 50). Сирена в тондо – один из наиболее характерных элементов декора чаш типа “lip-cup” мастера Тлесона: примером может слу-

жить чаша Лондон В. 420 (CVA The British museum 2. Pl. 14, 5). Пальметты, аналогичные пальметтам на эрмитажной чаше, нарисованы на чаше мастера Тлесона Лондон В. 415 (CVA The British museum 2. Pl. 12, 8), а сирена в тондо (с точно такими же позой, формой головы и крыльев, характером проработки деталей), обрамление медальона, пальметты у ручек, надписи на сторонах и сама форма чаши аналогичны у эрмитажной чаши и чаши типа “lip-cup” Мюнхен 2135 (CVA München 10. Taf. 12, 5, 7, 8–10), атрибутированной мастеру Тлесона и датированной 550–525 гг. до н.э. На основании приведенных аналогий эрмитажную чашу Б. 137, созданную гончаром Тлесоном, сыном Неарха, как явствует из сохранившейся на ней надписи, следует атрибутировать мастеру Тлесона и датировать серединой VI в. до н.э.

Далее в коллекции Государственного Эрмитажа следует назвать три соединяющихся фрагмента венчика и тулова чаши типа “lip-cup” с инв. номером Б. 109 (максимальный размер вместе 13 × 8.8 см), найденные на Березани в 1900, 1901 гг. и поступившие в музей в 1904 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 10, 1). Венчик фрагмента не декорирован, на тулове сохранилась широкая черная линия вдоль уступа, пальметта и часть надписи, располагавшейся между ручек (четко определяются буквы “ΕΠΟΙΕΣΕΝ”), характерной для мелкофигурных чаш надписи, свидетельствующей о том, что определенный гончар сделал вазу (рис. 2). Буквы написаны аккуратно и помещены на равном расстоянии друг от друга; сердцевина пальметты

пурпурная, плотно прилегающие друг к другу лепестки разделены гравированными линиями; сердцевина пальметты отделена от основания одинарной гравировкой, от лепестков – двойной гравированной линией в виде высокой арки. Эрмитажный фрагмент Б. 109, по-видимому, принадлежал чаше типа LP (“не имеющие фигуративного декора”) или LI (“имеющие фигуративный декор только внутри”) по классификации Бизли (Beazley, 1932). По крайней мере тридцать две чаши с подписью гончара Тлесона не декорированы орнаментами или фигурами внутри и снаружи (Beazley, 1932. LP Group, 168; CVA Amsterdam 2. P. 49, 50). Почти идентичные пальметты и надписи можно видеть на чаше типа “*lip-cup*” Амстердам 8944 (CVA Amsterdam 2. P. 50, 51. Pl. 95, 1–6), а также на чаше типа “*band-cup*” Мюнхен SL 462 (CVA München 11. Taf. 7, 4). Обе эти чаши атрибутированы мастеру Тлесону и датированы около 550 г. до н.э., а мюнхенская чаша обозначена в статье Фельмана как работа раннего периода мастера (Fellmann, 2002. S. 113). Кроме того, аналогичные эрмитажным пальметты и надписи можно видеть на чаше Мюнхен 9416 (Fellmann, 2002. S. 112, 113), отнесенной Фельманом к среднему периоду мастера. Характер нанесения изящных букв, расположенных на равном расстоянии друг от друга, и сама надпись, по-видимому, часть надписи “ΤΛΕΣΩΝΕΠΟΙΕΣΕΝ” (“Тлесон сделал”) или “ΤΛΕΣΩΝΗΝΕΑΡΧΟΕΠΟΙΕΣΕΝ” (“Тлесон, сын Неарха, сделал”), также свидетельствуют в пользу атрибуции эрмитажного фрагмента мастеру Тлесону. Из всех приведенных аналогий к эрмитажному фрагменту, включая его форму и профиль, наиболее близка чаша типа “*lip-cup*” Амстердам 8944. Представляется очевидным, что эти чаши сделаны одним мастером. На основе всех приведенных аналогий и в свете уточненной Фельманом периодизации эрмитажный фрагмент Б. 109 следует атрибутировать мастеру Тлесону и датировать около 550 г. до н.э., т.е. признать ранней работой мастера.

Третий фрагмент чаши типа “*lip-cup*” работы мастера Тлесона – фрагмент венчика с туловом с инв. номером Нф. 47-12 (макс. размеры 5,8 × 7 см), происходящий из раскопок в Нимфее в 1947 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 10, 2). Венчик фрагмента не декорирован, на тулове сохранилась широкая черная линия вдоль тулова, пальметта и буква “Т” – начальная буква надписи, располагавшейся между ручек (рис. 3). Сердцевина пальметты пурпурная, плотно прилегающие друг к другу лепестки разделены гравированными линиями; серд-

Рис. 2. Фрагменты чаши типа “*lip-cup*”. Инв. № Б. 109. Мастер Тлесона. Около 550 г. до н.э. Государственный Эрмитаж.

цевина отделена от основания одинарной гравировкой, от лепестков – двойной гравированной линией в виде высокой арки. Как и предыдущий фрагмент, фрагмент Нф. 47-12, по-видимому, относится к типу LP (“без фигуративного декора”) или LI (“имеющие фигуративный декор только внутри”) по классификации Бизли (Beazley, 1932). Идентичные изображенной на фрагменте Нф. 47-12 пальметты можно видеть на описанном выше эрмитажном фрагменте Б. 109, на чаше типа “*lip-cup*” Амстердам 8944 (CVA Amsterdam 2. P. 50, 51. Pl. 95, 1–6) и на чаше типа “*band-cup*” Мюнхен SL 462 (CVA München 11. Taf. 7, 4; Fellmann, 2002. S. 113). Все они атрибутированы мастеру Тлесону и датированы около 550 г. до н.э., а также на чаше мастера Тлесона Мюнхен

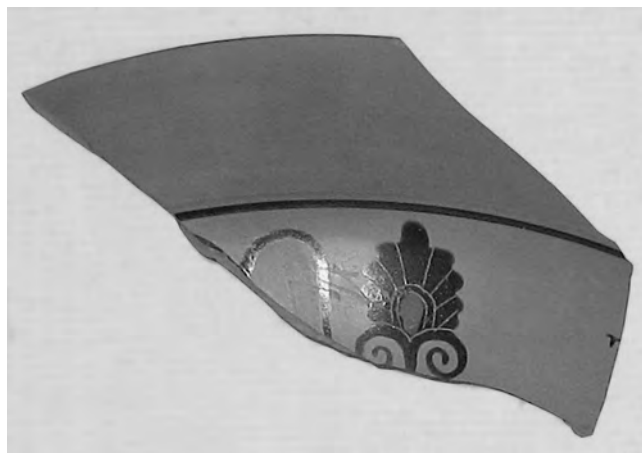

Рис. 3. Фрагмент чаши типа “*lip-cup*”. Инв. № Нф. 47-12. Мастер Тлесона. Около 550 г. до н.э. Государственный Эрмитаж.

9416, отнесенной Фельманом к среднему периоду мастера (Fellmann, 2002. S. 112, 113). Буква “Т” на фрагменте Нф. 47-12, по-видимому, является первой буквой надписи “Тлесон”, являющейся составляющей традиционной для чаш мастера надписи “Тлесон сделал”, как на чаше Тарент I.G. 4440 (CVA Taranto 3. Pl. 32, 3, 4), на которой не только буква, но и пальметты идентичны пальметте на эрмитажном фрагменте. На основании приведенных аналогий эрмитажный фрагмент Нф. 47-12 следует атрибутировать мастеру Тлесона и датировать около 550 г. до н.э.

Таким образом, в собрании Государственного Эрмитажа имеются два фрагмента ранних чаш и одна целая чаша типа “*lip-cup*” среднего периода работы мастера Тлесона. Также, помимо чаш и фрагментов типа “*lip-cup*”, которые следует атрибутировать мастеру Тлесона, в собрании Государственного Эрмитажа имеются фрагменты чаш типа “*band-cup*”, которые, несомненно, являются работами этого вазописца. Четыре из них – наиболее яркие работы этого мастера среди всех его чаш в собрании музея; на них сохранились изображения сражающихся петухов, а также фигуры сирен.

Первым следует назвать фрагмент тулова с венчиком чаши типа “*band-cup*” с инв. номером Нф. 47-3 (максимальные размеры 7.4 × 5.2 см), происходящий из раскопок в Нимфее в 1947 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 1). На фрагменте частично сохранилось изображение верхней половины фигуры петуха влево в боевой позе: голова опущена вниз, перья на шее стоят дыбом, крылья сложены вдоль тела, хвост поднят вверх (рис. 4). Изображение петуха обильно дополнено гравировками и цветом. Гребень, борода, шея со вставшими дыбом перьями, две полосы в середине крыла, пятнышки в начале каждого пера в нижней части крыла, длинное хвостовое перо и точки на конце каждого пера на хвосте нарисованы красной краской (везде по черному фону, кроме перьев на шее). Широкая полоса в середине крыла между красными полосами, точки внутри маленьких гравированных чешуек (обозначающих мелкие перья в верхней части тела), нижняя часть перьев на кончике крыла, три длинных хвостовых пера и точка под каждым красным пятнышком на конце хвостовых перьев нарисованы белым (по черному фону). Контур головы, гребня, круглого глаза со зрачком, крыльев, хвоста, перьев, контуры маленьких перьев-чешуек на теле, ряд линий на широкой белой полосе на крыле выполнены гравировкой. Подробные и изящные гравировки на эрмитажном фрагменте Нф. 47-3, обилие красного и белого цветов, сам тип петуха, его поза и размеры – все это характерно для

Рис. 4. Фрагмент чаши типа “*band-cup*”. Инв. № Нф. 47-3. Мастер Тлесона. 550–540 гг. до н.э. Государственный Эрмитаж.

работ мастера Тлесона: идентичных петухов можно видеть на чаше Малибу 86.AE.159 (CVA Malibu 2. Pl. 94, 1, 2), атрибутированной мастеру Тлесона и датированной около 540 г. до н.э. или на эрмитажном фрагменте Ол. 1689 (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 2), который будет рассмотрен ниже. Наиболее близкой аналогией к фрагменту Нф. 47-3 является чаша типа “*band-cup*” с изображением сражающихся петухов Мюнхен SL 462 (CVA München 11. Pl. 7), атрибутированная мастеру Тлесона и датированная 550–530 гг. до н.э., а позднее помещенная Фельманом среди работ раннего периода мастера (Fellmann, 2002. S. 113). Очевидно, что композиция на эрмитажном фрагменте была такой же, как на чашах мастера Тлесона Мюнхен SL 462, Иерусалим 91.71.309 (Beazley, 1971. P. 76; Carpenter, 1989. P. 51), Париж, Кабинет медалей 317 (CVA Paris, Bibl. Nat. 1. Pl. 47, 5–8), Токра 1056 (Beazley, 1971. P. 75. № 43ter), Оксфорд 1964.621 (Carpenter, 1989. P. 50; Beazley, 1971. P. 75. № 43bis). Такие изображения двух сражающихся петухов характерны для росписей мастера Тлесона, украшающих чаши типа “*band-cup*” (Käser, Vierendeis, 1990. S. 108–110). Приведенный ряд аналогий позволяет с абсолютной уверенностью отнести фрагмент Нф. 47-3 к работам мастера Тлесона и датировать 550–540 гг. до н.э.

Вторым из выдающихся фрагментов чаш типа “*band-cup*”, принадлежащих руке мастера Тлесона в собрании Государственного Эрмитажа, следует назвать маленький кусочек средней части тулова чаши с инв. номером Ол. 1689 (максимальные размеры 2.9 × 3.2 см), происходящий из раскопок в Ольвии в 1906 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 2). На фрагменте сохранилось изображе-

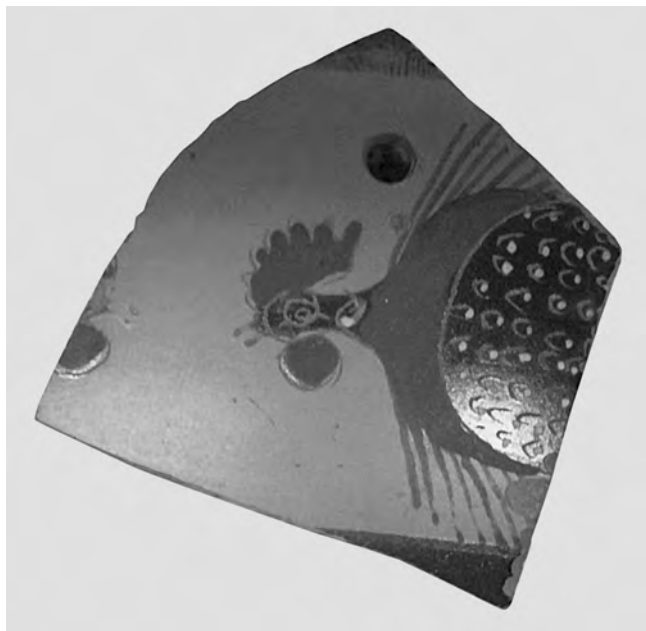

Рис. 5. Фрагмент чаши типа “band-cup”. Инв. № Ол. 1689. Мастер Тлесона. 550–540 гг. до н.э. Государственный Эрмитаж.

ние части бородки и гребня сражающегося петуха вправо и передняя часть аналогичного петуха влево (рис. 5), обильно дополненное цветом и гравировками: бородки и гребни обоих петухов, шея правого петуха со вставшими дыбом перьями (краска нанесена прямо по глине, не по черному фону) нарисованы красным; точки внутри гравированных “чешуек”, обозначающих маленькие перья на теле правого петуха, даны белым; контуры головы, гребней, бородок, глаза, маленьких перьев переданы гравировками. Как и в случае с предыдущим фрагментом Нф. 47-3, эрмитажный фрагмент Ол. 1689 – это несомненная работа мастера Тлесона с тем же рядом аналогий, что и в случае с нимфейским фрагментом. Наиболее близкие по позам, композиции, гравировкам и использованию дополнительных цветов петухи изображены на чаше типа “band-cup” Мюнхен SL 462 (CVA München 11. Taf. 7, 1–5), датированной Фельманом в издании Мюнхенского корпуса ваз 550–525 гг. до н.э., а позднее им же помещенной среди работ “ранней фазы” мастера (Fellmann, 2002. S. 113). Приведенные аналогии позволяют отнести эрмитажный фрагмент Ол. 1689 к работам мастера Тлесона и датировать 550–540 гг. до н.э.

Следующим необходимо назвать фрагмент чаши типа “band-cup” с инв. номером Нф. 41-108/1 (максимальные размеры 3 × 2,9 см; один из семи фрагментов различных чаш, все заинвентаризированы под номером Нф. 41-108), происходящий из раскопок

Рис. 6. Фрагмент чаши типа “band-cup”. Инв. № Нф. 41-108/1. Мастер Тлесона. 550–530 гг. до н.э. Государственный Эрмитаж.

в Нимфее в 1941 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 3). На фрагменте сохранилась часть фигуры сирены влево в профиль (хвост и верх головы утрачены), изображение обильно дополнено цветом и гравировками: крыло, за исключением перьев, и головная повязка пурпурные, лицо, грудь, шея и ряд точек между двумя гравированными линиями на крыле вдоль перьев белые; нижний контур прически, две полосы на правой ноге, контур перьев, черточка на губах, двойная линия между перьями и крылом даны гравировкой (рис. 6). Изображенная на эрмитажном фрагменте сирена типична для работ мастера Тлесона. Идентичную сирену можно видеть, например, на чаше типа “band-cup” Мюнхен SL 462 (CVA München 11. Taf. 7, 2), атрибутированной мастеру Тлесона и помещенной Фельманом среди работ “ранней фазы” мастера (Fellmann, 2002. S. 113), а сфинксов с аналогичным образом трактованной передней частью – на чаше Нью-Йорк 98.9.16 (G.R. 542) (CVA New York 2. Pl. 14, 21a), атрибутированной мастеру Тлесона и датированной 550–525 гг. до н.э. Также близка чаша Тампа 86.60 (Beazley, 1956. P. 180. № 41; 1971. P. 74; Carpenter, 1989. P. 50). Приведенные аналогии позволяют атрибутировать эрмитажный фрагмент Нф. 41-108/1 мастеру Тлесона и датировать 550–540 гг. до н.э.

Рис. 7. Фрагмент чаши типа “*band-cup*”. Инв. № Б. 340. Мастер Тлесона. 550–530 гг. до н.э. Государственный Эрмитаж.

Следующий фрагмент с инв. номером Б. 340 (макс. размеры 3.3×3.1 см) представляет собой кусочек средней части тулова чаши типа “*band-cup*”, происходит из раскопок 1909 г. на Березани и поступил в музей в 1910 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 4). На фрагменте сохранилось изображение сирены с распахнутыми крыльями вправо (верхняя часть головы и крыльев, а также хвост утрачены) (рис. 7). В середине каждого крыла сирены красным нарисована широкая полоса, по сторонам от которой проведено по тонкой белой линии; лицо, шея и грудь покрыты белой краской; контур глаза, ожерелья, уха, нижний контур прически и контур груди, двойная линия под и над красной полосой на крыльях, ряд черточек для обозначения перьев даны гравировкой. Сирена, изображенная на фрагменте Б. 340, характерна для работ мастера Тлесона. Аналогичных эрмитажной сирен можно видеть на чашах Мюнхен 9434 (CVA München 11. Taf. 8, 1), Париж, Кабинет медалей 317 (CVA Paris, Bibl. Nat. 1. Pl. 47, 5–8), Оксфорд 1964.681 (Beazley, 1971. P. 75. № 43bis), Компьень 1091 (CVA Compiègne. Pl. 5, 4, 6), Нью-Йорк 98.9.16 (G.R. 542) (CVA New York 2. Pl. 14, 21a) – все они атрибутированы мастеру Тлесона и датированы 550–530 гг. до н.э. Приведенные аналогии позволяют отнести фрагмент Б. 340 к работам мастера Тлесона и датировать аналогичным образом.

Четыре следующих фрагмента (рис. 8) также являются маленькими кусочками средней части тулова чаш типа “*band-cup*”, на которых сохрани-

лись пальметты. Фрагмент с инв. номером Б. 83-94 (макс. размеры 4.8×4.2 см) происходит из раскопок на Березани в 1983 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 5). На этом фрагменте пальметта сохранилась целиком, а справа от нее имеется буква “Т”, по-видимому, оставшаяся от подписи гончара. Сердцевина пальметты и поперечная черточка на стебле под пальметтой пурпурные, помещенные вплотную друг к другу лепестки отделены гравированными линиями, пальметта отделена от основания одинарной линией, от лепестков – двойной гравированной линией в виде арки. Близкие пальметты можно видеть на ранней “гибридной” чаше типа “*band-cup*” Мюнхен 2188 (CVA München 11. Pl. 1, 1–5), датированной 560–550 гг. до н.э., однако гораздо ближе, можно сказать идентичны пальметты на чашах мастера Тлесона (Käser, Vierneisel, 1990. Pl. 28, 11a–f; Fellmann, 2002. S. 112, 113), например на чаше типа “*lip-cup*” Амстердам 8944 (CVA Amsterdam 2. P. 50, 51. Pl. 95, 1–6) или на чаше типа “*band-cup*” Мюнхен SL 462 (CVA München 11. Taf. 7, 4), атрибутированных мастеру Тлесона и датированных около 550 г. до н.э., а также на чаше Мюнхен 2149 (Fellmann, 2002. S. 113), помещенной Фельманом среди работ мастера Тлесона “средней фазы”, на фрагменте Гёттинген К 346b (CVA Göttingen 3. Taf. 66, 4), атрибутированной мастеру Тлесона 540–530 гг. до н.э. и фрагменте Ватикан 35565 (Iozzo, 2002. Tav. LXXXVIII, 188), датированном М. Иоццо около 540 г. до н.э. Буква “Т”, сохранившаяся на эрмитажном фрагменте, очевидно является первой буквой слова “Тлесон”, как на чаше Толедо 58.70 (CVA Toledo 1. Pl. 34, 1, 2), Карлсруэ 65/43 (CVA Karlsruhe 3. Taf. 23, 1–5) или Тарент I.G. 4440 (CVA Taranto 3. Tav. 32, 3, 4), на которых идентичны эрмитажной и пальметты. Таким образом, на основе приведенных аналогий эрмитажный фрагмент Б. 83-94 следует отнести к работам мастера Тлесона и датировать 550–530 гг. до н.э.

На фрагменте с инв. номером Б. 68-82 (макс. размеры 6.3×5.2 см), происходящем из раскопок на Березани в 1968 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 6), сохранилась пальметта (частично утрачены лепестки), абсолютно идентичная пальметте на фрагменте Б. 83-94, а также кусочек нижней части тулова чаши, покрытой черным лаком за исключением незакрашенного пояса. На фрагментах с инв. номером Б. 86-77 (макс. размеры 3.2×1.9 см) и Б. 86-81 (макс. размеры 3.9×2.6 см), происходящих из раскопок на Березани в 1986 г. (CVA The State Hermitage Museum 10. Pl. 14, 7, 8), сохранилось по пальметте, идентичной предыдущим, но без нижней части. Ряд аналогий у этих трех фрагментов, датировка и атрибуция такие же,

Рис. 8. Фрагменты чаш типа “band-cup”. 1 – инв. № Б. 83-94; 2 – инв. № Б. 68-82; 3 – инв. № Б. 86-77; 4 – инв. № Б. 86-81. Мастер Тлесона. 550–530 гг. до н.э. Государственный Эрмитаж.

как и у фрагмента Б. 83-94, соответственно всех их следует атрибутировать мастеру Тлесона и датировать 550–530 гг. до н.э.

Помимо чаш типа “band-cup” с сохранившимся фигуративным декором или пальметтами в собрании музея имеются четыре не соединяющихся друг с другом, но, несомненно, принадлежащих одной чаше фрагмента тулова с венчиком с инв. номером Б. 90-68 (макс. размеры а) 7.2×8.5 см; б) 7.1×5.7 см; в) 7.7×4.9 см; д) 3.2×2.2 см; предполагаемый диаметр чаши – 23 см), происходящие из раскопок на Березани в 1990 г. (CVA The State Hermitage Museum 8. Pl. 21, 1). На первом фрагменте сохранились буквы “ΤΛΕΣΟΝΗΟΝΕ”, на втором – “ΧΟΕΠΟΙΕΣΕΝ”, на третьем надписей нет, на четвертом имеется “ΕΣΕΝ”. Все эти сохранившиеся буквы являются разными частями надписи “ΤΛΕΣΟΝΗΟΝΕΑΡΧΟΕΠΟΙΕΣΕΝ”, характерной для чаш, сделанных гончаром Тлесоном, сыном Нейарха, и расписанных так называемым мастером Тлесона, как, например, Мюнхен 2126 (CVA München 10. Taf. 8, 1, 2), Мюнхен 2149 (CVA München 10. Taf. 11, 1–5) и Мюнхен 2127 (CVA München 10. Taf. 8, 5–9). Фрагменты чаши Б. 90-68, сделанной гон-

чаром Тлесоном, следует признать работой мастера Тлесона и датировать 550–530 гг. до н.э.

Таким образом, в собрании Государственного Эрмитажа имеется одна целая и два фрагмента чаш типа “lip-cup” и фрагменты девяти чаш типа “band-cup”, которые следует атрибутировать мастеру Тлесона – одному из наиболее ярких и плодотворных мастеров аттических мелкофигурных чаш. Два фрагмента и целая чаша типа “lip-cup” относятся к раннему периоду работы мастера (около 550 г. до н.э.), фрагменты типа “band-cup” – к средней фазе работы мастера (550–530 гг. до н.э.). Целая чаша и семь фрагментов происходят из археологических раскопок на о. Березань, три фрагмента – из раскопок в Нимфее, один – из раскопок в Ольвии, что позволяет дополнить список центров экспорта чаш этого мастера. Из более чем ста семидесяти чаш, атрибутированных мастеру Тлесона, происхождение известно у более чем ста чаш. На основе анализа происхождения находок чаш мастера Тлесона приоритетным экспортным направлением следует признать Италию и Сицилию: найденные там чаши и фрагменты составляют около 35% от общего количества чаш мастера Тлесона, происхождение

которых установлено. Это находки в Адрии (1), Вульчи (18), Геле (1), Капуе (4), Кумах (2), Орвьето (3), Таренте (2), Тарквинии (1), Цере (1), а также находки с происхождением “Италия” или “Этрурия” (5). В сравнении с этой внушительной цифрой экспорт чаш мастера в другие центры представляется скорее эпизодическим. Приблизительно по 3% чаш происходит из Турции (Смирна – 2, Даскелион – 2), с Родоса (Иксия – 1, Камирос – 2, Фана – 1), 2.7% – из Египта (Навкратис), по 1.8 % – из Испании (Уэльва) и с Кипра (Марион), также имеются единичные находки на Самосе, в Истрии, Токре, Македонии, в Коринфе и Элевсине; из Афин происходит около 8% чаш. В свете приведенной статистики атрибуция чаш и фрагментов мастера Тлесона в собрании Государственного Эрмитажа представляется важной и с точки зрения дополнения сведений о распространении керамической продукции афинских мастерских в VI в. до н.э. На материале только эрмитажной коллекции можно сделать вывод о том, что Северное Причерноморье было вторым после Италии приоритетным направлением экспорта чаш мастера Тлесона – чаши и фрагменты этого мастера, найденные на Березани, в Нимфее и Ольвии, составляют приблизительно 11% от общего количества чаш мастера Тлесона, происхождение которых установлено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Beazley J.D.* Little-Masters Cups // JHS. 1932. № 52.
- Beazley J.D.* The Development of Attic Black-Figure. Berkeley; L., 1951.
- Beazley J.D.* Attic Black-figure Vase-painters. Oxford, 1956.
- Beazley J.D.* Paralipomena: Additions to Attic Black-figure Vase-painters and to Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1971.
- Beazley J.D., Payne H.G.G.* Attic Black-figured Fragments from Naucratis // JHS. 1929. № 49.
- Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. L., 1974.
- Brijder H.A.G.* Siana Cups I and Komast Cups. Amsterdam, 1983 (Allard Pierson Ser.; V. 4).
- Brijder H.A.G.* Siana Cups II: The Heidelberg Painter. Amsterdam, 1991 (Allard Pierson Ser.; V. 8).
- Brijder H.A.G.* Siana Cups III. The Red-black Painter, Griffin-bird Painter and Siana Cups Resembling Lip-cups. Amsterdam, 2000 (Allard Pierson Ser.; V. 13).
- Cambitoglou A.* Handlist of the Classical collection, Nicholson museum. Sydney, 1992.
- Carpenter T.H.* Beazley Addenda: Additional References to ABV, ARV2 and Paralipomena. Oxford, 1989.
- Droop J.P.* The dates of the vases called “cyrenaic” // JHS. 1910. № 30.
- Fellmann B.* Zur Chronologie des Tleson Malers // Beihefte zum CVA Deutschland herausgegeben von Paul Zanker. Bd. 1. Vasenforschung und CVA – Standortbestimmung und Perspektiven. München, 2002.
- Furtwängler A.* Beschreibung der Vasensammlung im Antiquarium. Berlin, 1885.
- Haldenstein J.T.* Little Master Cups. Studies in 6th century Attic Black-figure Vase Painting. Diss. Univ. of Cincinnati, 1982. Ann Arbor, 1983.
- Heesen P.* Little Masters cups // CVA Amsterdam 2. Amsterdam, 1996.
- Hoffmann H.* Gewerungsbericht des Museums für Kunst und Gewerbe. Hamburg, 1963–1969 // Archäologischer Anzeiger. 1969.
- Hornbostel W.* Aus der Glanzzeit Athens, Meisterwerke griechischer Vasenkunst in Privatbesitz, exhib. Hamburg, 1986.
- Immerwahr H.R.* Attic Script. A Survey. Oxford, 1990 (Oxford Monographs on Classical Archaeology).
- Iozzo M.* Ceramica attica a figure nere. Città del Vaticano, 2002.
- Käser B., Vierneisel K.* Kunst der Schale. Kultur des Trinkens. München, 1990.
- Pinney G.F., Ridgeway B.S.* Aspects of Ancient Greece. Allentown, 1979.
- Ure P.N.* Droop cups // JHS. 1932. № 52.
- Villard F.* L'évolution des coupes attiques à figures noires // REA. 1946. № 48.

ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА III в. до н.э.

© 2010 г. А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург (andrtereshhen@yandex.ru)

Ключевые слова: *Боспорское царство, “монетный кризис” III в., чеканка медной монеты, хлебный экспорт из Великой Скифии.*

The author analyzes the possible reasons for the complex period of Bosphoran history that Russian historiography erroneously named “the coin crisis”. The phenomenon should actually be determined as a crisis in the state revenues, which was brought about by the decrease in grain trade between the Bosphoran kingdom and the Greek Mediterranean region. The reason was the destabilization in the lands of Greater Scythia from where most of the tradable grain came. The downfall of Greater Scythia began in the last quarter of the 4th c. BC when Sarmatian tribes appeared on that territory. In numismatics, the beginning of the process was marked by a sharp increase in the amount of copper coinage. That applies to the series which includes two types of coins: “bearded satyr head, protoma of eagle-headed griffin right, sturgeon below, Π-A-N left” and “beardless satyr head, protoma of Pegasus right, Π-A-N right”.

Негативные явления, фиксируемые в монетном деле Боспорского царства в III в. до н.э. и называемые обычно “монетным” или “денежным” кризисом, до сих пор вызывают оживленную дискуссию по поводу их характера, времени и причин. Наиболее наглядные признаки этого процесса нашли свое отражение в массовом выпуске постоянно деградирующей меди, небрежной перчеканке, а также в появлении различного рода надчеканок на некоторых сериях медных монет.

На сегодняшний день отечественными исследователями предложен широкий диапазон различного рода предпосылок, повлекших за собой расстройство финансов Боспорского царства. Нет нужды перечислять здесь все эти версии, они уже достаточно подробно рассмотрены и классифицированы в современной литературе (см., например, Григорьев, 2006. С. 156, 157). Тем не менее в данной работе предлагается еще один вариант развития событий, которые, как представляется, могли вызвать этот процесс.

В первую очередь необходимо четко обозначить рассматриваемое явление, дабы исключить в дальнейшем путаницу в терминологии, поскольку определение “монетный кризис”, впервые предложенное А.Н. Зографом (1941. С. 154; 1951. С. 179), в корне неверно. Несостоятельность данной характеристики полностью раскрыта в работе О.Н. Мельникова (2006. С. 210) и цитировать его выводы здесь нет необходимости. Однако вызывает недоумение тот факт, что в завершение своей совершенно справедливой критики уже ставшего

общепризнанным прилагательного “монетный” автор утверждает, что кризиса как такового в III в. до н.э. не было. В действительности же мы имеем дело с неким ФОМС – функциональным отклонением монетной системы, каковое представляет собой “ранний вариант опыта по максимальной эксплуатации монетной регалии, осуществленном на Боспоре в чисто классическом виде” (Мельников, 2006. С. 210).

Следует отметить, что предшественниками этой гипотезы отчасти выступают В.А. Анохин, А.С. Башкиров и А.В. Куликов, считающие, что понятие “кризис” неправомерно и неадекватно для денежного хозяйства Боспора второй четверти III в. до н.э. (Анохин, 1999. С. 83, 84); большое количество монет свидетельствует скорее о подъеме экономики (Башкиров, 1967. С. 93, 94); экономический смысл всех операций с медной монетой сводится исключительно к стремлению извлечь дополнительную прибыль от чеканки (Куликов, 2001. С. 227).

К сожалению, попытки выдвинуть версию по-оригинальнее сослужили уважаемым исследователям плохую службу. Сам облик боспорских монет, относящихся ко второй – третьей четверти III в. до н.э., буквально вопиет об экономических неурядицах, постигших страну. Эти монеты однозначно свидетельствуют о тяжелейшем экономическом кризисе, поразившем Боспорское царство.

В данном случае необходимо упомянуть, что подобные негативные моменты, как-то: прекра-

щение чеканки монет из драгоценных металлов, появление надчеканок и монет деградированного облика, — отчетливо и более-менее синхронно проявились в монетном деле не только Боспора, но и других греческих государств региона — в Херсонесе Таврическом и Ольвии. Следовательно, объяснение кризиса какими-то локальными причинами вряд ли допустимо (см.: Щеглов, 1985. С. 191, 192; Карышковский, 1988. С. 86; 2003. С. 240; Туровский, 1997. С. 45; Гилевич, 1999. С. 358; Суханов, 2005. С. 22, 23). Отсюда наиболее адекватной представляется гипотеза, по которой истоки рассматриваемого явления следует искать во всеобщей дестабилизации в Северном Причерноморье, вызванной вторжением сарматских племен (Щеглов, 1989. С. 56–58; Виноградов, Марченко, 1991. С. 153; Марченко, 1996. С. 71; Карышковский, 2003. С. 240; Туровский, 2005. С. 380).

Перейдем непосредственно к выяснению причин кризиса. Начнем с того, что упоминание о хлебе как главном богатстве и основной статье боспорского экспорта стало уже в некотором роде аксиомой, поэтому неудивительно появление попыток рассмотреть данное положение насколько возможно объективнее. Наиболее обоснованной в этом плане представляется статья В.Д. Кузнецова, в которой автор вполне убедительно показывает, что возможности собственно Боспорского царства по производству товарного хлеба сильно преувеличены (2000б. С. 107–119). К такому же результату, на основе оценки плодородности земель Восточного Крыма и Таманского полуострова, пришел и А.В. Одрин (2004. С. 53, 54).

По мнению В.Д. Кузнецова, хлебные поставки из Северного Причерноморья в Средиземноморье были иррегулярными. Кроме того, подобного рода торговля осуществлялась исключительно боспорскими правителями, которые получали зерно из царского домена, а также в виде податей от городов и от поставленных в зависимость синдских племен (Кузнецов, 2000б. С. 115). С точки зрения А.В. Одрина, “основные объемы зерновых, экспортировавшихся Боспором в IV в. до н.э., скорее всего производились на территории синдо-меотских племен” (2004. С. 54).

Относительно последнего положения чрезвычайно показательно исследование В.В. Улитина, посвященное греко-меотским торговым связям в конце VI — первой половине I в. до н.э. Если судить по находкам амфорной тары в могильниках, то поступление греческих товаров (в первую очередь — вина) рядовым общинникам меотских поселений фиксируется уже с конца VI в. до н.э. В дальнейшем в течение всего V в. до н.э. идет

постепенный рост греко-меотской торговли, достигающей своего пика во второй–третьей четверти IV в. до н.э. (Улитин, 2006. С. 12, 13, 15, 24. Рис. 2). В III в. до н.э. наблюдается сильный спад, особенно заметный со второй четверти этого столетия. В конце своего исследования автор склоняется к мысли, что именно Прикубанье являлось одним из “важных сельскохозяйственных районов того времени в античном мире” (Улитин, 2006. С. 19, 21).

С указанной работой перекликается исследование А.Е. Безматерных о находках греческого импорта в курганах скифского времени днепровского лесостепного междуречья. Реконструируемая им на основе амфорной тары, картина торгового обмена показывает два пика активности на территории Левобережной Украины — в VI и IV вв. до н.э. В лесостепном Подонье активность торговли непрерывно возрастала с начала V в. до н.э. вплоть до ее резкого прекращения в начале III в. до н.э. (Безматерных, 2006. С. 22).

Необходимо отметить, что еще В.Ф. Гайдукевич предполагал, что какая-то часть товарного хлеба поступала на Боспор от варварских племен (1966. С. 53). Эта весьма популярная в советской литературе точка зрения к настоящему времени пересмотрена самым кардинальным образом. Складывается впечатление, что среди специалистов все более утверждается мнение, что никакой греко-варварской хлебной торговли вообще не было (Щеглов, 1990. С. 112; Гаврилюк, 1999. С. 164, 267; Кузнецов, 2000а. С. 26; Rosivach, 2000. Р. 40). С таким положением невозможно согласиться, поскольку приведенные выше факты позволяют считать, что от ситуации на территориях расселения варварских земледельческих племен хлебный экспорт греческих центров зависел отнюдь не в малой степени.

В результате, у нас имеются достаточно веские причины полагать, что к рубежу V–IV вв. до н.э. хлебная торговля на Боспоре как со Средиземноморьем, так и с местными племенами большей частью оказалась под контролем Спартокидов. Скорее всего экспорт боспорского хлеба до определенного момента осуществлялся бесперебойно, поскольку значительная часть товарного зерна доставлялась с территории Великой Скифии и Прикубанья. Конечно, в зависимости от урожайности этот объем, несомненно, варьировался, что, впрочем, не должно было влиять на постоянство продаж.

Косвенным подтверждением возможности обширной и регулярной хлебной торговли, осуществлявшейся Пантикапеем в IV в. до н.э., может

выступать факт захвата Феодосии. Вполне естественно, что, с точки зрения государственного прагматизма, никакие территориальные приобретения лишними не бывают при том условии, что государство в силах достаточно эффективно контролировать и эксплуатировать их. Тем не менее попробуем рассмотреть вероятные причины пантикапейско-феодосийской войны.

Как представляется, мало вероятно, чтобы в основе этого конфликта лежала только лишь политическая или торговая конкуренция. Кстати, по заключению А.В. Одрина “при качественной оценке земельного фонда этого полиса, *значительность* такого (т.е. хлебного. – *А.Т.*) экспорта вызывает серьезные сомнения” (2004. С. 53). Вряд ли стоит сомневаться, что современникам, а уж тем более советникам Сатира I и Левкона I, не была известна эта ситуация. Следовательно, и, с экономической точки зрения, Феодосия не выглядела таким уж “лакомым куском”.

Вместе с тем главное и неоспоримое достоинство Феодосии заключалось в наличии гавани, “пригодной даже для сотни судов” (Strab. VII, 4). И первым шагом Левкона I после завоевания этого полиса была постройка в ней нового торгового порта, который, согласно Демосфену, “по словам моряков, ничуть не хуже Боспора” (Dem. Contra Lept. XX, 33). Отсюда можно предположить, что уже при Сатире I, развязавшем эту войну¹, Пантикапей обладал настолько крупными запасами товарного зерна, что был готов продавать его через Феодосию для ускорения торгового оборота.

Если согласиться с представленными доводами, то мы имеем все основания считать, что так называемый монетный или денежный кризис скорее всего был вызван сокращением хлебной торговли со Средиземноморьем и соответственно уменьшением притока на Боспор и в другие греческие центры региона драгоценных металлов, предназначенных для монетной чеканки.

О причинах сокращения боспорского хлебного экспорта в научной литературе высказаны самые различные точки зрения: конкуренция более дешевого хлеба из птолемеевского Египта (Гайдукевич, 1949. С. 76, 77), военно-политические и демографические изменения в варварском мире Северного Причерноморья (Виноградов, 2005. С. 289, 290) и, наконец, ухудшение климата (Stolba, 2005. Р. 398).

В данной связи необходимо отметить, что И.Т. Кругликова, проделавшая большую работу по изучению сельского хозяйства Боспора, сделала интересное наблюдение, а именно: существование наибольшего числа сельских поселений на Керченском и Таманском полуостровах хронологически совпадает с периодом расцвета боспорской хлебной торговли (1957. С. 227; 1975. С. 53). Отсюда логически вытекает, что сокращение числа сельских поселений, фиксируемое приблизительно с конца первой трети III в. до н.э., неизбежно должно было привести к уменьшению объема получаемого товарного хлеба. В результате крушение хоры стало рассматриваться как главная причина уменьшения “зернового потенциала” Спартокидов (Зубарь, 1999. С. 109), а значит и финансовых трудностей Боспорского царства.

Такая интерпретация, однако, не совсем верна, поскольку во множестве известны монеты, явно относящиеся ко времени “монетного” кризиса, но, тем не менее, обнаруженные на сельских поселениях Крыма (Гаврилов, 2001. С. 198–206; 2004. С. 189–205; Шонов, 2003. С. 355), Крымского Приазовья (Масленников, 1998. С. 207, 208; Stolba, 2005. Р. 397, 399) и Азиатского Боспора (Крушкол, 1965. С. 51–54). Что характерно, жизнь на этих памятниках продолжалась по крайней мере до конца первой четверти III в. до н.э. Все это позволяет полагать, что ситуация была сложнее, чем считается, и уничтожение боспорской хоры лишь усугубило уже обозначившиеся кризисные явления (ср.: Демьянчук, Туровский, 1999. С. 93). Они начались в то время, когда хора Боспорского государства еще процветала, но варварские территории уже испытывали потрясения, связанные с началом крушения Великой Скифии.

В высшей степени показателен в этом отношении афинский декрет в честь Спартока III, относящийся к 288 г. до н.э. (МИС. 4; SIG. II. 653), из которого явствует, что хлебный экспорт в Афины из Боспора в это время все-таки продолжался, и в коллективной памяти афинян Спартокиды все еще продолжали играть роль “кормильцев” города (Хайнен, 1999. С. 161). В сравнении со временем Левкона I, когда в Афины ежегодно вывозилось 400 тыс. медимнов хлеба (Dem. XX. 32), а общий боспорский хлебный экспорт мог достигать 800 тыс. медимнов (Гайдукевич, 1966. С. 48. Прим. 1), поставки начала III в. до н.э. выглядят весьма скромными – всего 15 тыс. медимнов. Вполне очевидно, что столь заметное сокращение боспорского хлебного экспорта не могло не отразиться на государственных финансах. Следует полностью согласиться с Х. Хайненом, что

¹ Начало этой кампании приходится скорее всего на 393/2 (Завойкин, 2000. С. 264), а завершение – на 80-е годы IV в. до н.э. (Коваленко, 1999. С. 121. Прим. 89; Мельников, 2000. С. 212).

эти негативные перемены были связаны не с особенностями афинской политики, а с ситуацией в Северном Причерноморье (1999. С. 164). Иными словами, уменьшение “хлебного потенциала” Спартокидов скорее всего было напрямую связано с проблемами в греко-варварской торговле.

Не вызывает сомнений тот факт, что держава Спартокидов обрела свое богатство в основном за счет посреднической роли на торговом пути из Великой Скифии в греческие государства Средиземноморья и в первую очередь в Афины. Причем акцент этой деятельности следует ставить именно на развитии и расширении бартера с хинтерляндом. В данном случае весьма любопытным представляется наблюдение, что среди большого количества известных афинских декретов нет ни одного в честь какого-либо боспорского навклера или купца (см.: Кузнецов, 2000а. С. 115). Сам В.Д. Кузнецов связывает это с тем, что вся боспорская хлебная торговля находилась в руках пантикапейских правителей. Данная версия, по-видимому, более соответствует действительности, поскольку трудно представить, чтобы Афины не посещались ни одним боспорским купцом, достойным упоминания. Скорее всего любой крупный боспорский торговец, прибывая на территорию другого государства, постоянно либо от случая к случаю, выступал в качестве торгового представителя царского двора.

Таким образом, можно предположить, что существование и развитие государственных структур и инициатив в Боспорском царстве субсидировались в основном за счет правительственной монополии на хлеботорговлю, доходность которой в немалой степени зависела от размеров и регулярности поставок с варварских территорий.

В связи с этим надо отметить, что история знает достаточно примеров, когда процветающие земли, располагавшиеся на торговых путях, достаточно быстро приходили в упадок из-за крушения отлаженной торгово-экономической системы, связанного со сменой маршрутов, нарушением регулярности поставок и т.д. По-видимому, нечто подобное и произошло на Боспоре в конце IV в. до н.э. Вполне очевидно, что экономические неурядицы, вызванные сокращением объемов боспорской хлебной торговли, должны были затронуть в первую очередь сферу государственных доходов. Вместе с тем трудно представить себе ситуацию, в которой проблемы государства никак не отразились бы на экономическом положении рядового населения. Для простого обывателя это скорее всего должно было выразиться в увеличении налогового бремени.

Необычная длительность кризисных проявлений – более 80 лет по О.Н. Мельникову (2006. С. 210) – обусловлена серьезнейшими трудностями как внешними – борьбой со скифами, так и внутренними – поисками новых стабильных источников пополнения царской казны.

Когда же проявляются первые признаки дестабилизации денежного рынка Боспорской державы? Как правило, их связывают с появлением надчеканок “звезда” – “горит” на монетах типа: Л.с. – голова безбородого сатира в плющевом венке влево. О.с. – голова льва, осетр, влево, PAN. Датируется эта серия началом III в. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 3. Табл. XLI, 3; Шелов, 1956. С. 216. № 62. Табл. V, 62), или 284–275 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 130, 131. Табл. 4, 130, 131).

Однако недавно появилось мнение, что “в нумизматическом отображении точкой отсчета... следует считать последнее десятилетие IV в. до н.э. и монетный тип А. 125” (Суханов, 2008). Это уже указанный тип: “голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осетр, влево, PAN”, но без надчеканок. Время его выпуска определяется 325–300 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 2. Табл. XLI, 2), 315–300 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 61. Табл. V, 61) или 294–284 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 125. Табл. 4, 125). В.И. Суханов мотивирует свое предположение тем, что “необычная на фоне всего предыдущего чекана многочисленность самих монет типа А.125 наводит на мысль, что денежный кризис начал развиваться ... уже во время их чеканки ... Вероятно, вначале, как это обычно бывает, эмиссия медных монет в условиях развивающегося кризиса просто возрастала” (2008).

Здесь необходимо сказать, что уважаемый исследователь совершенно точно определил время и критерии, на основе которых следует определять монетную серию, соответствующую началу финансовых затруднений на Киммерийском Боспоре. К сожалению, отсутствие каких-либо сводок по монетным находкам не позволило В.И. Суханову сделать более точные выводы, поэтому я в свою очередь хочу предложить небольшую подборку находок медных монет, датированных IV–началом III в. до н.э.², которая поможет обрисовать ситуацию на денежном рынке Боспора в указанный период. Отмечу, что здесь приведены опубликованные данные только о случайных находках, без учета кладовых накоплений. На мой взгляд, именно эта категория артефактов наибо-

² Эти монеты были обнаружены в ходе раскопок или в качестве подъемного материала.

лее адекватно отражает обращение монетных типов на денежном рынке.

Итак, на сегодняшний день опубликованы сведения о находках следующих типов медных монет³.

1) Л.с. – голова бородатого сатира в плющевом венке, влево. О.с. – голова осетра вправо, снизу ПАН. Датируются 340–330 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 28. Табл. XL, 28; Шелов, 1956. С. 215. № 50. Табл. IV, 50), 394–389 или 390–380 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 139. № 81. Табл. 2, 81; 1999. С. 57. Рис. 12, 2).

Всего найдено 4 шт. **Европейский Боспор**: Нимфей – 1 шт., Тиритака – 2 шт., Мирмекий – 1 шт.

2) Л.с. – голова бородатого сатира, вправо. О.с. – голова коня, вправо, снизу ПАНТИ. Датируются началом IV в. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 3. Табл. XL, 3), 400–375 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 215. № 38. Табл. III, 38), 389–379 или 380–370 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 139. № 87. Табл. 2, 87; 1999. С. 57. Рис. 12, 5).

Всего найдена 21 шт. **Европейский Боспор**: Пантикапей – 4 шт., Нимфей – 7 шт., Тиритака – 2 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 4 шт., Гермонасса – 1 шт., Патрэй – 3 шт.

3) Л.с. – голова бородатого сатира, вправо. О.с. – голова барана, вправо, снизу ПАНТИ. Датируются началом IV в. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 4. Табл. XL, 4), 400–375 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 215. № 39. Табл. III, 39), 389–379 или 380–370 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 139. № 88. Табл. 2, 88; 1999. С. 57. Рис. 12, 6).

Всего найдено 5 шт. **Европейский Боспор**: Нимфей – 4 шт., Тиритака – 1 шт.

4) Л.с. – голова безбородого сатира, вправо. О.с. – лук тетивой вверх, сверху ПАН. Датируются 375–340 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 22. Табл. XL, 22), 340–330 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 215. № 52. Табл. IV, 52), 379–369 или 370–360 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140. № 96. Табл. 2, 96; 1999. С. 66. Рис. 12, 12).

Всего найдено 16 шт. **Европейский Боспор**: Пантикапей – 3 шт., Нимфей – 3 шт., Тиритака – 3 шт., Мирмекий – 1 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 3 шт., Гермонасса – 2 шт., Китей – 1 шт.

5) Л.с. – голова безбородого сатира, вправо. О.с. – голова быка, влево, П-А-Н. Датируются 375–340 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 21. Табл. XL, 21), 340–330 гг. до н.э. (Шелов, 1956.

С. 215. № 51. Табл. IV, 51), 314–310 или 320–310 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140. № 114. Табл. 3, 114; 1999. С. 66. Рис. 15, 10).

Всего найдено 22 шт. **Европейский Боспор**: Пантикапей – 5 шт., Нимфей – 1 шт., Тиритака – 5 шт., Мирмекий – 2 шт., Акра – 1 шт., хора Акры – 2 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 5 шт., Горгиппия – 1 шт.

6) Л.с. – голова бородатого сатира, вправо, вокруг точечный ободок. О.с. – лук в горите, вправо, ПАН-ТИ. Датируются 375–340 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 20. Табл. XL, 20), 330–315 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 55. Табл. V, 55), 314–310 или 320–310 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140. № 113. Табл. 3, 113; 1999. С. 66. Рис. 15, 9).

Всего найдено 159 шт. **Европейский Боспор**: Пантикапей – 21 шт., Нимфей – 22 шт., Тиритака – 12 шт., Мирмекий – 6 шт., Китей – 8 шт., хора Акры – 14 шт., хора Феодосии – 13 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 15 шт., хора Фанагории – 1 шт., Горгиппия – 22 шт., Гермонасса – 5 шт., Патрэй – 4 шт., Кепы – 4 шт., Артющенко – 1 шт., район м. Тузла – 7 шт.; Елизаветинское городище – 2 шт., Прикубанье – 1 шт.

7) Л.с. – голова бородатого сатира в плющевом венке, влево. О.с. – лук и стрела вправо, внизу ПАНТИ. Датируются 325–300 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 30. Табл. XL, 30), 330–315 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 54. Табл. V, 54), 314–310 или 320–310 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140. № 110. Табл. 3, 110; 1999. С. 66. Рис. 15, 6).

Всего найдено 32 шт. **Европейский Боспор**: Пантикапей – 2 шт., Мирмекий – 1 шт., Акра – 2 шт., хора Акры – 6 шт., Китей – 2 шт., хора Феодосии – 5 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 3 шт., Горгиппия – 8 шт., хора Горгиппии – 2 шт., Патрэй – 1 шт.

8) Л.с. – голова безбородого сатира в плющевом венке, влево. О.с. – голова быка, влево, П-А-Н. Датируются 325–300 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 1. Табл. XLI, 1), 315–300 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 60. Табл. V, 60), 294–284 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 124. Табл. 3, 124).

Всего найдено 23 шт. **Европейский Боспор**: Пантикапей – 4 шт., Нимфей – 3 шт., Тиритака – 1 шт., Мирмекий – 3 шт. **Азиатский Боспор**: Горгиппия – 7 шт., Патрэй – 1 шт., Елизаветинское городище – 1 шт., Прикубанье – 3 шт.

9) Л.с. – голова бородатого сатира, вправо. О.с. – протомы орлиноголового грифона, внизу осетр, влево, П-А-Н. Датируются 375–340 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 18. Табл. XL, 18), 330–315 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 57.

³ Список работ, в которых содержится информация о монетных находках, см.: Приложение.

Табл. V, 57), 314–310 или 320–310 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140. № 111. Табл. 3, 111; 1999. С. 66. Рис. 15, 7).

Всего найдено **233 шт. Европейский Боспор**: Пантикапей – 12 шт., Нимфей – 17 шт., Тиритака – 7 шт., Мирмекий – 9 шт., Акра – 8 шт., хора Акры – 21 шт., Китей – 12 шт., хора Феодосии – 85 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 11 шт., хора Фанагории – 1 шт., Горгиппия – 9 шт., хора Горгиппии – 6 шт., Гермонасса – 2 шт., Патрэй – 5 шт., Кепы – 1 шт., Артющенко – 1 шт., Елизаветинское городище – 1 шт., Прикубанье – 25 шт.

10) Л.с. – голова безбородого сатира, вправо. О.с. – протома пегаса, вправо, П-А-Н. Датируются 375–340 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 19. Табл. XL, 19), 330–315 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 56. Табл. V, 56), 314–310 или 320–310 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140. № 112. Табл. 3, 112; 1999. С. 66. Рис. 15, 8).

Всего найдено **347 шт. Европейский Боспор**: Пантикапей – 46 шт., Нимфей – 36 шт., Тиритака – 13 шт., Мирмекий – 22 шт., хора Акры – 18 шт., Китей – 11 шт., хора Феодосии – 88 шт.; Аю-Даг – 2 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 28 шт., хора Фанагории – 1 шт., Горгиппия – 49 шт., хора Горгиппии – 1 шт., Гермонасса – 8 шт., Патрэй – 10 шт., Кепы – 2 шт., район м. Тузла – 10 шт.; Елизаветинское городище – 1 шт., Прикубанье – 1 шт.

11) Л.с. – голова безбородого сатира в плющевом венке, влево. О.с. – голова льва, внизу осетр, влево, П-А-Н. Датируются 325–300 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 2. Табл. XLI, 2), 315–300 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 61. Табл. V, 61), 294–284 или 293–283 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 125. Табл. 4, 125; 1999. С. 76. Рис. 17, 9).

Всего найдено **294 шт. Европейский Боспор**: Пантикапей – 31 шт., Нимфей – 17 шт., Тиритака – 11 шт., Мирмекий – 17 шт., Акра – 8 шт.; хора Акры – 23 шт., Китей – 5 шт., хора Феодосии – 110 шт.; Аю-Даг – 1 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 14 шт., хора Фанагории – 11 шт., Горгиппия – 18 шт., хора Горгиппии – 4 шт.; Гермонасса – 7 шт., Патрэй – 3 шт., Кепы – 2 шт., Артющенко – 2 шт.; хора Семибратнего городища (Лабрит) – 4 шт., Елизаветинское городище – 3 шт., Прикубанье – 2 шт., Геленджикский район – 1 шт.

12) Л.с. – голова безбородого сатира в плющевом венке, влево, надчеканка в виде 12-лучевой звезды. О.с. – голова льва, внизу осетр, влево, П-А-Н, надчеканка в виде горита. Датируются началом III в. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 3.

Табл. XLI, 3; Шелов, 1956. С. 216. № 62. Табл. V, 62), 284–275 или 275–265 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 130, 131. Табл. 4, 130, 131; 1999. С. 82. Рис. 18, 3).

Всего найдено **396 шт. Европейский Боспор**: Пантикапей – 27 шт., Нимфей – 9 шт., Тиритака – 8 шт., Мирмекий – 18 шт., Акра – 6 шт.; хора Акры – 53 шт., Китей – 13 шт., хора Феодосии – 101 шт., Крымское Приазовье – 7 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 16 шт., Горгиппия – 29 шт., хора Горгиппии – 3 шт.; Гермонасса – 5 шт., Патрэй – 15 шт., Кепы – 4 шт., Семибратнее городище (Лабрит) – 1 шт., Артющенко – 3 шт.; Елизаветинское городище – 12 шт., Прикубанье – 64 шт., ст. Усть-Лабинская – 1 шт., ст. Старонижестеблиевская – 1 шт.

13) Л.с. – голова бородатого сатира, влево. О.с. – голова быка в $\frac{3}{4}$, влево, П-А-Н. Датируются 300–250 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 7. Табл. XLI, 7), началом III в. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 63, 64. Табл. V, 63, 64), 284–275 или 275–265 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 132. Табл. 4, 132; 1999. С. 82. Рис. 18, 5).

Всего найдена **191 шт. Европейский Боспор**: Пантикапей – 21 шт., Нимфей – 11 шт., Тиритака – 11 шт., Мирмекий – 22 шт., Акра – 2 шт.; хора Акры – 13 шт., Китей – 5 шт., хора Феодосии – 52 шт., с. Михайловка – 1 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 16 шт., хора Фанагории – 1 шт.; Горгиппия – 10 шт., хора Горгиппии – 2 шт.; Гермонасса – 1 шт., Патрэй – 8 шт., Кепы – 1 шт., хора Семибратнего городища (Лабрит) – 1 шт., Елизаветинское городище – 4 шт., Прикубанье – 8 шт., Геленджикский район – 1 шт.

14) Л.с. – голова безбородого сатира в плющевом венке, влево. О.с. – лук и стрела влево, снизу ПАН. Датируются 300–250 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 4. Табл. XLI, 4), началом III в. до н.э. (Шелов, 1956. С. 217. № 65. Табл. VI, 65), 275–245 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 133. Табл. 4, 133).

Всего найдено **282 шт. Европейский Боспор**: Пантикапей – 29 шт., Нимфей – 8 шт., Тиритака – 11 шт., Мирмекий – 18 шт., Акра – 15 шт., Китей – 5 шт., хора Феодосии – 84 шт. **Азиатский Боспор**: Фанагория – 44 шт., хора Фанагории – 1 шт., Горгиппия – 26 шт., хора Горгиппии – 7 шт., Гермонасса – 5 шт., Кепы – 5 шт., Елизаветинское городище – 8 шт., Артющенко – 2 шт., мыс Тузла – 1 шт., Прикубанье – 12 шт., Танаис – 1 шт.

Кроме того, среди находок монет данного типа имеются экземпляры, сохранившие после перечеканки следы изображения предшествующих серий. Как правило, это экземпляры, перебитые из

монет серии “голова безбородого сатира в плющевом венке, влево – голова льва, внизу осетр, влево, П-А-Н”.

Подобных экземпляров найдено **156 шт.** **Европейский Боспор:** Пантикапей – 28 шт., Нимфей – 11 шт., Тиритака – 6 шт., Мирмекий – 4 шт., Акра – 2 шт., хора Феодосии – 16 шт. **Азиатский Боспор:** Фанагория – 29 шт., Горгиппия – 36 шт., хора Горгиппии – 1 шт., Патрей – 4 шт., Кепы – 2 шт., Елизаветинское городище – 19 шт.

В результате общее количество зафиксированных случайных находок монет этого типа составляет **438 шт.**

15) Изображения такие же, как и на указанном выше типе за номером № 14: “голова безбородого сатира в плющевом венке, влево – лук и стрела влево, снизу ПАН”. Однако это так называемый деградированный тип, поскольку монеты, его составляющие, отличаются небрежным изготовлением, при котором использовались заготовки меньшего веса, в большинстве своем, сохранившие остатки литников. Датируются они 300–250 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 5. Табл. XLI, 5), первой половиной III в. до н.э. (Шелов, 1956. С. 217. № 66. Табл. VI, 66) или 275–245 до н.э. (Анохин, 1986. С. 141. № 133. Табл. 4, 133).

Всего найдено **950 шт.** **Европейский Боспор:** Пантикапей – 121 шт., Нимфей – 67 шт., Тиритака – 60 шт., Мирмекий – 72 шт., Акра – 12 шт., с. Михайловка – 1 шт. **Азиатский Боспор:** Фанагория – 161 шт., хора Фанагории – 8 шт., Горгиппия – 107 шт., хора Горгиппии – 10 шт., Гермонасса – 11 шт., Патрей – 263 шт., Кепы – 21 шт., Елизаветинское городище – 31 шт., Артюшенко – 4 шт., мыс Тузла – 1 шт.

Таким образом, как можно видеть, на общем фоне находок медных монет, датируемых IV – началом III в. до н.э., резкий всплеск приходится на тип: “голова бородастого сатира, вправо, вокруг точечный ободок – лук в горите, вправо, ПАН-ТИ” (158 шт.). Далее количество найденной меди еще больше увеличивается. Поскольку типы “голова бородастого сатира, вправо – протома орлиноголового грифона, внизу осетр, влево, П-А-Н” и “голова безбородого сатира, вправо – протома пегаса, вправо, П-А-Н” всеми исследователями объединяются в одну серию, то мы имеем полное право считать их выпуск одновременным. В результате общее количество монет этой серии в случайных находках насчитывает 580 экз. Как уже указывалось, их датируют 375–340 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245. № 19), 330–315 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216. № 56), 314–310 или 320–310 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140. № 112; 1999. С. 66. Рис. 15, 8). В свою очередь я предлагаю

определять начало выпуска этой серии второй половиной предпоследнего десятилетия IV в. до н.э., т.е. незадолго до войны сыновей Перисада I – Сатира, Евмела и Притана (Diod. XX, 22, 4).

Основания для этой датировки следующие. Так, в монографии Д.Б. Шелова “Монетное дело Боспора” было выдвинуто предположение, что временное расстройство экономической жизни Боспора могло произойти уже в 328 г. до н.э. в ходе войны Перисада I со скифами. Это событие известно из записи речи Демосфена против Формиона (Dem. 34.8). Но наиболее губительной для государственной казны стала борьба его сыновей за престол в 310/309 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 149). Насколько можно судить, именно с этого момента начинается постепенное (дискретное?) сокращение хлебных поставок из хинтерлянда.

Подтверждение представленной гипотезы мы можем найти в сообщении Диодора, в котором указывается, что на стороне Евмела сражались сираки (Diod. XX, 22, 4), которые считаются сарматским племенем (Жебелев, 1953. С. 177; Башкиров, 1967. С. 96; Десятчиков, 1977. С. 46; Ждановский, Марченко, 1988. С. 47; Виноградов, 2005. С. 280). Ю.А. Виноградов, проведя детальный анализ этого пассажа, пишет, что эта борьба предстает “не как простая междоусобица..., а как столкновение мощных варварских группировок” (2005. С. 280). Следовательно, у нас есть все основания считать, что приблизительно с середины последней четверти IV в. до н.э. на землях, которыми ранее безраздельно владели скифы, у них появляется грозный соперник – сарматы. Естественно, это не могло не отразиться и на греко-скифской торговле, причем не в лучшую сторону.

Любопытно отметить, что два самых ранних (из опубликованных) клада медных монет IV в. до н.э. включают именно указанные выше типы.

1) Клад 1972 г. из окрестностей хут. Беликов (Славянский р-н). 20 экз. типа: “голова бородастого сатира вправо – протома грифона влево, осетр, ПАН” (Анфимов, 1981. С. 132–134; 1988. С. 139).

2) Нимфейский клад 1939 г. Семь монет типа: “голова безбородого сатира вправо – протома пегаса вправо, ПАН” (Голенко, 1974. С. 71).

Как представляется, эти комплексы вполне однозначно указывают на то, что медь, ранее выполнявшая только вспомогательные функции в монетном обращении IV в. до н.э., к концу этого века превращается в основную денежную единицу.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент. В рапорте В.В. Шкорпила от 2 июля 1910 г. указывается, что в начале июня 1910 г. в

одном из частных садов деревни Капканы был найден глиняный сосуд, содержащий 380 медных пантикапейских монет трех типов.

1) “Безбородый сатир в венке влево – голова льва, осетр, ПАН” (Бурачков, 1884. Табл. XX, 71).

2) “Голова безбородого сатира вправо – протома пегаса вправо, ПАН” (Бурачков, 1884. Табл. XX, 88, 89).

3) Те же изображения на монетах меньшего размера.

Кроме того, В.В. Шкорпил особо указал, что ни одна из найденных монет не была перечеканена (Архив ИИМК РАН. Ф-1. Оп. 1910. № 4. С. 62).

К сожалению, точное количество экземпляров каждого типа не указывается. Но в данном случае для нас важно другое обстоятельство, а именно наличие монет типа “голова безбородого сатира вправо – протома пегаса вправо, ПАН”, отчеканенных на заготовках имеющих меньший размер и соответственно меньший вес. Как можно видеть, именно в этой серии фиксируется процесс деградации номиналов.

Итак, вкратце подведя итоги, можно предположить:

1) начало кризиса **системы получения государственных доходов** Боспорского царства приходится на начало последнего десятилетия IV в. до н.э.;

2) в нумизматическом аспекте это выражается в резком увеличении объема монетной серии, включающей типы “голова бородатого сатира, вправо – протома орлиноголового грифона, внизу осетр, влево, П-А-Н” и “голова безбородого сатира, вправо – протома пегаса, вправо, П-А-Н”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Литература, содержащая сведения о монетных находках по Европейскому Боспору

Пантикапей: Анисимов А.И. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // Археология и искусство Боспора. М., 1992 (Сообщ. ГМИИ им. А.С. Пушкина; Вып. 10); Бессонова С.С. Раскопки некрополя Пантикапея в 1963–1964 гг. // РА. 1969. № 1; Голенко К.В. Монеты из раскопок Пантикапея 1962–1966 гг. // ВДИ. 1973. № 4; Голенко К.В., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // НиСф. 1963. № 1.

Нимфей: Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974. Т. XI; Зограф А.Н. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.

Тиритака: Белова Л.Н. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946–1953 гг. // МИА. 1958. № 85; Зограф А.Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 1941. № 4; Зограф А.Н. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.

Мирмекий: Белова Л.Н. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946–1953 гг. // МИА. 1958. № 85; Зограф А.Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 1941. № 4; Зограф А.Н. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.

Акра и ее хора: Куликов А.В. К вопросу о локализации античного городища Акра (по данным нумизматических источников) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. II-е Боспорские чтения. Керчь, 2001; Куликов А.В. Обзор монетных находок с городища Акра (1981–2001) и вопросы периодизации денежного обращения Боспора // БИ. 2002. Вып. II; Куликов А.В. Денежное обращение на сельских поселениях хоры Китея и Акры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. IV-е Боспорские чтения. Керчь, 2003.

Китей: Куликов А.В. Денежное обращение на сельских поселениях хоры Китея и Акры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. IV-е Боспорские чтения. Керчь, 2003; Молев Е.А. Монеты из раскопок городища и некрополя Китея // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 7.

Хора Феодосии: Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.

с. Михайловка: Петерс Б.Г. Монеты из античного поселения у с. Михайловка на Керченском полуострове // НЭ. 1978. Т. XII.

Крымское Приазовье: Масленников А.А. Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1988. Т. 1.

Аю-Даг: Голенко К.В. Находка монет у подножия горы Аю-Даг // НЭ. 1963. Т. IV.

по Азиатскому Боспору

Фанагория и ее хора: Крушккол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. 1951. Т. XV; Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1981.

№ 1; *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. 1962. Т. III; *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940; Вып. IX. Баку, 1966; *Шелов Д.Б.* Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. Т. IV.

Горгиппия и ее хора: *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК. 1997. № 4. Ч. 1; *Крушкол Ю.С.* Находки античных монет в Анапском районе // НЭ. 1965. Т. V; *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку, 1949; Вып. VI. Баку, 1954.

Гермонасса: *Казаманова Л.Н.* Монеты из раскопок Гермонассы в 1955–1956 гг. // НЭ. 1960. Т. II; *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940.

Патрэй: *Акимов В.О.* Монетные находки с городища Патрэй 1993–1996 гг. // Патрэй. Матер. и исследов. Вып. 2. М., 2005; *Голенко К.В.* Монеты из случайных находок в Патрэе (1947–1950) // ВДИ. 1952. № 3; *Голенко К.В.* Монеты из случайных находок в Патрэе в 1951 г. // НЭ. 1963. Т. IV; *Голенко К.В.* Монеты из находок в Патрэе // НиСф. 1968. № III; *Крушкол Ю.С.* Монеты из раскопок Патрэя 1949–1951 гг. // ВДИ. 1958. № 3.

Кепы: *Фролова Н.А., Шелов Д.Б.* Монеты из раскопок Кеп 1958–1963 гг. // НиСф. 1968. № III.

Артюшенко: *Виноградов Ю.А., Терещенко А.Е.* Монеты с поселения Артюшенко I⁴.

Семибратнее городище (Лабрит) и его хора: *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940; Вып. VII. Баку, 1957.

Елизаветинское городище и его окрестности: *Анфимов Н.В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2; *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940; Вып. V. Баку, 1949; Вып. VI. Баку, 1954; Вып. VIII. Баку, 1959.

Прикубанье: *Малышев А.А.* Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. № 3.

ст. Усть-Лабинская: *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку, 1949.

ст. Старонижестеблиевская: *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку, 1959.

Район Геленджика: *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940; Вып. VIII. Баку, 1959.

Район мыса Тузла: *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет из г. Славянска на Кубани // СА. 1988. № 4.
- Башикиров А.С.* Из истории Патрэя III–I вв. до н.э. // ЗОАО. 1967. Т. II (35).
- Безматерных А.Е.* Античный керамический импорт в курганах скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья: греческие амфоры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.
- Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. I. Одесса, 1884.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации // СА. 1991. № 1.
- Гаврилов А.В.* Новые находки античных монет в юго-восточном Крыму // БИ. 2001. Вып. I.
- Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- Гаврилюк Н.А.* История экономики степной Скифии VII–III вв. до н.э. Киев, 1999.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. 1966. № 1.
- Гилевич А.М.* Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV–II вв. до н.э. // АВ. 1999. № 6.
- Голенко К.В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974. Т. IX.
- Григорьев Д.Б.* Об отдельных проблемах в изучении денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ДБ. 2006. № 10.

⁴ Статья готовится к публикации.

- Десятчиков Ю.М. Ариофарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.
- Демьянчук С.Г., Туровский Е.Я. Греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье III в. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.
- Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы и Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
- Завойкин А.А. Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000.
- Зограф А.Н. Мирмекийский клад монет III в. до н.э., найденный в 1934 г. // МИА. 1941. № 4.
- Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- Зубарь В.М. Боспорское царство и варвары в конце IV – первой половине III в. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.
- Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988.
- Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. до н.э.). Киев, 2003.
- Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. Т. XVI.
- Кругликова И.Т. Исследования сельских территорий европейского Боспора // СА. 1957. № 1.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // ВДИ. 2000а. № 1.
- Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000б. № 1.
- Куликов А.В. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // БИ. 2001. Вып. I.
- Крушккол Ю.С. Находки античных монет в Анапском районе // НЭ. 1965. Т. V.
- Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2.
- Масленников А.А. Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1998. № 1.
- Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
- Мельников О.Н. Функциональное отклонение монетной системы Боспора III в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. VII-е Боспорские чтения. Керчь, 2006.
- Одрин А.В. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI–IV вв. до н.э. // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- Суханов В.И. Денежный кризис на Боспоре в III в. до н.э. (новые материалы к дискуссии) // XIII Всерос. нумизмат. конф. М., 2005.
- Суханов В.И. Новая схема денежного кризиса в Боспорском государстве в 3 в. до н.э. // archaeologia.narod.ru/bospor.htm.2008.
- Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Симферополь, 1997.
- Туровский Е.Я. Еще раз о начальной дате денежного кризиса на Боспоре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2005.
- Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Хайнен Х. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (SIG. II. 653) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
- Шонов И.В. Боспорские монетные выпуски с 280 по 253 гг. до Р.Х. (по материалам находок монет на хоре Феодосии) // БИ. 2003. Вып. III.
- Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
- Щеглов А.Н. Еще раз о причинах денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье (чтения памяти проф. П.О. Карышковского). Одесса, 1989.
- Щеглов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII–V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990.
- Rosivach V.J. Same Econome Aspects of the Fourth Century Athenian Market in Grain // Chiron. Bd. 30. München, 2000.
- Stolba V.F. Monetary crises in the early Hellenistic poleis of Olbia, Chersonesos and Pantikapaion. A reassessment // XIII Congreso Intern. de Numismática. Actas. I. Madrid, 2005.

ЭВОЛЮЦИЯ ДВУПЛАСТИНЧАТЫХ ФИБУЛ КРЫМА В V–VII вв. н.э.

© 2010 г. А.Г. Фурасьев

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (fur_spb@mail.ru)

Ключевые слова: раннесредневековый Крым, готы, женский костюм, ювелирные украшения, относительная хронология.

On the basis of analysis of the morphological and structural characteristics of the two-plate fibulae that are found in the Crimea the author details the current general typological scheme for the items (fig. 6): variant 1A – fibulae with medium-sized plates, whole; variant 1B – large fibulae with plates, composite; variant 2A – small fibulae with protrusions at the head and rhombic foot; variant 2B – large fibulae with protrusions at the head and frame on the reverse side; variant 3 – small fibulae with triangular foot. The author regards as erroneous the hypothesis that these varieties of fibulae followed a unified line of evolution from variant 1 to variant 3. Fibulae of variants 1 and 2 existed synchronously, and their origin is connected with two different prototypes from the Great Migration period. Three general tendencies in the evolution of Crimean two-plate fibulae have been identified for the first time. All the three tendencies manifested themselves in the evolution of variant 1 and variant 2 items throughout the 6th – beginning of the 7th cc. The first tendency is larger size, the more recent items are longer than the earlier ones. Second, the first tendency brought about the appearance and gradual strengthening of the reinforcing frame on the reverse side of the fibulae. Third, the quality of the metal became poorer, i.e. the silver content in the alloy went down from 97% which is the maximum content in the earlier fibulae to 50% and less in the more recent versions.

Двупластинчатые фибулы – одна из типичных разновидностей германских женских украшений эпохи Великого переселения народов. Во второй половине V в. размеры этих украшений, разнообразие их морфологии и способов декорирования достигают своего пика. В последующее время двупластинчатые фибулы продолжают бытовать у вестготов Галлии и Испании (преимущественно в первой половине VI в.), тогда как по всему остальному ареалу “готской моды” они выходят из употребления. Однако совершенно неожиданным образом эта уже почти полностью исчезнувшая традиция возрождается в Южном Крыму. В могильниках горной части полуострова, в погребениях второй половины VI – начала VII в. обнаружены большие фибулы, аналогичные тем, которые были популярны в Европе на несколько десятилетий ранее.

Традиционно двупластинчатые застёжки из Крыма разделяют на три основных варианта, соответствующие, как считается, трем этапам развития этих украшений. Их эволюционная схема была предложена А.К. Амброзом (1988. С. 7–9) и затем модернизирована А.И. Айбабиным (1990. С. 19). Оба исследователя главной тенденцией развития двупластинчатых фибул считают уменьшение их размеров. Первый вариант – большие

изделия длиной от 18 до 22 см, украшенные декоративными накладками (рис. 1, 1). Второй вариант – фибулы длиной менее 19 см, лишенные накладок, с выступами на головке (рис. 1, 2). Вариант третий – маленькие фибулы (менее 14 см), по форме либо полностью аналогичные предыдущим, либо с ножкой треугольной формы (рис. 1, 3, 4). Соответственно первый вариант рассматривается как ранний, второй – результат эволюции первого, третий – как наиболее поздний.

Аргументов, подтверждающих такую схему, крайне мало. Данный подход полностью оставляет без внимания целый ряд значимых признаков в области морфологии и конструктивных особенностей вещей. Так, никто прежде не отмечал, что часть фибул первого варианта цельные, а часть составные (склепанные или спаянные); что в погребальных комплексах образцы различных вариантов (в том числе даже вариантов 1 и 3) встречаются вместе, что противоречит той относительной хронологии, которую предлагают А.К. Амброс и А.И. Айбабин. Наконец, никем не привлекались данные по химическому составу металла рассматриваемых предметов.

В своей работе мы попытаемся дать интерпретацию ряда спорных моментов типологической схемы, общепринятой ныне в восточноевропей-

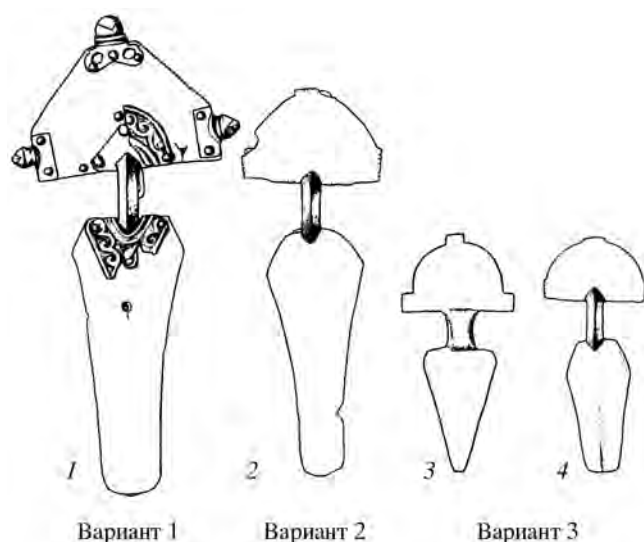

Рис. 1. Типология двухпластинчатых фибул Южного Крыма VI–VII вв. (по схеме А.К. Амброза и А.И. Айбабина).

ской археологии. Внимание также будет уделено некоторым аспектам общей концепции эволюции двухпластинчатых фибул в Крыму в контексте относительной хронологии комплексов.

Вопрос первый: являются ли застёжки варианта 1 по А.И. Айбаину, т.е. с накладками, единой в типологическом отношении группой? Исходя из конструктивных особенностей, а именно из способа их изготовления, мы выделяем две разновидности: фибулы цельнокованные, группа 1А, и фибулы составные (трехчастные), группа 1Б.

Группа 1А. Фибулы цельнокованные. Серебряная основа этих изделий, состоящая из двух тонких пластин и выгнутой дужки между ними, является монолитной (рис. 2, 1). Вероятнее всего, схема их изготовления была такой: первоначально в форме отливалась заготовка, представляющая собой дужку с небольшими основаниями на концах; эти основания расковывались или прокатывались до состояния тонких пластин, которым ножницами затем придавали нужную форму и размеры (нельзя не обратить внимание, что аналогичным образом, тоже путем раскатки концов литой заготовки-щитка, производились и оборотные пластины орлиноголовых пряжек Южного Крыма). Когда основа фибулы была готова, к ней приклепывали декоративные накладки и укрепляющий медный каркас на обороте. Рассматриваемая группа изделий самая многочисленная. В Суук-Су найдено три пары таких застёжек (рис. 3, 3, 6), в Скали-

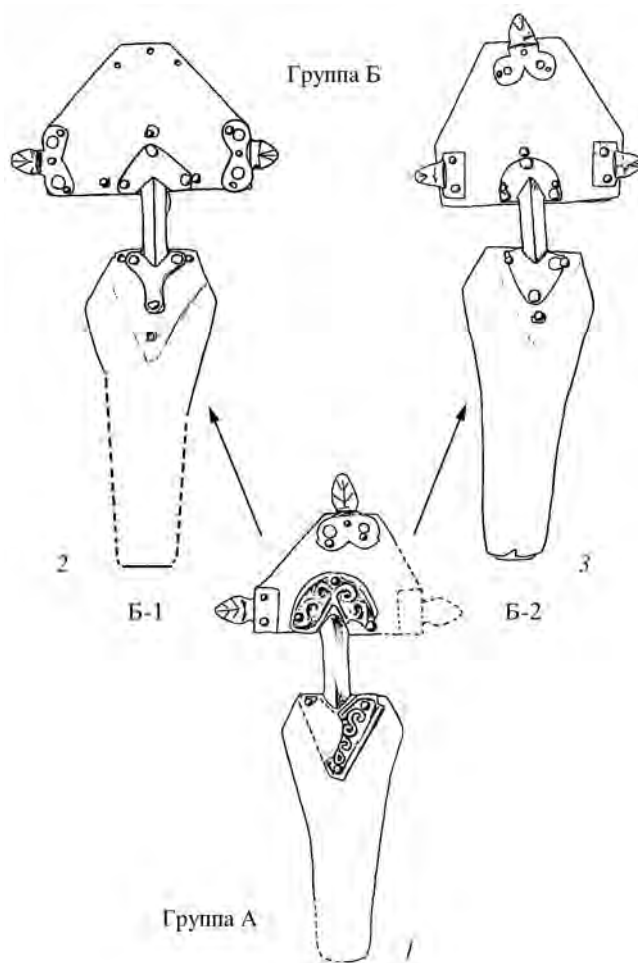

Рис. 2. Конструктивные группы больших двухпластинчатых фибул с накладками (по материалам могильника Суук-Су).

стом – две, кроме того, опубликована одна пара из могильника Лучистое.

Формально промежуточное положение между первой и второй разновидностями (составных) занимают три экземпляра двухчастных фибул, два из которых были найдены в паре с обычными украшениями группы А. У двухчастных фибул ножка отдельная – она приклепана к основанию дужки, при этом основание обрезанное, тонкое. Судя по всему, здесь мы имеем дело с ремонтом изделий (замена поврежденной пластины). Возможно также, что повторная отливка заготовки (парной) в той же форме получалась с дефектом, и ножку приходилось обрезать и крепить отдельно. Других отличий от парных себе изделий рассматриваемые фибулы не имеют, поэтому мы считаем возможным включить их в группу цельных. По одному подобному экземпляру происходит из Суук-Су, склеп 56-III (рис. 3, 5), Лучистого,

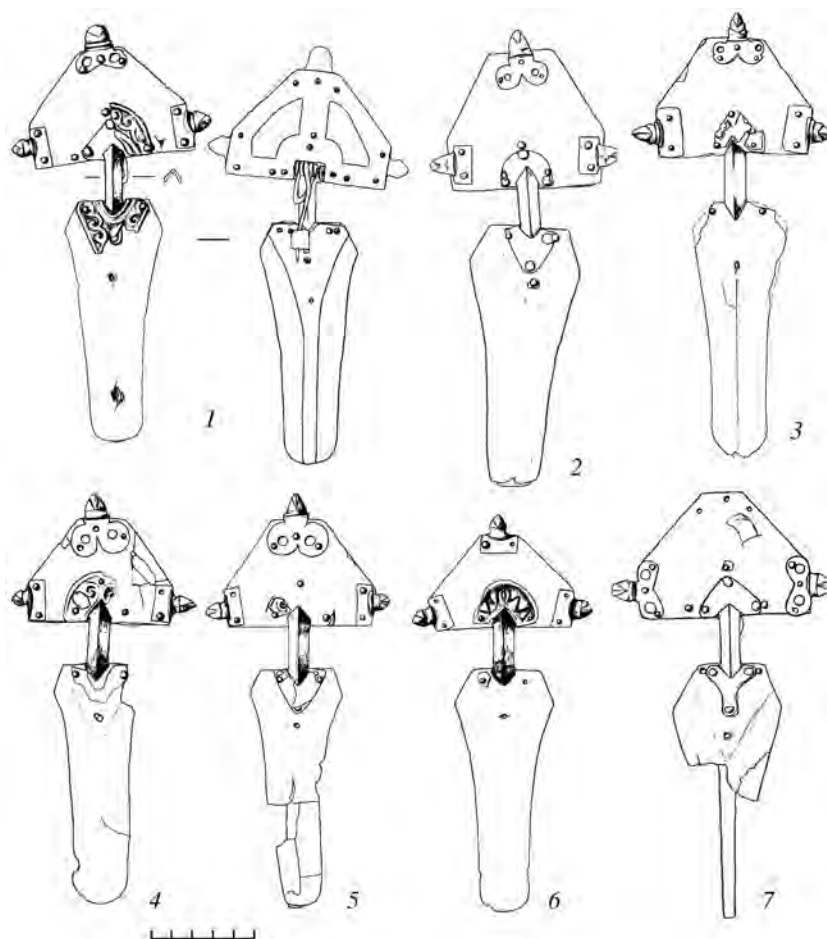

Рис. 3. Большие двухпластинчатые фибулы с накладками из Южного Крыма. 1 – Суук-Су, погребение 89; 2 – Суук-Су, погребение 46-II (по: Амброз, 1966); 3 – Суук-Су, погребение 56-V; 4, 5 – Суук-Су, погребение 56-III; 6 – Суук-Су, погребение 91; 7 – Артек, разрушенное погребение.

склеп 10-5¹, Скалистого, склеп 420 (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 72, 1).

Группа 1Б. Составные фибулы. Разделяются на две разновидности, отличия между которыми сугубо технические; в целом же они морфологически однотипны. **Группа 1Б-1.** Фибулы трехчастные: обе пластины изготовлены отдельно (вырезаны из серебряного листа) и приклепаны к литой дужке, у которой специально для этой операции подготовлены небольшие фигурные литые основания с отверстиями (рис. 3, 1, 7). Учтены две пары подобных изделий из Суук-Су и одна – случайная находка из разрушенного погребения в Артеке.

Группа 1Б-2. Конструктивно составляющие данную группу вещи аналогичны фибулам группы

1Б-1 – тоже составные трехчастные (рис. 3, 2). Однако у них есть существенное техническое отличие: основания дужки не литые, а тонкие обрезанные, и на краях этих оснований сохранились следы старых отверстий в тех местах, где обычно находятся отверстия от заклепок, крепящих декоративную накладку. Очевидно, для изготовления рассматриваемых предметов использовались фибулы группы 1А (т.е. цельные), обе пластины которых были отрезаны и на их место (к краям старой дужки) приделаны новые головка и ножка. Известны две пары таких застежек из Суук-Су (погребения 46-II и 61)². Не исключено, что в данной ситуации замена пластин стала следствием их изношенности. Однако, разделив украшения на две разновидности, мы отметили и другие особенности каждой из них.

¹ Пользуюсь случаем выразить свою признательность В.Н. Залесской, хранителю находок из Лучистого в Государственном Эрмитаже, любезно предоставившей возможность работы с данными материалами.

² Фонды ГИМ, инв. № III-282/80, III-282/156.

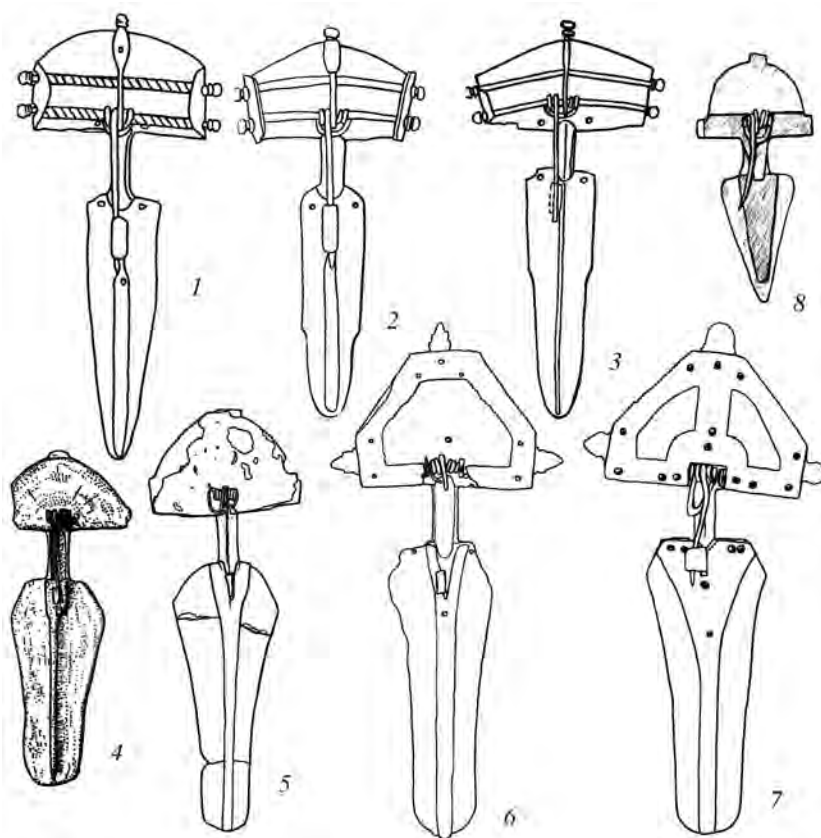

Рис. 4. Разновидности каркаса двупластинчатых фибул Крыма и Северо-Восточного Причерноморья. 1–3 – могильник на р. Дюрсо (по: Дмитриев, 1982); 4 – Лучистое (по: Айбабин, 1994); 5–8 – Суук-Су (8 – по: Айбабин, 1990).

Длина фибул без учета средней накладко-пальца на головке оказалась следующей: группа 1А – от 17 до 18,5 см (одно исключение – 21 см), группа 1Б – от 18,5 до 21,5 см. Как мы видим, все составные экземпляры длиннее, чем цельнокованные. Это наблюдение наводит на предположение, что размеры украшения тесно связаны со способом его изготовления. Самые крупные вещи имеют такую длину пластин, которую, по всей вероятности, технически невозможно получить путем расковывания литой заготовки в одном направлении. Поэтому их выполнили из нескольких частей, что гораздо менее трудоемко.

Различия в пропорциях головок (есть удлиненные по вертикали, а есть более вытянутые по горизонтальной оси) заставили вычислить соотношение размеров головной пластины и всего украшения. Мы рассчитали отношение высоты головки (т.е. ее размер по центральной вертикальной оси изделия) к общей длине фибулы в процентах и получили следующее: для экземпляров группы 1А – 26–27%, группы 1Б – 29–32%. Небольшая, на первый взгляд, разница в 4–6% меж-

ду цельными и составными образцами визуально бросается в глаза (ср. рис. 3, 6 и 3, 2). Учитывая, что фибулы группы 1Б-2, без сомнения, являются переделками цельных, можно предположить, что мы имеем дело с отражением эволюционной тенденции. Переход к изготовлению составных застёжек связан с тем, что популярными становятся вещи с вытянутой верхней пластиной (рис. 3, 2). Среди цельных экземпляров с такими пропорциями нет. Как нет и сомнения в том, что первая разновидность фибул типологически более ранняя, чем вторая.

Особое внимание следует обратить на каркас фибул. Он всегда состоит из двух частей, по одной на каждой пластине, и при этом бывает двух разновидностей, которые мы условно назвали “жесткая” и “полужесткая”. Каркас полужесткого типа – это медная полоса по всему периметру головки, а на ножке – узкая вертикальная полоска посередине, закрепленная только одной заклепкой (рис. 4, 6). Каркас жесткого типа более массивный, на головке он имеет дополнительную центральную осевую часть, а на ножке порою почти

равен ширине самой пластины и закреплен обязательно тремя заклепками (рис. 4, 7), теми же, что крепят и декоративную накладку. Важно отметить, что первая разновидность каркаса, полужесткая, встречается только у предметов группы 1А. Жесткий каркас отмечен у всех без исключения составных фибул (1Б) и у нескольких экземпляров группы 1А.

Кроме того, фибулы ранней группы (1А) сделаны из серебра более высокой пробы, чем изделия составные. Как показал рентгено-флюоресцентный анализ металла находок, хранящихся в фондах Эрмитажа, при производстве составных фибул, как правило, использовалось более низкопробное серебро (50–60%) с высоким содержанием меди, в то время как цельнокованные застёжки изготовлены из сплава, в котором 70–80% серебра. При этом часто содержание серебра в металле, из которого отливалась дужка, наиболее массивная деталь, заметно ниже, чем в приклепанных тонких пластинах (Хаврин, Чугунова, 2010).

Для проверки правильности предлагаемой нами схемы эволюции фибул, к сожалению, твердых хронологических данных мало. Лишь два комплекса могильника Суук-Су содержат византийские монеты. В склепе 56, в двух погребениях которого встречено по паре фибул группы 1А, найдены монеты Юстина I (518–527) и Юстиниана Великого (527–565)³. В погребении 1 могилы 77 вместе с парой более поздних составных изделий группы 1Б найдена и более поздняя монета Маврикия (597–602). Все остальные доводы относятся к области сравнительной типологии и корреляции комплексов. Наиболее весомый аргумент: многие составные фибулы по встречающимся с ними в погребениях крупным орлиноголовым пряжкам (поздних вариантов, по И.П. Засецкой) синхронизируются с пальчатыми застёжками днепровских типов.

Следовательно, предположение А.К. Амброза и А.И. Айбабина о том, что двупластинчатые фибулы Крыма со временем уменьшаются в размерах, не подтверждается. По нашим данным, поздние составные экземпляры с накладками имеют максимальную длину. Однако гипотеза указанных исследователей была бы справедлива в том случае, если бы фибулы вариантов 2 и 3 (без накладок, с выступами на головке), как они предполагают,

являлись следующим эволюционным звеном в развитии данной категории украшений. Но так ли это – **вопрос второй**.

Прежде чем перейти к его решению, следует уточнить правомерность деления двупластинчатых фибул без накладок на два варианта (варианты 2 и 3). Критерий, которым пользовались и А.К. Амброз, и А.И. Айбабин, один – длина изделий (рис. 1, 2–4). Границей между вариантами считается значение около 14 см (Амброз, 1988. С. 7–9; Айбабин, 1990. С. 19). Чтобы продемонстрировать, насколько эта граница условна и приблизительна, достаточно указать на несколько фактов. Из восьми пар фибул без накладок, найденных в Суук-Су (рис. 5; 6, 2), две пары имеют длину по 12 см, три пары – 13,5–15 см, одна пара – 18 см; две оставшиеся соответственно

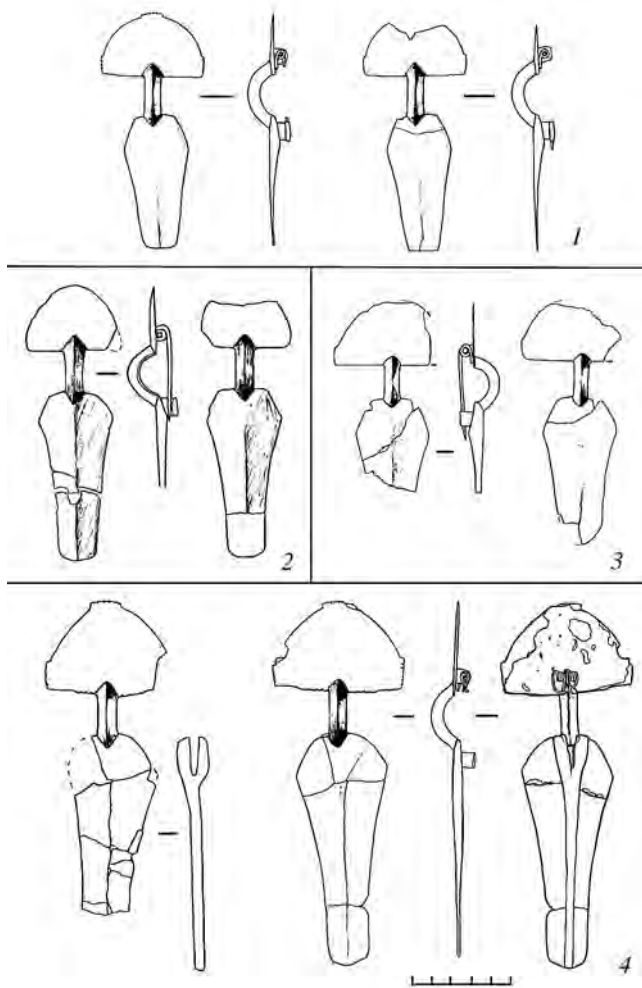

Рис. 5. Двупластинчатые фибулы с выступами на головке из могильника Суук-Су. 1 – погребение 196; 2 – погребение 90; 3 – случайная находка (по: Репников, 1906); 4 – погребение 198.

³ В статье В.Е. Родинковой отмечено, что с монетами из 56 склепа Суук-Су возникла некоторая путаница, и монету Юстиниана в Эрмитаже ей обнаружить не удалось (1995. С. 75). Это действительно так, поскольку, как выяснилось, данная монета по непонятным причинам оказалась в той части коллекции, которая хранится в Государственном Историческом музее.

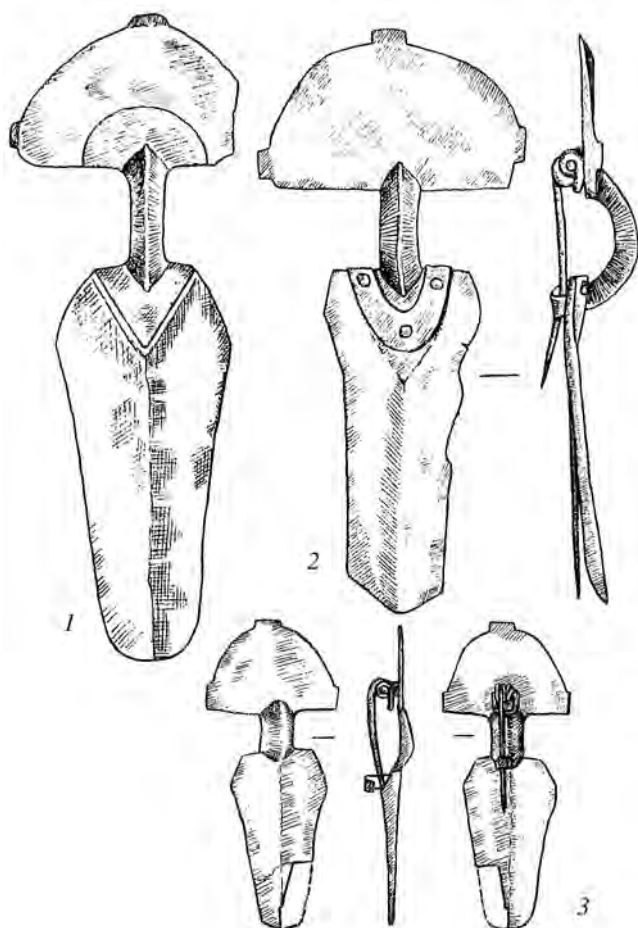

Рис. 6. Фибулы с выступами на головке из могильников Южного Крыма (по: Айбабин, 1990). 1 – Лучистое, склеп 10; 2 – Суук-Су, погребение 169; 3 – Эски-Кермен, склеп 315.

маленькие – 7 и 11 см. Следуя принятой схеме, к каждому из двух вариантов мы должны отнести по четыре пары застёжек. Но обе из образовавшихся таким образом групп не имеют внутреннего единства по ряду признаков. Второй вариант составляют фибулы больших размеров, одна пара с укрепляющим каркасом (рис. 5, 4), ещё одна – с каркасом и некоей странной накладкой на ножке (рис. 6, 2). В эту же группу нужно добавить известную находку (рис. 6, 1) из склепа 10 в Лучистом (с выступами на головке, каркасом на обороте и прочерченными на обеих пластинах имитациями накладок) (Айбабин, 1994. Рис. 16). Указанные черты сближают перечисленные образцы с фибулами варианта 1 и указывают на некую “гибридность” рассматриваемых изделий. Третий же вариант объединил и самые маленькие фибулы с треугольной ножкой (несомненно, поздние), и более крупные (с ножкой обычной ромбовидной формы), ничем не отличающиеся от экземпляров

второго варианта, кроме разницы всего в 1.5–2 см длины (рис. 5, 1–3; 6, 3).

Таким образом, длина фибул не должна рассматриваться в отрыве от морфологических и конструктивных признаков. Если же принять их все во внимание, то вырисовываются не две, а три группы изделий. Вариант 2 объединяет застёжки с выступами на головке и ножкой только многоугольной формы, аналогичной форме ножек образцов варианта 1. Но его следует разбить на две части: вариант 2А – фибулы длиной менее 14 см; вариант 2Б – крупные экземпляры длиной от 14 см с элементами “гибридности” (каркас, имитация накладок и т.п.). Вариант 3 включает только фибулы с треугольной ножкой, все с укрепляющим каркасом (Суук-Су, погребения 5 и 32). Три образовавшиеся таким образом группы изделий оказываются весьма однородны внутри себя по ряду признаков: не только по размеру, но также по морфологическим и конструктивным особенностям (рис. 7).

Теперь мы вернемся к вопросу, являются ли фибулы варианта 2 (в нашей схеме – вариантов 2А и 2Б) результатом эволюции украшений варианта 1 – с накладками. Прежде всего нужно отметить, что различия между образцами вариантов 1 и 2 не ограничиваются наличием или отсутствием декоративных накладок и размерами. Они более существенны. Рассмотрим их вкратце.

Во-первых, фибулы варианта 2 всегда имеют конструкцию механизма застёжки, отличную от фибул варианта 1: ось пружины крепится на одну центральную вертикальную петлю. Экземпляры варианта 1 имеют две петли, между которыми расположена ось. Исключений из этого правила нет. Первый способ крепления, отмеченный на всех изделиях второго варианта, является, несомненно, более архаичным: такая схема восходит ещё к различным типам застёжек позднеримского времени. Она характерна для всех двупластинчатых центральноевропейских фибул, начиная с маленьких – самых ранних.

Новый принцип закрепления оси пружины между двух петель появился у первых пальчатых фибул второй половины V в. в Центральной Европе. Вероятно, это было связано с отказом от старого громоздкого и малофункционального механизма, какой мы наблюдаем на больших застёжках второй половины V в. на Дунае. Проникновение новой упрощенной и более прочной схемы крепления пружины в Восточную Европу произошло вместе с гото-гепидскими пальчатыми фибулами, широко распространившимися в Боспорском регионе с конца V в. Позже такой

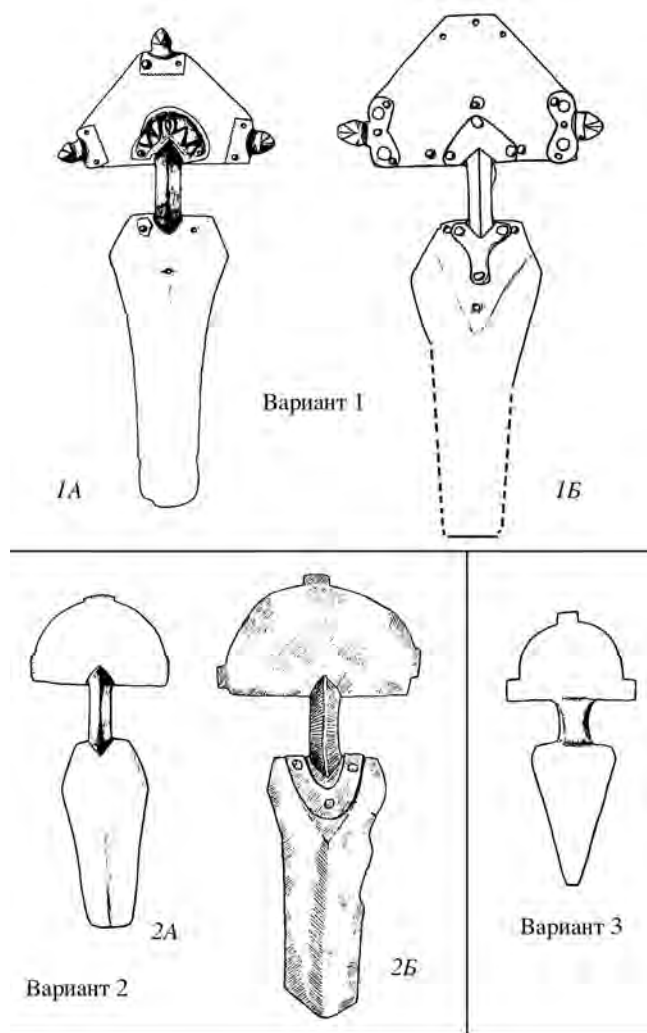

Рис. 7. Типология двухпластинчатых фибул Южного Крыма VI – VII вв. (по схеме автора).

принцип был использован для южнокрымских изделий с накладками (вариант 1), затем его применяли при производстве пальчатых днепровских фибул. Но южнокрымские украшения варианта 2, однако, продолжали изготавливать по старой схеме. В случае эволюции фибул второго варианта от первого странно было бы предполагать, что ремесленники по каким-то причинам решили вернуться к устаревшей системе крепления пружины.

Во-вторых, головки фибул варианта 2 всегда имеют полукруглую форму с тремя небольшими выступами. У фибул варианта 1 верхняя пластина шестиугольная. И хотя выступы у экземпляров второго варианта, вполне возможно, являются деградированной имитацией либо накладок-кнопок, либо “шишечек” – насадок на концы оси пружины, полукруглая форма головки не могла развить-

ся из шестиугольной. В эволюции европейских двухпластинчатых фибул наблюдается обратный процесс: все образцы периодов С3 и D1 имеют полукруглые головки, а экземпляры с трапециевидными контурами верхних пластин появляются позже, в период D2/D3. То есть, в эволюционном отношении и эта деталь фибул варианта 2 является относительно более ранней, чем у украшений варианта 1.

В-третьих, фибулы без накладок, как правило, отличаются чуть большей толщиной серебряных пластин при их меньших размерах. За счет этого они имеют высокую механическую прочность и не нуждаются, в отличие от изделий варианта 1, в дополнительном каркасе с оборотной стороны (практически все южнокрымские двухпластинчатые застежки с накладками имеют каркас). Но есть и исключения – образцы варианта 2Б, которые мы считаем гибридами. Таковы две пары фибул из Суук-Су, у которых есть медные каркасы (рис. 6, 2; 4, 5). У пары аналогичных предметов из Лучистого (рис. 4, 4) тоже есть каркасы на ножках в виде узкой медной полоски на одном экземпляре и узкого круглого в сечении стержня, расплющенного со стороны иглоприемника, на втором (Айбабин, 1994. Рис. 16). Еще раз отметим, что эти украшения – самые крупные среди подобных, длиной от 14 до 18 см. Видимо, именно их размеры и повлияли на необходимость изготовления каркаса.

Форма каркаса в виде узкого медного стержня на ножке, закрепленного либо пайкой, либо одним штифтом, сравнительно архаична. Аналогии ей зафиксированы лишь на некоторых фибулах из могильника на реке Дюрсо (рис. 4, 1–3), из погребений второй половины V в. (Дмитриев, 1982. С. 75. Рис. 1, 1, 7, 11–14, 19). В Западной Европе такая форма не использовалась. Среди сууксинских фибул с накладками варианта 1 встречается близкая разновидность каркаса на ножке, которую мы назвали полужесткой (рис. 4, 6). Для более поздних изделий, составных, характерен иной тип, жесткий (рис. 4, 7). Таким образом, фибулы варианта 2Б по форме каркаса, встречающегося на них изредка, равно как и фибулы варианта 2А без него, типологически не могут быть более поздними, чем изделия варианта 1, тем более их поздняя группа (1Б), для которой характерен каркас жесткого типа.

По-видимому, интересующая нас конструктивная деталь проходит в своем развитии несколько этапов и может рассматриваться как одно из оснований для относительной хронологии и синхронизации. Наиболее ранняя разновидность, от-

носящаяся ко второй половине V в., представлена у находок на р. Дюрсо. Это медный стержень или узкая полоска на ножке (рис. 4, 1–3). По морфологическим признакам к подобным вещам следует причислять и пару фибул без накладок из Лучистого (рис. 4, 4), хотя она, конечно же, датируется более поздним временем. Следующий этап развития связан с появлением укрепляющего каркаса не только на ножке, но и на верхней пластине. Его имеют как ранние фибулы с накладками (группа 1А), так и гибридные образцы варианта 2Б без накладок (рис. 4, 5, 6). Позже появляется каркас жесткого типа (рис. 4, 7), он зафиксирован только на фибулах с накладками: на части цельных, но преимущественно на поздних составных изделиях. Конечный этап эволюции представлен экземплярами с треугольной ножкой из Суук-Су (рис. 4, 8). На них мы остановимся ниже, когда перейдем к рассмотрению изделий варианта 3.

Таким образом, отмеченные особенности говорят в пользу того, что фибулы варианта 2 не могут являться результатом развития больших застежек с накладками, они представляют собой особый тип, синхронный, скорее всего, выделенной нами группе фибул варианта 1А. Нельзя не заметить, что по многим морфологическим и конструктивным признакам образцы варианта 2А можно было бы даже считать относительно более ранними. Обе разновидности фибул являются элементами южнокрымской культуры, сформировавшимися здесь одновременно, но на основе различных прототипов.

Синхронное бытование украшений двух вариантов подтверждается материалами нескольких погребальных комплексов. В склепе 10 могильника Лучистое пара фибул без накладок найдена в захоронении четвертого, самого раннего слоя, а пара больших фибул с накладками ранней группы – в более позднем слое 2 (Айбабин, 1994. С. 132–134). В склепе 449 могильника Скалистое найдены вместе и пара крупных фибул варианта 1А, и одна небольшая фибула варианта 2А (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 82). В могиле 315 в Эски-Кермене вместе с парой застежек варианта 2А найдена орлиноголовая пряжка боспорского производства (Айбабин, 1990. Рис. 35, 1) типа 1А, по И.П. Засецкой, датируемая временем не позднее второй половины VI – начала VII в. (2005. С. 61, 62). Добавим также, что, по наблюдениям В.К. Пудовина и вслед за ним В.Е. Родинковой, погребения с фибулами с выступами на головке (вариант 2) в Суук-Су могут быть синхронны наиболее раннему этапу погребений могильника, в которых встречены большие экземпляры с

накладками (Пудовин, 1961. С. 178–181. Рис. 1; Родинкова, 1995. С. 76).

Таким образом, время бытования фибул вариантов 2А и 2Б, без сомнения, соответствует тому периоду, когда находились в употреблении фибулы варианта 1, с накладками. То есть все они синхронны.

Генетическая связь изделий и первого, и второго вариантов с центральноевропейскими фибулами эпохи Великого переселения народов очевидна. По мнению И.О. Гавритухина, прототипом для образцов с накладками из памятников круга Суук-Су послужил поздний вариант фибул из Дюрсо с пятиугольной головкой (рис. 4, 2, 3), хотя схожие типологические тенденции отмечены и у вестготов Испании, и в Подунавье (Гавритухин и др., 1996. С. 227). В данном контексте можно рассматривать и отдельные находки из Керчи (Эпоха Меровингов, 2007. С. 290. Кат. № 1.8.1). Фибулы варианта 2 И.О. Гавритухин вслед за А.К. Амброзом считает производными от варианта 1, не пытаясь найти для них независимый прототип. При этом он выделяет особую линию развития больших северокавказских застежек VI–VII вв. без накладок, восходящую к дунайским и боспорским образцам с полукруглой головкой и простыми накладками-проволочками у оснований дужки (Гавритухин и др., 1996. С. 227. Рис. 6). Южнокрымские фибулы варианта 2 исследователь с указанной линией развития не связывает, хотя нельзя не отметить чрезвычайную морфологическую близость северокавказских и южнокрымских находок такого типа (ср.: Казанский, Мастыкова, 1998. Рис. 3). На наш взгляд, серьезных препятствий для исключения из данного эволюционного ряда южнокрымских фибул с выступами на головке нет, напротив, охарактеризованные выше особенности заставляют искать их прототип среди более ранних образцов, нежели крымские застежки варианта 1. И поздние боспорские малые двупластинчатые фибулы – наиболее подходящая “кандидатура”.

Особое внимание нужно обратить на чрезвычайно близкую морфологию (размеры, пропорции и форма головки), общие конструктивные детали (способ закрепления пружины, ранняя форма каркаса либо его отсутствие в большинстве случаев) и довольно широкое распространение вероятных фибул-прототипов на территории Крыма в V – начале VI в. Близкие южнокрымским изделия обнаружены в Керчи (рис. 8) в склепах № 6, 78, 165, а также в числе случайных находок (Айбабин, 1990. Рис. 9; 10; Засецкая, 1993. Табл. 4, 8–10, 13, 15. Кат. № 284, 295, 296, 303;

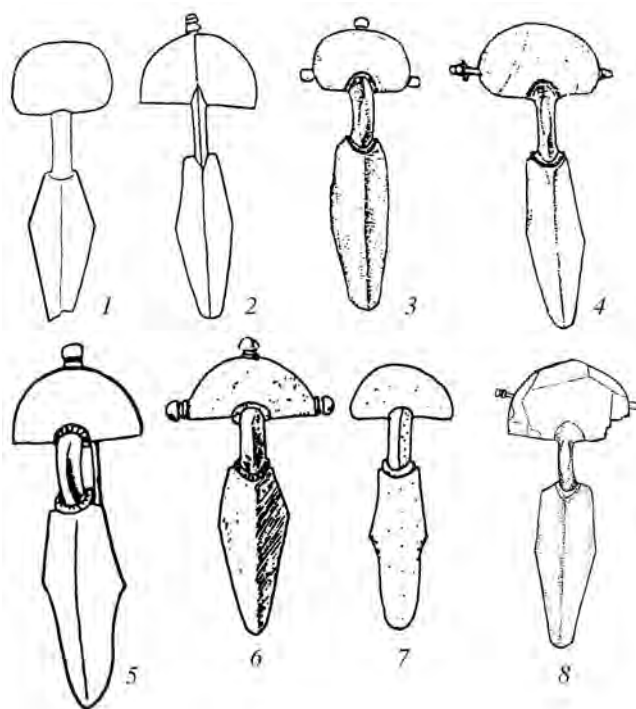

Рис. 8. Поздние двухпластинчатые фибулы из Керчи (по: Казанский, 1999). 1–3 – склеп 165; 4 – склеп 6; 8 – склеп 78; 5–7 – точное место находки неизвестно.

Казанский, 1999. Рис. 6, 1–8). А. Коковский считает данный тип конечным итогом эволюции маленьких двухпластинчатых фибул поздне-римского времени, выделяет их в вариант F, но хронологию не рассматривает, считая подобные вещи бытующими позднее периода D1 и известными только в Керчи (Kokowski, 1996. P. 159, 160. Рис. 13). Судя по материалам некоторых погребальных комплексов, такие украшения могли сохраняться в costume населения Боспора еще в первой половине VI в. (Засецкая, 1998. С. 431, 432. Табл. XIV, 10, 11; Казанский, 1999. С. 286. Рис. 10).

В связи с этим важно отметить, что среди поздних двухпластинчатых фибул из керченско-го некрополя наряду с традиционными литыми встречаются изделия с тонкими откованными пластинами. Это экземпляры, обнаруженные в склепах 165, 6 и 78. Они, как и сууксинские образцы варианта 2, изготавливались путем раскатки литой заготовки. Кроме того, у них упрощенный механизм застегивания: вместо двухрядной пружины – однорядная, что также, несомненно, сближает их с более поздними южнокрымскими находками. Две фибулы из числа случайно найденных в Керчи также имеют тонкие откованные пластины (Эпоха Меровингов, 2007. С. 290.

Кат. № 1.8.1). На эти особенности боспорских двухпластинчатых фибул, характерные для позднего этапа их бытования, впервые обратила внимание И.П. Засецкая (1993. С. 26).

Следует указать и на тождественность химического состава металла, из которого выполнена основа и сууксинских изделий варианта 2, и большинства поздних боспорских застегивающих данного типа (Хаврин, Чугунова, 2010): это высокопробное серебро (90–95%) с незначительной примесью меди (3–5%), свинца (1–2%) и цинка (1–3%). Одинаковый процентный состав и соотношение основных компонентов указывают, скорее всего, на один и тот же источник сырья. По составу и качеству металла эти фибулы существенно отличаются от сууксинских образцов с накладками. У последних, даже у группы цельнокованных, серебро пластин заметно более низкопробное (в среднем 70–80%), не говоря уже о более поздних составных экземплярах, которые отличаются еще более низким содержанием серебра в металле пластин и особенно дужки. Вероятно, постепенное ухудшение качества серебряного сырья у южнокрымских ювелиров – тоже хронологическая тенденция. Увеличение процентного содержания цинка в сплаве (до 8–12%), скорее всего, говорит о практике легирования серебра латунью, которая широко применялась южнокрымскими мастерами начиная, по-видимому, со второй половины VI в. (Хаврин, Чугунова, 2010). Еще раз отметим, что для боспорских двухпластинчатых фибул, так же как и для южнокрымских фибул с выступами на головке, использование латуни в качестве добавки для металла основы не зафиксировано, что, вероятно, может служить не только качественным, но отчасти и хронологическим признаком, сближающим эти две группы предметов.

В предварительной форме выскажем предположение, что появление в Южном Крыму специфических типов украшений – двухпластинчатых фибул вариантов 1 и 2 – происходит одновременно, около середины VI в.; они воспроизводят близкие, но не идентичные прототипы. Первый вариант мы вслед за А.К. Амброзом и И.О. Гавритухиным склонны связывать с дунайско-германской традицией, возможно, опосредованно, через материалы Дюрсо, а возможно, непосредственно, через переселенцев – готов или гепидов (Kazanski, 1996. С. 336). Решение этого вопроса требует более внимательного изучения конструктивных особенностей предметов западноевропейского производства.

Что касается фибул с выступами на головке (вариант 2), то их появление могло быть связа-

но с влиянием локальной боспорской традиции, точнее говоря, с доживающими в первой половине VI в. на Боспоре остrogотскими культурными реликтами, которые, так же как и фибулы первого варианта, в определенной степени были адаптированы к южнокрымской этнокультурной среде (Kazanski, 1996. С. 330, 331; Казанский, 1999. С. 286). Главными основаниями для такого предположения являются морфологическое сходство, тождество химического состава металла и единство техники изготовления боспорских и южнокрымских застёжек с выступами на головке. Если наше предположение верно, то и в случае с фибулами варианта 2 мы должны отметить увеличение их размеров со временем. Поздние боспорские экземпляры не длиннее 8–9 см, длина большей части изделий с выступами на головке (вариант 2А) составляет от 12 до 14 см, а самые крупные (вариант 2Б) являются и самыми поздними, они несут следы “гибридности” – каркас или имитацию накладок (Айбабин, 1994. Рис. 16).

Вероятное более раннее появление маленьких фибул с выступами на головке (вариант 2А) маркировано находкой из могилы № 315 в Эски-Кермене, где вместе с парой таких украшений (рис. 6, 3) найдена орлиноголовая пряжка боспорского производства (Айбабин, 1990. Рис. 35, 1) варианта 1А, по И.П. Засецкой, датируемая временем не позднее второй половины VI в. (2005. С. 61, 62). При этом нужно учесть, что она отлита из серебра. Как показало специальное исследование Е.А. Шаблавиной, практически все серебряные пряжки данного типа были сделаны в течение небольшого отрезка времени, скорее всего, одним мастером, при помощи одного шаблона. В дальнейшем они послужили моделями для оттиска и отливки серии более поздних – латунных украшений. Поэтому время изготовления пряжки из Эски-Кермена должно быть ограничено рамками второй половины, возможно, второй трети VI в. (Шаблавина, 2006. С. 248–250. Рис. 15, 2).

Вопрос третий – приходят ли маленькие двупластинчатые фибулы варианта 3 на смену более крупным украшениям варианта 2?

Тот факт, что маленькие сууксинские застёжки с треугольной ножкой (рис. 1, 3; 4, 8) являются наиболее поздними из всех, не вызывает сомнений. Однако на вопрос, следует ли их считать результатом эволюции более ранних фибул варианта 2, ответить сложнее. В принципе это вполне возможно. По морфологическим признакам изделия двух рассматриваемых вариантов очень близки, изменяется только форма ножки. Отметим, что ножки аналогичной формы известны и

у маленьких двупластинчатых и пальчатых фибул раннемеровингского времени в Европе (Гавритухин и др., 1996. Рис. 5).

Несмотря на небольшие размеры застёжки варианта 3, как и образцы варианта 2Б, имеют каркас (рис. 4, 8). Он вырезан из тонкого металлического листа и состоит из нескольких частей⁴. При этом на головке полосы каркаса, согнутые под прямым углом, образуют и петлю для крепления оси пружины, т.е. выполняют сразу две функции. Необходимость каркаса обусловлена тем, что фибулы целиком вырезаны из сравнительно тонкого серебряного листа плохого качества, и в отличие от предметов варианта 3 их дужка не литая – объём ей придан путем обжатия пластины с боков.

Наряду с вероятностью происхождения фибул варианта 3 от предметов варианта 2 нельзя полностью исключать возможность существования еще одного пути эволюции, связанного в большей мере не с крымской линией развития, а с маленькими европейскими двупластинчатыми фибулами с треугольной ножкой и выступами на головке, особую ветвь эволюции которых выделяет И.О. Гавритухин (Гавритухин и др., 1996. С. 225. Рис. 5). С такими находками сууксинские застёжки варианта 3 наиболее близки морфологически и, по-видимому, хронологически.

В итоге мы предлагаем усовершенствованную общую схему типологии двупластинчатых фибул Южного Крыма (рис. 7). Вариант 1 – фибулы с накладками: группа 1А – цельные изделия, группа 1Б – крупные составные изделия. Вариант 2 – фибулы с выступами на головке, без накладок, с ножкой ромбической формы: 2А – маленькие (менее 14 см), 2Б – большие (более 14 см), с каркасом и другими элементами “гибридности”. Вариант 3 – маленькие фибулы с треугольной ножкой.

В предварительной форме можно реконструировать также три основных этапа развития двупластинчатых фибул Крыма, выделенных на основе морфологических и конструктивных признаков с учетом редких случаев встречаемости разных вариантов этих изделий в склепах южнокрымских некрополей. На раннем этапе бытуют экземпляры варианта 2А (маленькие без накладок) и фибулы с накладками варианта 1А. Переход ко второму этапу соответствует некоторым изменениям вкусов носителей подобных украшений. В моду входят удлиненные застёжки с более вытянутой

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить Е.Ю. Новикову – хранителя коллекции Суук-Су в Государственном Историческом музее, любезно предоставившую возможность работы с данными материалами.

верхней пластиной (рис. 2). В результате появляются составные фибулы с накладками группы 1Б, хотя, судя по всему, и цельные вещи не сразу и не везде выходят из употребления. На этом же этапе происходит и увеличение размеров фибул варианта 2, появляются образцы варианта 2Б, которые обладают и некоторыми чертами, сближающими их с фибулами с накладками: каркасом, большими размерами, подобиями и имитациями накладок. На третьем этапе все большие застёжки вариантов 1 и 2 выходят из употребления, остаются лишь маленькие изделия варианта 3.

Итак, для второго этапа характерно максимальное разнообразие ассортимента двупластинчатых фибул, одновременно бытуют три их варианта – 1А, 1Б и 2Б. Можно добавить, что и появление в костюме населения Крыма первых пальчатых фибул днепровского типа происходит именно во втором периоде (вероятнее всего, на его заключительной стадии).

Абсолютные временные рамки трех отмеченных этапов установить трудно. Лишь границы первого вырисовываются достаточно определенно благодаря монетным находкам из могильника Суук-Су. Начало его соответствует времени возникновения самого некрополя около середины VI в. Смена первого и второго этапов, начало изготовления составных застёжек варианта 1Б маркированы монетой Маврикия из могилы 77. При этом составная фибула из данного захоронения несет на себе следы замены пластин (ремонта), что, на наш взгляд, может указывать на ее длительное функционирование в быту до выпадения в погребальном комплексе. Поэтому смену отмеченных этапов с наибольшей долей вероятности следует отнести ко времени незадолго до рубежа VI – VII вв. Начало третьего периода соответствует началу массового использования днепровских пальчатых фибул в Крыму, что, по современным представлениям, приходится примерно на 620–630-е годы (Айбабин, 1990. С. 23; Амброз, 1988. С. 10, 11). Такая закономерность в развитии женского костюма, как смена двупластинчатых фибул пальчатыми, в VI – VII вв. характерна не только для Южного Крыма. То же самое, как отмечает А.В. Мاستыкова, но чуть раньше, происходит у различных германских народов Западной и Центральной Европы (2008. С. 373, 374), а также на Боспоре.

Для двух основных разновидностей двупластинчатых фибул Южного Крыма – с накладками и без накладок – нами впервые отмечены три общие эволюционные тенденции, которые отразились в конструктивных и морфологических

особенностях вещей. Все эти тенденции взаимосвязаны, они характеризуют развитие традиций южнокрымской ювелирной школы на протяжении VI – первой половины VII в. Первая – постепенное увеличение размеров (длины) двупластинчатых застёжек (то же, кстати, одновременно происходит и с орлиноголовыми пряжками). Вторая тенденция, как следствие первой, – усиление жесткости конструкции изделия за счет укрепляющего каркаса. Каркас фибул проходит несколько стадий развития. Со временем его жесткость увеличивается, находясь в тесной зависимости от абсолютной длины изделий. Третья тенденция – постепенное ухудшение качества металла, падение процентного содержания серебра, вызванное не только вероятным сокращением поступления сырья и введением в сплав легирующих добавок, но и увеличением размеров украшений.

Третья тенденция хорошо прослеживается по данным рентгено-флуоресцентного анализа (Хаврин, Чугунова, 2010). Двигаясь в наиболее вероятной хронологической последовательности, отметим средние показатели содержания серебра по типам фибул: боспорские двупластинчатые первой половины VI в. – 90–97%; южнокрымские варианта 2А – 90–94%; варианта 1А – от 60 до 85%; варианта 2Б – 82–83%; варианта 1Б – от 40 до 60%. Для фибул варианта 3 подобные анализы не проводились, но даже визуально прослеживается, что качество металла у них наихудшее, это фактически уже не серебро, а медный сплав с его добавлением (Суук-Су, могилы 5 и 32).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Южный Крым и Боспор в VI – VII вв. н.э. Культурные связи и проблемы периодизации и синхронизации древностей”, проект № 08-01-00319а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.
- Айбабин А.И.* Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-30).
- Амброз А.К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.

- Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С. и др.* Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996.
- Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
- Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Засецкая И.П.* О хронологии и взаимосвязи орлиноголовых пряжек из боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода // Нижневолжский археолог. вестн. Вып. 7. Волгоград, 2005.
- Казанский М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археолог. альманах. Вып. 4. Армавир; М., 1998.
- Мастыкова А.В.* О костюме с пальчатыми фибулами в Восточной Европе // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.
- Пудовин В.К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550–650 гг.) // СА. 1961. № 1.
- Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов. Ч. 1 // ИАК. 1906. Вып. 19.
- Родинкова В.Е.* К вопросу о хронологии нижнего горизонта могильника Суук-Су // Древности. Харьковский историко-археолог. ежегодник. Харьков, 1995.
- Хаврин С.В., Чугунова К.С.* Исследование спектрального состава двупластинчатых фибул V–VII вв. (некрополи Боспора и Суук-Су) // АСГЭ. 2010. Вып. 38.
- Шаблавина Е.А.* О раннесредневековой продукции боспорских ювелиров (на примере орлиноголовых пряжек) // АВ. 2006. № 13.
- Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. Берлин, 2007.
- Kazanski M.* Les Germanes orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du V s. et au VI s. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Kokowski A.* O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na główce i rombowałą nóżką // Studia Gothica. I. Lublin, 1996.

КУРИЛОВСКИЙ КЛАД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ

© 2010 г. В.Е. Родинкова

*Институт археологии РАН, Москва (Vlasta2004@mail.ru)*Ключевые слова: *раннее Средневековье, мужские и женские украшения.*

The article publishes the hoard that was found in October 2007 near the village of Kurilovka in Kursk oblast'. The hoard is stored in the Kurchatovskiy state regional museum. The assemblage belongs to the circle of Dnieper early medieval hoards, or "antiquities of the Antae" group I. The items existed in the Middle Dnieper region and the Dnieper left bank starting from the end of the 6th/turn of the 6th–7th cc. to the middle/third quarter of the 7th c. The hoard comprises 119 whole and fragmented metal items and 33 glass and amber beads. They are divided into elements of woman's attire (fibulae, temple rings, bracelets, umbo- and trapeze-shaped pendants, bells, spiral and plain metal tubes, chains, beads, etc.) (Figs. 1–3; 4, 1–30; 5, 1–12, 16–31), elements of man's attire (buckles, belt plates, strap terminals, etc.) (Fig. 6) and metal ingots (Fig. 5, 13, 14). The woman's items are represented by local Dnieper forms, part of which are specific local variants and allow to include the Kurilovka hoard, together with the Gaponovo and new Sudzha hoards into the group of assemblages from the Sudzha microregion in the Seim-Psychol interfluvium area. The details of the man's belt assemblages reflect the mainly southward focus in the external relations of the population. The complex is of a dual character. On the one hand, it includes sets of personal ornaments. On the other hand, the unfinished items and the ingots indicate a craftsman. We may assume that the Kurilovka hoard was deposited by a jeweler who decided to hide both his own unfinished goods and the decorations which belonged to his family.

Комплексов, относящихся к кругу так называемых днепровских лесостепных раннесредневековых кладов (или "древностей антов", как назвал их А.А. Спицын), к настоящему времени известно более 20, но появление новых находок специалисты встречают с неослабевающим интересом. Объединенные общими чертами и отражающие одно явление, эти клады вместе с тем обладают и индивидуальными отличительными особенностями, каждый из них имеет собственный характер. И каждый новый комплекс открывает перед исследователями неизвестные ранее грани одного из наиболее интересных и загадочных феноменов раннесредневековой археологии Восточной Европы. В этой связи чрезвычайно важно оперативное введение появляющихся материалов в научный оборот. Данная статья представляет собой предварительную публикацию одного из таких комплексов – Куриловского клада.

Клад был найден местными жителями в октябре 2007 г. в 400 м к северо-востоку от окраины д. Куриловка Суджанского р-на Курской обл., на дюне, расположенной на правом берегу современного русла р. Суджа, недалеко от ее впадения в р. Псел. Поверхность дюны в прежние годы распахивалась, поэтому, вероятно, наиболее крупные вещи – фибулы, пластинчатые подвески – оказа-

лись растащены плугом и были собраны на площади примерно 50 м². Многие из них сломаны или деформированы. В то же время изделия небольшого размера – детали ременной гарнитуры и бусы, по словам находчиков, были зафиксированы совместно, они залежали кучкой на небольшой глубине от поверхности дюны. Клад двумя партиями поступил в Курчатовский государственный краеведческий музей и был принят на хранение (Акт о приеме на хранение № 18 от 12.11.2007, № 1368 по книге вступлений)¹. В настоящее время он насчитывает 119 целых изделий из металла и их фрагментов и 33 стеклянные и янтарные бусины. Однако, учитывая обстоятельства его обнаружения, нельзя исключить возможность того, что комплекс собран не полностью.

Место находки клада было обследовано сотрудниками ИА РАН О.А. Радюшем и В.Е. Родинковой. На дюне зафиксирован культурный слой мощностью до 0.5 м, из которого происходят мелкие фрагменты груболепной керамики и поздне-средневековой гончарной посуды, металлические

¹ Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Курчатовского государственного краеведческого музея – заведующему отделом истории и этнографии Валентину Павловичу Гольцову и главному хранителю Надежде Валентиновне Воронцовой – за помощь, оказанную при работе с кладом, и возможность опубликовать его материалы.

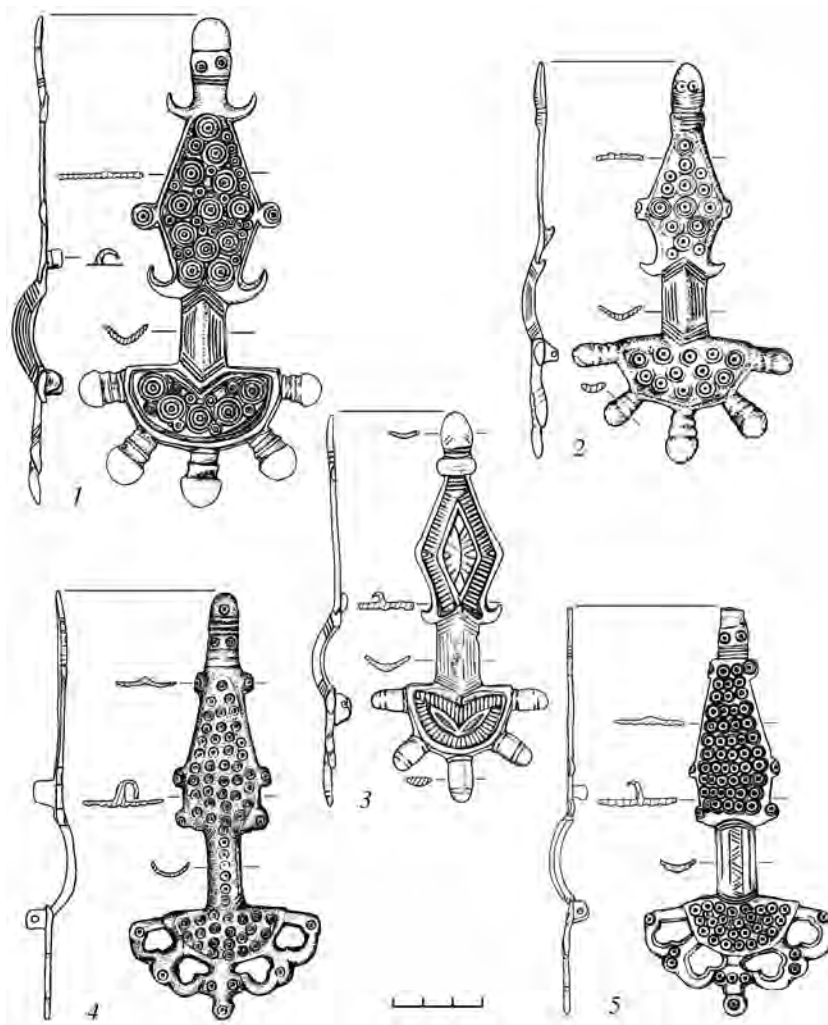

Рис. 1. Куриловский клад. 1–3 – фибулы пальчатые; 4, 5 – фибулы с каймой из птичьих голов. Сплав на медной основе.

шлаки. Следует полагать, что на данной территории расположен многослойный памятник, содержащий в том числе напластования колочинской археологической культуры V–VII вв., с которыми, может быть, и связан этот комплекс.

Предметы, составляющие клад, можно разделить на три основные группы: принадлежности женского и мужского уборов и металлическое сырье. К элементам женского костюма традиционно причисляются фибулы, височные кольца, браслеты, умбоновидные и трапециевидные подвески, колокольчики, спиральные и гладкие пронизи, цепочки, бусы, а также, возможно, маленькие проволочные колечки, ворворки (рис. 1–3; 4, 1–30; 5, 1–12, 16–31). Мужская часть комплекса включает ременные украшения: пряжки, накладки, наконечники и др. (рис. 6). К сырьевой группе относятся два металлических слитка (рис. 5, 13, 14).

Также в клад входит еще серия фрагментов изделий неясного облика из свинцово-оловянных сплавов (рис. 4, 31–43) и заклепка с четырехгранным штифтом (рис. 5, 15).

В составе комплекса имеются четыре предмета, на которых зафиксированы остатки ткани. Это колечко с фрагментом привязанного к нему ремешка (рис. 5, 10), одна из антропоморфных фибул (рис. 3), а также ременная накладка и наконечник (рис. 6, 2, 16). Колечко может быть интерпретировано как часть наконечника, привеска к фибуле, поясу и т.д. и свидетельствовать о наличии в конструкции убора органических элементов. На деталях поясной гарнитуры, не бывших в употреблении, о чем еще будет сказано ниже, вероятно, сохранилась ткань, в которую владелец завернул украшения при сокрытии клада.

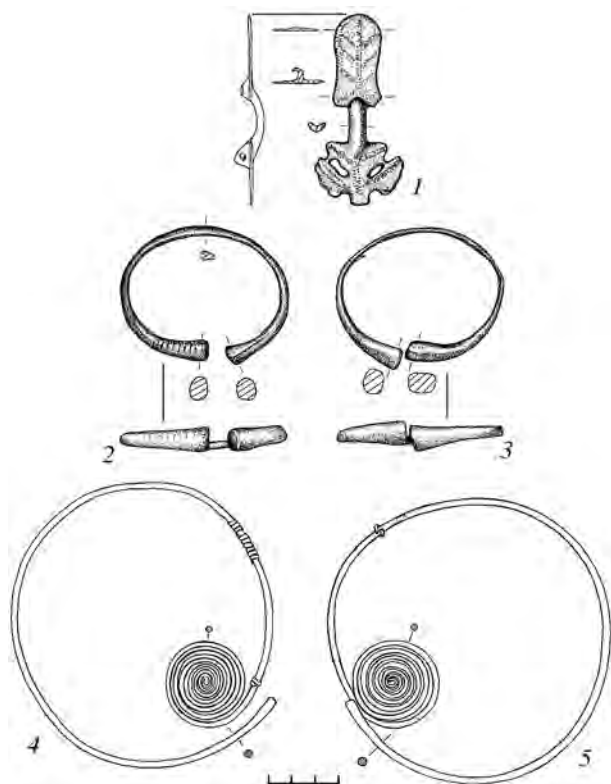

Рис. 2. Куриловский клад. 1 – фибула антропоморфная; 2, 3 – браслеты; 4, 5 – височные кольца. Сплав на медной основе.

Для ряда вещей был определен состав металла, из которого они изготовлены². Установлено, что в кладе представлены два типа сплавов: на медной основе и свинцово-оловянные.

Состав комплекса из Куриловки указывает на его принадлежность к днепровским раннесредневековым лесостепнымкладам или “древностям антов” А.А. Спицына (1928), точнее, к их I группе, выделенной О.А. Щегловой (1990), в которую входят также сокровища из Мартыновки, Гапонова, Трубчевска и др. Время существования отложившегося в них вещевого набора определяется сегодня в рамках конца VI/рубежа VI–VII – середины/третьей четверти VII в. (Гавритухин, 1996а). Основная территория распространения “древностей антов” – Среднее Поднепровье, включая Поросье и Потясминье на правом берегу и лесостепную и южную часть лесной зоны на левом берегу Днепра, хотя отдельные находки и целые комплексы вещей данного круга известны весьма далеко от очерченной территории.

² Анализ был осуществлен методом оптико-эмиссионной спектрографии в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, аналитик – зав. лаб., канд. техн. наук А.Н. Егорьев.

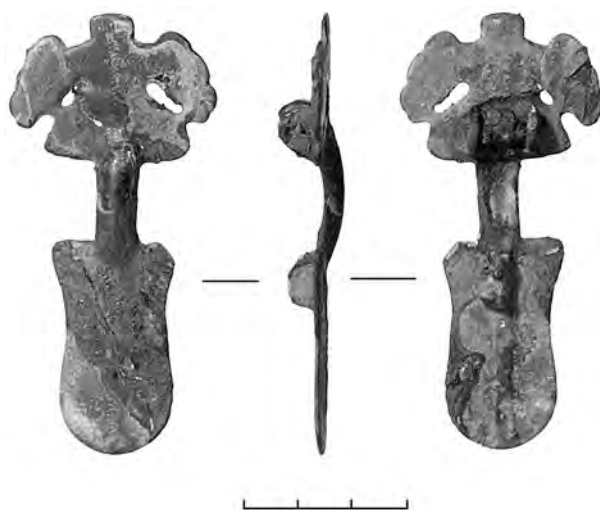

Рис. 3. Фибула антропоморфная. Сплав на медной основе.

В последнее время специалисты уделяли предметам, образующим днепровские раннесредневековыеклады, самое пристальное внимание. Результатом этого стали, в частности, типологические и классификационные схемы, предложенные для ряда категорий изделий и позволяющие определить место вещей из Куриловки среди прочих подобных украшений. Так, по типологии И.О. Гавритухина, разработанной им для днепровских пальчатых фибул (1996б), один из куриловских образцов (рис. 1, 1) принадлежит к типу IVC, второй (рис. 1, 2), по-видимому, может быть определен как экземпляр типа II/IVC. Согласно наблюдениям исследователя, находки фибул типологической линии IV локализуются преимущественно в ареале колочинской культуры, причем типа IVC – в его юго-восточной части (Гавритухин, 1996б. С. 38). Образцы типологической линии II весьма разнообразны и распространены широко, хотя крючководная форма ближайших к дужке выступов на ножке у застёжки из Куриловки (рис. 1, 2), на наш взгляд, подчеркивает ее связь с левобережно-колочинским регионом. Экземпляры с каймой из птичьих голов (рис. 1, 4, 5), в соответствии со схемой, ранее предложенной автором настоящей статьи, относятся к серии А подтипа пятиглавых фибул. В основном такие украшения известны на днепровском Левобережье, а наиболее близкий аналог куриловским изделиям происходит из Козиевского-Новоодесского клада (Родинкова, 2004. С. 234, 235. Рис. 1, 29). Антропоморфные застёжки недавно также были систематизированы В.Е. Родинковой. Образцы из Куриловки (рис. 2, 1; 3) определяются, согласно этой системе, как простые антропомор-

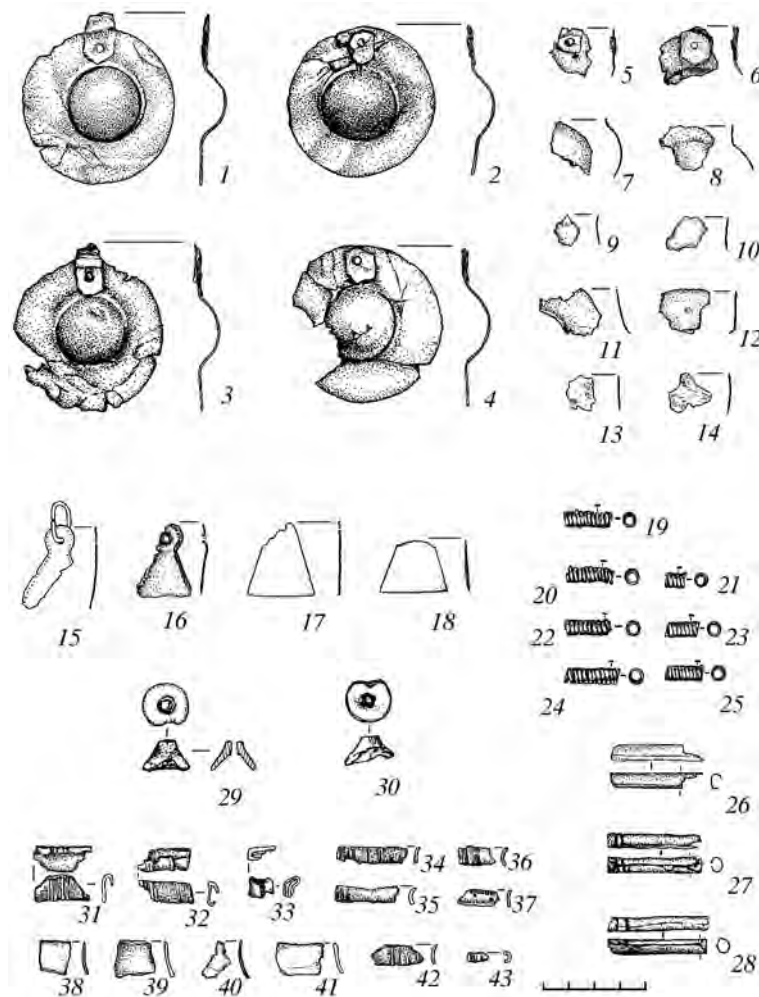

Рис. 4. Куриловский клад. 1–14 – умбовидные подвески; 15–18 – трапециевидные подвески; 19–25 – спиральные пронизы; 26–28 – трубчатые пронизы; 29, 30 – ворворки; 31–43 – фрагменты предметов неясного облика. 1–28 – сплав на медной основе; 29–43 – свинцово-оловянный сплав.

морфные фибулы серии I.2.A. Подобные находки встречаются на всей территории распространения “древностей антов”, но наибольшее сходство с рассматриваемыми имеет экземпляр из Поставмук (Родинкова, 2006. С. 46, 47. Рис. 2, 20).

Вероятно, вследствие немногочисленности специальному изучению не подвергались пока только фибулы с характерным “миндалевидным” орнаментом на головном щитке. Кроме Куриловского клада (рис. 1, 3) такие вещи известны в окрестностях Канева, у с. Новоселы бывш. Остерского у. Черниговской губ., д. Однополье Ветковского р-на Гомельской обл.³, в Брянской обл., Трубчевском кладе, Летичевском р-не Хмельницкой обл.⁴,

Диногеец, Баштановке, а также среди депортированных находок в коллекции И. Диргардта (Родинкова, в печати). Особенности их территориального распределения свидетельствуют, что эти застёжки являются самостоятельным типом днепровских пальчатых фибул и большинство их, как и образцы рассмотренной выше типологической линии IV, по И.О. Гавритухину, тяготеет к северной части региона, где встречаются изделия круга днепровских раннесредневековых кладов.

Височные кольца из Куриловки (рис. 2, 4, 5), относятся к разновидности наиболее крупных украшений данной категории. Они характерны в первую очередь для севера днепровского Левобережья, Посеймья и Подесенья, хотя встречаются и в правобережных Мартыновском и Малоржавецком кладах.

³ За информацию об этой находке благодарю О.А. Макушникову и И.О. Гавритухину.

⁴ За информацию об этой находке благодарю М.В. Потупчика.

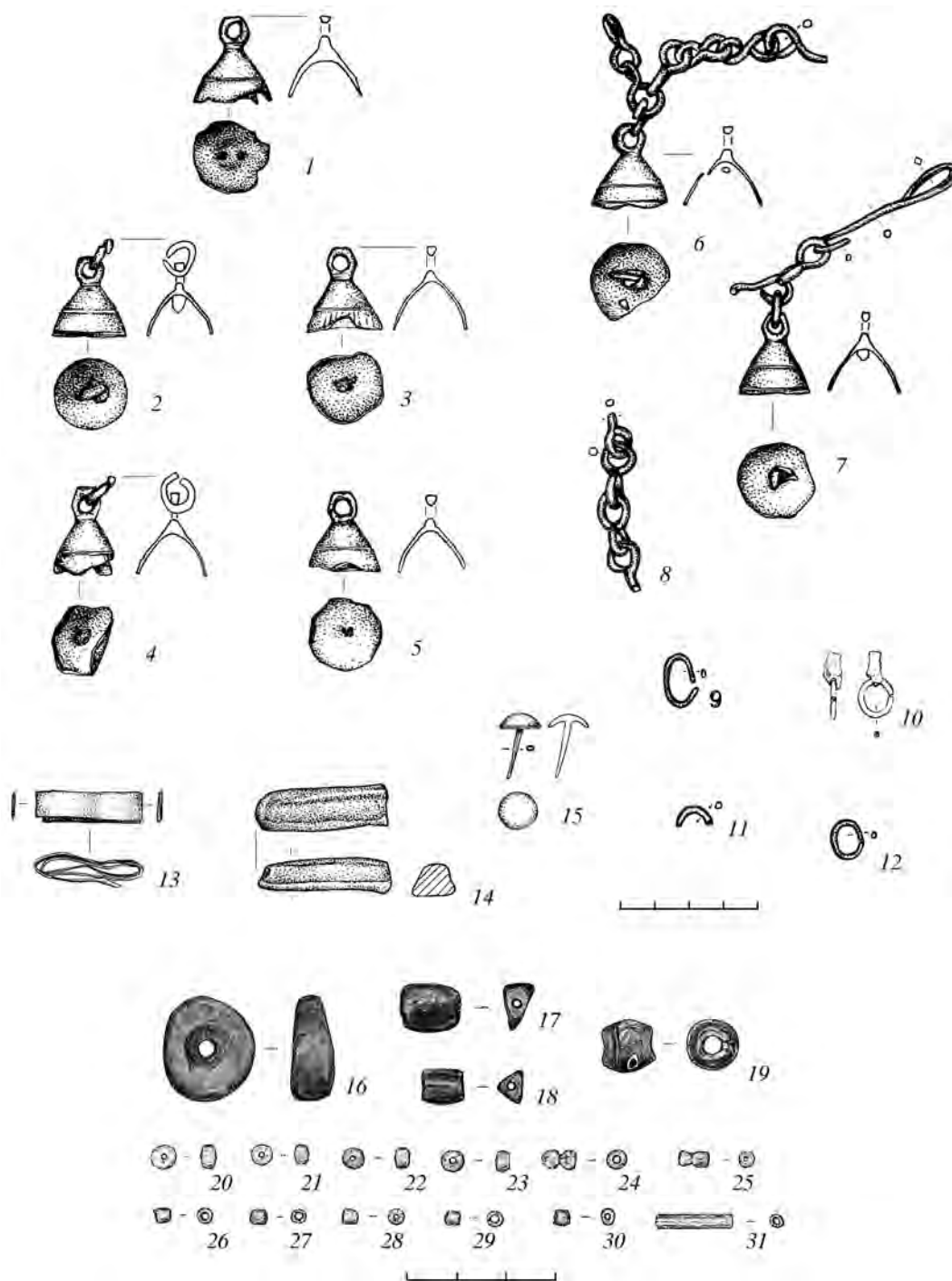

Рис. 5. Куриловский клад. 1–5 – колокольчики; 6–8 – цепочки; 9–12 – колечки; 13, 14 – металлические слитки; 15 – заклепка; 16–31 – бусы. 1–15 – сплав на медной основе; 16–18 – янтарь; 19–31 – стекло.

Узколокальной разновидностью “древностей антов” являются крупные умбонovidные подвески (рис. 4, 1–14): на интересующей нас территории они зафиксированы всего в нескольких пунктах на днепровском Левобережье. Сериями такие вещи представлены всего в трех комплек-

сах, расположенных в непосредственной близости друг от друга в междуречье Сейма и Псла – Куриловском, Гапоновском и Новосуджанском кладах.

Спиральные и трубчатые пронизки (рис. 4, 19–28), как и трапециевидные подвески (рис. 4,

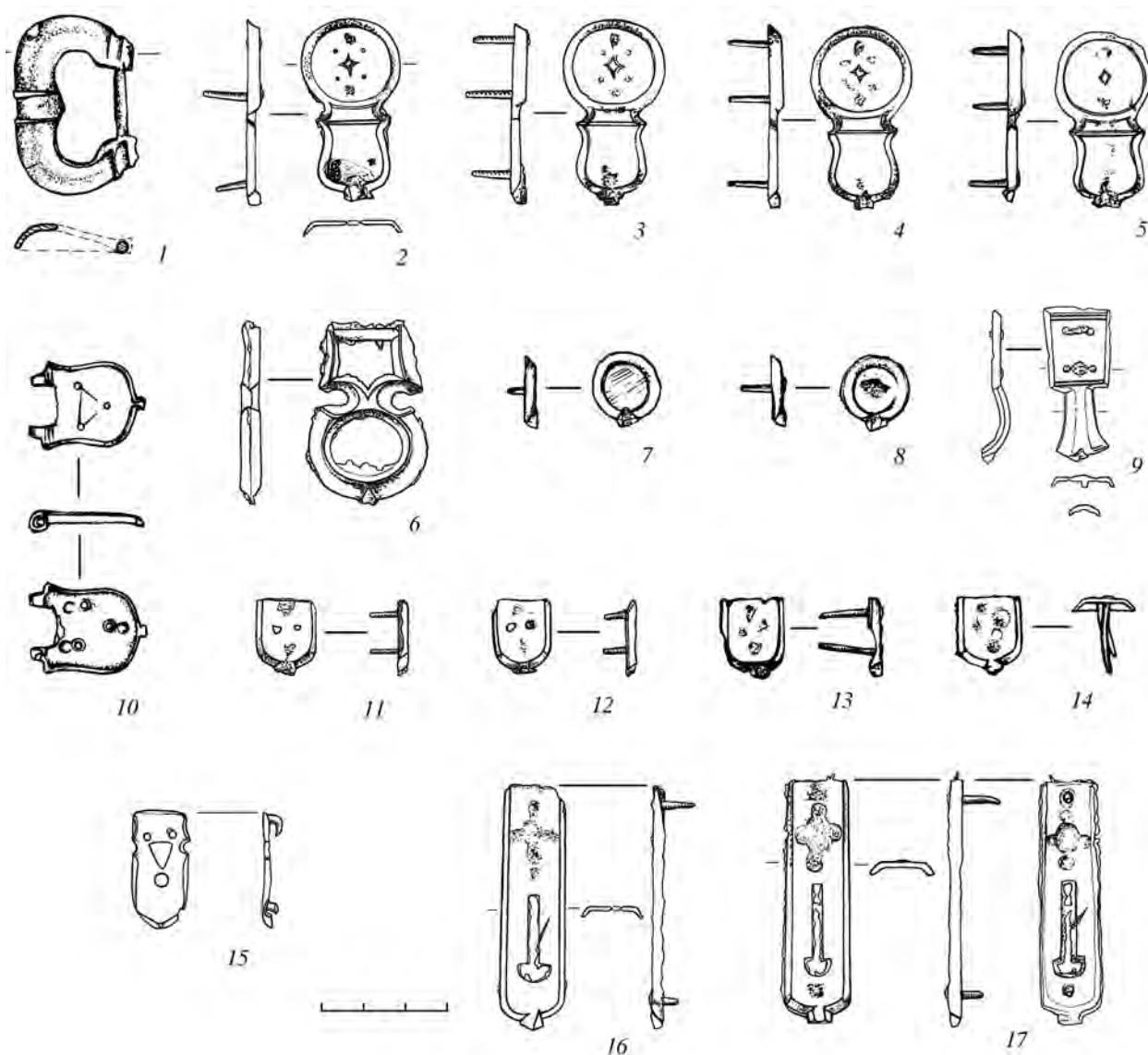

Рис. 6. Куриловский клад. Детали ременной гарнитуры. Сплав на медной основе.

15–18), распространены весьма широко и в хронологическом, и в территориальном отношении. Цепочки же из восьмерковидных звеньев, особенно в сочетании с подвесками-колокольчиками (рис. 5, 1–8), – деталь, характерная для женского убора раннесредневекового населения левого берега Днепра. С днепровского Левобережья происходит также большинство известных сейчас изделий, в том числе ворворок, из свинцово-оловянных сплавов (рис. 4, 29–43), хотя не исключено, что в будущем подобные находки появятся и в других частях днепровского региона.

Относящиеся к мужскому костюму поясные украшения так называемого геральдического стиля хорошо известны среди раннесредневековых

древностей Поднепровья, но точных аналогов куриловским вещам среди них нет. Типичную для ряда гарнитур “геральдического” круга форму имеет В-образная пряжка (рис. 6, 1), однако она отличается от других днепровских находок деталями оформления рамки и прорези для ремня. Длинные поясные наконечники (рис. 6, 16, 17) можно сопоставлять с экземплярами из Гапоново и Моквы, имеющими прорезной орнамент в виде “замочной скважины”, хотя по форме прорези им ближе образец из Игрени (Гавритухин, 1996б. С. 32. Рис. 46, 5, 6, 24). Существует мнение, что сочетание указанного декоративного элемента с вытянутыми пропорциями и щитовидным контуром нижней части изделий нужно рассматривать в

связи с культурными традициями населения центральной и восточной части Северного Кавказа (Гавритухин, 1996б. С. 32, 33). Контекст находок, близких маленьким круглым накладкам из Куриловки (рис. 6, 7, 8), очень широк (Гавритухин, 2005. С. 402, 403). Сдвоенным накладкам с округлой и щитовидной частями (рис. 6, 2–5), по мнению И.О. Гавритухина, которого я благодарю за консультацию, параллели на уровне общей схемы следует искать среди кочевнических материалов степной зоны Восточной Европы, хотя размеры, форма прорезей и другие детали указывают на местную переработку степных традиций. Южное направление связей – с Крымом, Центральным Кавказом, Степью, по-видимому, фиксирует и наконечник пояса с боковыми вырезами и крупными прорезями геометрических форм (рис. 6, 15) (Гавритухин, 1996б. С. 31. Рис. 43).

Таким образом, вещи Куриловского комплекса, как, впрочем, и материалы других днепровских раннесредневековых кладов I группы, демонстрируют различные источники формирования мужской и женской моделей убора. Принадлежности женского костюма отражают специфику местных традиций и представлены днепровскими формами, причем среди них можно выделить украшения, так сказать, нескольких “уровней локальности”. Вещи первого “уровня” – фибулы с каймой из пяти птичьих голов, цепочки из восьмерковидных звеньев с подвесками-колокольчиками – связаны с имеющим относительно широкие территориальные рамки левобережным вариантом женского убора “древностей антов” I группы (Родинкова, 2003. Рис. 2А). Зона локализации вещей второго “уровня” – пальчатых фибул с крючкообразными боковыми выступами на ножках, односпиральных височных колец большого диаметра – сужается до занимающей север днепровского Левобережья южной части ареала колочинской культуры, Подесенья и Посеймья (Родинкова, 2003. Рис. 1В). Наконец, вещи третьего “уровня” – умбоновидные подвески – вписывают Куриловский клад наряду с Гапоновским и Новосуджанским в немногочисленную группу комплексов в междуречье Сейма и Псла. Элементы же мужского убора отражают весьма далекие внешние связи населения, обитавшего на интересующей нас территории в начале раннего средневековья. Общий вектор этих контактов направлен на юг.

Особенности комплектации клада не позволяют однозначно определять и его характер. Большинство принадлежностей мужского убора (рис. 6, 1–9, 11–14, 16, 17) составляют стилистически единую гарнитуру, элементы которой не

только не были в употреблении, но и не обрабатывались после отливки. У них не удален облой, не зачищены поверхности и т.д. Фактически это “полуфабрикаты”, присутствие которых говорит о ремесленном характере Куриловского клада. Данный вывод подтверждает и наличие в комплексе сырьевых слитков. На таком фоне выделяются “геральдический” щиток пряжки и наконечник с боковыми вырезами (рис. 6, 10, 15), имеющие следы износа и отличающиеся от прочих украшений мужской группы и в морфологическом, и в технологическом отношении. Учитывая условия находки клада, нельзя, однако, исключать возможность того, что две отмеченные вещи происходят из культурного слоя селища и в состав комплекса были введены искусственно.

Косвенным признаком, указывающим на принадлежность ряда днепровских раннесредневековых кладов ремесленникам-ювелирам, считается нахождение в них значительных серий предметов одной и той же категории. В Куриловке подобную серию составляют фибулы. Их семь, в том числе три одиночных разнотипных пальчатых экземпляра (рис. 1, 1–3). Вместе с тем большинство специалистов сегодня уверены, что характерный элемент индивидуального женского убора раннесредневекового населения Среднего Поднепровья и днепровского Левобережья – пара более или менее одинаковых пальчатых или антропоморфных застёжек. Среди куриловских материалов парными могут считаться антропоморфные образцы (рис. 2, 1; 3) и, вероятно, фибулы с каймой из птичьих голов (рис. 1, 4, 5), хотя последние и различаются некоторыми деталями орнаментации. Они наряду с височными кольцами и браслетами, которых в рассматриваемом комплексе встречено также по два, позволяют предположить, что большинство принадлежностей женского убора попали в клад в составе комплектов личных украшений. В отличие от элементов мужского костюма женские вещи использовались: на некоторых из них, в частности на умбоновидных подвесках и фибулах, заметны следы изношенности, в пружинном механизме одной антропоморфной застёжки (рис. 3) сохранилась нить ткани.

По-видимому, Куриловский комплекс имеет двойственный характер. С одной стороны, он включает комплекты находившихся в употреблении личных (обрядовых или праздничных) женских украшений, что соответствует определению кладов “ларчиков”, представляющих собой сохранимое семейной “укладочки”, по О.А. Щегловой (1999. С. 291). С другой стороны, наличие

необработанных изделий и сырьевых слитков указывает на его ремесленный характер. Возможно, это сокровище принадлежало ремесленнику-ювелиру, спрятавшему собственную неоконченную продукцию, и украшения членов своей семьи.

В заключение отметим, что Куриловский клад – чрезвычайно интересная и информативная находка. Дальнейшее комплексное изучение его материалов позволит получить новые данные не только о характере ремесленного производства, но и о социальной структуре общества, существовавшего в рассматриваемом регионе, а также о месте, которое это общество занимало в глобальной общевосточной системе этнокультурных, экономических и политических взаимодействий начала раннего Средневековья.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект “Контакты и взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточной Европы в позднеантичное время и эпоху Великого переселения народов (по материалам женского убора)”, № 09-01-00511а.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ ИЗДЕЛИЙ КУРИЛОВСКОГО КЛАДА

Фибула (инв. № 1368/9) (рис. 1, 1) литая, с пятью “пальцами” на головном щитке, широкой выпуклой дужкой и пятиугольной ножкой, оснащенной тремя парами боковых выступов. Украшена циркульным и линейным орнаментами. На обороте имеет две стойки для оси пружины и загнутый иглоприемник, а также продольное “ребро жесткости” на ножке. Длина фибулы 16.5 см, макс. ширина 8.1 см, максимальная толщина щитков 0.28 см.

Фибула (инв. № 1368/5) (рис. 1, 2) литая, с пятью “пальцами” на головном щитке, слабо выпуклой широкой дужкой и пятиугольной, близкой к ромбической, ножкой, оснащенной двумя парами боковых выступов. Украшена циркульным и линейным орнаментами. На обороте имеет две стойки для оси пружины и слабо загнутый иглоприемник, а также сглаженное продольное “ребро жесткости” на ножке. Длина фибулы 13.5 см, макс. ширина 7.5 см, макс. толщина щитков 0.23 см.

Фибула (инв. № 1368/6) (рис. 1, 3) литая, с пятью “пальцами” на головном щитке, широкой выпуклой дужкой и пятиугольной, близкой к ромбической, ножкой, оснащенной парой небольших выступов у дужки. Орнаментирована широкой “рубчатой” каймой в сочетании с ромбической фигурой на ножке

и двумя овалами на головной пластине. На обороте имеет две стойки, в отверстиях которых сохранились остатки железной оси пружины, и загнутый иглоприемник. Длина фибулы 13.2 см, макс. ширина 6.0 см, макс. толщина щитков 0.25 см.

Фибула (инв. № 1368/8) (рис. 1, 5) литая, с каймой из пяти изображений птичьих голов вокруг головного щитка, широкой выпуклой дужкой и пятиугольной ножкой, оснащенной тремя парами боковых выступов. Край ножки обломан. Фибула украшена циркульным и линейным орнаментами. На обороте имеет две стойки, в отверстиях которых сохранились остатки железной оси пружины, и слабо загнутый иглоприемник, а также продольное сглаженное “ребро жесткости” на ножке. Длина сохранившейся части фибулы 13.7 см, макс. ширина 6.4 см, макс. толщина щитков 0.21 см.

Фибула (инв. № 1368/7) (рис. 1, 4) литая с каймой из пяти изображений птичьих голов вокруг головного щитка, выпуклой дужкой и пятиугольной ножкой, оснащенной тремя парами боковых выступов. Украшена циркульным и линейным орнаментами. На обороте имеет две стойки с отверстиями для крепления оси пружины и массивный сильно загнутый иглоприемник, а также значительно выступающее продольное “ребро жесткости” на ножке. Длина фибулы 14.3 см, макс. ширина 6.5 см, макс. толщина щитков 0.19 см.

Фибула (инв. № 1368/10) (рис. 2, 1) литая антропоморфная с двумя массивными выступами, сросшимися с подтреугольным головным щитком, выпуклой неширокой дужкой и лопатообразной ножкой. Украшена отпечатками зигзагообразного штампа. На обороте имеет две стойки, в отверстиях которых сохранились остатки железной оси пружины, и загнутый иглоприемник, а также продольное сильно сглаженное “ребро жесткости” на ножке. Длина фибулы 8.1 см, макс. ширина 3.8 см, макс. толщина щитков 0.12 см.

Фибула (инв. № 1368/11) (рис. 3) литая антропоморфная с двумя массивными выступами, сросшимися с подтреугольным головным щитком, выпуклой неширокой дужкой и лопатообразной ножкой. Украшена отпечатками зигзагообразного штампа. На обороте имеет две стойки, между которыми сохранились остатки железной пружины, и загнутый иглоприемник, а также продольное сглаженное “ребро жесткости” на ножке. На оборотной стороне фибулы зафиксированы фрагменты ткани. Длина изделия 8.1 см, максимальная ширина 3.8 см, максимальная толщина щитков 0.12 см.

Два височных кольца (инв. № 1368/3, 4) (рис. 2, 4, 5) изготовлены из круглой в сечении проволоки

диаметром в среднем 0.27 см, один конец которой свернут в плоскую спираль из шести-семи оборотов, другой слегка утолщен. На дужках сохранились остатки дополнительной обмотки из тонкой уплощенной проволоки шириной около 0.2 см. Диаметр височных колец около 12 см.

Два литых овальных *браслета* (инв. № 1368/1, 2) (рис. 2, 2, 3) имеют расширенные концы, в сечении представляющие собой неправильные четырехугольники со сглаженными углами. На конце одного изделия заметны неглубокие параллельные штрихи – вероятно, орнамент. Размеры браслетов 7.1×6 см.

Умбоновидные подвески (инв. № 1368/41-57) (рис. 4, 1-14) представляют собой вырезанные из тонкого металлического листа круглые изделия диаметром 5.7–6.2 см с полушаровидной выпуклостью диаметром около 2.8 см в центре. К ним с помощью заклепок прикреплены пластинчатые обоймы-“ушки” для подвешивания. В комплексе зафиксированы 4 относительно хорошо сохранившихся экземпляра и 13 фрагментов, на двух из которых имеются обоймы.

Пластинчатые *трапецевидные подвески* (инв. № 1368/16-19) (рис. 4, 15-18) представлены четырьмя фрагментированными образцами. Два из них с округлыми выступами в верхней части и украшены пуансонным орнаментом. У трех экземпляров имеются отверстия, в одно из которых вставлено колечко из проволоки толщиной около 0.15 см. Размеры сохранившихся частей украшений: 3.3×1.2 ; 2.9×2.2 ; 2.9×2.6 ; 2×2.65 см.

Восемь литых подвесок-*колокольчиков* (инв. № 1368/30-37) (рис. 5, 1-7) имеют коническую форму, снабжены пятигранными массивными ушками с отверстиями для подвешивания. Украшены “поясками” из врезанных линий на внешней поверхности. У некоторых внутри сохранились остатки железных язычков. Высота изделий 3.3–3.5 см, диаметр по нижнему краю около 2.2 см. Два колокольчика прикреплены к цепочкам, еще у двух в отверстия ушек продеты колечки из проволоки толщиной около 0.2 см.

Цепочки: в кладе зафиксированы три фрагмента (инв. № 1368/36-38) (рис. 5, 6-8). Они состоят из восьмерковидных звеньев, изготовленных из круглой в сечении проволоки толщиной около 0.2 см. Один фрагмент оканчивается удлиненным звеном, имеющим округлое сечение проволоки в средней части и квадратное – на концах. К двум обрывкам цепочки при помощи проволочных колечек подвешены колокольчики. Длина фрагментов: 5.4; 7.8; 8.9 см.

Семь *спиральных пронизей* (инв. № 1368/20-26) (рис. 4, 19-25) изготовлены из тонкой уплощенной

проволоки шириной около 0.15 см. Их длина составляет от 0.8 до 2.1 см, диаметр около 0.6 см.

Три *трубчатые пронизы* (инв. № 1368/27-29) (рис. 4, 26-28) свернуты из тонких металлических пластинок. Одна из них гладкая, две другие украшены параллельными тиснеными валиками на конце. Длина пронизей составляет 3.9, 3.7, 3.6 см, диаметр 0.5–0.6 см.

Проволочные *колечки* представлены тремя целыми (инв. № 1368/39, 40, 126) и одним фрагментированным (б/н) экземплярами (рис. 5, 9-12). Они изготовлены из круглой в сечении проволоки толщиной около 0.15 см. Диаметр трех изделий – около 1 см, четвертое имеет овальную форму, его размеры 1×1.5 см. На одном колечке сохранился фрагмент привязанного к нему тканевого ремешка (рис. 5, 10).

Набор *бус* состоит из 33 экземпляров, среди которых 8 янтарных (инв. № 1368/134-141) (рис. 5, 16-18), 4 стеклянные, выполненные в технике миллефиори (инв. № 1368/130-133) (рис. 5, 19), и 21 мелкая одноцветная стеклянная бусина (инв. № 1368/142-159) (рис. 5, 20-31).

Две литые *ворворки* (инв. № 1368/14, 15) (рис. 4, 29, 30) из свинцово-оловянного сплава представляют собой изделия в форме полых усеченных конусов с прогнутыми боковыми сторонами. Высота ворворок 1.1–1.2 см, диаметр по нижнему краю 1.8 см.

43 фрагмента литых *изделий из свинцово-оловянного сплава* (инв. № 1368/67-110) (рис. 4, 31-43) могут быть обломками накладок или крупных пронизей. На некоторых из них заметны рельефные параллельные полосы.

Пряжка В-образная литая (инв. № 1368/112) (рис. 6, 1) имеет полую рамку с выделенным в передней части “ложом” и круглым стержнем для крепления язычка. Прорезь для ремня неправильной формы. Язычок не сохранился. Изделие имеет размеры $4.3 \times 3.1 \times 0.7$ см.

Четыре литые *двучастные накладки* (инв. № 1368/122-125) (рис. 6, 2-5) состоят из округлой и щитовидной частей с небольшими бортиками-“откосами” по краям. На обороте имеют по три штифта для крепления к ремню. Украшены прорезным орнаментом. На лицевой поверхности одной из накладок сохранились остатки ткани (рис. 6, 2). Размеры предметов: 4.4×2.35 ; 4.3×2.4 ; 4.3×2.4 ; 4.1×2.3 см; длина штифтов 0.7–1.1 см.

Две литые *круглые накладки* (инв. № 1368/116, 117) (рис. 6, 7, 8) с бортиками-“откосами” по краям на обороте имеют по одному штифту. Не

орнаментированы. Диаметр изделий 1.6 см, длина штифтов 0.4 и 0.7 см.

Четыре *маленьких* литых *ременных наконечника* (инв. № 1368/118-121) (рис. 6, 11–14) щитовидной формы снабжены бортиками-“откосами”. На обороте имеют по два штифта. Украшены рельефным орнаментом. Размеры наконечников: 1.8×1.4 ; 1.7×1.4 ; 1.9×1.5 ; 1.8×1.6 см, длина штифтов соответственно 0.65, 0.55, 1.1 и 1.1–1.5 см.

Два *длинных* литых *ременных наконечника* (инв. № 1368/113, 114) (рис. 6, 16, 17) с прямыми боковыми сторонами и щитовидными очертаниями нижних частей снабжены небольшими бортиками по краям. На обороте имеют по два круглых штифта. Украшены длинными прорезями прямоугольной формы с полукруглым завершением. В верхней части каждого предмета на лицевой стороне фиксируется незначительно выпуклая, а на обороте – углубленная фигура в виде ромба или овала с четырьмя округлыми выступами. У штифта в нижней части одного наконечника сохранились остатки ткани. С изделий не удален облой. Их размеры: 5.8×1.6 и 5.8×1.5 см; длина штифтов соответственно 0.9–0.5 и 0.8–0.35 см.

Поясное кольцо или *держатель для чумбура* (?) (инв. № 1368/129) (рис. 6, 6) представляет собой ажурное литое изделие, состоящее из трапециевидной и слабоовальной рамок, соединяющихся при помощи фигурной перемычки. В сечении обе рамки имеют подчетыреугольную форму. На изделии сохранилось большое количество облоя. Размеры предмета 4.3×2.9 см, толщина 0.4–0.5 см.

Фигурная литая *двучастная накладка* или *поясной крючок* (?) (инв. № 1368/127) (рис. 6, 9) состоит из двух трапециевидных пластин: плоской, снабженной незначительными бортиками-“откосами” по краям, и сильно вытянутой, выгнутой в виде двускатной дуги. На обороте плоской части расположены два маленьких штифта. Лицевая поверхность изделия снабжена четырьмя круглыми углублениями. Его размеры 3.65×1.6 см, высота дугообразной части около 0.6 см.

Литой *щиток пряжки* (инв. № 1368/111) (рис. 6, 10) имеет “геральдическую” форму, снабжен небольшими бортиками по краям. На обороте расположены три маленьких штифта. Лицевая поверхность украшена геометрическим орнаментом, состоящим из трех небольших круглых отверстий, соединенных гравированными линиями. Кольца, предназначенные для крепления щитка к рамке пряжки, стерты. Изделие имеет размеры 2.7×2 см.

Литой *ременной наконечник* (инв. № 1368/115) (рис. 6, 15) с вырезами на боковых сторонах и щит-

товидной формой нижней части снабжен небольшими бортиками по краям. На обороте имеет два штифта, один из которых загнут. Украшен прорезями геометрических форм. На наконечнике видны следы износа. Размеры изделия 2.8×1.3 см, длина штифтов 0.55 и 0.3 см.

Сырьевых слитков в кладе два (инв. № 1368/12, 13). Первый представляет собой трапециевидный в сечении брусок, один конец которого обломан, а другой закруглен (рис. 5, 14). Его размеры $3.8 \times 1.25 \times 0.9$ см. Второй слиток имеет вид свернутой в 2.5 оборота полосы металла толщиной около 0.07 и шириной 0.7–0.8 см (рис. 5, 13). Размеры предмета в свернутом состоянии 3.1×0.9 см.

Заклепка (инв. № 1368/115) (рис. 5, 15) имеет выпуклую полусферическую шляпку и прямоугольный в сечении штифт. Диаметр шляпки 1.1 см, длина штифта 1.7 см.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гавритухин И.О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996а.
- Гавритухин И.О. Типологическое определение инвентаря. Детали ремненной гарнитуры. Фибулы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996б.
- Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремненной гарнитуры) // Хазары. Иерусалим; М., 2005 (Евреи и славяне; Т. 16).
- Родинкова В.Е. Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ: Тез. конф. Ч. II. М., 2003.
- Родинкова В.Е. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004.
- Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (простые формы) // РА. 2006. № 3.
- Родинкова В.Е. Пальчатые фибулы из Южного Побужья // Актуальные проблемы археологии Восточной Европы I тыс. н.э. В печати.
- Спицын А.А. Древности антов // Сб. статей в честь акад. А.И. Соболевского. Л., 1928.
- Щеглова О.А. О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Матер. и исследов. по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Щеглова О.А. Женский убор из кладов “древностей антов”: готское влияние или готское наследие? // STRATUM plus. № 5. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.

НОВЫЙ ТИП ПОМИНАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ (К РАССЕЛЕНИЮ И РАННЕЙ ИСТОРИИ ЧИКОВ)

© 2010 г. И.Л. Кызласов

Институт археологии РАН, Москва (Kyzlasovil@mail.ru)

Ключевые слова: Южная Сибирь, Тува, Алтай, раннее средневековье, енисейское руническое письмо, поминальные памятники тюркоязычных народов, чики.

In studies of the early medieval Yenisei runic script with its original alphabet we encounter inscriptions that were left by representatives of different educational centers in South Siberia. To the archaeologist, epigraphic features are not the only means to distinguish the ethnic and cultural background of the epitaphs. The distinction is especially evident in the cases when the commemorative stelae belong to cult sites of different types and with different rites. The article identifies a new type of commemorative site in Tuva and the Altai, small kurgans with stone stelae to the west or northwest (fig. 6). Three of them have Yenisei inscriptions (E 57, E 58 and E 60) (fig. 1, 2, 4, 5) which prove beyond doubt that it was a Turkic-speaking population that left the sites in question. Excavations reveal only the remains of pits which used to hold poles (fig. 1–3, 7). Kurgans without stelae have the same structure. The topography of the sites that were identified (fig. 8) allows connecting them with the medieval Chik people, whose presence in Eastern Altai is confirmed also by the characteristic personal and family tamgas carved in the rock above the estuary of the river Chuya. In South Siberia this type of site dates back to the turn of the eras.

Изучение раннесредневековой енисейской письменности, самобытной по алфавиту, выделяет из эпиграфического массива надписи, оставленные представителями разных образовательных центров Южной Сибири того времени. Отличия разнородны и многочисленны: палеографические признаки – расположение строк на стелах (вертикально, горизонтально или только по краю плоскости), своеобразные знаки (алтайский вариант енисейского письма), использование рун, нигде более не применявшихся (тувинский вариант енисейского письма); системные орфографические расхождения (применение буквы “а/ä” в качестве словораздела в алтайском варианте, псевдоруническое правописание); разительное несходство текстовых канонов (Кызласов И.Л., 1994. С. 182. Рис. 15; 1997; 1998а; 2003а). Такое членение, увязанное с местными отклонениями от литературных норм, указывает на разные языки и народы¹ (Кызласов И.Л., 2003б; в).

Для археолога этнокультурные отличия енисейских эпитафий не ограничиваются эпиграфическими признаками. Возможности дальнейшего чле-

нения особенно явно проступают, когда памятные стелы принадлежат к культовым объектам разных типов, не совпадая по обрядам. Известно, что древнехакасские правила требовали установки эпитафии у погребального кургана; орхонские, тюркские и уйгурские – внутри мемориальных комплексов, лишенных захоронений. По енисейскому канону, стела с текстом и высеченной ниже его тамгой ставилась в 2–3 м к В или ЮВ от кургана. Были и отклонения: по неясным пока причинам эпитафии наносили и на одиноко стоявшие без курганов древние менгиры. Возможно, они знаменовали обряд, подобный сооружению кенотафов (Кызласов Л.Р., 1960а; 1965; 1969. С. 114–116).

Однако известные случаи не составляют полной картины. Встречены енисейские эпитафии, водруженные не при могильных, а при поминальных сооружениях. В общей форме это явление мною уже отмечено (Кызласов И.Л., 1994. С. 182, 183), несколько рунических памятников, связанных с квадратными поминальными оградками, опубликовано (Кызласов И.Л., 1997; 1998б).

Здесь мною издаются комплексы Тувы и Алтая иного вида – это не погребения и не оградки, а поминальные курганы. Стоявшие при них три стелы с енисейскими надписями (Е 57, Е 58 и Е 60) неопровержимо свидетельствуют, что памятники оставлены тюркоязычным населением.

¹ Беспочвенно отыскивать особенности речи по высеченным при текстах лично-семейным геральдическим знакам (Кормушин, 1997. С. 6, 7), поскольку тамга указывает на принадлежность умершего, а не писавшего. В Туве известны чикские по письму и языку надписи, высеченные в честь пришельцев – древних хакасов.

ПОМИНАЛЬНЫЕ КУРГАНЫ С ЭПИТАФИЯМИ

Сайгынская стела (Е 57)

Олений камень, использованный в средневековье, стоял внутри каменной курганной выкладки у северного края. Широкие грани стелы смотрели на С и Ю, надпись была выбита на южной стороне (рис. 1), т.е. обращена к кургану (Аранчин, 1951; 1953)². Шесть ясно выбитых рун не вызывают кривотолков. При первой же публикации они прочитаны как личное мужское имя и титул – *b(e)ŋi čor* “Бенгю-чор” (Аранчин, 1951; ср.: Кызласов И.Л., 1994. С. 182, 205. Прим. 33. Рис. 15).

Курган стоял на ЮЗ окраине могильника Хадын-Бажи, насчитывающего 29 разных объектов. Курган получил № 2 и был раскопан М.Х. Маннай-оолом в 1963 г. Под округлой в плане плоской выкладкой диаметром около 7 м и высотой 20–25 см (рис. 1, 2) в средней части выявлены три круглые ямки (по 65–80 см и глубиной около 60 см), составлявшие ряд, вытянутый с ЮЗ на СВ на 3.7 м. В каждой из ям уцелели остатки деревянного столбика (диаметром по 20 см). Вокруг центральной ямки лежали тонкое зольное пятно и древесные угольки. Погребения не было (Маннай-оол, 1964. С. 8, 9. Табл. 21–23).

В том же году на этом могильнике раскопаны два подобных кургана (№ 1 и 13), не имевших стел, но обнаруживших ямки с деревянными столбиками (см. таблицу; № 17, 18) (Маннай-оол, 1964. Л. 11. Табл. 30, 31; Кызласов Л.Р., 1965. С. 41, 48. № 41; 1984. С. 85, 86).

В иных местах были раскопаны два кургана, у северных краев завершавшихся крупными стелами, подобными сайгынской (см. табл. 25, 26), однако лишенными надписей.

Кезек-Хурээ (Е 58)

Олений камень с вырезанной на нем рунической эпитафией стоял близ центра курганной выкладки в ее СЗ секторе (рис. 2, 1; 3, 1). Грани с надписями были обращены на ССЗ и ЮЮВ (рис. 3, 1; 4, 2), т.е. направлены в сторону кургана и от него. Сильно затертая надпись не читается (рис. 4, 1). Лишь в начале СЗ грани (определяемой благодаря альбому 1947 г. – рис. 4, 2), по прорисовке В.Г. Борисова (1962 г., архив Л.Р. Кызласова), пожалуй, различимо *(e)r (a)ti[m~q]* “(Моё ~ его) имя мужа-эра...” – обычный зачин енисейских эпитафий, указывающий на начало надписи.

² Приведенные в этих работах сведения о расположении стелы на кургане и о форме самого кургана не во всем точны.

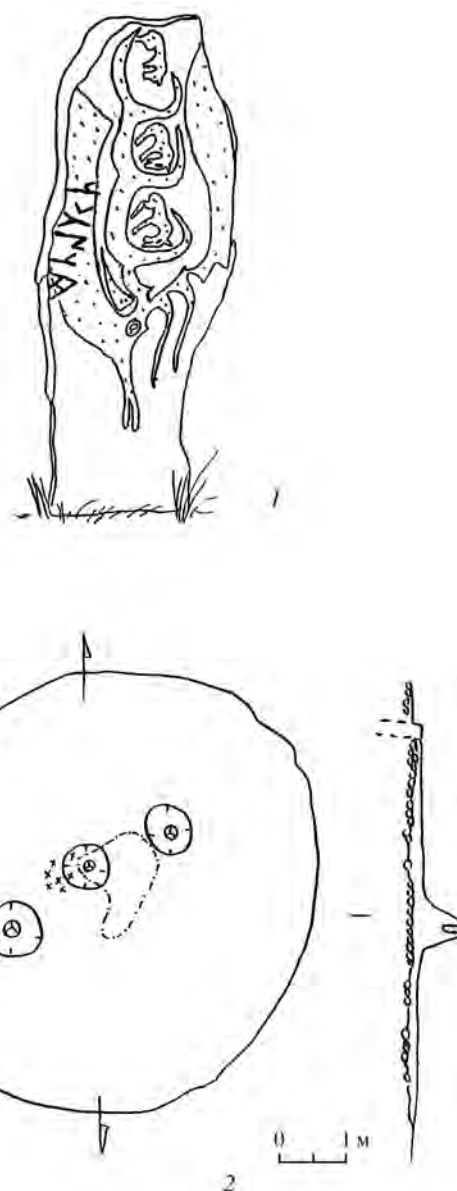

Рис. 1. Поминальный комплекс урочища Сайгын. 1 – лицевая поверхность стелы с надписью (прорисовка автора); 2 – план и профиль кургана 2 могильника Хадын-Бажи: ямы, остатки столбиков, угли (косые кресты), зольное пятно (штрихпунктир). Пунктир в профиле – размещение вывезенной стелы (по: Маннай-оол, 1964. Табл. 22, 23).

Курган – один из четырех однотипных объектов – получил № 1 и был раскопан Л.Р. Кызласовым в 1959 г. (1960в. Л. 56, 57. Рис. 173, 174). Выглядел плоской (25 см) округлой выкладкой из речных валунов и обломков скалы (рис. 3, 1) диаметром 7.5 м. СВ и С части оказались попорченными современной ямой и выбросом из нее (рис. 3, 1; 4, 2). Стела была установлена в продолговатую яму (180 × 60 см, глубиной 1 м), вытянутую с СЗ

Таблица

№ п/п	Объект, автор, год работ	Количество и глубина	Размещение	Диаметр кургана (м)	Высота кургана (м)	Место стелы	Надпись	Находки, примечания
1	Бий-Хем, 31, Адрианов, 1916	6, диам. 0.7–0.9	Круг	7.6, вокруг стелы – 2.8	1.05	Центр кургана	–	Трупоположение, кости животных, ширина стенки кургана 0.7 м
2	Чинге, 18, Адрианов, 1916	7	Три ряда квадратом, С–Ю?	ок. 10	0.95	2-я стела – у СЗ полы, 0.76 × 0.31 × 0.2	Е 10, ВЮВ от кургана	Отдельные кости трупоположения, трупосожжение, кости животных, вещи
3	Оорзак-Аксы, 1, Маннай-оол, 1975	7	?	8	?	Пренесены с поля	Е 108–100*	Трупосожжение в ямке
4	Сарыг-Булун, 2, Кызласов, 1955	5, 0.8–0.9	Четырехугольник 150 × 160	4.15×4.9	0.15	СЗ пола	–	5-й столб в центре
5	Сарыг-Булун, 3, Кызласов, 1955	5, 0.3–0.5	Четырехугольник 150 × 120	5	0.05–0.16	ССЗ пола	–	5-й столб в центре
6	Морен, 11, Дьяконова, 1961	5	Квадрат 1.3 × 1.3	5	0.5	У СЗ полы	–	5-й столб в центре, угли, на СВ – позвонки овцы
7	Морен, 23, Дьяконова, 1961	5, 0.3–1.12	Квадрат 1.5 × 1.5	5	0.52	ЮВ пола	–	5-й столб в центре
8	Морен, 29, Дьяконова, 1961	5	Квадрат 1.5 × 1.5	5	0.4	У Ю полы	–	5-й столб в центре, на Ю – кость овцы, забутовка столбов
9	Морен, 41, Дьяконова, 1961	5	Квадрат 2 × 2.1	5	0.5	–	–	5-й столб в центре, угли, кости овцы, столбы заострены
10	Кезек-Хурээ, 1, Кызласов, 1959	4, 0.5–0.7	Трапедия	7.5	0.25	СЗ пола, у центра	Е 58	5-я яма в стороне
11	Кускунуг, 1, Маннай-оол, 1967	4, 0.5	Трапедия	7.5	0.5	–	–	На С – два ножа, на ЮЗ – зуб, часть бедренной кости коня
12	Хадын-Бажи, 2	3	Ряд ЮЗ-СВ	7	0.2	С пола	Е 57	
13	Морен, 52, Дьяконова, 1961	3	Треугольник	6.2 × 5.8	0.5	–	–	Угли, на СЗ – сустав. кости коня, забутовка столбов
14	Талдура II, 1, Могильников, Куйбышев, 1977	3, 0.35–0.65	Треугольник, 2 – в ряду ЮВ–СЗ	7 × 5	0.5	Деревянный столб у ССВ полы, вместо стелы?	–	В центральной яме – два столба
15	Кезек-Хурээ, 2, Кызласов, 1959	2, 0.6–0.9	Ряд ЮЗ–СВ	6.2 × 5.6	0.08	–	–	
16	Морен, 46, Дьяконова, 1961	2	Ряд 3-В	2.6 × 3	0.1	–	–	Плитки (от 3-го столба)
17	Хадын-Бажи, 1, Маннай-оол, 1963	2	В и 3 пола	5	0.28	–	–	

Окончание таблицы

№ п/п	Объект, автор, год работ	Количество и глубина	Размещение	Диаметр кургана (м)	Высота кургана (м)	Место стелы	Надпись	Находки, примечания
18	Хадын-Бажи, 13, Маннай-оол, 1963	1	Центр	4.75×4.3	0.35	—	—	Забутровка столба
19	Кускуннуг, 2, Маннай-оол, 1967	1, 0.4	Центр	6	0.75	—	—	
20	Морен, 43, Дьяконова, 1961	1	Центр	2.3 × 2.5	до 0.2	—	—	
21	Морен, 45, Дьяконова, 1961	1	Центр	3.3 × 3.7	0.2	—	—	
22	Талдура II, 2, Могильников, Куйбышев, 1977	1, 0.4	Юг	6 × 5	0.7	—	—	
23	Каа-Хем, 29 Маннай-оол, 1961	1	Центр	5	ок. 0.7	—	Не уцеле-ла?	В центре грабитель-ская яма, диаметр 1.5 м Угли
24	Каа-Хем, 30 Маннай-оол, 1961	1?	Центр?	7	ок. 0.75	У 3 полы	Е 60	
25	Кезек-Дыт, 2, Маннай-оол, 1963	—	—	5.35×3.05	0.25	С пола, стела 2.62 × 0.7	—	
26	Большой Ажык, 51, Маннай-оол, 1962	—	—			С пола, стела 1.62 × 36×20	—	

* Первичное размещение соседних памятников Е108–Е110 осталось неизвестным. Видимо, к комплексу с трупосожжением относится стела Е108, так как кроме надписи она отмечена древнехакасской тамгой.

Рис. 2. Расположение стел с надписями: 1 – Кезек-Хурээ, курган 1, до раскопок, вид с юго-запада (фото Л.Р. Кызласова, 1959 г.); 2 – Саргал-Аксы. Стела и курган после раскопок 1963 г., вид с востока (фото автора, 2006 г.).

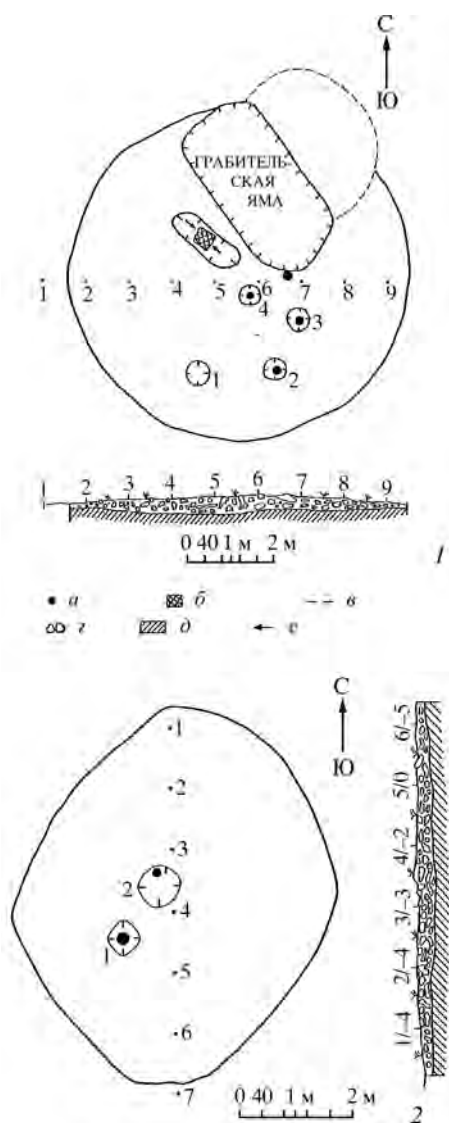

Рис. 3. Планы и профили раскопанных курганов в урочище Кезек-Хурээ: 1 – курган 1; 2 – курган 2; а – деревянные столбы, б – стела, в – граница выброса, г – камни, д – материк, е – расположение надписей (по: Кызласов Л.Р., 1960в. Рис. 172, 173).

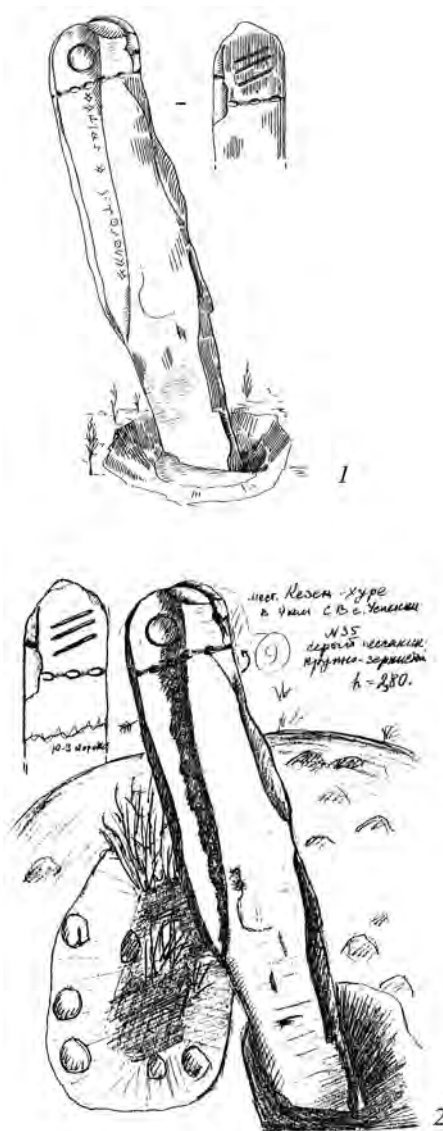

Рис. 4. Стела из урочища Кезек-Хурээ: 1 – прорисовка надписи (Кызласов Л.Р., 1960а. Рис. 10, 1); 2 – стела на фоне северной части кургана, вид с юг-юго-востока (рисунки Л.Р. Кызласова, 1947 г., карандаш).

на ЮВ и заложенную крупными камнями. Под выкладкой в центральной и южной частях кургана обнаружены четыре ямки диаметром 48–52 см при глубине 50–75 см. В трех из них (исключая ЮЗ № 1) встречены остатки деревянных столбиков (по 16–18 см в диаметре). Еще один столбик (диаметром 20 см) не вкопан, а вбит на СВ оконечности, образованной столбами дуги, уцелевшей от грабительской ямы. Погребения не было (Кызласов Л.Р., 1984. С. 83, 84. Рис. 3). В этой группе был раскопан и курган № 2 (Кызласов Л.Р., 1984. С. 84. Рис. 4; 1960в. Л. 57, 78. Рис. 172) (рис. 3, 2) (см.: табл., № 15).

Саргал-Аксы (Е 60)

Памятник открыт дважды: в 1906 и 1961 гг. Гранитный блок с эпитафией стоял у западной стороны кургана и содержал строки на ЮЗ и СЗ гранях (рис. 5), т.е. текст был направлен от кургана наружу и на сторону. Краткие данные о размещении стелы и ее фотоснимки опубликованы (Арагачи, 1963. С. 247–250; Маннай-оол, 1963. С. 246. Табл. III, 13; Aalto, 1991. Р. 18, 29–31).

Каменный курган стоял в ЮЗ части левой террасы р. Каа-Хем, занятой 45 разнотипными объектами. Несмотря на грабительскую яму (диаметром 1.5 м),

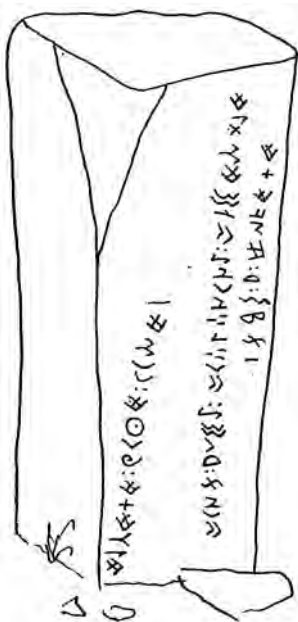

Рис. 5. Стела из урочища Саргал-Аксы. Вид с запада (прорисовка по фото: Арагачи, 1963. С. 248, с дополнениями автора).

повредившую центр, изменившую форму и размеры сооружения, курган со стелой, получивший № 30, был в 1961 г. раскопан М.Х. Маннай-оолом (1963. С. 246) (рис. 2, 2). Находок не сделано (Маннай-оол, 1962. Л. 33, 34. Табл. 71, 72). Здесь же был раскопан соседний курган № 29 (см. табл., Кара-Хэм: № 23 и 24)³.

Осмотр памятника 16.10.2003 и 24.07.2006 гг.⁴ показал, что камень с надписью был вторично использованным менгиром раннего железного века, так как его вершина характерно скошена на одну сторону (ныне с С на Ю; высота нижней части над грунтом 152 см) (рис. 5). Со стороны трех строк надписи в первоначальном положении сохранился камень забу-

1

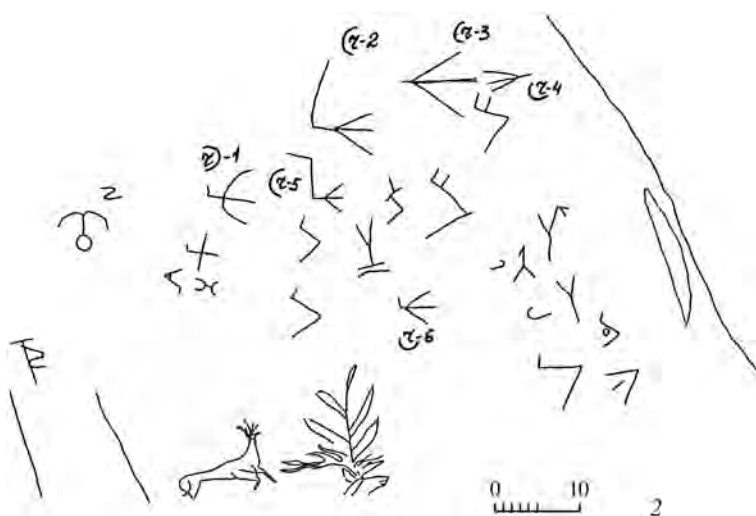

Рис. 6. 1 – Урочище Саргал-Аксы. Цепочка нераскопанных курганов с менгирами, установленными с запада от насыпей (вид с юга, фото автора 2006 г.); 2 – раннесредневековые тамги на скале Ялбак-Таш в устье Чуи: ч-1 – ч-6 – две-три фамильные линии тамг, оставленных тремя-четырьмя поколениями чиков. Прорисовка автора.

товки ямы под стелой. Высота начала строк зависит от него: первая начинается очень высоко, две другие – практически от уровня грунта того времени. См. фотоснимки Й.Г. Грено (Aalto, 1991. S. 29, 31), З.В. Арагачи (1963. С. 248) и К.В. Чугунова (1990. Рис. 74) (рис. 5). Отсюда понятно, что открытие И.В. Кормушина “внизу, перед началом строк” тамги, произведенное “после небольшого откапывания заглубленной части стелы” (2008. С. 58, 148), не соответствует действительности. Текст нанесен каменотесом уже на вертикально установленном камне, как на всех енисейских стелах.

На СЗ грани стелы вполне вероятно наличие одной трудноразличимой, но отмеченной Й.Г. Грено, строки текста, а левее ее, ближе к середине высоты (около 70 см над грунтом) – прямолинейной У-образной тамги, размах отводков которой наверху достигает 15 см. Изучать знаки надо на за-

³ В 1989 г. объекты зафиксированы В.К. Чугуновым, не знавшим о работе предшественников. Могильник назван Кышкар-Тэй I, курганы 2 и 1 соответственно (Чугунов, 1990. С. 11. Рис. 72–74).

⁴ Выезд 2003 г., организованный конференцией, проходившей в Кызыле, возглавила Зоя Борандаевна Чадамба (Арагачи). Работы 2006 г. организовал Евразийский нац. университет им. Л.Н. Гумилева (Астана: проф. Каржаубай Сартхожаулы, студент Жан-тегин Каржаубайулы) и Москва (автор и зав. методическим кабинетом Гос. Исторического музея Л.П. Мылтыгашева). В группу вошел сотрудник ТИГИ Б.Б. Монгуш.

кате (солнце садится за гору около 8–9 час. вечера), чего мне, к сожалению, не удалось ни разу.

В урочище удалось убедиться в правильности реконструкции знаков эпитафии, предложенной по публикациям предшественников (Кызласов И.Л., 1993)⁵, и осмотреть курганное поле этой части террасы. На нем нет захоронений: все объекты принадлежат к поминальным сооружениям интересующего нас типа. Южную обособленную группу составляли два раскопанных кургана № 29 и 30, сооруженные на одной меридиональной оси. В 70–80 м к северу подобная цепочка состоит из четырех курганов, к западу от каждого из которых стоит по вертикальной стеле (у второго с севера объекта она упала наружу). Высота менгиров около 170 см. Ясно видно, что первоначально камни стояли снаружи сооружений (рис. 6, 1). Курганы имели размеры 3.5–4 м. По остаткам выкладок иногда можно предположить их первоначальную квадратность (около 3.5 × 3.5; 4 × 4 м) и скругление уже в результате развала. Достоверно установить форму можно только раскопками.

В полукилометре выше по Каа-Хему существует второе скопление курганов, состоящее из семи объектов, вероятно, относящихся к раннему железному веку, и одного средневекового поминального кургана со стелой, установленной у его западной полы.

Итак, курган 30, имеющий руническую надпись, принадлежит к подобным ему семи поминальным курганчикам с менгирами, сооруженным в местности Саргал-Аксы.

КУРГАНЫ СО СТОЛБАМИ

Связь трех рунических стел с курганами, пережившими столбовые ямки, уже в 1960-е годы отмечена Л.Р. Кызласовым, изучавшим изначальное расположение енисейских эпитафий; была проведена и их первая сопоставительная сводка (1960а. С. 101–103, 117, 120. Рис. 10, 1; 1965 С. 41, 48. № 41, 42, 45). В 1984 г. сооружения со столбами выделены в особый род раннесредневековых объектов (Кызласов Л.Р., 1984). Курганы с надписями были поставлены в единый типологический ряд из 19 раскопанных в Туве объектов, имевших общие особенности⁶. Это все небольшие, плоские, округ-

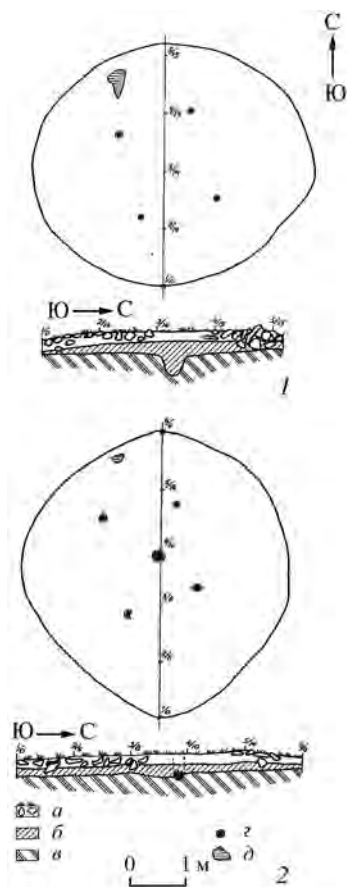

Рис. 7. Планы и профили курганов со стелами урочища Сарыг-Булун: 1 – курган 2, типичное размещение четырех столбов; 2 – курган 3, типичное размещение пяти столбов; а – дерновый слой с камнем; б – слежавшийся песок; в – материк; г – деревянные столбики; д – вертикально установленные плиты (по: Кызласов Л.Р., 1956).

лые в плане каменные курганы, у края СЗ или З полы которых нередко (но не всегда) стоит по одному вертикальному менгирю.

Под курганами оказываются ямки, а то и остатки некогда стоявших деревянных столбиков. Обычно один из них устанавливался в центре, а остальные или составляли с ним ряд (рис. 1, 2; 3, 2), или образовывали вокруг правильную фигуру – квадрат (рис. 7), круг, дугу. Иногда ямка от столба в центре отсутствовала.

Нередко стела включалась в общую композицию с деревянными столбами: была установлена в центре (рис. 3, 1), на оси, проходящей через середины соответствующих сторон (рис. 7, 1, 2), на выходящей на СЗ диагонали (Морен, кург. 11). Создается впечатление, что иногда для столбов (включая эпитафию или менгир) копалось общее углубление (таблица).

⁵ Речь не о прочтении, зависящем от восприятия рун. Толкование, местами отличающееся от моего, предлагает по изучению подлинника И.В. Кормушин (2008. С. 58–60, 148). Очевидно, предстоит новое обследование оригинала.

⁶ Примером размещения поминальных объектов стал план поля в Сарыг-Булуне (см.: Кызласов Л.Р., 1979. Рис. 91), типичность раскопанных сооружений – планы и профили: Сарыг-Булун 2 и 3, Кезек-Хурээ, 1 и 2 (Кызласов Л.Р., 1984. Рис. 1–4), сжатого описания – Бий-Хем, 31, Чимге, 18 (Кызласов Л.Р., 1960а. Рис. 4) и др.

Курганы не содержат захоронений и обычно занимают окраину разновременного курганного поля, иногда выстраивая собственные ряды (Кызласов Л.Р., 1956; Дьяконова, 1962. Табл. I; Маннай-оол, 1962. Табл. 71; 1964. Табл. 30; 1968. Табл. 1; Могильников, Елин, 1983. Рис. 2). По находкам, обряду, присутствию эпитафий они сначала были восприняты кенотафами, у которых совершались поминальные тризны, и отнесены к тюхтятской археологической культуре IX–X вв. Принимая датировку, следует искать другое объяснение. Против сравнения их с кенотафами (на Саяно-Алтае поныне ставящимися в виде деревянных столбов с именем на месте рождения сгинувшего мужчины) говорит отсутствие на всех эпитафиях лично-фамильных тамг (рис. 1, I, 4, 5).

Серию аналогичных курганов, раскопанных в Туве, можно увеличить до 24 (табл., № 1–13, 15–21, 23–26), а ареал расширить двумя курганами, изученными в Чуйской степи на Алтае (Могильников, Елин, 1983. С. 133, 134. Рис. 16, 17) (табл., № 14, 22)⁷. Этим точнее определяется все историко-культурное явление. Таблица вобрала и дополнила сведения, приведенные в 1984 г. Л.Р. Кызласовым⁸.

Раскопанные курганы со столбиками формально делятся на три неравные части: № 1 и 2, № 3 и остальные.

Только объекты Чинге 18 и Оорзак-Аксы 1 содержат прах погребенных по обряду сожжения на стороне и все иные признаки древнехакасского канона размещения и оформления стел (в литературе воспринимаемого как классический енисейский)⁹. На основании этих показателей оба памятника следует исключить из рассматриваемой совокупности поминальных курганов. Однако нельзя выпустить из внимания и факт обнаружения в них остатков деревянных столбиков – черты, несвойственной кур-

ганам тюхтятской культуры, раскопанным уже во множестве.

Ситуацию проясняет устройство кургана Чинге 18 (Кызласов Л.Р., 1984. С. 79–81). Этот памятник совмещает черты двух разных курганных категорий: и древнехакасских погребальных, и рассматриваемых ныне древнетувинских поминальных.

У кургана Чинге 18 наряду с классически размещенной енисейской эпитафией Е10, несомненно связанной с погребенным здесь трупосожжением, стояла вторая стела. Она не имела надписи и, как большинство менгиров, сопровождающих курганы, вошедшие в нашу таблицу, была размещена с СЗ стороны, вплотную к высокой внешней стенке древнехакасского погребального сооружения. Соотнося этот факт с остатками деревянных столбиков под основанием кургана, допускаем произошедшее здесь наложение друг на друга двух разновременных каменных средневековых объектов: поминального и погребального.

Вероятно, плоская выкладка более раннего курганчика со столбами (уже имевшая менгир с СЗ стороны) оказалась основанием для водружения в IX–X вв. высокого цилиндрического мавзолея над совершенным здесь тюхтятским трупосожжением. В соответствии с древнехакасскими обычаями к новому кургану была поставлена и стела с эпитафией Е 10, хотя на СЗ уцелела и стела старого комплекса. Косвенно такому наслоению кургана на предшествующую поминальную выкладку служит факт размещения по соседству еще трех тюхтятских курганов, раскопанных А.В. Адриановым (Кызласов Л.Р., 1984. С. 80, 81), сооружение 18 соотносится с имеющимся одновременным древнехакасским кладбищем.

За отсутствием данных нельзя рассмотреть устройство кургана Уюк-Оорзак 1, но его обособленное положение в ряду описываемых памятников заставляет полагать ситуацию, подобную объекту Чинге 18.

Третий своеобразный объект в таблице – курган Бий-Хем 31 (Кызласов Л.Р., 1984. С. 79). Большая высота противостоит прочим конструкциям и роднит его с древнехакасскими погребальными курганами (ср.: табл., № 2). Быть может, с ними сближает его и большое число столбовых ямок, но никак не остатки костей человеческого скелета – случая, уникального для нашей серии. Обособленно выглядит и размещение менгира в центре кургана, редкостна перекрытая курганом отдельная круглая кладка, сооруженная вокруг стоячей плиты. Хотя две последние черты возможно сопоставить с ситуацией, прослеженной в Кезек-Хурээ № 1 (рис. 2, I; 3, I). К противоречивой картине добавлю, что кости че-

⁷ Авторы ошибочно отнесли курганы со столбами к раннему железному веку.

⁸ Дополнения извлечены из полевых отчетов Маннай-оола (1962: № 23, 24; 1963: № 26; 1964: № 12, 17, 18, 25; 1968: № 11, 19) и Дьяконовой (1962: № 6–9, 13, 16, 20, 21). Неполнота данных для № 3, найденного в 1974 и раскопанного в 1975 г., объясняется отсутствием в АИА РАН отчетов М.П. Грязнова и М.Х. Маннай-оола за 1971–1975 гг.

⁹ Отсюда упомянутое стремление отыскать тамгу на стеле в Саргал-Аксы, где по ряду археологических и эпиграфических обстоятельств наличие тамги вообще сомнительно (Кормушин, 2008. С. 58). Кроме того, именовать тамги “дуга на кресте” “восточнотувинским типом” допустимо, лишь имея дело с отдельной котловиной. В остальном термин неверен. Как давно установлено тип таких тамг был распространен и вышел из Хакасии. До захвата Тувы он был “северохакасским”, а уже затем стал и “восточнотувинским”, и “северомонгольским” (попав на камень из Суджи) (Кызласов Л.Р., 1960а. С. 114. Рис. 14, I, 9, 18; 16; VI, 17; VI; 1965. Рис. 1; 7, I–12).

ловека, найденные в маленькой ямке, разрознены (фаланга ноги обнаружена в верхнем слое насыпи), т.е. ограбленный до раскопок бий-хемский комплекс мог представлять собою два разновременных наложившихся друг на друга сооружения типа кургана Чинге 18: курганчик со столбами и стелой и древнехакасский курган с высокой выкладкой. Наши позиции здесь ослаблены отсутствием захоронения по обряду трупосожжения.

Неясно, следует ли сопоставлять встреченные в кургане Чинге 18 разрозненные необожженные человеческие кости (и сопровождающие их бусины) с находкой подобных костей в кургане Бий-Хем 31 и увязывать это со сложной, двухэтапной стратиграфией обоих объектов. Как бы ни толковать оба неясных случая, подчеркну: древнехакасские погребения тюхтятской культуры IX–X вв. с остатками трупосожжений, характерными вещами и эпитафийными стелами, поставленными с востока, не имеют прямого отношения к рассматриваемой здесь категории памятников.

О ней следует судить лишь по несомненным 20 тувинским и 2 горно-алтайским раскопанным курганчикам, содержащим остатки деревянных столбиков или столбовые ямки, иногда – слои золы и угольков, отдельные предметы, но всегда лишенным погребений. В девяти (или, принимая двухъярусность объектов № 2 и 3, в 10, 11) известных случаях их сопровождают каменные стелы, пять (или шесть) раз поставленные с СЗ стороны. Отклонения (к З, С, ЮВ или Ю), можно думать, не искажают типичной ситуации. Раскопки показали, что практически обязательным элементом таких курганов был деревянный столбик, ставившийся в центре и нередко дополнявшийся другими вертикально вкопанными столбиками. Из раскопанной серии в таблицу вошли и два кургана со стелами, не содержавшие деревянных столбиков и надписей (№ 25, 26).

Число подобных памятников значительно увеличится, если учесть нераскопанные, но отмеченные в литературе, благодаря менгирам, стоящим у их СЗ и З полю (Кызласов Л.Р., 1984. С. 83. Рис. 1; 1979. Рис. 91). Понятно, что и публикации далеко не полно отражают реальное распространение наших объектов. Например, по неопубликованным данным, в 1989 г. К.В. Чугуновым (1990) во время обследования нижнего течения р. Каа-Хем на протяжении около 100 км встречено 16 курганов с менгиром в СЗ или З поле. Я уже упомянул пять таких нераскопанных объектов, виденных в урочище Саргал-Аксы. Частично к серии, думаю, принадлежат раскопанные соседние курганчики без менгиров и следов столбов (подобные Каа-Хэм 29).

Совершенно очевидно, что перед нами устойчивая и своеобразная форма раннесредневековых поминальных сооружений, самобытная для Тувы и граничащей с нею части Горного Алтая. Вопрос о ее датировке и этнической принадлежности ныне может быть решен лишь в самом общем виде.

ЭПОХА ПОМИНАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НОВОГО ТИПА

Енисейские надписи, в трех случаях сделанные на менгирах у рассмотренных курганов, являются эпитафиями (Е 57, Е 58, Е 60). Это обстоятельство подтверждает поминальное назначение самих сооружений и косвенным образом указывает на время создания объектов. Обычай наносить памятные надписи, посвященные умершим, не существовал у местного населения Тувы и Алтая и мало привился даже после включения их в сферу влияния древних хакасов (Кызласов Л.Р., 1960а. С. 97; 1969. С. 43, 44, 116; Кызласов И.Л., 1997) и до распространения официального канона связывался с местными письменными традициями поминальных культов (Кызласов И.Л., 1994. С. 80–91, 182, 183, 228, 230; 1998а. С. 68–74. Рис. 2–4).

Древнехакасское воздействие на надписи нашей серии документируется не только их енисейским алфавитом, но и построением, содержанием, характерной лексикой развернутой эпитафии Е 60 (Кызласов И.Л., 1993; Кормушин, 2008. С. 59, 60). Иными словами, Е 58 и Е 60 не могли быть созданы ранее IX–X вв. (Кызласов Л.Р., 1960а. С. 103, 117, 120; 1965. С. 48)¹⁰. Вероятно, сюда же относится и Е 57, хотя, несмотря на енисейский облик первой руны (b²), палеографическая ситуация там не так ясна, но строка надписи направлена вверх. Памятник встречает и горно-алтайские аналогии этого времени (Кызласов И.Л., 1997).

Стратиграфическое объяснение, предложенное для объекта Чинге 18, позволяет ожидать для наших поминальных курганов и время ранее указанного, поскольку археологическая дата древнехакасской части объекта (перекрывающей конструкции со столбами) – IX–X вв., а эпитафическая датировка, полученная по тамге при надписи, – конец X в. (Кызласов Л.Р., 1960а. С. 102, 113, 119. Рис. 6, 1–3; 1965. С. 44, 46. № 10). Два железных ножа, найденных в кургане Кускуннуг 1, датированы IX–X вв.

¹⁰ Датировка Е 58 из-за отсутствия на стеле тамги проводилась по аналогии с памятником Е 56, связанным с многочисленным сопроводительным инвентарем. Это мнение ранее разделялось мною (Кызласов И.Л., 1983. С. 21), но новые материалы показывают, что такая особенность не имеет точного датирующего значения.

(Кызласов Л.Р., 1984. С. 85), хотя один из них имеет кольцевое навершие раннего вида (Маннай-оол, 1968. Табл. 11, 6).

Поминальные округлые курганы, выложенные из камня, – самобытная категория памятников раннесредневековой Тувы. Их история уходит в раннее время. Судя по единичным находкам (наконечникам стрел и глиняным сосудам), по крайней мере три подобных поминальных объекта, раскопанных в пределах котловины, сооружены еще в V–VI вв. Однако их внутреннее устройство отличается от рассматриваемых памятников: выкладки часто перекрывают неглубокие, но довольно широкие ямы: от 1.25 до 1.9 × 1.4 м. Отметим, что от двух из них отходили ряды из вертикально поставленных каменных столбиков протяженностью 19 и 40.5 м, направленные в интересующем нас направлении, – на З и ЗЮЗ (Кызласов Л.Р., 1960б. С. 56; 1969. С. 23; 1979. С. 117).

Обособленные поминальные курганчики появляются в долинах Верхнего Енисея еще раньше – в предшествующий период шурмакской культуры (во II в. до н.э. – V в. н.э.). Под их каменными выкладками в центре, на горизонте или в неглубоких ямках по одному установлены сосуды, встречаются небольшие кострища, на позднем этапе – кучки железных предметов. Там, где такие курганчики пристроены к погребальным сооружениям, они обычно располагаются с СВ стороны. Однако в памятниках шурмакской культуры отмечена и другая ориентация, связанная с поминальным культом. На нее указывает впервые появляющаяся традиция установки у курганов вертикально поставленных камней. Обычно они размещены рядами, направленными на раннем этапе (во II в. до н.э. – I в. н.э.) в северную с отклонением на запад или в ту же СВ сторону, а на позднем (II–V вв.) отмечено СЗ направление. Весьма существенно, что эти прото-балбалы связаны здесь не только с погребальными сооружениями (что, вероятно, восходит к обычаям раннего железного века), но и уже с поминальными курганами. Известны случаи, когда ряды камней от них идут к СЗ.

Две эти значимые для нас особенности следует дополнить примерами установления с интересующей нас стороны поминальных только одной стелы или валуна (Кызласов Л.Р., 1958; 1979. С. 85, 92–95, 96 (Прим. 34), 98, 100, 114, 117. Рис. 63, 65, 76, 80. Табл. II, 1, Б, II). К сожалению, серия раскопанных в Туве поминальных шурмакских памятников невелика. Особенно мало изучены поздние курганчики II–V вв. Но этот археологически очень определенный, цельный в обрядовом отношении материал может быть дополнен данными, полученными на соседних южносибирских территориях.

На Горном Алтае В.А. Могильниковым раскопаны 27 позднешурмакских поминальных курганов V – начала VI в. на курганном поле Кара-Коба I (1994)¹¹. Они неудачно названы автором кольцевыми оградками, поскольку сплошь выложены из камня и до разборки и реконструкции не имели выраженных приподнятых бортов¹². В этом они подобны шурмакским памятникам Тувы. Единственный алтайский курганчик № 86/1, края которого образованы зарытыми на ребро плитками, также находит аналогию в конструкции трех шурмакских курганов Тувы.

Из 27 горно-алтайских объектов поодиночке были расположены только три, остальные составляли группы последовательно пристроенных друг к другу сооружений, в плане выгнутых дугою на ЮВ – именно это устройство, как известно, отличает слитно расположенные раннешурмакские курганы Кокэля, среди которых есть не только погребальные, но и поминальные. Подобно позднешурмакским на СЗ (или, реже, на С или СВ) от курганчиков могильника Кара-Коба I отходят ряды вертикально поставленных камней¹³. Направленные поперечно им дополнительные ряды менгиров, протянувшиеся с ЮЗ на СВ вдоль СЗ стороны курганов 76, 88/2 и 88/4, встречают прямую аналогию в устройстве позднешурмакского кургана I из давшего название культуре могильника Шурмак-Тей в Туве (Кызласов Л.Р., 1979. С. 96 (Прим. 34), 98, 114. Рис. 80).

Отличие шурмакских курганов Кара-Кобы от памятников Тувинской котловины состоит в полном отсутствии под их выкладками глиняных сосудов с жидкой пищей и в захоронении в них взнузданных и оседланных лошадей со съестным припасом в тороках. Конские скелеты встречены в 13 из 27 объектов, т.е. в половине изученных случаев.

Для нас существенно, что горно-алтайские позднешурмакские поминальные курганы сопровождаются не только рядами, но и в трети случаев (у 9 объектов из 27) одиночными вертикальными камнями, расположенными у СЗ полы. Еще у двух курганов они подобным образом водружены во внутренней части выкладки.

¹¹ На шурмакскую культурную принадлежность этих памятников мне указал Л.Р. Кызласов.

¹² За единичными исключениями таковы, судя по планам и профилям, все изученные объекты. Ср. терминологические перебивы “курган ~ оградка” в отношении одних и тех же или сходных объектов в тексте самого В.А. Могильникова (1994. С. 94, 105, 258, 259).

¹³ Ориентированные на эти стороны ряды камней нельзя связать с протянувшимися на восток цепочками менгиров пазырыкских могильников, с которыми давно связывают столбики-балбалы, устанавливаемые у поминальных оградок тюрок-тугов VI–VIII вв.

Рассмотренные материалы позволяют заключить, что обычай сооружения поминальных плоских курганчиков из камня с водружением с СЗ стороны стоячего менгира – это давняя местная особенность. Возник он на территории Тувинской котловины и на смежных землях Алтая еще в среде носителей шурмакской культуры и уже в III–V вв. приобретал черты, достигающие эпохи рунического письма. К этому времени происходят некоторые обрядовые изменения: отказ от установки рядами многочисленных камней, а также от размещения под выкладкой жидкой жертвенной пищи в глиняном сосуде. Со временем добавился обычай водружать в центре курганчиков деревянные столбы, назначение которых для нас остается пока неясно.

Как мы видели, создатели поминальных курганов с деревянными столбами, по крайней мере к IX в., были тюркоязычны. С каким видом одновременных могил следует соотносить эти поминальные конструкции, выяснить нелегко. Судя по всему, наши курганчики устраивались населением вдалеке от своих могильников. В этих условиях для этнического определения остается, пожалуй, лишь сравнение их ареала с известным по письменным источникам расселением местных раннесредневековых народов. Основной район распространения курганов со столбами – Центральная и Южная Тува (рис. 8). С 30-х годов VI в. здесь обитали чики, тюркоязычность которых подтверждается данными древнекитайских хроник об их родстве с тюрками – от “Чжоушу” (VI в.) до “Танхуйяо” (X в.), а руническая грамотность – оставленными ими руническими памятниками VIII и IX–X вв.: Е 2, Е 51, Е 68 и Е 109. Эпиграфические данные ныне отмечают пребывание чиков вплоть до низовьев Чуи: на скале Ялбак-Таш по крайней мере 6 раз вырезаны их характерные тамги (Кызласов И.Л., 2004. Рис. 9), знакомые нам по эпитафиям Тувы (рис. 6, 2).

В средневековых курганах Тувы коренное население хоронило умерших с соблюдением весьма древних особенностей, демонстрируя преемственную связь не только с шурмакскими, но даже и с уюкскими захоронениями раннего железного века. Особенно прочно удерживалось укладывание умершего в яму головой на СЗ или З. (Собрание исторических и археологических сведений о чиках см.: Кызласов Л.Р., 1969. С. 22, 23, 50–52, 57, 58, 79, 80, 82–86, 112, 114, а издание археологических материалов – Кызласов Л.Р., 1979. Гл. 2–4.)

Из наблюдений над курганами со столбами и определением тюркоязычности их создателей вытекает и вывод общего значения. Выясняется, что с раннесредневековым тюркоязычным населением Южной Сибири ныне следует связывать три разно-

Рис. 8. Расположение объектов, изученных раскопками: 1 – Талдура; 2 – Пий-Хем; 3 – Оорзак-Аксы; 4 – Чинге; 5 – Кезек-Хурээ; 6 – Кускуннуг; 7 – Саргал-Аксы; 8 – Хадын-Бажи и Кезек-Дыт; 9 – Сарыг-Булун; 10 – Морен; 11 – Ялбак-Таш (скала с тамгами чиков).

видности поминальных памятников. Первый представлен размещением поминальных сооружений при самом погребении (стелы и приношения у чаатасовских, тюхтятских и части чикских курганов); второй – широко известными квадратными древнетюркскими оградками, сооружавшимися отдельно от могил; третий, показанный только что, отличается округлыми плоскими курганчиками, также устраивавшимися в стороне от одновременных погребальных памятников. Из этих трех форм первая и третья преемственно связаны с местными поминальниками гунно-сарматского времени соответственно, с таштыкской культурой I в. до н.э. – V в. н.э. на Среднем Енисее и с шурмакской культурой II в. до н.э. – V в. н.э. на Верхнем Енисее. Происхождение древнетюркских оградок остается пока невыясненным.

Традиция сооружать поминальные курганы, лишенные камней-балбалов, вероятно, была присуща и раннесредневековым уйгурам. Так, согласно описанию единственного полностью сохранившегося поминального комплекса Шине-Усу с эпитафией кагану Моюн-чуру (Баян-чору), начертанной орхонскими рунами, стела была водружена к востоку от большого и круглого каменного кургана, в СВ углу площадки, ограниченной квадратным земляным валом с проходом с юга. Курган, к сожалению, был разграблен и раскопкам не подвергался. Стела с надписью своей лицевой стороной (с личными тамговыми знаками) первоначально была обращена на север, т.е. направлена от кургана (Ramstedt, 1913. S. 10, 40, 41; Рамстедт, 1914. С. 34–39).

Именно традиция сооружения поминальных округлых курганов из камня получила широкое применение и развитие в западных пределах обитания тюркоязычных народов. Отделяя от тюрков

чиков с карлуками, а то и всю группу телэ (гаогюй) (Кызласов Л.Р., 1969. С. 51), она распространена от Прииртышья до Урала. Видоизменения заключаются в установлении перед поминальными курганами или внутри них не менгиров, а изваяний. Если само сооружение таких курганов продолжает местные обряды, отличавшиеся от народа тюрков, то антропоморфные стелы и изваяния, наиболее вероятно, появляются здесь под влиянием обычаев тугю и уйгуров эпохи каганатов VI–IX вв., и скульптура обрядово заменяет или, точнее говоря, дополняет исконные вертикально поставленные необработанные камни, символизировавшие умерших¹⁴. Неслучайно западные изваяния относятся к иным, иконографическим типам и балбалами никогда не сопровождаются.

Даже при беглом взгляде на памятники, раскопанные к западу от Алтая, легко заметить два вида их обрядовой ориентации. Перед одними изваяния устанавливались с востока и смотрели на восток, у других каменные бабы располагались с запада или в западной части выкладок. Примеры первых памятников изучены Ф.Х. Арслановой и А.А. Чариковым (1974. С. 229–231. Рис. 9), причем при одном кургане в Верхнем Прииртышье нередко ставилось по несколько скульптур¹⁵. Эта традиция прослежена в Центральном (Ермоленко, 2004. Рис. 31, 37, а; 39, а; 63, а) и Южном Казахстане (Досымбаева, 2002. Рис. 1, 2; 2, 1, 2, 5; 5, 1–3; 8, 18, 19 и др.; 2006. Рис. 25, 2, 4). В той же долине Мерке некоторые скульптуры стоят к западу (Досымбаева, 2002. Рис. 2, 3) и к югу (Досымбаева, 2002. Рис. 4, 10) от кургана или в его западной части (Досымбаева, 2002. Рис. 9, а; 2006. С. 88. Рис. 23, 2)¹⁶. Последний тип сооружений изучен и в Центральном Казахстане (Ермоленко, 2004. Рис. 44, 46). Далее примером западной установки изваяний может служить святилище, раскопанное на Южном Урале Н.А. Мажитовым (1981. С. 158. Рис. 76, 4–6). В западной поле памятника, близ его середины здесь также стояли две каменных бабы¹⁷.

Археологическое обследование святилищ южнорусских степей указывает, что именно к выде-

ляемой курганной поминальной традиции в целом относится и наиболее поздняя ветвь изваяний тюркоязычных народов Евразии – знаменитые полочежные каменные бабы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арагачи З.В.* Новые эпиграфические находки в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. X. Кызыл, 1963.
- Аранчин Ю.Л.* Сайгынская плита с древнетюркской надписью // ЭВ. 1951. Т. V.
- Аранчин Ю.Л.* О древних енисейских камнеписных памятниках на территории Тувинской автономной обл. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. I. Кызыл, 1953.
- Арсланова Ф.Х., Чариков А.А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3.
- Досымбаева А.* Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Тараз, 2002.
- Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы, 2006.
- Дьяконова В.П.* Отчет о полевых археологических работах 1961 г. II Археологического отряда Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2374, 2374а.
- Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М., 2008.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А.* Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // САИ. 1983. Вып. Е3-18.
- Кызласов И.Л.* Эпитафия из Саргал-Аксы // СА. 1993. № 3.
- Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И.Л.* Стелы с руническими надписями на Алтае (К выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М., 1997.
- Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998а. № 2.
- Кызласов И.Л.* Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (Факты вторичного использования древнетюркских оградок VI–VIII вв. в раннем средневековье) // Древности Алтая. № 3. Горно-Алтайск, 1998б.
- Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003а.

¹⁴ Проследить этот процесс возможно по памятникам Северо-Западной Монголии, Тянь-Шаня и Восточного Казахстана, но это ныне не входит в мою задачу.

¹⁵ Камни кургана Уш-Биик не могут быть отнесены к балбалам, скорее это менгиры, по назначению подобные изваяниям.

¹⁶ Размещение менгиров и скульптур в центре квадратных оград или круглых курганных сооружений представляет отдельную проблему.

¹⁷ Изредка у квадратных оградок Алтая VI–VIII вв. наблюдаются стелы, поставленные перед 3 стенкой, в чем, видимо, отразилось местное обрядовое влияние на тюрков-тугю (Кубарев, Кочеев, 1988. С. 205. № 6). К сожалению, объект остался не раскопанным.

- Кызласов И.Л.* Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003б.
- Кызласов И.Л.* Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. Кызыл, 2003в.
- Кызласов И.Л.* Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-Ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Сб. статей памяти В.В. Волкова. М., 2004.
- Кызласов Л.Р.* Отчет о работе Тувинского археологического отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР в 1955 г. М., 1956 // Архив ИА РАН. Р-1. № 1212, 1212а.
- Кызласов Л.Р.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. 1958 (Ист.-филол. сер.; № 4).
- Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960а. № 3.
- Кызласов Л.Р.* Тува в период тюркского каганата (VI–VIII вв.) // ВМУ. 1960б (Ист.-филол. сер.; № 1).
- Кызласов Л.Р.* Отчет о работах Хакасской и Тувинской археологических экспедиций МГУ в 1959 г. М., 1960в // Архив ИА РАН. Р-1. № 1973, 1973а.
- Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979.
- Кызласов Л.Р.* Древнехакасские курганы с остатками сооружений на столбах // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.
- Маннай-оол М.Х.* Отчет о работе археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1961 г. Кызыл, 1962 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2343, 2343а.
- Маннай-оол М.Х.* Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. X. Кызыл, 1963.
- Маннай-оол М.Х.* Отчет о работе археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1962 г. // АИА РАН. Р-1. № 2428, 2428а.
- Маннай-оол М.Х.* Отчет о работе археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1963 г. Кызыл, 1964 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2664, 2664а.
- Маннай-оол М.Х.* Отчет о работе археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1967 г. Кызыл, 1968 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3612, 3612а.
- Могильников В.А.* Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.
- Могильников В.А., Елин В.Н.* Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В.* Отчет о полевых исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1977 г. // АИА РАН. Р-1. № 6677.
- Рамштедт Г.И.* Как был найден Селенгинский камень // Тр. Троицко-Кяхтинского отделения Прибайкальского отдела РГО. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1914.
- Чугунов В.К.* Отчет об археологической разведке в Каа-Хемском районе Тувинской АССР в 1989 г. Л., 1990 // Архив ИА РАН. Р-1. № 13625.
- Aalto P.* Old Turkic epigraphic materials, gathered by J.G. Grönö // Jr. Société Finno-Ougrienne. V. 83. Helsinki, 1991.
- Ramstedt G.J.* Zwei uigurische runeninschriften in der Nord-Mongolei // Jr. Société Finno-Ougrienne. V. XXX. Helsinki, 1913.

ДИСКУССИИ

О ПУТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДА И ЭТИКИ В НОВЕЙШИХ РАБОТАХ ПО ИСКУССТВУ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ)

© 2010 г. Е.Ф. Королькова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (lenkor_54@mail.ru)

На страницах “Вестника древней истории” (№ 2, 2006; № 1, 2008) развернулась дискуссия, вызванная выходом в свет книги В.И. Мордвинцевой “Полихромный звериный стиль” (2003). Критической рецензией на эту публикацию откликнулась И.П. Засецкая (2006. С. 97–130), затем появился ответ В.И. Мордвинцевой (2008. С. 129–140). Почти одновременно с ним вышел трехтомник В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстера “Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье: 2 в. до н.э. – 2 в. н.э.” (2007), в котором почти без изменения, за исключением разделов, освещающих археологические памятники с азиатской территории, воспроизводится значительная часть текста и иллюстративного материала уже опубликованной монографии В.И. Мордвинцевой “Полихромный звериный стиль”.

Поскольку эти публикации В.И. Мордвинцевой относятся к одному жанру и заключают в себе общие недостатки, которые дают повод для серьезных возражений, далее речь пойдет об указанных изданиях в едином контексте. Кроме того, в этом же аспекте приводятся ссылки и на другие работы В.И. Мордвинцевой, посвященные исследованию торевтики и ювелирного искусства сарматской эпохи (Мордвинцева, 1998; Мордвинцева, Хабарова, 2006; Mordvinceva, 2001).

Выход в свет серии самостоятельных или написанных в соавторстве работ В.И. Мордвинцевой, базой для которых послужили ювелирные изделия сарматской эпохи, украшенные цветными вставками, а также тон и аргументация ее ответа на рецензию И.П. Засецкой побудили меня высказаться по этому поводу, ибо я усматриваю в сложившейся ситуации определенные тенденции, требующие принципиальной оценки.

Полноценный свод материала, безусловно, представлял бы собой фундаментальный вклад в области изучения культуры сарматского времени. Однако качество опубликованных работ внушает опасения, что последствия этого вклада в науку мо-

гут еще долго сказываться самым нежелательным образом.

Работы такого обобщающего характера необходимы и чрезвычайно важны. Тотальный свод археологического материала представляет большую ценность для специалистов, делая доступной не только полную базу источников, но и сконцентрированную информацию о вещах, а также историко-культурную интерпретацию самого исследователя. Важно здесь и выделение технологических и стилистических признаков, на основании которых проводится выявление определенных групп материала, анализ особенностей которых позволяет полнее осветить материал, обобщить его и, в конечном итоге, предложить достоверные культурно-исторические выводы и реконструкции. Читатель же получает возможность работать с уже осмысленным и обработанным историческим источником, что создает фундамент для дальнейшего исследования такого сложного феномена, как звериный стиль.

В предисловии к изданию “Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье: 2 в. до н.э. – 2 в. н.э.” В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстером высказаны ключевые для изучения такого материала слова: «Исследователи зачастую не обращают внимания на технику изготовления вещей. ... Чтобы заниматься таким источником, надо уметь работать с ним. Ситуацию с исследованием произведений античной торевтики и ювелирного искусства, сложившуюся в советской и наследовавшей ее российской, украинской и пр. науках, можно за редкими исключениями охарактеризовать дилетантизмом подхода. Причины этого явления, с одной стороны, обусловлены историческими явлениями, в частности существованием “железного занавеса”, т.е. отрезанностью от крупнейших археологических библиотек и невозможностью использования знаний, накопленных в мировой науке (по крайней мере, в полном объеме). С другой стороны, наблюдается и априорное нежелание многих исследователей эти знания воспринимать» (2007. С. 6).

Очень поучительный пассаж, но если первая его часть не может вызывать возражений, то вторая более уязвима. Авторы хотят убедить нас в том, что “отрезанность от крупнейших археологических библиотек” (понимай: зарубежных библиотек) загоняет развитие отечественной науки в тупик, и только те ученые, которым удалось в оные проникнуть, и способны наставить прозябающих в отечестве дилетантов на путь истинный.

Предполагается, что подготовив к изданию такой обобщающий свод (это в равной степени касается и монографии В.И. Мордвинцевой о полихромном зверином стиле, и ее совместной с М.Ю. Трейстером публикации произведений торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье), автор проделал огромную работу по сбору и всестороннему изучению объекта исследования и представляет читателю уже структурированный материал и надежную базу фактических данных.

Формально мы имеем дело именно с такой работой. Однако в ней отсутствует одна весьма существенная, чтобы не сказать главная, часть – источниковедческое исследование материала, которым автор фактически пренебрег. В данном случае совершенно неважно, по какой причине: то ли не успел, торопясь выпустить публикацию, то ли не нашел нужным, то ли не имел возможности доступа к материалу, который музейные хранители не обеспечили исследователю. И дело вовсе не в том, что рисунки сделаны В.И. Мордвинцевой не с самих вещей, что повлекло ошибки в изображениях, а в том, что автор вообще плохо знаком с источником – т.е. с самим объектом исследования. Этот факт признает в своем отклике на рецензию И.П. Засецкой и сама В.И. Мордвинцева, обвиняя, однако, в этом хранителей Эрмитажа (в том числе и И.П. Засецкую), якобы отказавших ей в ознакомлении с нужными коллекциями (2008. С. 134).

Кстати, справедливости ради, я вынуждена сделать некоторое отступление, поскольку здесь В.И. Мордвинцева намеренно искажает истину. Не могу ни отметить некоторые этические моменты, которые имеют непосредственное отношение к методам научного исследования. Я с полной ответственностью могу засвидетельствовать, что В.И. Мордвинцева никогда не знала отказа в Эрмитаже в показе ей коллекций, но интриговалась совсем иными материалами. Да и вряд ли найдется хоть один коллега, который мог бы высказать И.П. Засецкой подобные претензии.

В 1999 г. В.И. Мордвинцева получила годичный грант на разработку темы по полихромному звериному стилю, в значительной степени базирующейся на материале из хранения И.П. Засецкой. Однако

никаких запросов о необходимости познакомиться с материалом от автора не поступало. Очевидно, работа была уже на стадии завершения. В противном случае нужно иметь очень большую смелость, чтобы рискнуть решить все проблемы, обусловленные глубокой и сложной темой, в столь короткий срок и без непосредственного изучения источника¹.

Иногда обстоятельства складываются вопреки намеченным планам и желаниям, исследование может потребовать в силу различных причин более длительного времени и приходится корректировать планы. В данном случае этого не произошло: отсутствие исследования материала не остановило В.И. Мордвинцеву.

Надо сказать, что автор свода лукавит. В своем ответе на рецензию И.П. Засецкой В.И. Мордвинцева практически не опровергла ни одного из конкретных замечаний, отстаивая свою правоту, но перевела пафос полемики в обвинение своего критика в якобы некомпетентности и невнимательности прочтения книги. Причем сделано это не вполне корректно. Вот характерный пример: И.П. Засецкая указывает, что на рисунке В.И. Мордвинцевой браслет из Дуздака обильно украшен цветными вставками, которые акцентируют глаза, уши на головках грифонов, а также ноздрю, глаз и “копыто” передней ноги животного, в то время как реально не сохранилось ни единой вставки, а, судя по характеру углублений, слишком мелких и сглаженных для размещения там вставок, изначально они могли быть лишь в ухе и на плече, копыто же вообще отсутствует в изображении фантастического животного (2006. С. 120). В своем ответе В.И. Мордвинцева ссылается на то, что рисунок взят из каталога выставки в Дауласе, одним из авторов которой была И.П. Засецкая, и подготовлен в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа (2008. С. 134), в то время как упомянутый экспонат в действительности вообще не был представлен ни на выставке, ни, соответственно, в каталоге, в чем вполне можно убедиться по указанной В.И. Мордвинцевой ссылке. Но расчет на то, что большинство читателей удовлетворится аргументом автора, не проверяя заведомо ложную ссылку, скорее всего, оправдается.

Неуместен и недопустим тон, который позволила себе В.И. Мордвинцева по отношению к И.П. Засецкой в ответе на ее рецензию, тем более что многолетний научный труд И.П. Засецкой и много-

¹ Что касается Сибирской коллекции Петра I, то после смерти М.П. Завитухиной в 2001 г. она была передана на мое хранение, и смею утверждать, что никаких запросов со стороны В.И. Мордвинцевой о желании ознакомиться с вещами ни разу не поступало.

численные издания демонстрируют профессионализм и добросовестность ученого, чему не грех и поучиться. Во всяком случае, И.П. Засецкой никогда не будет стыдно за свои работы.

В.И. Мордвинцевой хочется представить автора рецензии недостаточно компетентным специалистом, и в своем ответе она “уличает” И.П. Засецкую в неосведомленности в области терминологии (2008. С. 36). Однако ее ирония и менторский тон вряд ли уместны, так как не могут опровергнуть отсутствия четкости в употреблении терминов самой В.И. Мордвинцевой (Засецкая, 2006. С. 104) и неясности ее трактовки “значимых” и “незначимых” признаков, на что как раз и обращает внимание И.П. Засецкая. Здесь я охотно присоединюсь к цитируемой Мордвинцевой мысли, высказанной в свое время Б.И. Маршаком: наличие “значимых” и “незначимых” признаков в зооморфном изображении вовсе не всегда дает возможность однозначного определения вида животного. Понятно, что “мы узнаем зайца по длинным ушам, льва – по длинной гриве и хвосту с кисточкой, павлина – по хохолку на голове и хвосту веером, перья которого украшены на концах кружочками” (Мордвинцева, 2008. С. 139). Но субъективность восприятия и оценки этих признаков при этом, к сожалению, не исчезает и иногда приводит к странным заключениям.

Так, например, мощный гребень на голове и частично шее у хищного крылатого монстра с ушами, терзающего козла, на украшении из Сибирской коллекции Петра I, при желании, можно трактовать и как “значимый” признак павлина – хохолок. Веерообразное расположение перьев птичьего хвоста, кстати, вовсе не является исключительно особенностью павлина – это свойство большинства пернатых. Следует обратить внимание автора на то, что кружочки, породившие у нее ассоциации с яркими “глазками” на концах хвостовых перьев павлина, у фантастического существа на рассматриваемом изображении расположены вовсе не на концах перьев, поскольку украшение, несомненно, имело дополнение, скорее всего, в виде натуральных птичьих перьев, которые вставлялись в специальные петельки, размещенные вертикальными параллельными рядами вдоль хвостового оперенья. Вероятно, если бы автор изначально обратился к исследованию самого предмета, выводы могли бы быть иными. Так что позволю себе остаться при своем мнении, по-прежнему считая этого пернатого монстра “грифом”, и не принимать новаторской позиции В.И. Мордвинцевой в видовом определении этого персонажа.

Также не вполне ясно, почему идущие по кругу лоси, как это считалось до сих пор, на флаконе

из кургана Хохлач превратились у Мордвинцевой в трех лошадей (2003. С. 88). Уж если обращаться к “значимым” признакам, то они налицо: парнокопытность животных на изображении очевидна, а лошадь, замечу, относится к отряду непарнокопытных.

Вообще В.И. Мордвинцева отличается крайней небрежностью в терминологии, причина чего кроется, возможно, в пренебрежении автором существующими в науке разработками. Некоторые формулировки и определения, изобретенные Мордвинцевой, категорически неприемлемы в силу их некорректности и отсутствия за ними всякого смысла и потому недопустимы в научной литературе. Чего стоит “зооморфное мышление скифов”, которое утрачивает свои позиции (Мордвинцева, Хабарова, 2006. С. 32). Используемые ею термины, предложенные другими авторами, также не всегда удачны, и, вероятно, следовало познакомиться с более широкой литературой по этому вопросу. Например, утверждение, что “понятие стиля в археологии несколько отличается от понятия, принятого в искусствоведении” (Мордвинцева, 2008. С. 135), причем тем, что оно (далее в тексте В.И. Мордвинцевой следует цитата из сочинения Л.С. Клейна) “освобождено от феноменов художественности и внутренней цельности” (Клейн, 1991. С. 140). На мой взгляд, здесь можно поспорить с обоими авторами. Как мне представляется, искусство, пусть даже и архаическое, никак по определению не может быть освобождено от художественности, а стиль – от цельности. И если уж автор занимается исследованием древнего искусства, неважно, относится ли оно к археологическому материалу или нет, он обязан подходить к исследованию этого источника как к соответствующему феномену, т.е. именно искусству, а значит, в известной степени, заниматься искусствоведением или, проще говоря, познанием искусства. В противном случае, хотелось бы, по крайней мере, получить внятное определение этого специфически археологического, “освобожденного от художественности и внутренней цельности” стиля. Кстати, далее на той же странице следует постановка задачи стилистического исследования в археологии, которую автор видит в “поиске взаимосвязи между археологической культурой и художественными особенностями распространенных в этой культуре изображений” (Мордвинцева, 2008. С. 135), оставляя читателя в недоумении относительно наличия или отсутствия художественности в археологическом понимании стиля.

Присутствие в научном тексте многочисленных примеров терминологической небрежности или непонимания существа понятия не лучшим

образом характеризуют уровень исследователя: ну не бывает “неосознанной мысли” (Мордвинцева, 2008. С. 137), как не бывает и “ареала распространения” (Мордвинцева, 2008. С. 136)! Даже в названиях монографий присутствует неточность. Так, на титуле трехтомного издания В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстера значится “Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье: 2 в. до н.э. – 2 в. н.э.” Тем не менее, открыв книгу, читатель обнаруживает в основном каталоге и материал из памятников Нижнего Поволжья, например, с. Верхнее Погромное, и др. Связано ли это с нестандартными географическими представлениями авторов или это просто небрежность – остается гадать читателю. Если же речь идет о месте производства предметов торевтики и ювелирного искусства, попавших на территорию Поволжья из Северного Причерноморья в древности, то факт производства всех вещей в этом регионе следует сначала доказывать, поскольку он не очевиден.

Заголовок монографии В.И. Мордвинцевой “Полухромный звериный стиль” не содержит никаких хронологических рамок и культурно-исторических ограничений. Материал, представленный в книге, относится все же преимущественно к сарматской эпохе, но не только. Предметы из Сибирской коллекции Петра I, напротив, имеют значительно более раннюю датировку. Стало быть, исследование охватывает материал, отобранный не по хронологическому признаку, а по характеру оформления, и включает золотые художественные изделия, украшенные цветными вставками вообще. Тогда непонятно, почему же исключаются такие яркие экземпляры, как знаменитая свернувшаяся пантера (VII–VI вв. до н.э.) из той же Сибирской коллекции, или находки из Казахстана, Тувы и т.д. (Золотые олени Евразии, 2001. С. 210, 212. Кат. 182, 184; VII в. до н.э.; Аржан. Источник в долине царей, 2004. С. 27; VII в. до н.э.; Тасмагамбетов, 2003. С. 182, 183).

В то же время к рассмотрению привлекаются вещи, возможно, никогда и не имевшие цветных вставок (вспомним уже упоминавшийся браслет из Дуздака). Создается впечатление некоторой случайности отбора материала, вероятно, просто попавшего в поле зрения автора.

Нет сомнения, что безупречных исследований не бывает, и какие-то ошибки, к сожалению, неизбежны. Однако проблема вовсе не в отдельных опечатках, как предпочитает представить ситуацию сама В.И. Мордвинцева в ответе на критику И.П. Засецкой, а в первую очередь в методических предпосылках и собственно путях исследования.

Я разделяю критическую позицию И.П. Засецкой, абсолютно справедливую, обоснованную весьма убедительными аргументами, и потому не буду их повторять, но сконцентрирую внимание на моментах, оставшихся вне поля критики И.П. Засецкой, однако вызывающих не меньшие нарекания.

Речь пойдет прежде всего о предметах из Сибирской коллекции Петра I, а также о нескольких украшениях из памятников Нижнего Поволжья и Средней Азии, хранителем которых я непосредственно являюсь. Эти вещи в большинстве своем вошли в каталог В.И. Мордвинцевой и послужили основой для ее выводов.

Преамбула к разделу по Сибирской коллекции Петра I в книге 2003 г. включает краткий обзор истории этой коллекции, содержащий очень много фактических ошибок. Например, утверждение, что основная часть коллекции сибирских сокровищ попала к Петру I в качестве подарков от крупного тагильского промышленника А.И. Демидова и князя М.П. Гагарина, не соответствует действительности и связана с расхожей байкой, давно опровергнутой на основании изучения архивных документов. Результаты этих изысканий опубликованы М.П. Завитухиной в многочисленных изданиях (1977а. С. 41–51; 1977б; 1991; 1994). В них она доказывает, что версия о подарке Демидова не имеет документального подтверждения и упоминается только в одном источнике XVIII в. – сочинении И.И. Голикова, причем без указания количества преподнесенных вещей и даже имени или инициалов дарителя, что позволяет разным авторам нашего времени приписывать подарок в равной степени произвольно то Никите, то Акинфию Демидовым. В то же время более 120 предметов надежно отождествляются по описям посылок князя М.П. Гагарина, приславшего Петру I добытое “могильное золото” во исполнение указов царя, а вовсе не в качестве подарка.

В.И. Мордвинцева опирается почему-то на версию, изложенную в статье Н.Л. Грач и А.Д. Грача, посвященной находке из Тувы (1987. С. 134–148). Дело в том, что авторы этой статьи никогда не занимались специально изучением Сибирской коллекции и ее историей и в свою очередь повторили своего рода устную традицию, неоднократно переписывавшуюся из одного популярного издания в другое. По меньшей мере странно, что В.И. Мордвинцева, перечислившая исследователей истории сложения этого уникального собрания, в том числе и М.П. Завитухину, и указавшая ссылки на ее труды 1977, 1991 и 1994 гг., выбрала именно эту, ничем не обоснованную версию (Мордвинцева, 2003. С. 22), находящуюся в явном противоречии с указанными работами. Мордвинцева никак не объ-

ясняет своего предпочтения в изложении фактов. Создается впечатление, что в действительности она работы М.П. Завитухиной не читала, иначе это противоречие необъяснимо.

Следующий за этой исторической преамбулой каталог, увы, также не содержит ничего нового, поскольку автор по существу просто переписывает (судя по повторению ошибок в инвентарных номерах и в определении материала изготовления), вероятно, каталожные данные, опубликованные С.И. Руденко в Своде археологических источников, изданном в 1962 г. Впрочем, это только догадка, поскольку автор вообще не указывает источника своей информации о фактической стороне вещей, а некоторые ошибочные сведения имеют явно другое происхождение, поскольку в каталоге С.И. Руденко эти предметы описаны иначе. Например, Кат. 43, по В.И. Мордвинцевой – поясная пластина со сценой охоты на кабана; в описании материалов указаны золото, лазурит, коралл, стекло черного цвета (2003. С. 85). Сравним с данными в своде С.И. Руденко: “сцена богато украшена вставками из бирюзы и кораллов” (1962. С. 41).

В монографии “Полихромный звериный стиль” в каталоге изделий звериного стиля Сибирской коллекции отведены номера с 21 по 44, таким образом, к рассмотрению привлечены 24 каталожных позиции, включающие от одного до шести предметов.

Не будем возвращаться к вопросу о принципах выборки привлекаемых артефактов, учитывая, что все эти вещи не имеют комплексов и в равной степени *a priori* “беспаспортны”. Начнем с того, что библиография по этим вещам заканчивается 1973 г. (книгой М.И. Артамонова “Сокровища саков”), хотя написано о них за последние 30 лет немало. Среди публикаций, вышедших за последние десятилетия, можно обратить внимание и на каталоги временных выставок Эрмитажа, в которых отражены, например, новые, уточненные определения техники и материала изготовления. Если учесть то, что предметы из Сибирской коллекции часто экспонируются на временных выставках, то в этих каталогах можно почерпнуть весьма обширную и разнообразную информацию². Заметим, что В.И. Мордвинцева вообще чрезвычайно скупа на ссылки как на мнения предшественников, так и на источник информации о вещах, предоставляя

читателю думать, что он имеет дело с результатом собственных наблюдений автора. Исключение составляют только сочинения зарубежных исследователей, в чем, вероятно, просматривается то самое благотворное познание достижений мировой науки в результате знакомства со ставшими доступными автору крупнейшими библиотеками. Ссылок же на отечественных исследователей явно не хватает. И это очень жаль, поскольку многие упреки были бы сняты, если бы В.И. Мордвинцева взяла на себя труд сослаться на источник тех или иных сведений. Надо отдать должное М.Ю. Трейстеру: он куда щепетильнее своего соавтора и всегда пунктуально дает ссылку на источник информации, тем самым отчасти снимая с себя ответственность в случае ошибочности данных. Например, в статье, написанной М.Ю. Трейстером совместно с С.А. Яценко, ошибочно указан материал вставок фалара из Сибирской коллекции, якобы сделанных из стекла (в действительности он украшен бирюзой). При этом авторы ссылаются на информацию, “любезно предоставленную в 1997 г. В.И. Мордвинцевой”, которая в данном случае выступает в роли компетентного эксперта (Treister, Yatsenko, 1997/1998. P. 60, 83. Note 119).

Конечно, отсутствие ссылок на многие публикации может объясняться тем, что В.И. Мордвинцева намеренно игнорирует эти работы ввиду их низкой оценки ею, как не заслуживающие внимания. В.И. Мордвинцева прямо декларирует такой способ выражения своего отношения к авторам или изданиям, касаясь, в частности, работ И.П. Засецкой и подчеркивая, что ее (Мордвинцевой) “оценка отличается от самооценки автора, и это несоответствие трудно устранить” (Мордвинцева, 2008. С. 134). Замечу, что вне зависимости от авторского отношения к научной деятельности коллег, все же принято ссылаться на высказанные, кстати, не только в письменной форме мнения и гипотезы, несмотря на существование противоположных концепций и даже неустраняемые противоречия. В противном случае трудно объяснить, почему выводы и результаты проигнорированной работы неожиданно оказываются абсолютно совпадающими с выводами самой Мордвинцевой. Вот это уже противоречие, которое действительно трудно устранить. Например, реконструкция украшения конской сбруи фаларами из Федуловского клада была предложена И.П. Засецкой (1965. С. 30. Рис. 2), а затем уже в качестве собственной реконструкции переиздана Мордвинцевой в нескольких изданиях (Mordvinceva, 2001. S. 47; Мордвинцева, 1998. С. 40. Рис. 1).

По сравнению с реконструкцией И.П. Засецкой усовершенствовался лишь схематичный рисунок лошади, сделанный самой В.И. Мордвинцевой, что

² Перечислим лишь некоторые из многочисленных изданий каталогов, где экспонировались вещи из Сибирской коллекции Петра I: Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. Hamburg, 1993; Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bd. I. Bonn, 1997; Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati. Milano, 2001; Золотые олени Евразии. СПб., 2001 и т.д.

не изменило реконструкции в принципе. Кстати, и здесь с терминологией не все точно: автор почему-то во всех публикациях говорит о фаларах как украшении упряжи, в то время как из контекста ясно, что речь идет, несомненно, о сбруе верхового коня, а не упряжных лошадей, что имеет принципиальное различие.

Но вернемся к Сибирской коллекции. Из 24 пунктов каталога, относящихся к этому собранию, в монографии “Полихромный звериный стиль” (49 предметов с самостоятельными инвентарными номерами) инвентарные номера неверно указаны у всех. Прежде всего, эта коллекция имеет буквенный шифр “Си”, который, собственно, и является общим и обязательным для всей коллекции. У В.И. Мордвинцевой он заменен на цифровой шифр “1727”, в действительности относящийся только к части предметов и маркирующий год их поступления в Кунсткамеру, не будучи номером вообще. В пункте Кат. 33, по Мордвинцевой, инвентарные номера блях указаны следующим образом: № 1727 – 1/145 – 148. В действительности это № Си 1/146 – 149. И так во всех пунктах. У одного предмета (Кат. 21) неверно указано место хранения: он хранится не в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири, а в Отделе Востока Государственного Эрмитажа; у 32 предметов содержатся ошибки в определении материалов; у 12 не соответствует действительности указанная техника.

Прибавим к рассмотренным еще два каталожных номера на находки из могильника в с. Верхнем Погромном и два предмета из Дуздака, не вошедшие в основной каталог Мордвинцевой и рассмотренные ею в главе “Предметы полихромного звериного стиля: находки в Центральной и Средней Азии, Западной Сибири и предметы из частных собраний” (Мордвинцева, 2003. С. 58), в определении и описании которых также вкрались ошибки и неточности³.

Итого, 28 каталожных номеров из коллекций, которые находятся на моем хранении и о достоверности сведений о них я могу судить. Для 28 пунктов явно многовато ошибок, и они слишком принципиальны. Причем в некоторых случаях Мордвинцева домысливает отсутствующие материалы в предметах, полностью утративших вставки или никогда их не имевших. Например, в № 22 по каталогу Мордвинцевой значится золото, бирюза и коралл (?), которого нет и в помине,

в № 26–28 числится бирюза, хотя вставки отсутствуют вообще; в № 43 указан лазурит при полном его отсутствии в действительности, но ничего не сказано о вставках из стеклянной пасты, которые и составляют основную часть декорировки. В № 44 в качестве материалов перечислены стекло темно-красного, голубого и черного цвета (Мордвинцева, 2003. С. 84, 85). Такие подробности вызывают недоумение, так как на этом предмете даже следы подобных вставок отсутствуют, и указанные материалы – просто домысел. Это украшение находится в постоянной экспозиции Эрмитажа и вполне доступно осмотру, так что даже оправдание отсутствием возможности ознакомления с источником вряд ли кого-либо убедит. Тем не менее, В.И. Мордвинцева в своей книге приводит собственный рисунок, где все вставки на месте, причем в соответствии с ее собственными представлениями (2003. С. 209. Рис. 94).

Перечислять все остальное не имеет смысла. Возможно, мы просто не умеем работать с источником, как полагает В.И. Мордвинцева. В таком случае жаль, что она не делится методикой определения материала вставок при их полном отсутствии. Кстати, в отдельных случаях нужно доказывать и само первоначальное наличие вставок. Однако В.И. Мордвинцева упрощает себе задачу, дорисовывая “недостающие” элементы, как в случае с браслетом из Дуздака.

Вряд ли стоит объяснять, что не только наличие полихромных вставок, но и цветовая гамма, которую они формируют, а также материал, использованный для этой цели, могут выступать в роли определенного культурного индикатора. Так что подобные погрешности в своде источников неизбежно ставят под сомнение культурно-исторические выводы автора. То же касается и определения техники изготовления ювелирных изделий.

Среди украшений, которые автор определяет как литые, часть сделана в технике басмы, часть – в технике чеканки, часть – действительно литые. Неловко объяснять исследователю, занимающемуся торежкой и ювелирным искусством, что чеканка, басма и литые – суть разные технические приемы. И если среди предметов представлены все три вида техники, то за этим непременно что-то стоит. Не видя разницы между этими признаками, автор, декларируя, что в основе исследования и “типологии” лежат технологические и стилистические признаки, создает чисто умозрительные построения. Археология – наука в известном смысле “вещественная”: основой всего в ней является прежде всего вещь. Все доказательства хранятся в самих вещах, все содеянное когда-либо имеет свои следы. Мы должны

³ Кстати, непонятно, почему находки из Дуздака привлечены на каких-то половинчатых основаниях и не включены в основной каталог, ведь происхождение украшений из Сибирской коллекции Петра I никак не более определено. Тем более, что формально эти предметы также входят в состав Сибирской коллекции.

отталкиваться от признаков, содержащихся в объекте исследования, а не в сознании исследователя.

Все упомянутые признаки легко проверяются, ибо они вещественны. Странно, что декларируя профессиональный и скрупулезный подход к анализу технологических и стилистических признаков и тем самым обещая читателю гарантию достоверности, автор предоставляет более чем сомнительные заключения практически по всему материалу. Возникает вопрос: если исходные посылы столь ненадежны, насколько же достоверны исторические реконструкции? Печально, что ошибки в определении техники изготовления ювелирных изделий из книги “Полихромный звериный стиль” без изменений перекочевали в изданный в соавторстве с М.Ю. Трейстером трехтомник. Хорошо, что в это издание в силу географических ограничений не вошли предметы из Сибирской коллекции, но бляха из Верхнего Погромного по-прежнему числится литой, в то время как специалист легко определит, что она исполнена в технике басмы.

В.И. Мордвинцева сетует на то, что И.П. Засецкая в своей рецензии не проводит последовательного анализа ее методики (2008. С. 134). Но в этом нет никакой необходимости. Во-первых, скажем прямо, никакого создания новой методики не произошло: В.И. Мордвинцева использует хорошо известный метод выделения признаков, с помощью которых материал разбивается на группы. Таким же методом работает и сама И.П. Засецкая, и многие другие исследователи (Руденко, 1962; Засецкая, 1982; 1998; Zasetskaya, 2004; Яценко, 2000). Так что В.И. Мордвинцева в некотором роде даже может считать себя последовательницей И.П. Засецкой, продолжая разрабатывать метод, который был применен последней в исследовании полихромных изделий гуннской эпохи (Засецкая, 1982). Поэтому даже называть его своим как-то неловко. Но сам метод, может и бесспорный, не гарантирует объективных результатов. Вопрос в том, насколько корректно его применение.

Признав справедливыми некоторые замечания И.П. Засецкой, например, путаницу в отнесении вещей к конкретным стилистическим группам, В.И. Мордвинцева почему-то расценивает это упущение как незначительное и упрекает своего оппонента в умолчании оценки ее исторических выводов. Но ведь если основания для них столь шатки, может быть нет и особого повода для серьезного обсуждения таких ненадежных заключений? Например, если признаком для выделения стилистической группы служит состав и цвет вставок (а из рассмотренного нами фрагмента книги видно, что эти позиции не отражают действительной ситуа-

ции), то и группы, стало быть, выделены по субъективным основаниям. Частичное пересечение таких определяющих признаков у разных групп позволяет усомниться в правильности отбора признаков, а путаница в определении материала и техники, т.е. позиций, декларируемых автором как диагностирующие, вообще выбивает фундамент у дальнейших построений.

Кстати, структура книги “Полихромный звериный стиль” также кажется весьма сырой. Например, глава “Изделия в полихромном зверином стиле из Сибирской коллекции Петра I” включает сборный материал, который в силу происхождения и не может представлять единой группы, несмотря на наличие у многих золотых изделий цветных вставок. Собственно в его осмыслении не появилось ни большей ясности, ни вообще чего-либо нового. В главе “Стилистический анализ предметов сарматского полихромного звериного стиля” 1-й параграф имеет подзаголовок “Сюжеты и мотивы”, т.е. позиции содержательного уровня, которые прямо не входят в понятие стиля, понимаемого автором как “система формальных правил, применяемых к материалу способами, определяемыми теми или иными видами искусства” (Мордвинцева, 2008. С. 135). 2-й параграф этой же главы называется “Находки сарматских погребений в контексте предметов из Тилля-тепе и Сибирской коллекции”. Такое членение текста на разделы, основанное на совершенно разных принципах, не способствует четкости структуры работы в целом. В указанном параграфе появляется выделенная “ахеменидская” группа, состоящая из одного единственного предмета – бляхи из Верхнего Погромного. Параграф 6-й этой же главы – “Стилистические особенности группы предметов сарматского звериного стиля и их происхождение” – содержит выводную часть. В ней, к сожалению, так и не появилось ясности относительно самого феномена: нет ответа на вопрос, что же мы можем назвать сарматским полихромным стилем и чем он характеризуется. По-прежнему мы имеем дело с несколькими группами предметов, которые визуальнo выделялись и прежде другими исследователями. Происхождение этих групп при этом никак нельзя признать уточненным работой Мордвинцевой.

Наконец, только в Заключение формулируются признаки “ахеменидской” группы полихромного звериного стиля, и оказывается, что эта группа не так уж малочисленна, а отдельные вещи, относящиеся к ней, сопоставляются автором с браслетами из сарматских погребений I в. н.э. (Мордвинцева, 2003. С. 78). Но аналогии эти столь далеки стилистически, что никаких прямых генетических связей обнаружить не удастся. Усмотреть ближайшую

аналогию художественным изделиям из Тилля-тепе в одной из блях Сибирской коллекции также можно лишь с большой натяжкой (Мордвинцева, 2003. С. 79), поскольку даже по выделенным автором признакам прямых совпадений нет. Центральнoазиатский звериный стиль представлен группой предметов, которая также не имеет определенных границ. Таким образом, все предшествующие наблюдения, сделанные еще С.И. Руденко (1962) и М.И. Артамоновым (1973), остались в силе, а конкретного решения по поводу происхождения отдельных предметов и выделенных групп по-прежнему нет. Нет конкретности и в выделении стиля *Puzzle*, как ничего не прояснилось и в проблеме сарматского звериного стиля в целом.

Глава “Полихромный звериный стиль и возможности реконструкции этнополитической истории сарматов”, вероятно, с точки зрения автора, содержит как раз те самые новые и ценные исторические реконструкции. Однако выводы В.И. Мордвинцевой, увы, не бесспорны и даже не всегда понятны. Например, ее утверждение, что “феномен сарматского звериного стиля нельзя наполнять тем же смыслом, что и феномен скифского звериного стиля. Постепенное появление изображений зверей на предметах, на которых раньше изображались божества греческого пантеона и эллинистические розетты, можно объяснить не только изменением этнополитической обстановки в регионе, но и стихийным поиском нового выражения социального чувства, что характерно для явлений культуры” (Мордвинцева, 2003. С. 77), явно требует какого-то развернутого пояснения. Вероятно, это и есть формулировка “социологического” объяснения феномена сарматского полихромного звериного стиля. Но что это за “постепенное появление изображений зверей”, которое можно объяснить “стихийным поиском нового выражения” некоего “социального чувства”?

Да и “новая историческая реконструкция условий появления предметов полихромного звериного стиля на территории степей Восточной Европы” (Мордвинцева, 2008. С. 133), которая, напомним, по существу не имеет фундамента, а именно исследования объекта изучения, ничего не поясняет. Вообще-то ни одна из стоявших перед исследователями проблем так и не нашла разрешения.

Увы, выводы не отличаются новизной, как и заключение о том, что изделия полихромного стиля связаны с погребениями высокого социального ранга, а “предметы, целью которых было с помощью особых изображений выразить культурную общность (а может быть и родство) с территориально удаленными племенами” (Мордвинцева, 2003. С. 52). Да и могут ли предметы вообще иметь какую-то цель?

К сожалению, за всеми погрешностями и ошибками стоит одна причина, несомненно, методического характера: стремление как можно быстрее опубликовать работу, не утруждаясь исследованием материала. Увы, с изданиями трудов В.И. Мордвинцевой постоянно сопряжены нарушения этического порядка.

В.И. Мордвинцева напрасно привлекает в защиту своей позиции цитату В.Я. Проппа (Мордвинцева, 2008. С. 140): сомневаюсь, чтобы настоящий ученый принял ее методологический подход. Конечно, у исследователя всегда есть (еще раз приведу слова В.Я. Проппа, с которыми нельзя не согласиться) “риск ошибок, досадных недоразумений, неточностей и т. д.”, правда и то, что все это “менее опасно, чем методологически неправильные основы при безукоризненном владении частным материалом”. Однако никто не будет утверждать, что безукоризненное владение частным материалом находится в противоречии с правильными методологическими основами. А вот безукоризненное знание материала – условие, может быть, не достаточное, но, как минимум, необходимое. Незнание фактического материала никак не компенсируется никакими методологическими достоинствами.

Специалисты, в том числе принадлежащие не только к российской, но и к мировой науке, ждут именно сводных, обобщающих материал работ. Но те, кому материал незнаком, а российская литература труднодоступна из-за языковых барьеров, не смогут обнаружить в упомянутых изданиях изъянов, которые очевидны для изучавших материал непосредственно. И в этом заключается опасность подобных публикаций.

В.И. Мордвинцева в заключение своего ответа на рецензию И.П. Засецкой отмечает, что на пути исследователя предметов сарматского звериного стиля “много трудностей, начиная со сбора материала и попыток увидеть его воочию и заканчивая выбором методических принципов его анализа и осмысления, и на этом пути никто не застрахован от ошибочных шагов и неверных выводов” (2008. С. 140).

С этим никто и не спорит. Не зря стал крылатым латинский афоризм *Errare humanum est* – человеку свойственно ошибаться. И у ученого есть право заблуждаться: научная полемика – мощный двигатель развития исследовательской мысли. Но существует и другая латинская формула: *Esse quam videri* – важно быть, а не казаться. И если ошибка ученого простительна, то научная недобросовестность – смертный грех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.
- Грач Н.Л., Грач А.Д. Золотая композиция скифского времени из Тувы // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Завитухина М.П. Собрание М.П. Гагарина 1716 г. в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. 1977а. № 18.
- Завитухина М.П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977б.
- Завитухина М.П. Некоторые вопросы изучения Сибирской коллекции Петра I // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. Тез. докл. науч. конф., посв. 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. СПб., 1991.
- Завитухина М.П. Из истории формирования Сибирской коллекции Петра I // Тез. докл. науч. конф. "История формирования коллекций". СПб., 1994.
- Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1965. №. 7.
- Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Засецкая И.П. Датировка и происхождение некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Засецкая И.П. О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // ВДИ. 2006. № 2.
- Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб., 2001.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
- Мордвинцева В.И. Сарматские парадные упряжные наборы и некоторые вопросы истории сарматов // Нижневолжский археолог. вестн. Вып. 1. Волгоград, 1998.
- Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
- Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и современные проблемы его изучения // ВДИ. 2008. № 1.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье: 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Т. 1–3. Симферополь; Бонн, 2007.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья. Симферополь, 2006.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. ДЗ-9.
- Тасмагамбетов И. Кентавры Великой Степи. Алматы, 2003.
- Яценко С.А. О мнимых "бактрийских" ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв. н.э. // Нижневолжский археолог. вестн. Вып. 3. Волгоград, 2000.
- Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren // Archäologie in Eurasien. 2001. Bd. 11.
- Treister M., Yatsenko S. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in "Gold-Turquoise Animal Style" of the 1st – 2nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. 1997/1998. № 5.
- Zasetskaya I.P. On the Chronology of Eagle-head Buckles from the Necropolis of Bosphorus and South-Crimean Burial-grounds of the Early Medieval Period (6th – early 7th centuries AD) // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. An Intern. Jr. Comparative Studies in History and Archaeology. V. 10. № 1, 2. Leiden, 2004.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ “СКИПЕТР-УТЮЖОК” ИЗ СТАВРОПОЛЯ

© 2010 г. С.Н. Кореневский*, А.А. Калмыков**

*Институт археологии РАН, Москва (Skorenlevskiy @ yandex.ru)

**ГУП “Наследие”, Ставрополь

Ключевые слова: энеолит, каменное навершие “скипетра”, Ставрополье, случайная находка.

The article publishes an “ironing” scepter which was found by chance in the Stavropol region. The artifact has the features of zoomorphic and abstract Eneolithic scepters. It is dated within the framework of the general chronology of stone Eneolithic scepters to Tripolye BI-BIBII time. The specific features of the item indicate that the flat ventral side could have been used for longitudinal motions on a surface. It could even have been inserted into a handle like other scepters. The find adds detail to the general typology of Eneolithic stone scepters.

Категория каменных изделий, интерпретируемых как навершия энеолитических скипетров (Govedariča, Kaizer, 1996), всегда вызывала повышенный интерес. Ее типология, интерпретация активно обсуждались специалистами по эпохе медного века Балкано-Дунайского региона, юга Восточной Европы и Предкавказья. Находки упомянутых вещей редки. Каждый новый экземпляр заслуживает внимания, особенно если анализ его формы влечет за собой следующий шаг в осмыслении этих загадочных артефактов, которые начали рассматривать как символы духовной власти населения “старой Европы”, по образному выражению М. Гимбутас (Gimbutas, 1991). Датируются каменные скипетры в целом временем Триполья BI-BIBII-CI (Манзура, 2000. С. 255). Надо сказать, что последний период их существования в рамках Триполья CI гипотетичен и связан лишь с одной из их разновидностей, найденных на Константиновском поселении на Нижнем Дону.

Цель настоящей статьи – публикация каменного предмета, напоминающего навершие скипетра (рис. 1). История его такова. В 1988 г. житель Ставропольского края Н.Н. Дворядкин передал в Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей им. Г.К. Праве поделку вычурной формы, похожую на утюжок или топороколун (рис. 2). В 2008 г. она попала в поле зрения А.А. Калмыкова. После обсуждения этой вещи авторы настоящей статьи пришли к заключению о том, что она похожа на “утюжок” или “топорообразный” предмет, который оформлен наподобие скипетра энеолитической эпохи. Ниже рассмотрим его подробнее.

Каменный экспонат с паспортом хранения – “с. Александрия Благодарненского района Ставропольского края” – достигает в длину 18,2, максимальная ширина – 4,4, высота по середине – 5,7 см. Камень, из которого он изготовлен, – базальт темного цвета. Изделие тщательно обработано и подразделено древним скульптором на две части. Передняя (“головная”) часть предмета имеет длину 7 см, немного сужена по бокам. Ей придана лаконичная форма “курносого” навершия, столь знакомого по зооморфным изображениям скипетров. К ней примыкает задняя (обушная) часть длиной 11,2 см, покрытая углубленными линиями. Окончание изделия сверху несколько обломано. У облома заметно незначительное повышение и точечный пикетаж. Так оформлялись черенки-вставки у скипетров.

Снизу тыльная часть “утюжка” сохранила овальную конфигурацию. На плоском брюшке изделия хорошо заметны продольные царапины (рис. 1). Брюшко предмета специально сделано так, чтобы придать ему устойчивое положение на поверхности. В итоге можно заключить, что рассматриваемый предмет мог, с одной стороны, ставиться на плоское основание и им совершали продольные движения “взад-вперед”. Но, с другой стороны, в оформлении верха тыльной части изделия прослеживаются признаки черенковых выступов-вставок каменных скипетров. Поэтому публикуемое изделие можно определить как “скипетр-утюжок”.

Зооморфные черты предмета напоминают детали некоторых скипетров энеолитической эпохи, имеющих такое же “курносое”¹ оформление головы.

¹ Образное понятие “курносый” нос в описании скипетров ранее удачно, на наш взгляд, применил А.Д. Резепкин (2002).

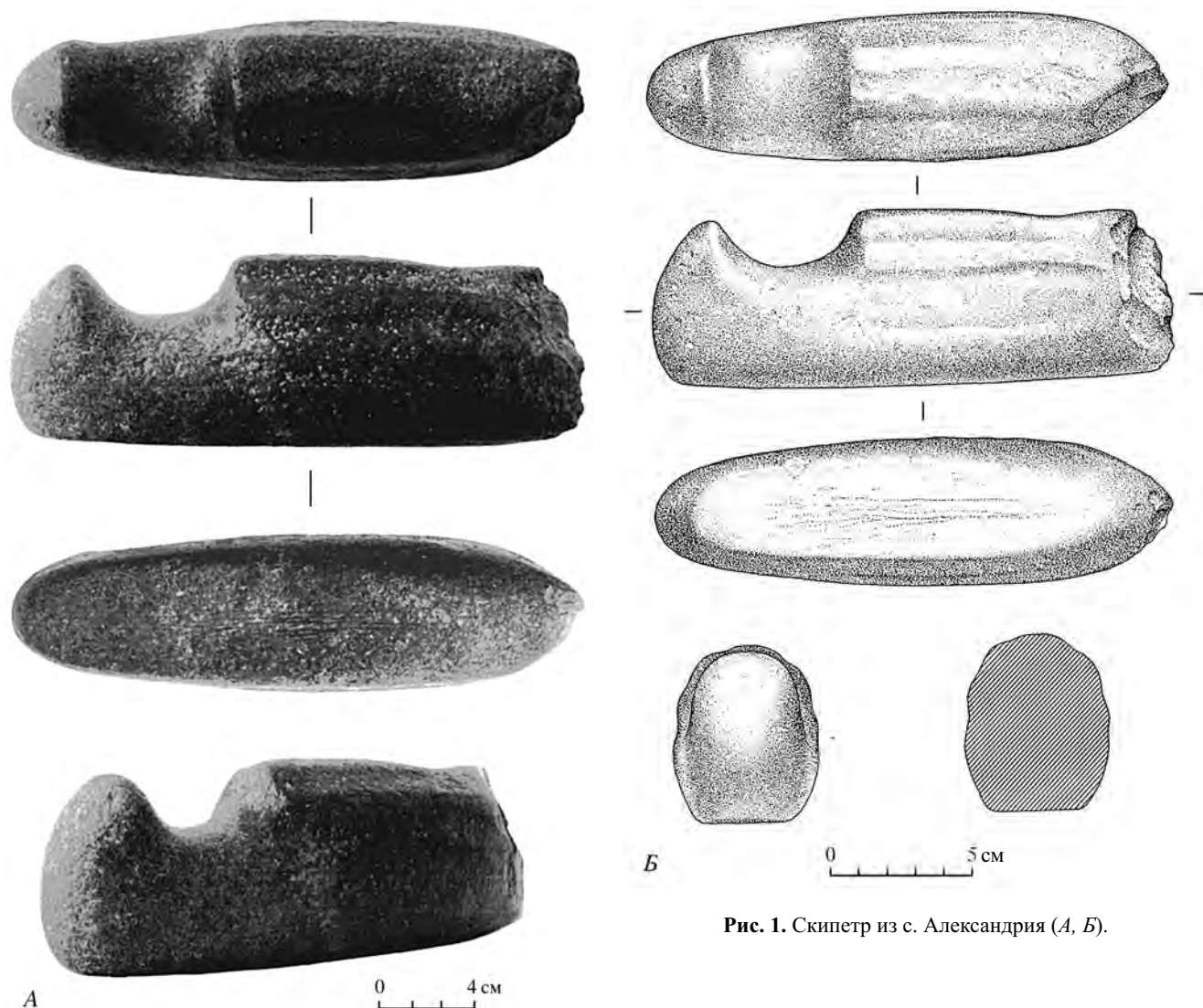

Рис. 1. Скипетр из с. Александрия (А, Б).

Находящаяся позади “морды” скульптуры часть предмета может восприниматься как “тулово”. При рассмотрении в профиль хорошо заметно, что передняя часть спинки изделия немного опускается вниз, образуя ложбинку. Такой контур присущ профилю зверя, обладающего невысокой холкой и гривой. Обе боковые стороны содержат по три параллельные врезанные линии. Их длина от 7 до 9 см, ширина до 1 см. Они выделяют верхнюю часть фигуры – “гриву”.

При рассмотрении предмета сверху хорошо заметны его овальные очертания и сужение к “пятачку”, раздутые бока с сужением к окончанию фигуры. Изделие тщательно заглажено. Острые переходы скруглены как дань специфической традиции. Нет сомнения, что перед нами сложная фигура, имеющая аналогии среди зооморфных и абстрактных скипетров энеолитической эпохи.

Место находки из Александрии в ряду известных предметов рассматриваемой категории требует особого пояснения. Для его иллюстрации отметим сначала общую ситуацию с типологией каменных скипетров. Так, согласно классификационным схемам Б. Говедарицы и Э. Кайзер (Govedariča, Kaizer, 1996), типологии В.А. Дергачева (2005. С. 52–60) с некоторыми уточнениями одного из авторов этих строк (Корневский, 2008. С. 146, 147), каменные скипетры делятся на абстрактные и зооморфные навершия. Среди зооморфных предметов В.А. Дергачевым выделены варианты: I – примитивная форма, II – простая зооморфная форма, III – сложная зооморфно-натуралистическая форма. Абстрактные скипетры разделены также на три варианта: I – простейший (хвалынский абстрактный тип), II – с канелюрами или желобами, но без валика-перекладки. Он включает подвариант IIА с канелюрами (тип Обыршень), подвариант IIВ – с

Рис. 2. Место находки скипетра.

желобами (тип Вэлень). Далее следует вариант III – с U-образным кантом и перекладиной (архаринский тип по В.А. Дергачеву).

Всего, по данным В.А. Дергачева с нашим незначительным дополнением, сейчас известно около 35 находок каменных скипетров, распространенных от Самарской Луки до Владикавказа, Болгарии и Румынии включительно. Специалисты давно наметили два основных района находок скипетров. Первый район – восточный. Он связан со степным Поволжьем, Волго-Донским междуречьем, Доном и Предкавказьем. Второй район охватывает среднее и нижнее течение Дуная (Болгарию, Румынию), прилегающую к нему территорию современной Молдовы. Зона Днепро-Донского междуречья, Крыма находками скипетров насыщена мало. В целом собрание рассматриваемых предметов представляет собой не очень большую серию для статистических наблюдений. Для уточнения места находки из Александрии в типологии этих каменных изделий обратимся еще раз к их общим признакам. Начнем с описания их форм.

Все скипетры-навершия имеют переднюю (головную) часть и тыльную (обушную) с выступом. Головная часть специально отделялась и ornamentировалась древними мастерами. Обушная

часть, как правило, не полировалась, и на ней отмечен точечный пикетаж.

Многие типы скипетров отражают достаточно жесткий канон признаков в их производстве, несмотря на географическое место находки. Так, зооморфные предметы объединяют изделия с передней частью, изображающей некий условно реалистический “курносый” профиль животного или в одном случае натуралистическое изображение эквиды (Суворово). Обушная часть часто напоминает пестообразный стержень или просто сужение камня к окончанию. Сверху выделяется выступ-шип. Полагают, что его продевали в отверстие муфты и так крепили каменную вставку в рукоять (Govedariča, Kaizer, 1996). Для описания деталей форм этих предметов на тыльной части скипетра, за “головой” можно выделить передний отдел “а”, занимающий место от окончания головы до выступа-шипа, и задний отдел “b” – от выступа до самого окончания скипетра.

Далее предлагаем несколько модернизированную типологию скипетров с учетом особенностей форм ставропольской находки.

Класс 1. Зооморфные скипетры. Группа 1. Зооморфные “курносые” предметы, “без рта” (т.е. “рот” не выделен). Изображение головы животного дается

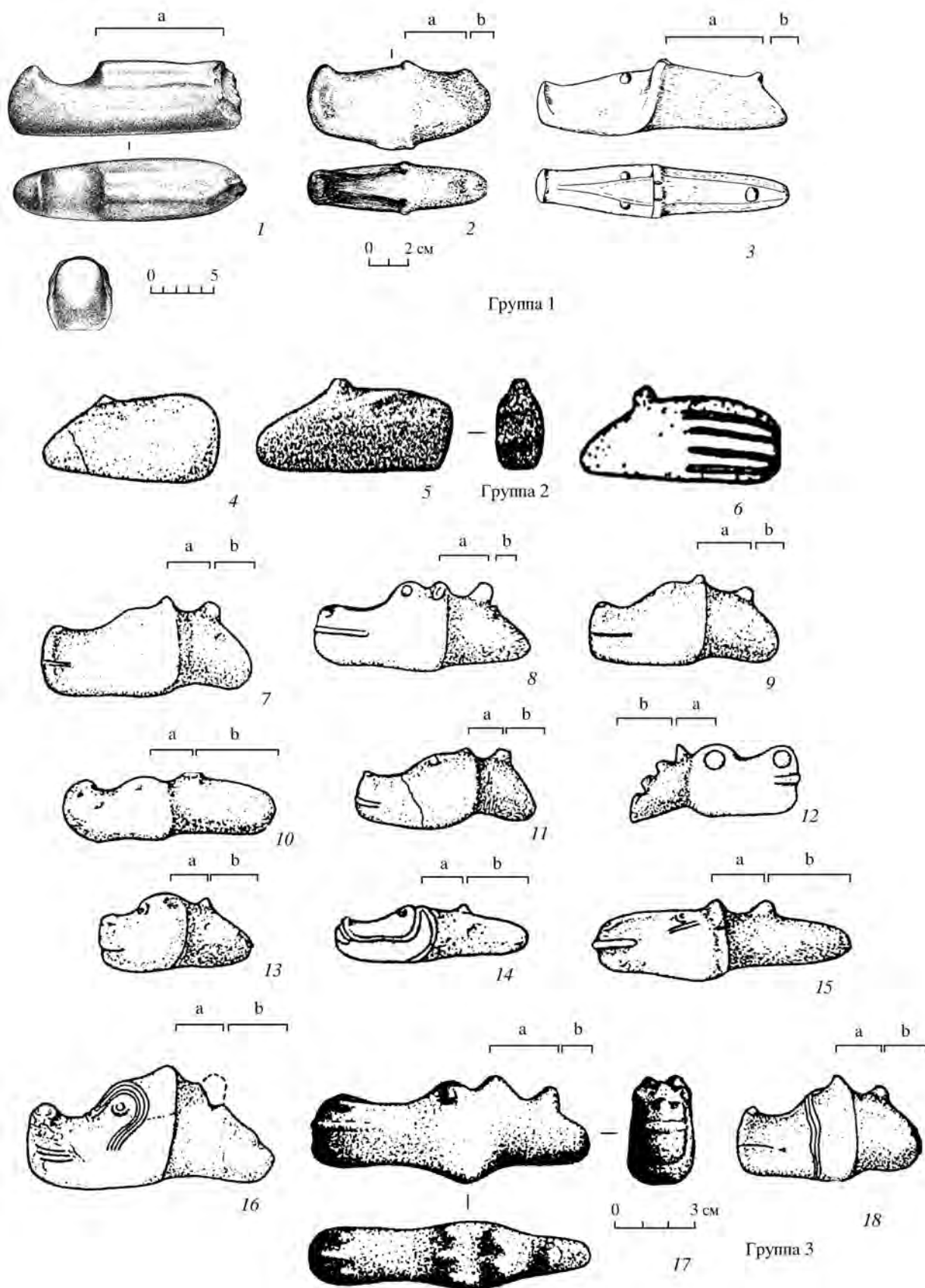

Рис. 3. Типология зооморфных скипетров. 1 – Александрия; 2 – Хлопковский могильник, кв. 24; 3 – Кокберек; 4 – Хвалынский могильник, погр. 108; 5 – Хвалынский могильник II; 6 – Майкоп; 7 – Драма; 8 – Терекли-Мектеб; 9 – Режево; 10 – Фитионешть; 11 – Феделешень; 12 – Кайраклия; 13 – Винцул де Жос; 14 – Суводол; 15 – Суворово; 16 – Касимча; 17 – Золотоноша; 18 – Сэлькуца.

частично, показывается лишь поднятый вверх нос, иногда глаза (рис. 3, 1–3). Группа включает три находки: Хлопковский могильник (рис. 3, 2), Кокберек (рис. 3, 3), Александрия (рис. 3, 1). Показательно, что передний отдел выступа “а” у этих предметов значительно превосходит задний отдел “б”, примерно в 3 раза. Низ изделий сделан так, как будто он предполагал постановку тяжелого предмета на брюшко.

В культурном отношении скипетры группы 1 относятся к хвалынской энеолитической культуре Поволжья. Дата могильника со скипетрами “Хлопково городище” – 6160 ± 70 BP 5256–4964 BC и 6090 ± 70 BP 5196–4855 BC (Малов, 2008. С. 61). Эти даты соответствуют датам Нальчикского могильника в Предкавказье (GrA-24442 5910 ± 45 BP 4840 – 4820 BC) и древнее дат Триполья VI (Бурдо, 2001; Вیدهико, 2003; 2004), нижний предел которых связан с 47–46 вв. до н.э.

Группа 2. Зооморфные скипетры примитивные, “без рта”, “не курносого” окончания абстрактной формы. Группа включает три изделия: два скипетра из хвалынских могильников (рис. 3, 4, 5) и случайную находку близ Майкопа (рис. 3, 6). Даты поволжских находок в целом охватывают первую половину V тыс. до н.э. (Агапов и др., 1990). Они соответствуют финалу Триполья А и Триполью VI.

Культурную принадлежность случайных находок из Александрии и Майкопа установить точно не удастся. Можно лишь отметить их общую принадлежность к эпохе местного энеолита. Скорей всего такие предметы были вещами населения так называемого протоямного культурного типа или местного восточноевропейского энеолита.

Группа 3. Зооморфные скипетры усложненной формы с передачей пасти животного. Признаки этого канона более разнообразны, чем признаки первого. Так, при передаче деталей морды животного обязательно изображается пасть, эпизодически – глаза, надбровные дуги, ноздри, уши, детали опушки морды (Суводол, Салькуца), загривок. Передний отдел обуха у них то меньше заднего отдела выступа, то равен ему, то незначительно длиннее. Сечение фигуры показывает, что ее тоже можно было класть на брюшко (рис. 3, 17) (Золотоноша). Ареал этих скипетров в основном связан с западным регионом (Подунавье, Молдова). Культурная принадлежность находок такова. С памятниками степной “протоямной культуры” связаны находки Суворово (рис. 3, 15), Касимча (рис. 3, 16). С культурой Кукутени А–Триполье VI соотносятся находки Фитионешть (рис. 3, 10), Феделешень (рис. 3, 11). Находки вне комплексов: Винцул де Жос (рис. 3, 13), Драма (рис. 3, 7), Кайраклия (рис. 3, 12), Режево (рис. 3, 9), Терекли-Мектеб (рис. 3, 8).

Класс 2. Скипетры абстрактные с сигаровидным уплощенным корпусом. Группа 4. Скипетры с канелюрами. Типы скипетров с канелюрами и желобчатые скипетры пока известны в небольшом количестве. В целом очертания передней, лицевой части изделия у них напоминает симметрично расширяющийся к скругленному окончанию плоский овал. В этом овале ничего не напоминает голову животного, или по крайней мере ее передача крайне абстрактна. Навершие с канелюрами имеют огранку восемью плоскостями. При этом нижняя сторона вещи плоская. На нее возможно ставить предмет. Учтено три экземпляра: Бырлэлешть (рис. 4, 1), Обыршень 1 (рис. 4, 2), случайная находка у Ростова-на-Дону (рис. 4, 3). Культурная принадлежность двух предметов (Бырлэлешть, Обыршень 1) связана с культурой Кукутени А–Триполье VI (Дергачев, 2005).

Группа 5. Скипетры с желобами и обводами линий. Желобчатые сигаровидные скипетры в основном известны во фрагментах. По ним можно судить, что желоба помещались на лицевой передней части, которая представляет собой уплощенную овальную фигуру. Учтены шесть предметов: Константиновское поселение (рис. 4, 8), Березовская ГЭС (рис. 4, 4), Жора де Суз (рис. 4, 5), Вэлень (рис. 4, 7), Ружиноаса (рис. 4, 9), Ясенева Поляна (рис. 4, 6).

С культурой Кукутени А–Триполье VI связаны находки Жора де Суз, Ружиноаса, Березовская ГЭС. С культурой накольчатой жемчужной керамики связана одна находка из поселения Ясенева Поляна.

Группа 6. Скипетры с U-образным орнаментом на плоском тулове с перекладиной (группа III), так называемый архаринский вариант по В.А. Дергачеву. Учтены восемь предметов: Хлопковский могильник, погр. 21 (рис. 4, 11), Самара (рис. 4, 12), Шляховский, кург. 1, погр. 3 (рис. 4, 13), Архара, кург. 27, погр. 1 (рис. 4, 14), Владикавказ (Орджоникидзе) (рис. 4, 16), Обыршень 2 (рис. 4, 10), Могошешть (рис. 4, 15), Джангр (Улан Толга), кург. 1, погр. 3 (рис. 4, 17). Культурная принадлежность рассматриваемых находок такова. Культура Кукутени А–Триполье VI: Могошешть, Обыршень 2. Хвалынская культура: Хлопково городище, могильник. Протоямная культура: Архара, кург. 27, погр. 1 (Синицын, Эрдниев, 1966), Шляховский, кург. 1, погр. 3 (Клепиков, 1994), Джангр (Улан Толга), кург. 1, погр. 3 (Шилов, 1987).

В литературе твердо укрепились мнение, что рассматриваемые каменные скипетры являются навершиями – вставками для жезлов. Их обушная часть убиралась в полую цилиндрическую муфту. Выступающий шип вставлялся в отверстие на верхней стенке муфты, которая в свою очередь крепилась

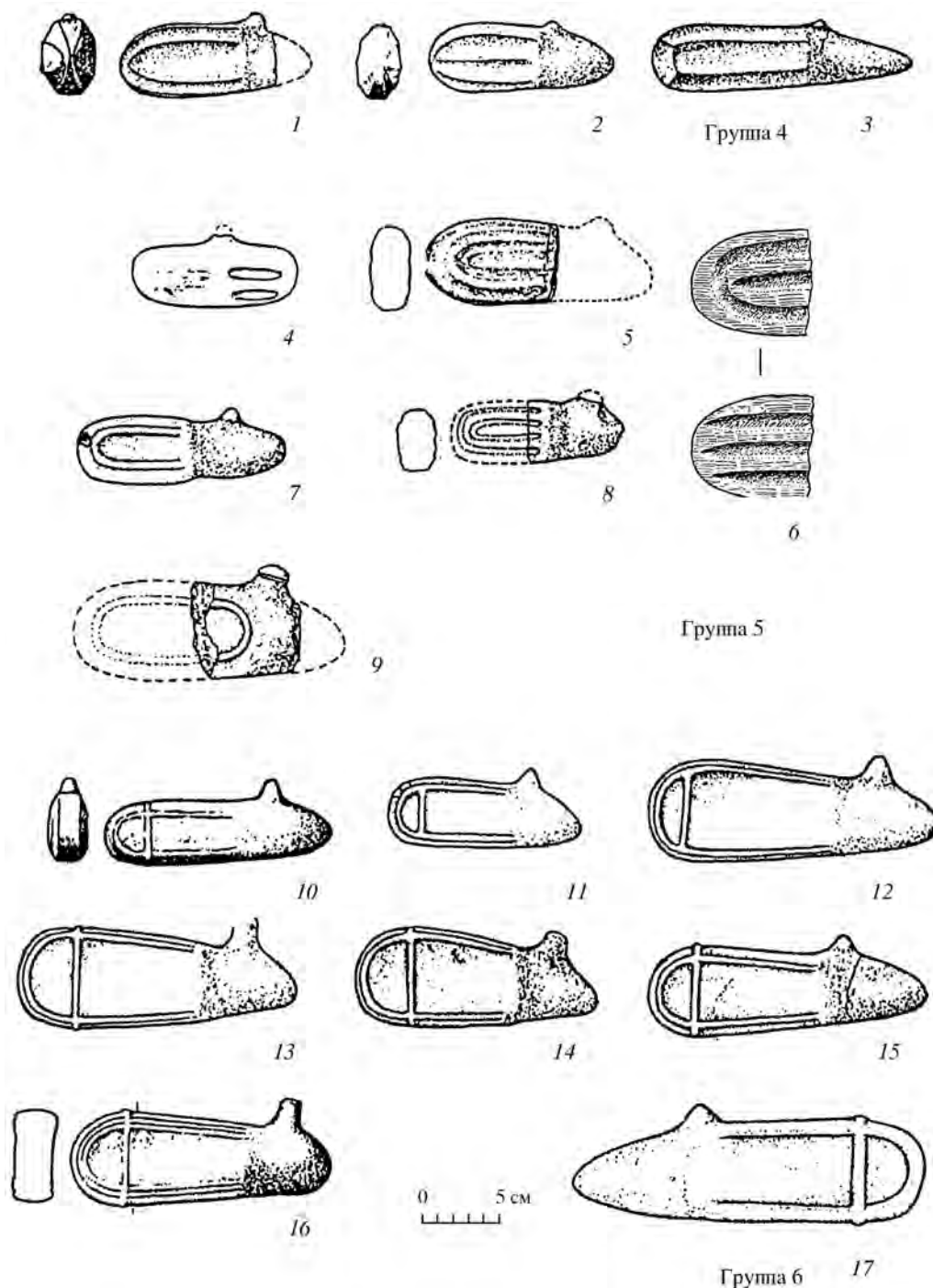

Рис. 4. Абстрактные скипетры. 1 – Бырлэшеть; 2 – Обыршень 1; 3 – Ростов-на-Дону; 4 – Березовская ГЭС; 5 – Жора де Суз; 6 – Ясенева Поляна; 7 – Вэльень; 8 – Константиновское поселение; 9 – Ружиноаса; 10 – Обыршень 2; 11 – Хлопковский могильник, погр. 21; 12 – Самара; 13 – Шляховский, кург. 1, погр. 3; 14 – Архара, кург. 27, погр. 1; 15 – Могошешть; 16 – Владикавказ (Орджоникидзе); 17 – Джангр (Улан Толга), кург. 1, погр. 3.

на рукоять. В итоге получался жезл. Анализ публикуемой находки из Александрии позволяет предположить, что этот предмет прежде всего ставился на плоское брюшко. Его, конечно, могли вставлять в муфту тыльной частью. Косвенным признаком та-

кой вероятности служит пикетаж на спинке изделия у края слома обуха.

Выявленная возможность постановки изделия на брюшко не уникальна. Такими свойствами плоско-го основания обладает находка из Хвалынского мо-

гильника (рис. 3, 5). Плоская нижняя поверхность есть у некоторых скипетров разных типов (рис. 3, 17; 4, 1, 2, 5, 6, 8, 10, 16). Поэтому можно полагать, что каменные навершия-скипетры могли использоваться, будучи поставленными на основание. Но в таком случае их надо было вынуть из муфты. Если такое предположение верно, тогда нам становится совершенно понятным и наличие выступа-шипа на черенковой части изделия, который играл роль стопора для вставки. Именно с его помощью можно было временно прикрепить изделие к рукояти, а затем при необходимости вынуть. Если бы скипетр-вставку хотели закрепить в муфте намертво, такой шип вряд ли понадобился.

Обушная часть предмета явно имела особое значение. Она отделялась по-иному, чем фас изделия, не полировалась. Н.М. Малов отметил, что обушные части скипетров из Хлопковского могильника были “забиты” или “пикетировались” как песты или отбойники. Это позволило Н.М. Малову поставить вопрос об утилитарных функциях скипетров (2008. С. 93). Безусловно, неорнаментированная часть скипетров наводит на разные размышления по поводу ее интерпретации. Но использовалась ли она как пест в ритуальных целях? Если да, то в таком случае само фигурное навершие было бы крайне неудобным в качестве рукоятки из-за неудобства хвата его рукой.

Отсутствие полировки на обушном выступе можно объяснить тем, что эта часть вставлялась в муфту и не нуждалась в особой отделке. Но и здесь не все просто. Дело в том, что в погребальных комплексах именно обушная, необработанная часть абстрактных и зооморфных скипетров натиралась охрой, а не фронтальная лицевая. Таковы примеры находок скипетров в погребениях из Суворово (Govedariča, Kaizer, 1996. S. 96. Abb. 21, 2), курганов у хут. Шляховского (Клепиков, 1994), Джангра (Шилов, 1987).

Если навершие-скипетр было вставлено в рукоять, то когда и как такое натирание можно было сделать? Чтобы покрыть эту часть предмета охрой, оружие не должно было быть в муфте или его нужно было из нее вынуть. Последнее действие с предметом в свете приведенных выше рассуждений может быть вполне вероятным. Ведь они были рассчитаны на использование как вставки в муфту, так и без нее.

Как видим, ответы на все эти вопросы пока неоднозначны. Наша версия – лишь плод логических рассуждений. Подтвердятся ли они, покажет время.

Вводимый в научный оборот “утюжок” из Александрии обладает чертами примитивных зооморф-

ных скипетров групп 1 и 2 (“курносостью” морды), а также желобами – деталями сигаровидных скипетров группы 4. В таком случае можно думать, что желоба тоже могли быть неким признаком зверя. Следовательно, желобчатый абстрактный скипетр мог включать в себя идею того же самого зооморфного образа, только передаваемого иным условным кодом.

Поиск прототипов зверей, на основании которых вырезались каменные скипетры групп 1 и 3, вызывает много споров. Широко распространена версия, что это были стилизованные головы лошадей (Даниленко, Шмаглий, 1972; Телегин, 2000; Дергачев, 2000; 2005). По иным точкам зрения, “курносые предметы” передавали черты головы кабана (Иессен, 1952; Новичихин, Трифонов, 2006), морды мифического существа (Govedariča, Kaizer, 1996) или морды кабана и мифического дракона с отдельными чертами головы кабана (Кореневский, 2006. С. 5, 6; 2008). В пользу последней версии свидетельствуют следующие обстоятельства. Реалистическое изображение эквида (Суворово) одиноко. Связано ли оно с изображением лошади домашней, а не объекта охоты, совершенно неясно. Но его образ резко отличается от всех прочих зооморфных наверший. К решению проблемы раннего коневодства оно не имеет никакого отношения. Подавляющее большинство наверший скипетров передает голову курносого зверя. Голова лошади не обладает курносой профилем. Такая канонизированная “курносость” может быть интерпретирована как стилизация морды кабана или, как было отмечено выше, некоего волшебного зверя – монстра с кабаноподобной головой. Реально такой волшебный зверь изображен на зооморфном топоре из Корнэцел (Кореневский, 2008. Рис. 9).

Какого зверя изображают предметы группы 2, имеющие очевидную асимметрию фигуры с выделенным верхом и плоским низом, мало понятно. У нас нет никаких данных, чтобы рассматривать эти фигурки как головы лошадей. В равной мере это может быть общий контур фигуры кабана, но в такой интерпретации есть большая доля воображения.

Другие абстрактные навершия группы 6, у которых корпус симметрично расширяется от тыльной части к передней, сложно связать с каким-либо животным. Версия об изображении узды на них не имеет подтверждения в реалистическом образе.

На основании форм каменных скипетров эпохи энеолита можно сделать вывод, что первобытное искусство стремилось к натурализации форм, но большей частью было склонно к канонизации стилизованного образа зверя, а не реальной природы. Наряду со стилизацией была развита абстракция

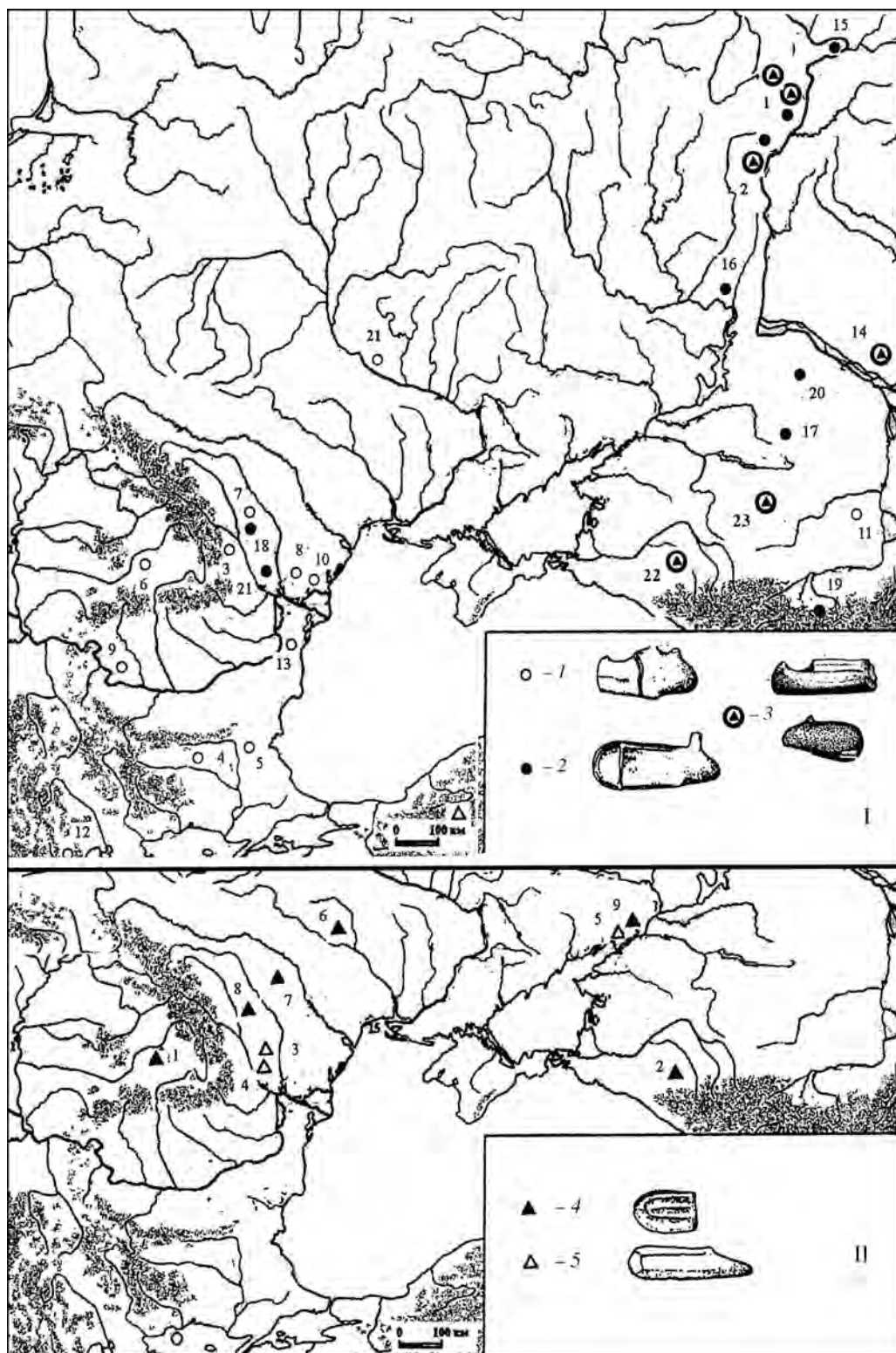

Рис. 5. Карта находок скипетров. I: 1 – Хвалынский могильник; 2 – Хлопковский могильник; 3 – Фитионешть; 4 – Режево; 5 – Драма; 6 – Винцу де Жос; 7 – Ружиноаса; 8 – Кайраклия; 9 – Сэлькуца; 10 – Суворово; 11 – Терекли-Мектеб; 12 – Хлопковский могильник; 13 – Касимча; 14 – Кокбек; 15 – Самара; 16 – Шляховский; 17 – Архара; 18 – Могошешть; 19 – Владикавказ (Орджоникидзе); 20 – Джангр (Улан Толга); 21 – Обыршень; 22 – Майкоп; 23 – Александрия; II: 1 – Вэлень; 2 – Ясенева Поляна; 3 – Бырлэлешть; 4 – Обыршень; 5 – Ростов-на-Дону; 6 – Березовская ГЭС; 7 – Жора де Суз; 8 – Феделешень; 9 – Константиновское поселение. Условные обозначения: 1 – группа 3; 2 – группа 4; 3 – группы 1, 2; 4 – группа 5; 5 – группа 4; 6 – группа 6.

образа, превращавшая его в знак – вещественную пиктограмму. Навершие из Александрии как раз и отражает половинчатый стиль примитивного скупого зооморфизма с чертами кодового абстрактного геометризма. Последний стиль был чрезвычайно развит в первобытном оформлении образа и воплощался в многочисленных орнаментах (из треугольников, точек, плетенок и т.д.), покрывавших одежду, вещи, тело человека.

Ареал выделенных групп скипетров показывает разные центры скопления вещей (рис. 5). Рассмотрим сначала наиболее устоявшиеся по количеству находок типы. Примитивные зооморфные скипетры групп 1 и 2 связаны только с Поволжьем, Ставрополем, Адыгеей. Группа 3 (образное название – тип Касимча) зооморфных сложных скипетров локализована главным образом на западе. На востоке его находки единичны. Тип 6 (архаринский) связан с восточным районом распространения скипетров. На западе он представлен слабо.

По такому географическому распределению находок получается, что о миграции восточноевропейского населения на запад на основании скипетров групп 1 и 2 вообще говорить нельзя. Скорее речь пойдет о миграциях с севера на юг. Группа 3 зооморфных скипетров типа Касимча иллюстрирует большее распространение этих вещей именно на западе у племен с погребальными обрядами, включающими охру, и на памятниках культуры Кукутени А–Триполье VI. Что это? Свидетельство того, что зооморфные скипетры более имели хождение на территории Подунавья и попадали оттуда на восток? А на самом деле зооморфный образ вызрел в круге степных племен Восточной Европы и оттуда попал на запад? Все эти вопросы пока остаются открытыми.

Скипетры архаринского типа отражают похожую, но обратную картину. Они в основном локализованы в восточном районе ареала. На их основании можно предполагать дисперсию типа с востока на запад. И даты Хлопковского могильника очень древние, даже более ранние, чем Триполье VI. Скипетры с канелюрами иллюстрируют наибольшую связь с памятниками культуры Кукутени А–Триполье VI, чем с восточноевропейскими племенами с ямной традицией обрядов с охрой (рис. 5).

Группа 5 желобчатых скипетров сейчас выглядит очень аморфно и представлена в основном изделиями в обломках. Важен сам факт ее существования как показатель типа, внутри которого сохранялись части традиций оформления скипетров группы 6. Ее ареал связан с племенами культуры Кукутени А–Триполье VI и культуры накольчатой жемчужной керамики Предкавказья. Две послед-

ние группы наверший скипетров тоже не говорят о каких-либо миграциях племен с востока на запад, но свидетельствуют об общих идеях форм подобных предметов племен Восточной Европы и Западного Предкавказья.

Таким образом, идея миграции племен с востока на запад может быть иллюстрирована лишь по формам скипетров архаринского типа, представленного памятниками хвалынской культуры и протоямного населения. Другие предметы свидетельствуют о самостоятельном развитии зооморфных форм на востоке (группы 1, 2), об их доминантном распространении в более совершенном виде на западе (группа 3), а также дисперсии скипетров групп 4, 5 как на востоке, так и на западе их общего ареала.

В целом публикуемая находка энеолитического “утюжка”-навершия из Ставрополя, как видим, дает повод для разнообразных рассуждений на тему искусства и верований племен энеолита юга Восточной Европы.

Авторы выражают благодарность руководству музея за разрешение публикации рассматриваемой вещи.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 09-01-00046а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник. Куйбышев, 1990.
- Бурдо Н.Б. Ранний этап формирования древнеземледельческого общества между Днестром и Днепром (Триполье А) // *Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. Przed Chr. Poznań*, 2001.
- Відейко М.Ю. Нова хронологія куктені – трипілья // *Трипільська цивілізація у спадщині України*. Київ, 2003.
- Відейко М.Ю. Абсолютне датування трипільської культури // *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Т. 1. Київ, 2004.
- Даниленко В.М., Шмаглій М.М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // *Археологія*. 1972. № 6.
- Дергачев В.А. Два этюда в защиту миграционной концепции // *Рождение Европы*. Chişinău, 2000 (STRATUM plus; № 2).
- Дергачев В.А. О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции // *Revista arheologică. Ser. nouă*. V. I. № 2. Chişinău, 2005.
- Иессен А.А. К вопросу о древних связях Кавказа с Западом // *КСИИМК*. 1952. № 46.

- Клепиков В.М.* Погребения позднеэнеолитического времени у хут. Шляховский в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3.
- Корневский С.Н.* На долгом пути к государственности. Преполитарная модель этнологии и археология // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). М., 2006.
- Корневский С.Н.* Символика атрибутов духовной власти эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья – каменных зооморфных скипетров // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.
- Манзура И.В.* Владеющие скипетрами // STRATUM plus. № 2. Кишинев, 2000.
- Новичихин А.М., Трифонов В.А.* Зооморфное навершие из Анапского музея // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (26). Новосибирск, 2006.
- Резепкин А.Д.* К вопросу об эволюции энеолитических скипетров // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Тирасполь, 2002.
- Синицын И.В., Эрдниева У.Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Элиста, 1966 (Тр. КРКМ; Вып. 2).
- Телегин Д.Я.* К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной Европы // РА. 2000. № 3.
- Шилов В.П.* Древние скотоводы Калмыцкой степи. М., 1987 // Архив отдела бронзового века ИА РАН (рукопись монографии).
- Gimbutas M.* Civilization of the Goddess. San Francisco, 1991.
- Govedariča B., Kaizer E.* Die äneolithischen abstracten und zoomorphen Steinzepter Sudost – und Osteuropas // Eurasia Antiqua. Bd. 2. Mainz am Rhein, 1996.

КУЛЬТОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ШАЙТАНСКОМ ОЗЕРЕ ПОД ЕКАТЕРИНБУРГОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2008 г.)

© 2010 г. О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов

Уральский государственный университет, Екатеринбург (Olga.Korochkova@usu.ru)

Ключевые слова: *культовый памятник, бронзовый век, Урал.*

The article publishes the results of the recent excavations at the site of Shaitanskoye Ozero II in the Kirovgrad region of Sverdlovsk oblast¹. Koptyakovo-type pottery, stone artifacts, and a fragment of a crucible holding a drop of copper have been found in the crevices and lows between boulders, at the level of the ancient surface. Prestigious items, i.e. metal artifacts and weapons (a spearhead, a socketed chisel, daggers, kelts and knives), stone arrowheads and workpieces for them have been found buried in the soil. The small hollows that contained the artifacts are located in the spaces that hold no large stones; after the hollow had been dug, the bronze and copper items were deposited there, sometimes in a vertical position. Most of the hollows contained two buried items, findings of single or several items are less frequent. The functioning of the site was connected with the cult practices of the Koptyakovo culture population (first half of the 2nd millennium BC) in the mountain and forest Trans-Urals, primarily of the metal-makers and smiths who inherited the traditions of Seima-Turbino metalworking on the other hand and the craftsmen of the Petrovka-Alakul nucleus on the other hand.

Шайтанское озеро, что находится в Кировградском районе Свердловской обл. (около 70 км к северу от областного центра), приобрело известность в среде специалистов в первую очередь благодаря исследованиям Ю.Б. Серикова и его нижнетагильских коллег. В ходе планомерных разведок и раскопочных работ, ведущихся здесь с 1996 г. (эпизодически – при участии екатеринбургских археологов), открыто и обследовано много древних стоянок, поселений, кладов, мастерских. Получены интереснейшие материалы практически по всем – от мезолита до средневековья – периодам. В немалой степени результаты исследования шайтаноозерских памятников способствовали разработке Ю.Б. Сериковым сюжетов, посвященных культовой характеристике артефактов, объектов, способам организации сакрального пространства, определению его символических границ (1999; 2004; 2007а, б). Об одном из таких культовых памятников пойдет речь в предлагаемой работе. Она носит информационный характер и вызвана исключительно желанием оперативно включить в научный оборот новые материалы, полученные в результате последних (2008 г.) раскопок.

Шайтанское озеро II представляет собой комплекс разновременных стоянок (мезолит–средневековье), приуроченных к одному из мысов западного берега водоема (рис. 1). Площадь распространения культурных остатков, по самым скромным оценкам,

превышает 3000 м². Особенно насыщены ими слои вблизи берегового вала. По мере удаления от него в глубину террасы культурный слой не прерывается, но количество находок в нем заметно сокращается. При этом изменяется соотношение разновременных материалов: если в восточной части территории памятника – около берегового вала – численно преобладают остатки раннего железного века, энеолита и эпохи бронзы, то на его западной окраине абсолютно доминируют (свыше 90%) находки, относящиеся к коптяковской культуре позднего бронзового века. Еще более впечатляет другой факт: если в прибрежном раскопе 2 (272 м²) найдено всего три бронзовых предмета (кинжал и два слитка), то с почти втрое меньшей площади “лесных” раскопов 3 и 4 (рис. 1) происходит более 130 единиц металлического инвентаря. Заметим, что наличие археологических объектов (построек, ям, кострищ и т.п.) и культурных остатков на данном участке побережья никоим образом не было выражено в рельефе поверхности. Отсутствовал и подъемный материал. Впрочем, эта черта – отсутствие каких-либо внешних, визуально фиксируемых признаков – присуща подавляющему большинству древних памятников горно-лесной части Зауралья.

Памятник Шайтанское озеро II исследовался в 2004–2005 гг. под руководством Ю.Б. Серикова (Нижнетагильская государственная социально-пе-

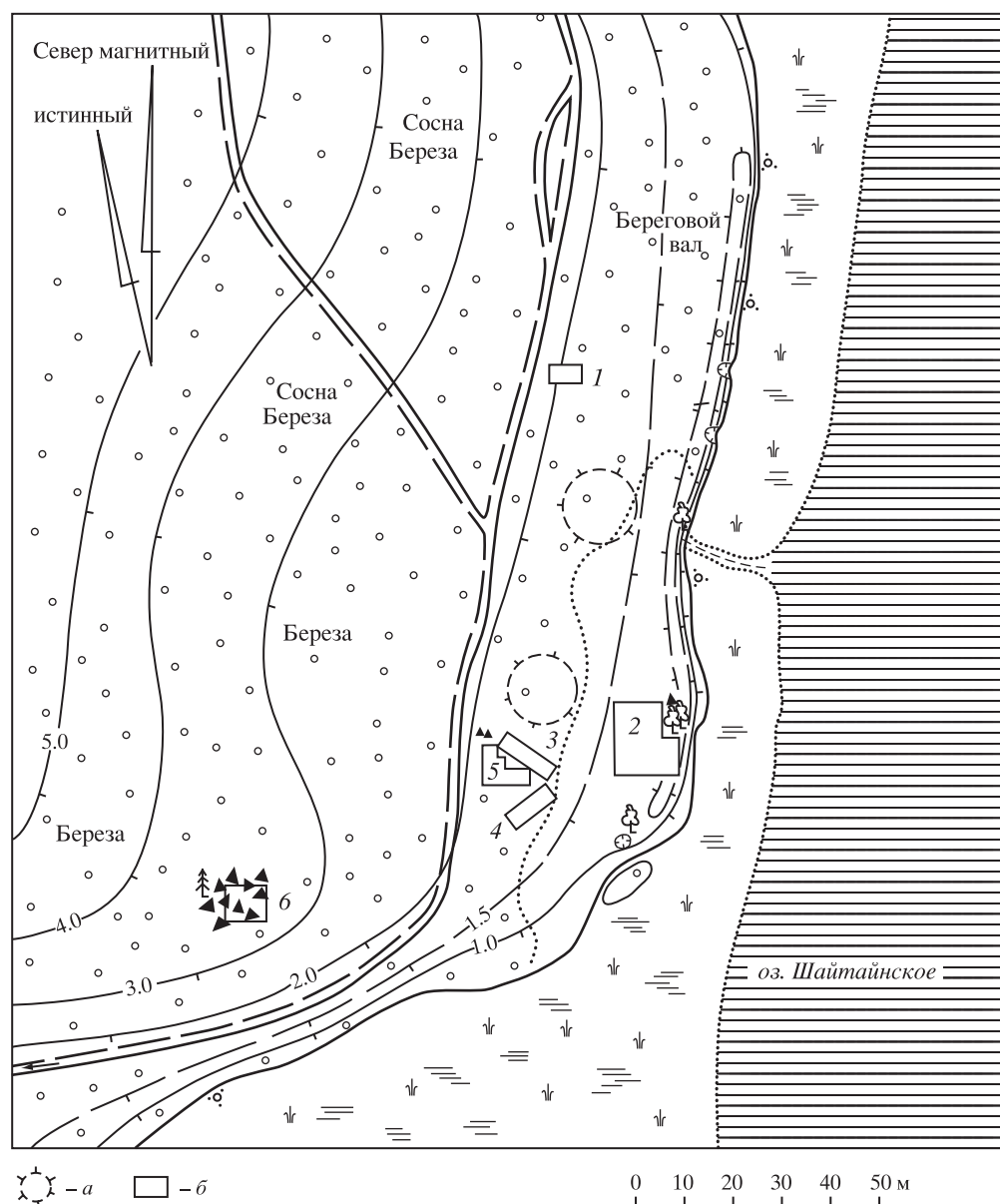

Рис. 1. Шайтанское озеро II. План памятника (сечение горизонталей 1 м). Условные обозначения: *а* – углежогные площадки; *б* – раскопы (1 – 1998 г.; 2 – 2004–2005; 3 – 2006; 4 – 2007; 5 – 2008; 6 – “Южный Шихан”).

дагогическая академия). По его предложению в 2008 г. раскопки уникального позднебронзового культового комплекса (Серигов и др., 2008; 2009) были продолжены авторами данной статьи. Для исследования был выбран участок между расположенными вблизи лесной дороги раскопами 3 и 4 (рис. 1; 2, А). Из-за отсутствия финансирования предпринятые работы носили ограниченный характер, удалось вскрыть всего 48 м². Поверхность площадки была хорошо задернована и полого понижалась в сторону озера. Единственным примечательным объектом, оказавшимся в раскопе 5, был подтреугольный ка-

мень, выступавший из земли на 0.45 м в кв. К/7 (рис. 2, Б).

Экскурс. Пристальный интерес широкого круга специалистов к данному памятнику отчасти обусловлен изобилием, разнообразием, замечательной сохранностью и необычайно высокой концентрацией инвентаря, прежде всего металлического, на небольшой площади. Тем не менее еще на стадии планирования полевых работ мы не ставили себе целью обнаружение как можно большего числа ярких бронзовых изделий и сопутствующих им артефактов. Хотя, признаемся, надеялись на это. Нас интересовали в первую очередь особенности

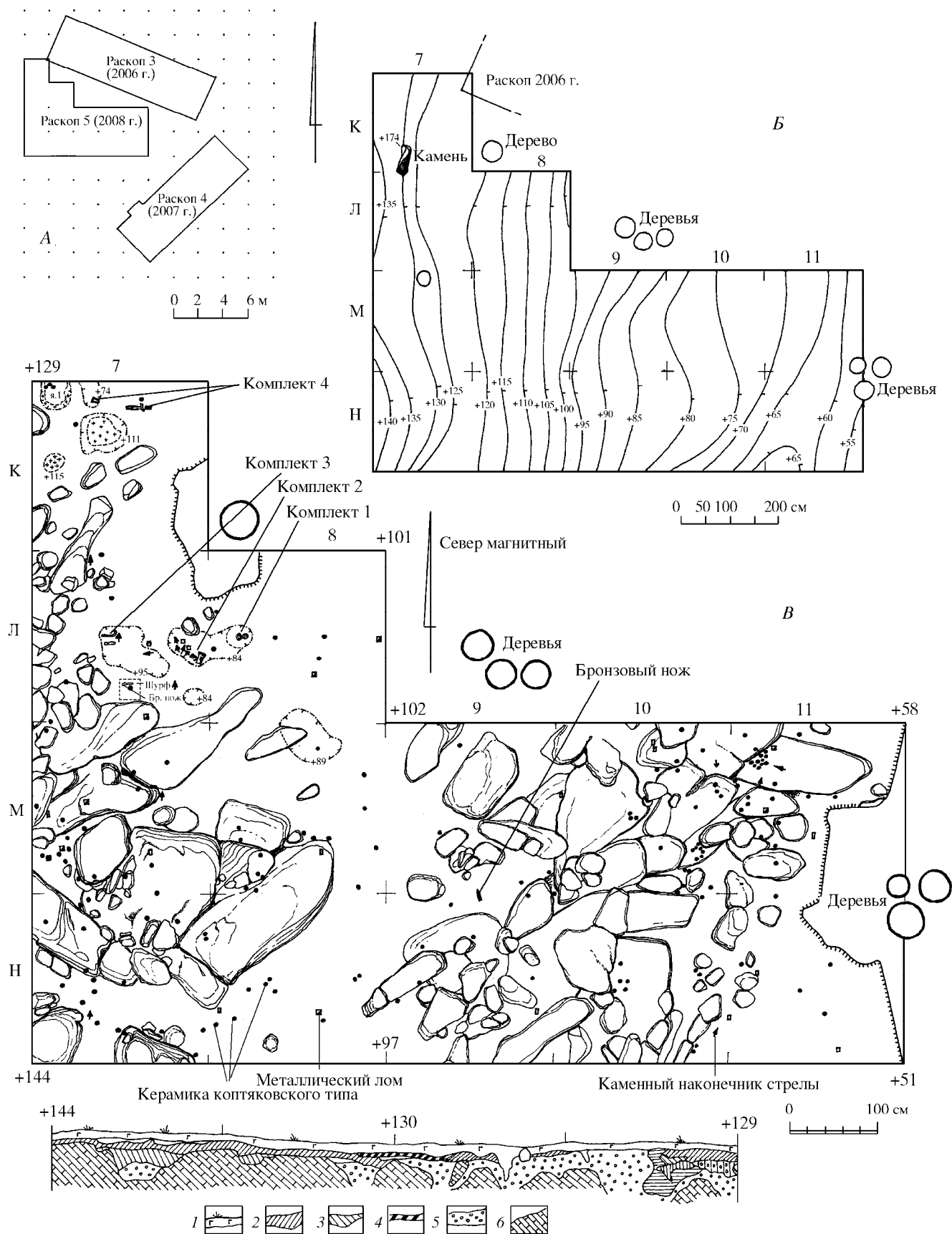

Рис. 2. Шайтанское озеро II. А – расположение раскопов; Б – рельеф поверхности раскопа 2008 г.; В – план раскопа, профиль западной стенки раскопа (условные обозначения: 1 – дерн, 2 – темно-желтый суглинок с углистыми включениями, 3 – суглинок кирпичного цвета, 4 – углистая прослойка (современная), 5 – дресва, 6 – гранитная глыба, валун).

культурного слоя и распределения вещественных остатков в нем, контексты находок, наличие или отсутствие каких-либо искусственных сооружений, ям и прочие детали, имеющие принципиальное значение для толкования памятника. Кроме того, не испытывая сомнений в необходимости продолжения его систематического изучения, мы полагали важным начать работу по сведению всех раскопов и шурфов в единую сетку. Забегая вперед, скажем, что полученные результаты нас не разочаровали.

На вскрытой площади обнаружено немногим менее 300 находок, т.е. значительно меньше, чем в соседних раскопах 3 (2390 ед.) и 4 (1181 ед.). Почти все они происходили из залегавшего под дерном слоя легкосуглинистой почвы темно-желтой окраски с мелкими углистыми включениями, мощностью от 5 до 45 см. В его основании в некоторых участках раскопа фиксировались прослойки и линзы суглинка, окрашенного в кирпичный и коричневые тона. Суглинистый грунт подстилал гранитные валуны, глыбы, обломочный материал и рыхлый дресвяник (продукт разрушения крупнозернистых гранитных пород). В ряде мест скальные породы и дресва выходили близко к поверхности. Можно предположить, что локальные углистые пятна, встречавшиеся в поддерновом слое, связаны с деятельностью углежогов, когда-то заготавливавших здесь древесный уголь для нужд медеплавильных или железоделательных заводов (среди находок к этому времени относятся топор и подкова). Ближайшая из углевыжигательных площадок находится всего в 8 м от раскопа (рис. 1). Допускаем, что тогда же с прилегающих участков мог быть срезан дерн.

В распределении находок замечены следующие особенности. Массовый материал – почти все обломки глиняной посуды и большая часть каменных предметов, а также мелкие обломки (лом) металлических изделий и остатки бронзолитейного производства (сплески, фрагмент тигля с медной каплей) – тяготеет к верхней половине суглинистого горизонта, приблизительно маркируя уровень древней поверхности культового памятника. Приуроченные к древней поверхности артефакты рассредоточены в пределах исследованной площади, образуя более или менее компактные скопления в расщелинах и понижениях между отдельными валунами (рис. 2, В). Остальные вещи – металлические изделия и оружие (12 ед. – заметим, все целые, пригодные для использования), каменные наконечники стрел и их заготовки – зарывали в землю. Для их сокрытия в местах, свободных от крупных камней, где рыхлый грунт достигал значительной мощности, вырывались небольшие углубления, внизу похожие на щели. На дно этих углублений укладывались или, иногда,

втыкались вертикально изделия из бронзы и меди: обычно по два, реже – поодиночке или в количестве более двух. Затем ямки присыпались землей, после чего в ряде случаев над “захороненными” вещами или чуть в стороне размещались наконечники стрел и другие предметы из камня. На завершающем этапе, вероятно, углубления окончательно засыпались землей или перекрывались кусками дерна и небольшими камнями. Вырытые в толще суглинка и заполненные им же такие микроуглубления почти не прослеживались на зачищенной поверхности, лишь иногда их “выдавал” сероватый или белесый оттенок в окраске заполняющего грунта. Самое крупное из них, в котором находились три пары металлических предметов (кв. Л/7, 8), имело длину около 1 м при ширине до 0.38 и глубине 0.2–0.25 м; не может быть и речи о захоронении в таких ямках человеческих останков. Кроме того, костный материал в местах соприкосновения с бронзой непременно сохранился бы. Добавим, что в раскопе вообще не было найдено ни одной сырой или кальцинированной косточки (исключение – рукоять кинжала).

В северо-западный угол кв. К/7 попал южный край ямы, врезанной в толщу рыхлого дресвяника на 0.15–0.17 м, заполненной темно-коричневым суглинком с угольками. В ней обнаружено несколько фрагментов керамики коптыковского типа. Другие ямы или какие-либо конструкции из камня, подобных оградке из раскопа 4, на исследованной площади не выявлены.

Коротко о составе металлокомплектов и сопутствующих вещах. **Комплект 1** включал наконечник копья и втульчатый чекан (рис. 3А, 1, 2), которые были вертикально воткнуты в грунт вплотную друг к другу втулками вверх. Край втулки чекана находился выше втулки копья на 2.5 см. В 60–70 см к западу от этого парного комплекта и выше на 2–3 см, располагалось компактное скопление каменных предметов, включавшее пять заготовок для бифасов из светло-серого кремня (рис. 3А, 6, 7) и четыре наконечника из серо-коричневого кремня, обработанные струйчатой ретушью (рис. 3А, 4, 5). Некоторые из них лежали на ребре. Чуть ниже, под каменными предметами обнаружены предметы **комплекта 2**: одноушковый орнаментированный кельт и кельт-тесло с несомкнутой втулкой (рис. 3А, 16, 18). Во втулках изделий сохранились остатки деревянных рукоятей. Одноушковый кельт лежал плашмя, лезвием на юг, а кельт-тесло располагался выше, под углом (втулка обращена вниз, лезвие на восток – в сторону озера). Предметы лежали в линзе, заполненной рыхлой почвой серо-коричневого цвета. Под одноушковым кельтом сохранились остатки древесного тлена. В 90 см к западу

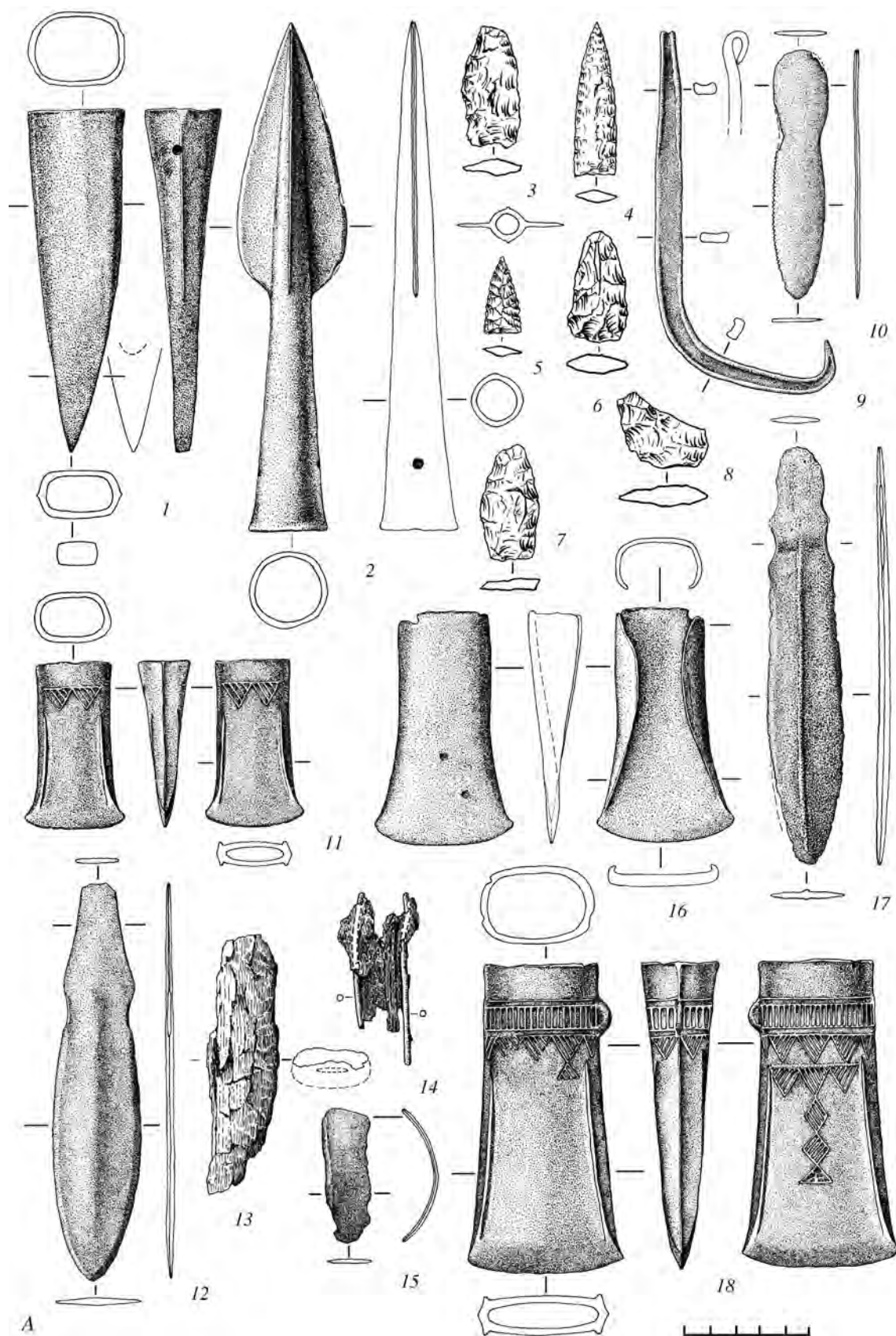

Рис. 3. Шайтанское озеро II. Инвентарь. А: 1, 2, 9–12, 15–18 – бронза; 3–8 – кремь; 13 – кость, 14 – бронза, дерево; Б: 1–3 – бронза; 4–18 – кремь; 19–31 – керамика коптяковского типа.

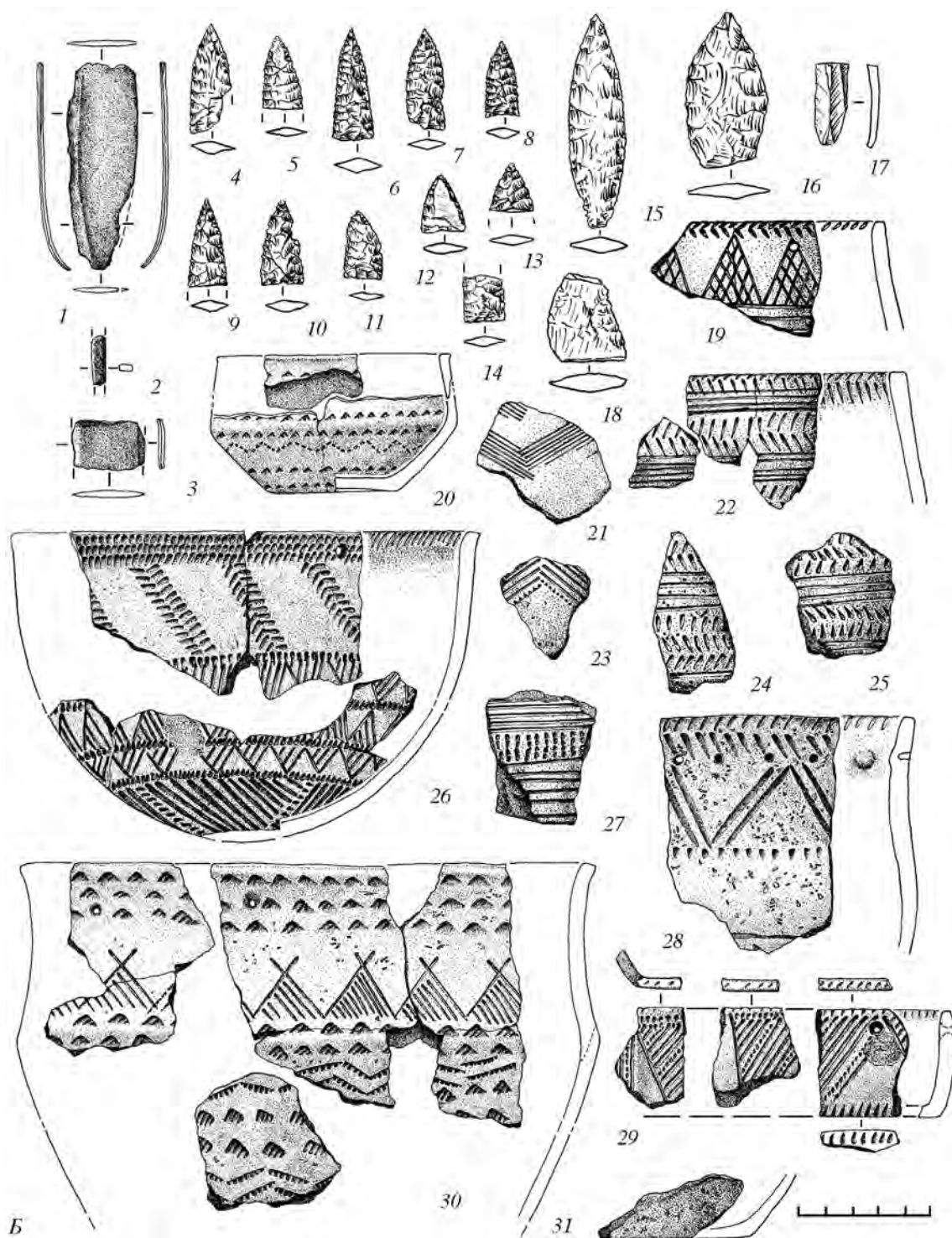

Рис. 3 (окончание).

от кельтов находился еще один парный **комплект 3**, из массивного крюка и изящного ножа-пилки (рис. 3А, 9, 10). Предметы лежали рядом в наклонном положении, их рабочие части были обращены в сторону озера (на восток). Недалеко от них находилась массивная кремневая заготовка бифаса.

Еще одно компактное скопление (**комплект 4**) металлических вещей, включавшее миниатюрный кельт, нож-кинжал, нож-скобель и набор из двух миниатюрных изделий, расчищено около северной стенки кв. К/7. В сравнении с находками из кв. Л/7, 8 найденные здесь предметы были зарыты

несколько глубже – до 0.4 м от древней поверхности. Миниатюрный кельт (рис. 3А, 11) лежал в 30 см к востоку от ямы 1 плашмя, лезвием на запад. На плоскостях изделия сохранились незначительные следы древесного тлена (остатки футляра?), а во втулке – остатки деревянной рукояти. В 30 см к востоку от кельта расчищен парный набор из кинжала и ножа-скобеля (рис. 3А, 12, 15). Кинжал лежал плашмя по линии 3–В, черенком к озеру. На клинке сохранились фрагменты берестяного футляра (ножен?), под черенком лежал нож-скобель. Кинжал вместе с остатками органики был взят монолитом и расчищен в лабораторных условиях. В результате выяснилось, что под ним сохранились остатки костяной рукояти (рис. 3А, 13). С восточной стороны от кинжала в непосредственной близости от него расчищены остатки деревянного футляра, в котором находились два бронзовых предмета (рис. 3А, 14), похожих на иглы.

Вне описанных локальных скоплений найдено только одно бронзовое орудие – пластинчатый нож (рис. 3Б, 1) в кв. М/9.

Предположительно около комплектов 2 и 3 ранее находился еще один целый бронзовый предмет – двулезвийный нож-кинжал с выделенной рукоятью (рис. 3А, 17). Он был извлечен из разведочного шурфа Ю.Б. Сериковым в 2007 г.

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА

Коллекция включает артефакты разных хронологических периодов – энеолита, бронзового и раннего железного веков. Ранний период представлен восемью мелкими обломками двух сосудов. Характерная “ложношнуровая” техника орнаментации позволяет отнести черепки к зауральской липчинской культуре III тыс. до н.э. Возможно, с этим же временем связана небольшая серия изделий из серо-зеленой породы – два отщепа и три пластины. Комплекс раннего железного века образуют 25 фрагментов, по крайней мере, от трех сосудов иткульской археологической культуры. Основным в коллекции является комплекс бронзового века, он включает металлические предметы, изделия из камня и керамику.

Металлокомплекс. В раскопе 5 обнаружено 19 предметов из бронзы, а с учетом ножа-кинжала из разведочного шурфа – 20. Из них 13 целых, остальные – обломки, мелкий лом и сплески. Пожалуй, самой яркой находкой стал наконечник копья (рис. 3А, 2), ранее на Шайтанском озере II они встречались в обломках и в виде модели. Длина изделия 206 мм, диаметр втулки 32, ширина пера 44. Наконечник литой, с относительно длинной округ-

лой в сечении втулкой, имеющей у основания два круглых отверстия для крепления к древку. Стержень пера оформлен продольной жилкой-нервюрой. Изделие относится к разряду КД-36 (здесь и далее разряды указываются по номенклатуре изделий: Черных, Кузьминых, 1989). Подобные наконечники копий обнаружены в погребениях позднепетровского – раннеалакульского типов в Южном Зауралье и Северном Казахстане (Черных, Кузьминых, 1989. С. 81). Одной из характерных находок шайтаноозерской серии является втульчатый чекан (рис. 3А, 1). Длина изделия 138 мм, размеры втулки 31 × 39. Оно литое, дополнительной ковке не подвергалось, втулка овально-прямоугольная, в 1.5 см от края втулки на одной из боковых поверхностей имеется круглое отверстие для крепления. Нижняя часть изделия – прямоугольного сечения, конец заострен. Аналогичные находки редки в материалах зауральских позднебронзовых памятников. Едва ли не полной копией чеканов, найденных на Шайтанском озере (за три года раскопок – три целых и один обломок), является бронзовое изделие с поселения Высокая Грива в лесостепном Приоболье (Потемкина, 1985. С. 128, 129). По поводу назначения подобных предметов имеются разные мнения – долота, тесла, втоки, клевцы. На наш взгляд, шайтаноозерские экземпляры использовались скорее всего как оружие ударного действия, крепившееся к рукояти так же, как кельты. По предложению С.В. Кузьминых, для подобных чеканов можно ввести номенклатуру ЧК-6.

Кельт (рис. 3А, 18) шестигранный с выпуклыми ребрами по краям фаски, с одним ложным ушком. Длина изделия 125, ширина лезвия 62 мм. Втулка овально-прямоугольная, размерами 45 × 32 мм. Кельт орнаментирован пояском “лесенкой” и свисающими от него на обе фаски равнобедренными треугольниками, сгруппированными в один ряд на одной стороне и в два ряда на другой. От вершины среднего треугольника нижнего ряда свисает вертикальная цепочка из двух ромбов и треугольника. Фигуры заштрихованы в разном направлении. Боковые грани также украшены треугольниками. В ранее учтенной серии одноушковых кельтов изделий подобного типа не было. По орнаментальному оформлению данный экземпляр близок кельтам разрядов К-46 и К-48, представляющим переходный тип от сейминско-турбинских к самусьско-кижировским образцам. Примечательно, что известные редкие находки подобного типа тяготеют к Уралу (Черных, Кузьминых, 1989. С. 152–154).

Другой кельт (рис. 3А, 11) безушковый, миниатюрный (длина 67 мм, максимальная ширина лезвия 41 мм), шестигранный в сечении, с хорошо

выраженными ребрами по краям фаски и оттянутым лезвием. Втулка овально-подпрямоугольная, размерами 30 × 21 мм. С двух сторон кельт декорирован парами равнобедренных треугольников, на боковых гранях орнамента нет (разряд К-14).

Оригинальным является кельт-тесло (рис. 3А, 16) с несомкнутой втулкой. Длина изделия 96, ширина лезвия 55 мм, втулка овально-подпрямоугольной формы размерами 37 × 21. Технологические приемы изготовления, на первый взгляд, более соответствуют стандартам евразийской металлообработки, в которой изделия с несомкнутой втулкой вполне типичны (Черных, 1976. Табл. II). В памятниках сейминско-турбинского типа подобные находки ранее не встречались.

Крюк (рис. 3А, 9) сделан из четырехгранного прута, по краям которого хорошо выражены рельефные валики. Длина изделия 146 мм. Верхняя часть имеет петлю, нижняя – заточенное острие без бородки. Крюк от известных экземпляров подобного рода из памятников синташтинской и алакульской культур отличается массивностью.

Нож-пилка (рис. 3А, 10) также относится к оригинальным находкам (разряд НК-18). Его длина 100, ширина клинка 21, ширина черенка 20 мм. Изделие грацильное, толщина полотна не превышает 2 мм. Нож имеет закругленный расширяющийся кверху черенок, черенок от лезвия отделен хорошо выраженным перехватом. Клинок плавно сужается книзу, наибольшее расширение приходится на его середину. Один край заточен, другой – представляет собой мелкую пилку с частыми зубцами.

Нож-кинжал (рис. 3А, 12) представляет типичное изделие, сделанное по евразийским стандартам (НК-16). Длина изделия 159, ширина 34–35 мм. Нож двулезвийный с сужающимся кверху черенком. Верхняя часть черенка разрушена. От широкого клинка черенок отделен выемками. Клинок оформлен продольным сглаженным ребром, наибольшее расширение приходится на его середину, режущие края сохранили следы заточки. Под клинком находилась костяная рукоять (рис. 3А, 13). Органический материал сохранился очень плохо и при высыхании рассыпался, но судя по структуре, рукоять была сделана из рога. Размеры ее сохранившейся части – 10,5 × 3 см.

Нож-скобель (рис. 3А, 15, НК-24). Длина 55, ширина 20 мм. Нож с дугообразно изогнутым клинком. Толщина полотна 1,2–1,5 мм, края сильно выкрошены.

Набор из двух инструментов (рис. 3А, 14) находился в футляре размерами 5 × 3,5 см. В деревянном ложе были сделаны параллельные друг другу углуб-

ления, в которые помещены два изделия (иглы?), сделанные из круглого в сечении прута диаметром 2,6 мм. Длина одного изделия 56, другого – 70 мм.

Нож пластинчатый (рис. 3Б, 1, НК-4) сильно фрагментирован, длина сохранившейся части 78, ширина 27 мм. Судя по конфигурации клинка, перед нами нижняя часть ножа. Лезвие у конца изогнуто дугой. Один край сохранил следы заточки, второй притуплен. Судя по изогнутости клинка и наличию одного заостренного края, можно предположить, что данный предмет является не деформированным ножом, а орудием специального назначения типа ножа-скобеля или ножа-струга.

Нож-кинжал из разведочного шурфа 2007 г. (рис. 3А, 17) – двулезвийный с нервюрой по клинку. Оригинален тем, что имеет три перехвата и два перекрестия при переходе клинка к закругленному черенку. Лезвие выщерблено, сильнее на конце. Длина изделия 168, максимальная ширина клинка 30 мм.

Помимо описанных вещей в коллекцию входят обломок клинка двулезвийного ножа (рис. 3Б, 3) и обломок уплощенного стержня (рис. 3Б, 2).

Из 11 предметов, подвергшихся аналитическому изучению, только крюк изготовлен из “чистой” меди. Мало олова (0,54%) в металле, из которого отлит втульчатый чекан. В остальных образцах содержание олова от 1,18 до 10%.

Изделия из камня представлены целыми и фрагментированными наконечниками стрел, заготовками бифасов, отщепами и пластинами. Некоторые предметы несут следы термических сколов. Каменный инвентарь резко отличается от изделий неолита-энеолита по сырью и технологии. Все предметы сделаны из высококачественного разноокрашенного кремня в технике двухсторонней отжимной и пильчатой ретуши, в том числе при помощи металлических орудий. Наконечники стрел (14 экз.) включают следующие типы: листовидной формы с уплощенным основанием (рис. 3Б, 15); вытянутой треугольной формы с прямым или слабо вогнутым основанием (рис. 3Б, 6, 10, 11); укороченный наконечник треугольной формы с усеченным основанием и неполной двухсторонней ретушью (рис. 3Б, 12); листовидной формы с выемкой в основании и намечающимися шипами (рис. 3А, 4, 5; Б, 8). Среди обломков наконечников – четыре фрагмента пера с жалом (рис. 3Б, 4, 5, 9, 13) и обломок основания (рис. 3Б, 14). Среди заготовок – 7 экз. для двухсторонне обработанных орудий (рис. 3А, 3, 6, 7, 8; Б, 18), один – для наконечника стрелы (рис. 3Б, 16).

Керамика эпохи бронзы (рис. 3Б, 19–31). Комплекс насчитывает свыше 150 фрагментов (около 15–17 сосудов). Надо заметить, что черепки были

сильно “разбросаны” по древней поверхности. Общая особенность шайтаноозерской керамической коллекции – наличие тальковой дресвы в формовочной массе.

В комплексе представлены емкости баночной и горшковидной форм. Банки в основном закрытые и прямостенные, реже открытые. Комплекс содержит фрагменты четырех сосудов с плоским дном (рис. 3Б, 20, 31) и, по крайней мере, 2 экз. округлодонных (рис. 3Б, 26). У большинства горшков и банок контур стенок плавный, у трех емкостей профилировка тулова ребристая (рис. 3Б, 20, 30). Впервые обнаружены обломки небольшой плоскодонной миски с невысокими вертикальными бортиками и овально-четырёхугольным устьем (рис. 3Б, 29). Среди емкостей, форму и параметры которых удалось восстановить, преобладают экземпляры средних размеров, диаметр по венчику до 20–22 см (рис. 3Б, 26, 30), есть и маленькие (рис. 3Б, 20).

С точки зрения композиционного построения, декор шайтаноозерской посуды эпохи бронзы выглядит несложным. Более того, в коллекции численно преобладает группа сосудов, украшенных сверху донизу предельно простым узором, построенным на чередовании всего двух мотивов. Один из них для данной группы обязателен – это горизонтальные прочерченные или желобчатые линии, нанесенные параллельно и близко друг к другу в количестве от 3–4 до 7–8, образующие той или иной ширины орнаментальный пояс. Таких линейных прочерченных поясов (раппортов) в композиции может быть до 6–8. На большинстве сосудов их разделяют пояса, состоящие из 2–3 горизонтальных рядов различных вдавлений (углом зубчатого штампа, торцом палочки и др.). В остальных случаях линейно-прочерченные раппорты чередуются с горизонтальными поясами отпечатков гладкого или зубчатого штампа, образующих в том числе елочные или зигзаговые мотивы (рис. 3Б, 22, 24, 25, 27). Список признаков, характеризующих посуду рассматриваемой группы (условно – линейно-прочерченной), можно дополнить такими, как в основном баночная форма, плоский срез венчика, плотная (без свободных зон) орнаментация. В целом она производит весьма архаичное впечатление, особенно круглодонные образцы.

Сравнительно небольшую группу образуют сосуды, по ряду признаков сопоставимые с керамикой алакульского и даже раннеалакульского облика (заметим при этом, что горно-лесные районы Среднего Зауралья никогда не входили в ареал степных и лесостепных культур алакульского круга). Влияние алакульского гончарства на керамическое производство людей, оставивших памятник Шайтан-

ское озеро II, мы связываем с наличием в коллекции горшков и банок, у которых переход от плеча к тулову оформлен ребром и имеющих в орнаменте мотивы, выполненные в технике протасенной гребенки и уголковыми (углом зубчатого штампа) вдавлениями (рис. 3Б, 20, 21, 30). Интересно, что среди отнесенных к этой группе сосудов нет ни одного с уступчатым плечиком. И хотя отдельные экземпляры практически невозможно отличить от классических алакульских (рис. 3Б, 20), “южный” компонент в шайтаноозерском керамическом комплексе выглядит сильно трансформированным (парадоксально, но некоторые сосуды, украшенные в алакульской манере, имеют округлое дно). Трудно сказать, насколько это существенно, но псевдоалакульская посуда отличается меньшей толщиной стенок. Геометрические фигуры (треугольники, ромбы) в композициях характерны для данной группы, однако их удельный вес невелик.

Керамика, не вошедшая в условно выделенные (линейно-прочерченную и с алакульскими чертами) группы, представлена фрагментами банок и слабопрофилированных горшков, с плоским и в единичных случаях округлым дном с несложным орнаментом, состоящим из ограниченного числа мотивов. Среди них есть два сосуда, заслуживающие особого внимания. Один примечателен тем, что он единственный в коллекции, имеющий в декоре – в зоне под венчиком – горизонтальный пояс акkuratных ямочных вдавлений, образующих на внутренней стороне стенок выпуклые “жемчужины” (рис. 3Б, 28). Ямки – не характерный признак керамики среднеуральских археологических культур, поэтому данный экземпляр логично рассматривать как свидетельство каких-то внешних связей, причем определенно не с южными соседями. Другой сосуд по первому впечатлению совершенно энеолитического облика: полусферическая форма, венчик отогнут наружу, сплошная орнаментация, треугольники в композиции (рис. 3Б, 26). Что в нем настораживает и почему мы склонны соотносить его с коптяковским комплексом? Как следует из приведенного выше описания, керамике Шайтанского озера II не чужды круглодонные формы. Они немногочисленны, но не настолько, чтобы говорить об их исключительной редкости: полученная за три года раскопок коллекция включает обломки примерно 9–10 плоских днищ и 6–7 округлых. Коптяковской керамике свойственны открытые формы. Плоский срез венчика – один из ведущих признаков такой посуды. Наличие орнамента на внутренней стороне венчика (сосудов в сводной коллекции не менее 14) – одна из особенных черт коптяковской керамики. Впрочем, эта зона часто украшалась и у энеолитических сосудов. Существенное отличие: если энеолитическая посуда покрывалась гребенча-

тыми и “ложношнуровыми” узорами, то на нашем экземпляре орнамент выполнен в технике гладкого штампа и прочерчиванием. На внутренней поверхности энеолитических сосудов обычно фиксируются характерные “расчесы” – следы обработки зубчатым инструментом, у рассматриваемого сосуда таких следов нет. Есть еще один аргумент в пользу отнесения данной емкости к позднебронзовому комплексу: его обломки найдены в разных местах раскопа в одинаковых условиях с коптяковскими черепками.

Керамика, связываемая нами с ярким бронзовым и каменным инвентарем Шайтанского озера II, образует оригинальный комплекс, но не уникальный. Как показывают предварительные изыскания, подобная керамика встречается на многих уральских озерах, в том числе тех, откуда происходят случайные находки бронзовых орудий и оружия постсейминского облика (Аятское, Шигирское, Исетское, Ирбитское, Аргизи и др.). Известна она и в Тюменском Притоболье (оз. Андреевское).

Как и в предыдущие годы, в западной части территории памятника Шайтанское озеро II очевидные свидетельства стационарного поселения не обнаружены. Здесь определенно не обрабатывали камень, не производилась выплавка металла из руды. Остатки бронзолитейного производства зафиксированы во множестве (лом, слитки, сплески, литниковые наплывы, фрагмент тигля с каплей меди), но изготовление металлических орудий, оружия, украшений осуществлялось не в этом месте. Во всяком случае, не на исследованной площади. Ничто не говорит за то, что здесь регулярно хоронили умерших людей. Хотя возможность обнаружения погребений при последующих раскопках исключать нельзя: есть прецедент – захоронение кремнированных останков младенца в раскопе 4.

Вне всякого сомнения, перед нами необычный и в высшей степени интересный археологический комплекс из числа трудно поддающихся классификации. Исходя из имеющихся материалов, полученных с весьма ограниченной площади (всего вскрыто менее 150 м²), можно обсуждать разные варианты его возможной интерпретации, но приоритетной, на наш взгляд, следует признать его оценку как культового памятника. Иначе трудно объяснить факты осознанного вывода из обращения большой массы ценного металла (в разном виде, в том числе целых изделий и их моделей), безвозвратного сокрытия его в одном месте побережья озера, намеренной порчи/слома отдельных каменных и бронзовых вещей. Можно предположить, что обломки глиняной посуды, каменные предметы и иные остатки, приуроченные к древней дневной поверхности, свидетельствуют о каких-то обрядовых действиях, периодически

совершавшихся здесь. Функционирование данного памятника было связано с культовой практикой населения коптяковской культуры (первая половина II тыс. до н.э.) горно-лесного Зауралья, в том числе металлургов и кузнецов, наследовавших традиции сейминско-турбинской металлообработки, с одной стороны, и воспринявших многие достижения мастеров петровско-алакульского очага – с другой.

Культовый (жертвенный) комплекс явно не исчерпан раскопками. Уверены, что Шайтанское озеро II подарит еще немало интересных открытий, которые позволят уточнить и дополнить его предварительную характеристику.

Авторы признательны С.В. Кузьминых за консультации по номенклатуре изделий и химическому составу металла.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект 10-06-00405-а) и проекта 2.2.3.1/1780 Министерства образования и науки РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Серигов Ю.Б.* Взаимосвязь топонима “Шайтан” с древними культовыми памятниками Урала // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. I. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.
- Серигов Ю.Б.* Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Уч. зап. НТГСПА. Обществ. науки. Нижний Тагил, 2004.
- Серигов Ю.Б.* Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007а.
- Серигов Ю.Б.* Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007б.
- Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) ВАС. Т. I. М., 2008.
- Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2.
- Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

ПУБЛИКАЦИИ

“АЛАН БАКУР” ИЗ ДРЕВНЕЙ ИБЕРИИ

© 2010 г. А.С. Балахванцев*, В.В. Николаишвили**

* Институт Востоковедения РАН, Москва (balakhvantsev@gmail.com)

** Центр археологических исследований им. О. Лордкипанидзе, Тбилиси

Ключевые слова: археология Грузии, древняя Иберия, серебряная драхма Готарза, гемма.

In the course of the 1974 excavations at the Zhinvali cemetery (Dusheti region of the GSSR), burial No. 18 yielded an iron ring inset with a Roman carnelian intaglio of the 1st–2nd cc. AD. It bears the inscription ΒΑΚΟΥΡ ΑΛΑΝΑ, which was made in a more recent time when the artifact was already in Iberia. Paleographic data indicates that the Bakur inscription dates to the end of the 2nd – first quarter of the 3d cc. AD. Even though the letters are Greek, the language is not, since in that case the inscription would have read ΠΑΚΟΡΟΣ ΑΛΑΝΟΣ. The language is hence Alanian, and the artifact is the earliest specimen of Alanian writing that we have. On the one hand the fact gives us a deeper comprehension of the extent to which Hellenic culture and education were present in Iberian society, and on the other hand is another testimony of the important role that ancient Iberia played in the spreading of Classical culture to neighboring territories.

В 1974 г. в ходе раскопок Жинвальского могильника (Душетский район ГССР) в погребении 18 была обнаружена вставленная в железный перстень сердоликовая гемма-инталия с надписью ΒΑΚΟΥΡ ΑΛΑΝΑ. Эта находка уже получила определенное отражение в литературе (Рамишвили, Джорбенадзе, 1976. С. 37, 38; Николаишвили, Чихладзе, 1980. С. 19, 20, 169; Braund, 1994. Р. 247. Pl. 20; Перевалов, 2003; Балахванцев, 2007. С. 10; Яценко, 2009; Балахванцев, 2009. С. 14), однако весь погребальный комплекс так никогда и не был опубликован. Между тем незнание сопутствовавшего археологического контекста может привести и уже приводит отдельных исследователей (Перевалов, 2003. С. 52) к построению ошибочных исторических реконструкций. Наша публикация призвана закрыть этот досадный пробел и предоставить коллегам возможность объективно судить об этом интереснейшем памятнике.

Погребение 18 представляло собой грунтовую могилу с небольшой земляной насыпью (1.25 × 0.7 м), ориентированную с севера на юг. В могиле находился один поврежденный скелет, от которого сохранились только фрагменты. Судя по ним, покойник был захоронен в скорченной позе, на левом боку, головой на юг. Сопровождающий инвентарь включал в себя наряду с костями мелкого рогатого скота глиняный кувшинчик палевого обжига с круглым венчиком, сферическим туловом, плоским дном и овальной в сечении ручкой (рис. 1). Тулово в два ряда опоясывается шишкообразными выпуклостями. Высота кувшинчика 9.5 см, диаметр вен-

чика 5.5, диаметр дна 6. Аналогичные сосуды неоднократно встречаются в погребениях Самтаврского могильника (Иващенко, 1980. Ил. 69–95; Манджгаладзе, 1985. Рис. 404, 500). По классификации сосудов из Самтавро, предложенной М.М. Иващенко, такие кувшины со сферическим туловом, украшенные поясами из выпуклин, относятся ко второму типу кувшинов и датируются концом II – серединой III в. н.э. (1980. С. 77, 196). В последующем эта датировка была уточнена Г.Н. Манджгаладзе, который считает, что выпуклины маркируют сосуды III в. н.э. (1988). Кроме того, в могиле было обнаружено 158 мелких стеклянных бус черного цвета. Аналогичные бусы известны и в Самтаврском могильнике, но там они очень немногочисленны (Иващенко, 1980. С. 135).

Большое значение для датировки погребения 18 имеет найденная в нем серебряная драхма парфянского царя Артабана II, правившего в 10–38 гг. н.э. (Sherozia, Doyen, 2007. Р. 128. Pl. 13. № 351)¹. Следует, впрочем, иметь в виду, что монеты этого так называемого готарзовского типа выпускались не самим Артабаном II, а его преемниками. Их чеканка производилась в Экбатанах во второй половине I–II в. н.э. (Голенко, Раджабли, 1975. С. 82). Что же касается начала их распространения на территории Иберии, то, судя по полному отсутствию таких монет в мавзолее, открытом в 1951 г. вблизи железнодорожной станции Мцхета, где был найден

¹ Драхма хранится в Государственном музее Грузии им. С. Джанашиа, инв. № 25329.

Рис. 2. Гемма из погр. 18 (1) и ее оттиск (2). Фото.

Сцены дойки домашних животных появляются в греческом искусстве еще в классическую эпоху. Одним из первых примеров является золотой перстень из Британского музея, на щитке которого выгравирован мальчик, доящий овцу (Уильямс, Огден, 1995. № 153). Сцена дойки овцы представлена и на знаменитой пекторали из Толстой Могины (Im Zeichen..., 2007. S. 295). Однако массовое распространение подобного вида пасторальных сюжетов в античном искусстве начинается лишь на закате эпохи эллинизма и охватывает весь период Римской Империи (Richter, 1956. P. 99). Так, сцена дойки козы неоднократно встречается на геммах из Музея Метрополитен в Нью Йорке (Richter, 1956. Pl. LV. № 450–452, римское время), Музея Торвальдсена в Копенгагене (Fossing, 1929. Pl. X. № 819; Pl. XII. № 1004, 1005, римское время), французских собраний (Guiraud, 1988. № 279, 281, конец I в. до н.э.; № 280, вторая половина I в. до н.э.; № 606, 607, II–III вв. н.э.; № 608, III в. н.э.; № 609), музеев

Берлина (Furtwängler, 1896. № 4684, 4685, I в. до н.э. – I в. н.э.), Мюнхена (Krug et al., 1972. Taf. 260. № 2769, III–IV вв. н.э.), Касселя (Zazoff, 1969. № 31, III в. н.э.), Вены (Zwierlein-Diehl, 1973. Taf. 52. № 296, вторая половина I в. до н.э.), Дебрецена

(Gesztelyi, 1987. № 57, I–II вв. н.э.), Софии (Димитрова-Милчева, 1980. № 171, I в. н.э.; № 172, II в. н.э.; № 173, II–III вв. н.э.), Александрии (Boussac, Starakis, 1983. Fig. 20, конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.). Еще одна гемма с данным сюжетом происходит из раскопок Цезареи Приморской в Палестине (Hamburger, 1968. Pl. VIII. № 149). В этом ряду можно упомянуть и гемму, опубликованную в аукционном каталоге (Sonderliste..., 1976. № 71, I в. н.э.). Геммы с аналогичным сюжетом встречаются и в Северном Причерноморье (Кибальчич, 1910. Табл. VIII. № 275). Присутствуют они и в коллекции Государственного музея Грузии (Лордкипанидзе, 1961. Табл. IV. № 26, III в. н.э.; 1967. Табл. V. № 35, III в. н.э.).

Учитывая степень сохранности жинвальской находки, наиболее близкой аналогией ей в иконографическом плане следует признать гемму, обнаруженную в ходе раскопок Цезареи Приморской (Hamburger, 1968. Pl. VII. № 148). К сожалению, палестинская гемма также дошла до нас в сильно поврежденном виде: от человека, стоящего за козой, сохранились только руки и ноги. Возможно, сходство между геммами из Жинвали и Цезареи не является простой случайностью. В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что по стилю и манере резьбы изделия из Цезареи напоминают некоторые геммы, найденные в процессе археологических исследований на городище Урбниси в Карельском районе Грузии (Джавахишвили, 1972. С. 89. Прим.).

Как полагает куратор кабинета глиптики Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа К.А. Джавахишвили, гемма из Жинвали является изделием римского мастера и выполнена в I–II вв. н.э.

Над животным размещена расположенная в три строки позитивная надпись. Т.С. Каухчишвили читает ее как ΒΑΚΟΥΡ ΑΜΝΑ[Σ], что означает “Бакур агнец” (Kauchtschischwili, 2009. S. 263. № 253). Отдавая должное смелости этого утверждения, вынуждены заметить, что горизонтальная гаста у *альфы* во второй строке видна совершенно отчетливо, поэтому никаких оснований объединять *альфу* и *лямбду* в *мю* нет. Точно так же не выдерживает никакой критики предложенное Т.С. Каухчишвили восстановление конечной *сигмы*. Если бы мастер действительно хотел вырезать эту букву, то места для нее в третьей строке после *альфы* было вполне достаточно. Можно, конечно, обратиться к *ultimo refugio* любого эпиграфиста и объяснить отсутствие *сигмы* безграмотностью резчика. Но и обвинение в безграмотности должно быть детально обосновано, а не выступать презумптивным предположением исследователя. К тому же слово “ἄμνᾱς” является формой именительного падежа для женского рода (LSL. s.v. ἄμνᾱς) и абсолютно не сочетается

с мужским именем Бакур. Таким образом, мнение Т.С. Каухчишвили не может быть принято ни с палеографической, ни с филологической точек зрения.

Что касается самой надписи ΒΑΚΟΥΡ ΑΛΑΝΑ, то здесь можно заметить следующее. Несмотря на то, что она выполнена греческими буквами, ее язык не может быть греческим, поскольку в таком случае ожидалось бы ΠΑΚΟΡΟΣ ΑΛΑΝΟΣ. По нашему мнению, конечная *альфа* в слове ΑΛΑΝΑ находит свое объяснение только на почве восточноиранских языков, в которых в номинативе единственного числа наряду с другими тематическими элементами присутствовал гласный “а” (Эдельман, 1990. С. 151, 153). Поэтому язык надписи из Жинвали следует определить как аланский, а сам памятник признать древнейшим из имеющихся у нас образцов письменности на аланском языке.

Орфография жинвальской надписи ставит перед нами вопрос: почему в древнегреческом языке начиная с Иосифа Флавия (BJ. 7. 244) и боспорских надписей (Vinogradov, 1994. P. 73, 74; Сапрыкин, 2005), несмотря на то что в самоназвании аланов присутствовала флексия -а, утвердилось написание Ἀλανός. Дело в том, что иранскому тематическому окончанию -а соответствовало греческое окончание -ης или -ας, в то время как греческое окончание -ος употреблялось в том случае, если в иранском слове тематический гласный отсутствовал (Абаев, 1979. С. 337). Очевидно, что этноним “аланы” стал известен боспорским грекам, а затем и римским авторам через посредство нижнедонских сарматов, в языке которых начиная с I в. н.э. тематические гласные уже отпали.

Поскольку гемма является римским изделием, то, учитывая место ее находки и использование аланского языка, следует признать, что надпись на ней была вырезана позднее, уже в Иберии. Палеография надписи характеризуется следующими чертами: *альфа* с прямой горизонтальной гастой, *бета* с разновеликими полукружиями, *ипсилон*, совпадающий по форме с латинской буквой V, вертикальные и наклонные линии *альфы*, *каппы*, *ипсилона*, *ро*, *лямбды*, *ню* украшены поперечными черточками. Форма *ипсилона* в надписи Бакура отличает ее как от надписей на геммах из армазисхевской гробницы I (Апакидзе и др., 1958. Рис. 4; 6), которая, судя по найденным в ней ауреусам Адриана (Апакидзе и др., 1958. С. 37, 38), должна датироваться второй четвертью II в. н.э., так и от посвящения царице Драконтиде, относящегося к последней четверти II – самому началу III в. н.э. (Балахванцев, 2007. С. 10). Вместе с тем формы *альфы* и *беты* сближают последнюю надпись с жинвальской. С другой стороны, если в относящейся ко второй четверти III в. н.э. надписи из Армазихе, упоминающей

царя Амазаспа и его жену, родственницу царя Армении Вологеза, использован *ипсилон* точно такой же формы, что и на жинвальской гемме, то *альфа* по большей части имеет ломаную перекладину. Наиболее близкие аналогии шрифту жинвальской надписи мы находим на гемме царицы Ульпии Наксосской и золотой пластине царя Устама Евгения (Apakidze et al., 2004. Fig. 5, 7). Обе находки происходят из гробницы 14, обнаруженной возле собора Светицховели во Мцхета. Судя по тому что в могиле была обнаружена переделанная в подвеску золотая монета, выпущенная от имени сестры императора Коммода Луциллы (Apakidze et al., 2004. Fig. 18, 1, 2), казненной в 182 г. н.э., гробница должна относиться к самому концу II – первым десятилетиям III в. н.э. Все это вместе взятое позволяет уточнить мнение, высказанное одним из авторов этой статьи ранее (Балахванцев, 2009. С. 14. Прим. 19), и датировать надпись Бакура самым концом II – первой четвертью III в. н.э.

Погребальный обряд и инвентарь погребения 18 типичен для некрополей Иберии первых веков нашей эры. Однако, судя по нумизматическим и палеографическим данным, погребение скорее всего было совершено в первой половине – середине III в. н.э. Но кто был похоронен в этой могиле? Поскольку по антропологическим данным определить пол погребенного не представляется возможным, делать вывод – как это и бывает всегда в подобных случаях (Гамбашидзе, Квижинадзе, 1982. С. 29; Гамбашидзе и др., 1985. С. 34; Гамбашидзе О.С., Гамбашидзе И.О., 1986. С. 22; Абрамишвили и др., 1991. С. 48) – приходится по сопутствующему инвентарю. При определении гендерной принадлежности погребенного важно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в погребении было найдено очень большое количество бус. Хотя бусы иногда встречаются и в мужских погребениях (Иващенко, 1980. С. 119), там их число никогда не идет на десятки, и тем более сотни. Во-вторых, в погребении 18 отсутствует оружие, что нехарактерно для мужских погребений из Жинвальского могильника (Рамишвили, Джорбенадзе, 1976. С. 37). Все это позволяет нам заключить, что здесь была погребена женщина, которая, естественно, не могла быть аланом Бакуром. Кем приходилась она Бакуру и как попал к ней перстень с надписью – остается только гадать.

Каково историческое значение жинвальской геммы, одним из владельцев которой был алан Бакур? После того как в первой трети II в. н.э. аланы стали господствовать в Центральном Предкавказье (Балахванцев, 2009. С. 12), а затем даже дали свое имя Дарьялу (Алемань, 2003. С. 447), пребывание алана на территории Иберии выглядит вполне есте-

ственным. Тем не менее погребение 18, как и найденная в нем гемма – вопреки мнению С.М. Перевалова (2003. С. 52) – не дают никаких оснований утверждать, что наемники-аланы оседали в районе Жинвали уже в III в. н.э. Погребальный обряд Жинвальского могильника не содержит в себе ничего специфически аланского (о погребальном обряде аланов Северного Кавказа см.: Коробов, 2009. С. 65). Более того жинвальская находка говорит скорее о том, что алан Бакур чувствовал себя в Иберии довольно одиноко. Так, добавленная позднее к гемме позитивная надпись “Бакур алан” свидетельствует в пользу того, что хозяин использовал ее как своего рода “визитную карточку”, желая подчеркнуть свою этническую принадлежность, а это является вполне естественным лишь при условии нахождения в иноэтничной среде.

Гораздо более интересно, на наш взгляд, то обстоятельство, что для фиксации надписи на аланском языке были использованы греческие буквы. С одной стороны, этот факт углубляет наше представление о масштабах проникновения эллинской культуры и образованности в иберийское общество, а с другой – является еще одним свидетельством той важной роли, которую сыграла древняя Иберия в процессе распространения античной культуры на сопредельных с ней территориях.

Приносим К.А. Джавахишвили нашу глубокую благодарность за ее ценные консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.
- Абрамишвили Р.М., Абрамишвили М.Р., Вашикидзе Т.Р. и др. Археологические раскопки в Тбилиси // ПАИ–1986. Тбилиси, 1991.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Апакидзе А.М., Гобеджшвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А. Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. I. Тбилиси, 1958.
- Апакидзе А.М., Николаишвили В.В. Усыпальница предшественников знати Мцхета III в. н.э. – гробница 905 // Мцхета. Результаты археологических исследований. Т. XI. Тбилиси, 1996.
- Балахванцев А.С. Эпиграфические памятники из Иберии (Восточная Грузия): addenda et corrigenda // Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда. М., 2007.
- Балахванцев А.С. Сарматы I–IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М., 2009.

- Гамбашидзе О.С., Гамбашидзе И.О. Работы Месхет-Джавахетской экспедиции // ПАИ–1983. Тбилиси, 1986.
- Гамбашидзе О.С., Квијинадзе К.Д. Месхет-Джавахетская экспедиция // ПАИ–1980. Тбилиси, 1982.
- Гамбашидзе О.С., Квијинадзе К.Д., Абрамишвили М.Р. Отчет о работе Месхет-Джавахетской экспедиции // ПАИ–1982. Тбилиси, 1985.
- Голенко К.В. Заметки об обращении римской монеты в Закавказье // ВДИ. 1971. № 4.
- Голенко К.В., Раджабли А.М. Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье // ВДИ. 1975. № 4.
- Джавахишвили К.А. Памятники глиптики городища Урбниси. Тбилиси, 1972 (Геммы Государственного музея Грузии; Т. V).
- Димитрова-Милчева А. Антични геми и камеи. София, 1980.
- Иващенко М.М. Самтаврские погребения первых трех веков н.э. // Мцхета. Результаты археологических исследований. Т. III. Тбилиси, 1980.
- Капаназе Д.Г. О назначении монет так называемой “варваризованной” чеканки, находимых на территории Грузии (По поводу статьи С.И. Макалатия) // ВДИ. 1953. № 1.
- Капаназе Д.Г. О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии // СА. 1962. № 4.
- Кибальчич Т.В. Южно-русские геммы. Берлин, 1910.
- Коробов Д.С. К вопросу о расселении аланских племен Северного Кавказа по данным археологии и письменным источникам // РА. 2009. № 1.
- Лордкипанидзе М.Н. Каталог памятников глиптики, найденных на территории Грузии. Тбилиси, 1961 (Геммы Государственного музея Грузии; Т. III).
- Лордкипанидзе М.Н. Геммы Государственного музея Грузии. Т. IV. Каталог. Тбилиси, 1967.
- Манджгаладзе Г.Н. Погребальные комплексы позднеантичного периода из Самтаврского могильника // Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. VII. Археологические памятники Великой Мцхеты раннежелезной, античной и раннефеодальной эпох. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Манджгаладзе Г.Н. К хронологии археологических памятников античной эпохи Самтаврского могильника // Мацне. 1988. № 3 (на груз. яз.).
- Николаишвили В., Чихладзе В. Жинвальский могильник (по материалам 1974 г.) // Жинвальская экспедиция. Матер. второй науч. сессии. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Перевалов С.М. Бакур-Алан из древней Иберии // Nartatongæ. Журнал Алано-Осетинских исследований: Эпос, Мифология и Язык. 2003. V. II (1, 2).
- Рамшвили Р.М., Джорбенадзе В.А. Археологические исследования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976.
- Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. № 2.
- Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб., 1995.
- Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- Яценко С.А. К дискуссии об оформлении этнокультурных общностей кочевников Азиатской Сарматии второй половины II – первой половины III в. н.э. // Становление позднесарматской культуры. Матер. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград, 2009.
- Apakidze A., Kipiani G., Nikolaishvili V. A Rich Burial from Mtskheta (Caucasian Iberia) // Ancient West and East. 2004. V. 3 (1).
- Braund D. Georgia in Antiquity: a history of Colchis and Transcaucasian Iberia (550 BC–AD 562). Oxford, 1994.
- Boussac M.-F., Starakis P. Collection d'intailles et de camées du musée d'Alexandrie // BCH. 1983. T. 107.
- Charkviani M. Coins from Rich Burial from the Village Khovle // Iberia-Colchis. 2008. № 4.
- Dundua G. Coin Circulation in Iberia in the 1st–4th Centuries (General Review) // Iberia-Colchis. 2005. № 2.
- Fossing M.A. The Thorvaldsen Museum. Catalogue of the Antique Engraved Gems and Cameos. Copenhagen, 1929.
- Furtwängler A. Beschreibung der Geschnittenen Steine im Antiquarium. Berlin, 1896.
- Gesztelyi T. A Déri Múzeum gemmagyűjteménye. Debrecen, 1987.
- Guiraud H. Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule (Territoire français). Paris, 1988.
- Hamburger A. Gems from Caesarea Maritima. Jerusalem, 1968.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; L.; N.Y., 2007.
- Kauchtschischvili T. Korpus der Griechischen Inschriften in Georgien. Tbilissi, 2009.
- Krug A., Gerke W., Schmidt E. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. T. 3. München, 1972.
- Richter G.M.A. Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman (Metropolitan Museum of Art, N.Y.). Roma, 1956.
- Shatberashvili V. A Rich Tomb from the Village of Khovle // Iberia-Colchis. 2007. № 3.
- Sherozia M., Doyen J.-M. Les monnaies parthes du musée de Tbilissi (Géorgie). Wetteren, 2007.
- Sonderliste Q. Münzen und Medaillen A.G. November 1976. Bazel, 1976.
- Vinogradov Yu.G. Greek Epigraphy on the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1994. V. I (1).
- Zazoff P. Antike Gemmen. Kassel, 1969.
- Zwierlein-Diehl E. Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Bd. I. München, 1973.

“ВОСПОМИНАНИЯ” В.Г. ДРУЖИНИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

© 2010 г. П.Г. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва

Имя Василия Григорьевича Дружинина – отечественного историка, археографа, палеографа, члена-корреспондента РАН, коллекционера по морского медного литья, старообрядческих рукописей и старообрядческого рисованного лубка – сейчас почти не известно археологам. Можно назвать несколько работ, посвященных жизни и деятельности В.Г. Дружинина, но вместе с тем следует признать, что до сих пор, к сожалению, не нашлось у него своего основательного и преданного биографа (Берестецкая, 1991; 1992; 1993; 1994; Бубнов, 1985; Медведева и др., 2009. С. 163–166; Панченко, 1996; Пивоварова, 2009; Плигузов, 1994; Смирнова, 2008а; б; Юхименко, 1996). Многие страницы его жизни остаются малоисследованными или совсем темными¹. В августе 2009 г. исполнилось 150 лет со дня рождения В.Г. Дружинина. Необходимо вспомнить этого человека, проработавшего более семи лет в Императорской Археологической комиссии (ИАК) – первом правительственном археологическом учреждении России, и отдать должное его вкладу в улучшение ее деятельности (рис. 1).

Приведу основные биографические данные В.Г. Дружинина. Он родился 10 августа 1859 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1883 г. окончил Петербургский университет со степенью кандидата русской истории. По 1886 г. состоял при университете для подготовки к профессорскому званию, а в 1889 г. получил степень магистра русской истории за диссертацию “Раскол на Дону в конце XVII в.”.

С 16 июля 1889 г. по 22 ноября 1896 г. В.Г. Дружинин состоял на службе в ИАК: сначала сверхштатным членом без содержания, а с 1891 г. – штатным членом Комиссии².

В 1896 г. он избран членом Археографической комиссии, а с 1903 г. назначен правителем ее дел. В 1912 г. В.Г. Дружинин назначен членом Комитета попечительства о русской иконописи. В 1914 г. он избран почетным членом Петроградского археологического института, а в 1918 г. – в совет Союза архивных деятелей. В 1921 г., в связи с включением Археографической комиссии в состав учреждений Академии наук, В.Г. Дружинин переведен на службу в Академию наук на должность заместителя председателя Археографической комиссии.

В 1920 г. В.Г. Дружинин избран членом-корреспондентом РАН по разряду историко-политических наук (русская история) Отделения исторических наук и филологии РАН. Постановлением Центральной комиссии по улучшению быта ученых в 1928 г. зачислен в группу выдающихся ученых.

В ноябре 1929 г. В.Г. Дружинин уволен из Археографической комиссии на основании постановления Правительственной комиссии по проверке аппарата АН СССР, а в июне 1930 г. арестован по “делу” академика С.Ф. Платонова. В феврале 1931 г. он приговорен к заключению сроком на 5 лет и помещен в Соловецкий лагерь. С мая 1932 г., после отмены заключения и лишения права проживания в 12 населенных пунктах СССР и Уральском регионе сроком на 3 года, поселился в г. Ростове-Ярославском. В этом маленьком городе пожилой ученый, практически лишенный средств к существованию и оторванный от семьи, прожил три года. В июне 1935 г. он получил освобождение, но из-за отсутствия денег до осени не мог выехать к родным. Лишь в конце 1935 г. В.Г. Дружинин вернулся в Ленинград и умер 15 января 1936 г. на 77-м году жизни (Берестецкая, 1994; Смирнова, 2008а; Юхименко, 1996)³.

В.Г. Дружинин – автор ряда классических работ по истории и культуре русского старообрядчества

¹ В биографических статьях смерть В.Г. Дружинина обозначена 15 января 1936 г. В справочнике “РАН. Персональный состав” указана другая дата – 1937 г. (2009. С. 139).

² В основу статьи положен доклад, прочитанный 20 ноября 2009 г. на научной конференции в ИИМК РАН, посвященной 150-летию Императорской Археологической комиссии

³ Важнейшие биографические сведения о В.Г. Дружинине получены от И.В. Тункиной, за что я выражаю ей свою благодарность.

Рис. 1. В.Г. Дружинин.

XVII–XIX вв., основанных на памятниках старообрядческой рукописной книжности и архивных источниках. Он впервые представил старообрядчество как важное явление отечественной культуры, что в конце XIX в. было существенным шагом вперед по сравнению с обличительными работами миссионеров Русской православной церкви и богословскими исследованиями профессоров духовных академий. На основе своей коллекции старообрядческих рукописей XVII – начала XX в. и других собраний Дружинин составил и в 1912 г. издал справочник-указатель “Писания русских старообрядцев”, который сами старообрядцы называли своей “настойной книгой” (Юхименко, 1996).

В тяжелых условиях нищего ссыльного, вынужденного в буквальном смысле слова вести борьбу за выживание, В.Г. Дружинин по заказу В.Д. Бонч-

Бруевича для Литературного музея (Москва) в 1933–1934 гг. в Ростове написал “Воспоминания о литературных встречах и знакомствах” – важный источник по истории научной, литературной и культурной жизни в России конца XIX – начала XX в. Это произведение хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в фонде А.В. Дружинина – писателя и литературного критика, дяди В.Г. Дружинина.

“Воспоминания о литературных встречах и знакомствах” представляют собой рукопись, написанную на разрозненных листах формата школьной тетради, насчитывающую 1850 страниц. Это незаконченное автобиографическое повествование без всякого последовательного плана, выглядящее как первичный и неотредактированный материал. Рукопись состоит из ряда отдельных сюжетов, посвященных детству автора, учебе в гимназии и Петербургском университете, подготовке и написанию магистерской диссертации, работе в Археологической и Археографической комиссиях, Русском Археологическом обществе и других научных и общественных организациях. Отдельные очерки посвящены родственникам, друзьям, сослуживцам и знакомым автора – историкам, литераторам, нумизматам, собирателям рукописей, букинистам, библиографам (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 6–10).

“Воспоминания” В.Г. Дружинина известны, но еще очень мало использованы историками. Задача настоящей статьи – представить их как источник по истории Императорской Археологической комиссии.

В “Воспоминаниях” В.Г. Дружинин неоднократно упоминает археологов. Он описывает свое участие в 1887 г. в работе VII Археологического съезда в Ярославле, деятельность в ИАК и ИРАО, посвящает отдельные очерки А.А. Спицыну и И.И. Толстому, дает краткие характеристики сослуживцам. Всего археологическим и нумизматическим сюжетам автор “Воспоминаний” отводит немногим более 250 страниц или около 14% всего текста, при этом на описание его работы в ИАК приходится лишь 76 страниц (4% текста). Написанные в отрыве от всех источников, только по памяти, мемуары страдают в некоторых случаях повторами и отдельными хронологическими неточностями. Однако эти мелочи следует простить автору, записывавшему события сорокалетней давности в специфических условиях, мало приспособленных к научному творчеству. Мы должны быть благодарны В.Г. Дружинину, передавшему в своих записках частичку живого дыхания археологической жизни Санкт-Петербурга конца XIX в.

Важные для истории отечественной археологии сведения, содержащиеся в разных местах “Воспоминаний”, можно объединить в основном в три раздела: 1) описание помещений Комиссии и отдельных видов ее деятельности (выставки, издания); 2) характеристики и оценки сотрудников Комиссии; 3) вклад самого автора в работу Комиссии.

Ниже характеризуется каждый из упомянутых разделов. При этом обильно цитируются “Воспоминания”, что гораздо нагляднее для знакомства с источником, чем его пересказ другими словами.

Помещения Комиссии

В.Г. Дружинин попал в Археологическую комиссию летом 1889 г. по рекомендации графа И.И. Толстого. Они были знакомы с гимназических времен, поскольку Дружинин учился в одном классе с младшим братом Толстого Дмитрием, будущим директором Эрмитажа. В то время Комиссия помещалась в своем первом после Строгановского дворца помещении в верхнем этаже Эрмитажа. Чтобы попасть туда, сначала надо было пройти нижним этажом через зал античных мраморов, а потом подняться 110 ступеней по витой железной лестнице на третий этаж. Помещение было тесное и неудобное. Комиссия занимала две комнаты, причем у председателя не было отдельного кабинета. В основной комнате не только располагались рабочие места сотрудников, но и был большой стол, на который складывались поступающие древности. В другой комнате в одно окно, узкой и длинной, располагалась канцелярия, в которой сидели делопроизводитель и канцелярский служащий (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 6. Л. 170б.; № 7. Л. 167–169).

Года через два (т.е. около 1891 г.) Комиссия была переведена в запасную половину Зимнего дворца, на углу Зимней канавки и набережной Невы, и получила в двух этажах более обширное и удобное помещение, насчитывавшее два зала, семь комнат и одну кладовую. “Было два входа: один с Невы со швейцаром, а другой с Зимней канавки. В нижнем этаже находился зал для выставок, кабинет председателя, кабинет делопроизводителя... и канцелярия. В верхнем этаже был зал для заседаний, кабинет одного из членов, кабинет старшего члена Комиссии, еще комната, где сидели за большим столом два члена Комиссии, и одна узкая, где раскладывали поступающие собрания. Далее шла темная кладовая для склада изданий и бумаги. Последняя заготавливалась впрок. Во всех комнатах помещалась в шкапах библиотека Комиссии” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 170).

Каждый год Комиссия устраивала выставки предметов, добытых и купленных ею в течение года, для осмотра их государем. До переезда Комиссии на Зимнюю канавку эти выставки устраивались в Голубом зале запасной половины Зимнего дворца. С получением помещения на Зимней канавке они организовывались уже в стенах Комиссии. “Был специальный выставочный зал, по стенам коего были устроены полки горками, обитые сукном. Но так как зал не вмещал иногда всех выдающихся предметов, то выставкой занимали еще кабинет Председателя: из этого кабинета дверь выходила в зал. При мне император Александр Третий дважды посетил выставки. Один раз один, а другой раз с женой и наследником. Председатель руководил государем, а на мою долю выпало сопровождать государыне Марии Федоровне и давать ей объяснения, т.к. я хорошо говорил по-французски... После государя посещали выставку члены Русского Археологического Общества и все интересующиеся лица. Выставка не разбиралась в течение трех месяцев; после ее разбора вещи распределялись Комиссией по Музеям. Лучшие вещи шли в Эрмитаж, а остальные – в Исторический Музей в Москву и в другие музеи” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 197, 198).

В.Г. Дружинин описывает также выставку, организованную в Комиссии новгородским археологом-любителем В.С. Передольским, в течение нескольких лет раскапывавшим неолитическое поселение “Коломцы” в окрестностях Новгорода. Передольский рассчитывал получить Открытый лист на продолжение раскопок, а находки (кремневые орудия и фрагменты керамики) продать (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 174).

Сотрудники Комиссии

В середине 1889 г. ИАК возглавлял граф А.А. Бобринский (1852–1927). Членами Комиссии служили барон В.Г. Тизенгаузен (1825–1902), граф И.И. Толстой (1858–1916), Н.П. Кондаков (1844–1925) и М.П. Боткин (1839–1914). Кроме них в Комиссии работали делопроизводитель И.А. Суслов (?–1919), регистратор И.С. Сутулло (1859–?), канцелярский служащий Куркин и сторож И.Ф. Чистяков (1865–1935). В 1891 г., после конфликта И.И. Толстого и Н.П. Кондакова с А.А. Бобринским и их ухода, в Комиссию были избраны новые сотрудники: А.А. Спицын (1858–1931) и Н.И. Веселовский (1848–1918).

Председателя ИАК А.А. Бобринского Дружинин в целом характеризует как археолога-любителя, занимавшегося раскопками в своем имении Смела Киевской губернии и имевшего собственное собрание древних предметов. Был он человеком со свя-

зями в высших сферах и дела ИАК отстаивал на самом высоком уровне. “Он пользовался своей близостью к Министру Двора графу И.И. Воронцову-Дашкову и успешно вел дело Комиссии. Ему всегда удавалось добывать экстренные суммы в несколько тысяч рублей для покупки выдающихся кладов и предметов древности, предлагавшихся к продаже счастливыми. 11 марта 1889 г. он выхлопотал высочайшее повеление о том, чтобы все раскопки на землях казенных и общественных разрешались бы только Комиссии и поступали бы в нее. Клады, находимые на тех же землях, тоже должны были поступать в Комиссию. Все реставрации древних памятников тоже должны были проходить через особые совещания, в которых принимала участие Комиссия и представители Академии художеств и Синода” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 168).

В повседневной жизни Комиссии А.А. Бобринский принимал самое живое участие. Он почти ежедневно посещал ИАК, председательствовал на ее заседаниях. “В Комиссии он вел себя очень любезно, но авторитета как археолог не имел. Он был личный враг графини П.С. Уваровой, которая его игнорировала и не считалась с Археологической Комиссией настолько, что даже не посылала Комиссии изданий Московского Археологического Общества в обмен на издания Комиссии” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 172).

В.Г. Дружинин очень высоко оценивает роль В.Г. Тизенгаузена в жизни ИАК, называя его фактическим Председателем. Он был известным востоковедом: нумизматом и знатоком рукописей. Ко времени поступления автора “Воспоминаний” в Комиссию В.Г. Тизенгаузену было уже более 70 лет. Он руководил Комиссией и ее канцелярией и бывал на службе каждый день.

«Службу свою он начал в медицинском департаменте Министерства Внутренних Дел, а в зрелом возрасте специализировался на раскопке огромных скифских курганов в Казачьих степях и на Кубани и, удачно производя раскопки, обогатил Эрмитаж многими ценными золотыми предметами скифской работы. В мое время он уже не ездил на раскопки. В Комиссии он редактировал отчеты, зная немецкий и французский языки, на которых свободно говорил. Он признавал лишь скифские и греческие древности, предметов же каменного века не признавал. Очень воспитанный, он вел себя по-товарищески, не играл роли старшего. В обращении он был очень приятен, часто шутил очень ехидно и остроумно, но никогда не переходил границы запанибратства... Видимо, знавшие его его уважали... В Археологической Комиссии он описывал при мне сибирские медные ножи, доставленные в Комиссию археоло-

гом Лопатиным, а в приложениях печатал сведения о таких орудиях, находящиеся в путевых журналах академиков XVIII в. Это он помещал в “Материалах для археологии России”, печатавшихся в Комиссии» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 173, 177).

И.И. Толстому автор отводит в своих мемуарах отдельный очерк, однако конкретно о его вкладе в работу Комиссии не сообщает ничего (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 6. Л. 16–21об.).

Немного пишет В.Г. Дружинин о деятельности в ИАК друга и соавтора Толстого Н.П. Кондакова. «В Комиссии он участвовал в заседаниях и из осторожности не брал на себя определения предметов, присылаемых в Комиссию, и признавал их фальшивыми. Так было, например, с серебряным блюдом, найденным близ Керчи, с изображением Юстиниана, которое впоследствии описали проф. Н.В. Покровский и Венский профессор-археолог Стржиговский. Это описание напечатано в “Материалах по археологии России”» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 178).

Роль в жизни ИАК М.П. Боткина – художника, гравера, академика исторической живописи, коллекционера средневекового искусства и перегородчатых эмалей, брата известного врача-терапевта – В.Г. Дружинин оценивает негативно. “Несмотря на большое богатство, он был весьма лукавый человек, сладкий в обращении и не устойчивый в принципах. Так, когда приносили в Археологическую Комиссию продавать предметы его интересовавшие, он низко их ценил, а сам потом, когда продавец не уступал предметы, забегал к продавцу и покупал их для себя по более возвышенной цене. И на этом его ловили” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 180).

Особенно некрасивую роль сыграл М.П. Боткин в деле реставрации и возобновления фресок Новгородского Софийского собора. Ремонт собора затеял новгородский архиепископ Феогност. Специально учрежденная подкомиссия ИАК, состоявшая из архитекторов Г.И. Котова, М.Т. Преображенского и Боткина, наблюдала за деятельностью В.В. Сулова, составлявшего эскизы фресок, и браковала их. Это тормозило работу, затягивало ремонт и вызывало неудовольствие Феогноста. “Тогда Боткин забегал к обер-прокурору Синода Победоносцеву и предложил свои услуги взамен подкомиссии. Победоносцев получил на это высочайшее разрешение, и дело было передано под наблюдение одного Боткина. И после этого, как ни в чем не бывало, он продолжал бывать на заседаниях Археологической Комиссии. Председатель ее граф А.А. Бобринский задал ему по этому поводу вопрос, а Боткин, не краснея, дал утвердительный ответ. Т[аким] о[бра-зом] через Победоносцева Боткин стал во главе Ко-

миссии, учрежденной при Синоде по реставрации церквей, чем было парализовано высочайшее повеление 11 марта 1889 [г.], передававшее это дело Археологической Комиссии... В Комиссии он присутствовал только в заседаниях и был совершенно бесцветен, поддакивая графу Бобринскому и барону Тизенгаузену. Он, очевидно, был членом Комиссии для получения чинов и орденов” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 182).

С большой симпатией В.Г. Дружинин отзывается о Н.И. Веселовском, с которым был в приятельских отношениях, хотя подробных сведений о его работе в ИАК не приводит. Автор “Воспоминаний” сообщает лишь следующее: “Впоследствии Н.И. Веселовский перешел на производство раскопок больших Скифских и других курганов в области Войска Донского и Кубанской области и обогатил счастливыми находками собрания Эрмитажа, куда Комиссия передавала все более ценные предметы. Мы сидели с ним в Комиссии в одной комнате, за одним столом друг против друга. Он ездил в Ташкент обследовать мечети и издал их описание; особенно замечательно описание мечети Тамерлана” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 183).

А.А. Спицыну автор отводит в своих мемуарах отдельный очерк (рис. 2) (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 6. Л. 11–15об.). Из него следует, что они были знакомы и дружны со студенческих лет, и именно В.Г. Дружинин содействовал переезду Спицына из Вятки в Санкт-Петербург и поступлению его в 1892 г. на службу в ИАК. “...возник вопрос о замещении двух открывшихся вакансий членов Комиссии, нужно было найти человека, который занялся бы изучением древностей бронзового века, производить раскопки курганов, по поручению Комиссии ездить доследовать хищнические раскопки, обследовать городища и майданы, описывать предметы этого периода и составлять описания поступающих в Комиссию собраний древностей. Старший член Комиссии, *de facto* ею управляющий, обратился и ко мне за указанием кандидата. Я назвал ему С[пицына], аттестовал его как местного археолога и принес оттиски его печатных трудов. Мне поручено было с ним списаться и предложить приехать в СПб. для личных переговоров. С[пицын] приехал, понравился, и после переговоров принял должность члена Комиссии... Это место давало С[пицыну] 1800 р., что при его скромных потребностях его вполне удовлетворяло. С[пицын] был в восторге, т.к. это ставило его на ученую дорогу и научную работу...” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 6. Л. 12, 12об.).

В Комиссии А.А. Спицын занимался обработкой поступающих в нее древностей и коллекций, публиковал их в “Материалах по археологии России” и

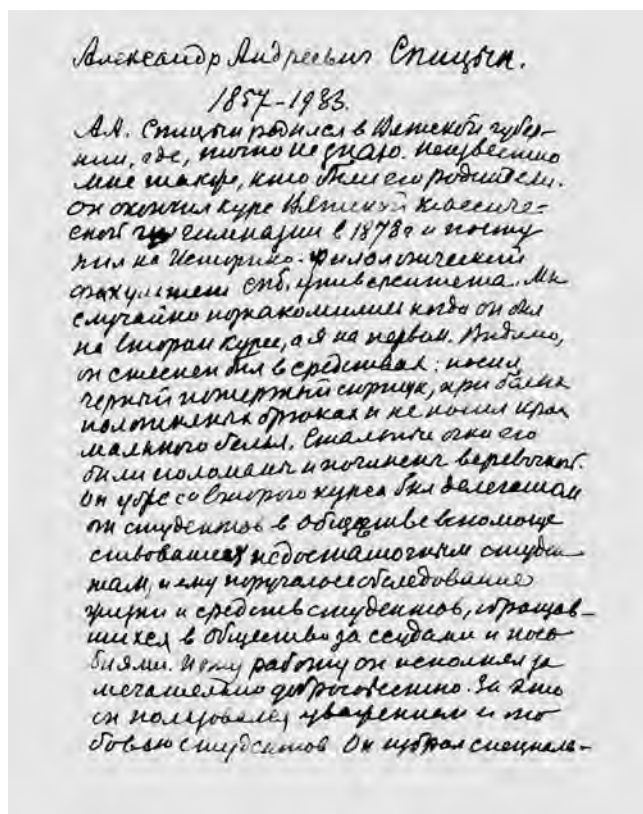

Рис. 2. Начало очерка о А.А. Спицыне в “Воспоминаниях” В.Г. Дружинина (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 6. Л. 11).

других изданиях ИАК. В числе этих материалов – огромная коллекция, полученная Л.К. Ивановским при раскопках около 10 тысяч курганов в Ямбургском уезде Петербургской губернии.

Благодаря своей усердной работе А.А. Спицын быстро завоевал уважение коллег как в стенах ИАК, так и за ее пределами. “Он ввел планомерное исследование курганов северной и центральной России и находил исследователей, которые принимали на себя раскопку их по поручению и на средства Комиссии. Сам он тоже ездил летом производить раскопки. В бытность членом Комиссии он задумал и стал выполнять большое научное предприятие – составление библиографического указателя русской литературы по археологии, но не только по заглавиям печатных статей и книг, но и по наименованиям предметов. Труд этот он вел с поступления в Комиссию и до смерти, у него с течением времени накопилось более двадцати тысяч карточек, которые хранились в Комиссии, и по которым он давал справки всем приходившим к нему по разным вопросам археологии. Труд этот находится теперь в Академии Материальной Культуры и не издан. С[пицын] составил, а Комиссия издала руководство для производства раскопки курганов, обследования

майданов и городищ. Это руководство вытерпело два издания и богато иллюстрировано... Это было первое научно составленное руководство, а до него каждый археолог копал курганы как ему вздумалось... Изучая найденные при раскопках предметы, он пытался также объяснить происхождение их и намечал народности, которым они принадлежали, и излагал эти теории в своих статьях” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 6. Л. 13об., 14).

В “Воспоминаниях” В.Г. Дружинин уделяет внимание также техническим сотрудникам ИАК: делопроизводителю И.А. Суслову и регистратору И.С. Сутулло.

И.А. Суслов заведовал канцелярией и хозяйственной частью Комиссии. Он не имел образования и выслужился из писарей. Это был старейший сотрудник, работавший в ИАК со дня ее основания, высоко ценивший ее заслуги и везде отстаивавший ее авторитет.

В.Г. Дружинин описывает следующую забавную историю. «Суслов был большой патриот Комиссии, и в Кабинете над ним давно подсмеивались и поддразнивали его... Однажды сидел он в приемной управляющего Кабинетом И.С. Петрова и ожидал доклада. К нему подсади чиновники и стали умалять заслуги Комиссии. Слово за слово, чтобы опровергнуть мнение Суслова они спросили его: “Да каков же годовой бюджет Комиссии?” На это Суслов с пафосом заявил, что Комиссия тратит в год до тридцати тысяч рублей. Тогда чиновники сказали ему: “Ну что же это за учреждение! Метельная команда Зимнего Дворца стоит в год двести тысяч рублей – вот это действительно учреждение!” Суслов так громко протестовал, что собеседникам его пришлось увести его из приемной во избежание скандала» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 201).

Интересные сведения приводит В.Г. Дружинин об образе жизни И.А. Суслова. “К 11 часам утра он приходил на службу в Комиссию и в ней оставался до 5–6 часов вечера. В Комиссии он ел сухой завтрак, а затем шел в какой-то клуб, где просиживал ночь до утра за картами, возвращался оттуда домой, спал, и опять шел на службу в Комиссию” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 204).

Регистратора И.С. Сутулло В.Г. Дружинин характеризует как удивительного труженика, выслужившегося из военных писарей. Он обладал замечательным почерком и был очень работоспособным чиновником. Работу в Комиссии он совмещал с подработкой: каждый день в утренние часы осматривал вверенные ему в управление частные дома. Позже по рекомендации Дружинина И.С. Сутулло стал подрабатывать в канцелярии Русского археологического общества.

Вклад В.Г. Дружинина в работу Комиссии

В непосредственные служебные обязанности В.Г. Дружинина входили заведование библиотекой, секретарство в подготовке и проведении археологических и реставрационных заседаний Комиссии, а также редактирование некоторых выпусков “Материалов по археологии России”. Он упорядочил имевшийся карточный каталог книжного собрания Комиссии, вел протоколы заседаний. “Докладами моими и протоколами, как я случайно узнал, были довольны” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 184об., 185).

Благодаря В.Г. Дружинину в работу ИАК были внедрены два важных новшества. Во-первых, он предложил публиковать в “Отчетах” Комиссии сведения о находках монетных кладов. “В Археологическую Комиссию поступали монетные клады, найденные на землях казенных и общественных. Они определялись, и находчики их вознаграждались. Ценные монеты поступали в Эрмитаж и прочие местные музеи. Комиссия не оставляла у себя ничего, ни монет, ни предметов древности. Была книга, в которую заносились монетные клады. Клады неинтересных монет отправлялись на Монетный Двор для переплавки. Стоимость металла получал находчик. Я предложил составлять списки поступивших кладов и располагать их по алфавиту местностей, откуда они поступали, с указанием судьбы клада и дела о нем. Эти списки стали печататься в Отчетах Комиссии за все время самостоятельного существования Комиссии как самостоятельного учреждения” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 185).

Во-вторых, В.Г. Дружинину удалось ввести в ИАК практику фотографирования поступающих предметов. “До меня зарисовывал их простой рисовальщик, и эти рисунки вшивались в дело. Я сам был хороший фотограф и доказал, что фотография пригодней ручной зарисовки. Потом я научил фотографировать сторожа Комиссии Чистякова, который стал прекрасно исполнять эти работы. В Эрмитаже не было фотографии и все, кому были нужны снимки с предметов, хранящихся в Эрмитаже, обращались к Чистякову, а он хорошо на этом зарабатывал. Чистякова как фотографа взял с собой Н.И. Веселовский, когда поехал в Ташкент описывать мечети и поручил ему съемку мечетей. Чистяков составил альбомы снимков и продавал их по 300–400 рублей” (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 187об.).

Таковыми предстают со страниц “Воспоминаний о литературных встречах и знакомствах” В.Г. Дружинина Императорская Археологическая комиссия, ее сотрудники и он сам. Эти воспоминания крайне желательно опубликовать целиком. Сведения, переданные в них, должны учитываться при изучении истории археологии в России конца XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берестецкая Т.В.* Исследователь истории и культуры старообрядчества В.Г. Дружинин. Неизвестные страницы биографии // Боровский краевед. Вып. 3. Боровск, 1991.
- Берестецкая Т.В.* О русских нумизматах по “Воспоминаниям” В.Г. Дружинина // Краткие тез. докл. нумизмат. конф. “Итоги научно-исслед. деят. за 1991 г., 25–28 февраля 1992 г.” СПб., 1992.
- Берестецкая Т.В.* О русских нумизматах по “Воспоминаниям” В.Г. Дружинина // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сб. Ч. XII. М., 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 83).
- Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин: Новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): Сб. науч. тр. / Е.М. Юхименко. М., 1994 (Исследов. по русской истории; Вып. 2).
- Бубнов Н.Ю.* В.Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л.* Очерк истории деятельности Императорской Археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин / Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб., 2009.
- Панченко Е.З.* Еще раз о библиотеке Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. № 4. М., 1996.
- Пивоварова Н.* “С министром Плеве я никогда знаком не был...”: К 150-летию со дня рождения В.Г. Дружинина // София. № 4. Великий Новгород, 2009.
- Плигузов А.И.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. № 5. М., 1994.
- Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 2: 1918–1973. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М., 2009.
- Смирнова Т.Г.* В.Г. Дружинин – историк, коллекционер, правитель дел Императорской Археологической комиссии // Академический архив в прошлом и настоящем. Сб. науч. статей к 280-летию Архива РАН. СПб., 2008а.
- Смирнова Т.Г.* О творчестве и жизни В.Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 4. СПб., 2008б.
- Юхименко Е.М.* Дружинин Василий Григорьевич // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2: Д–К. М., 1996.

А.Д. ЧЕРТКОВ И ЕГО ВКЛАД В РУССКУЮ НУМИЗМАТИКУ И АРХЕОЛОГИЮ

© 2010 г. М.М. Фролова

Институт славяноведения РАН, Москва

Имя Александра Дмитриевича Черткова (1789–1858) внесено на страницы истории отечественной исторической науки благодаря работам ученого в области нумизматики, библиографии, археологии, славистики и этрускологии. Однако основные биографические данные Черткова черпаются, как правило, из обширной статьи В. Гарского в “Русском биографическом словаре”. Несмотря на то, что Гарский располагал многими сведениями и в первую очередь формулярным списком А.Д. Черткова, он был не всегда точен. Его ошибки неоднократно повторены в биографиях Черткова, и даже такие серьезные историки, как А.А. Формозов и А.И. Немировский, их не избежали. В ноябре 2008 г. исполнилось 150 лет со дня смерти А.Д. Черткова, и эта дата позволяет нам вспомнить Александра Дмитриевича и его работы по русской нумизматике и археологии.

А.Д. Чертков происходил из старинного дворянского рода, записанного в VI часть Дворянской родословной книги, а его семья принадлежала к правящей элите Воронежа, где родился и вырос Александр Дмитриевич. Его дед, генерал-поручик В.А. Чертков, был воронежским наместником, а его отец, Д.В. Чертков, служил губернским предводителем воронежского дворянства в течение 24 лет. В семье Чертковых высоко почитались знания и ценились книги, и юный Александр получил прекрасное образование, по обычаю того времени, на дому. Среди его наставников выделялся педагогическим талантом учитель Главного народного училища Г.П. Успенский (1765–1820), ставший в 1805 г. первым профессором русской истории в Харьковском университете. Он сумел привить своему ученику не просто глубокую любовь к прошлому России и к естествознанию, но и вкус к научным изысканиям.

Долг дворянина, традиции семьи, а также уверенность в грядущих схватках с Наполеоном призывали А.Д. Черткова на военную службу. В 1809 г. он поступил в лейб-гвардии Конный полк, хотя вначале (в 1808 г.), по приезду своем из Воронежа в Петербург, согласно наставлению отца, стал служить в Министерстве внутренних дел. В 1812 г., когда Гвардия выступила в поход, корнет Чертков

был оставлен в Петербурге для формирования и обучения резервов своего полка (РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 106. Л. 40об.). В битвах Отечественной войны он не принимал участие, как писал Гарский (1905. С. 347), а за ним и другие историки (Формозов, 2007. С. 40). Только в 1813 г. два резервных эскадрона, одним из которых командовал Чертков, покинули северную столицу и влились в полк, расквартированный во время Плесвицкого перемирия в Силезии. За храбрость и отличие, проявленные в сражениях под Дрезденом, при Кульме, под Лейпцигом и при Фер-Шампенуазе, Чертков был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, Кульмским крестом, орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, а также медалью за взятие Парижа.

Походные дневники Черткова от 1813–1814 гг. свидетельствуют, что его увлечение историей и естествознанием не пропало во время службы в лейб-гвардии Конном полку. Заграничные походы дали новый мощный импульс для серьезных занятий Черткова, который “в духе времени” погрузился в изучение прошлого России. Его также захватила патриотическая идея собрать такую библиотеку, в которой находились бы все книги на всех языках, повествующие о России “во всех отношениях”. С этого времени он начал весьма профессионально относиться и к своим нумизматическим пристростям. В мае 1822 г. в его коллекции насчитывалось “539 медалей, 392 копеечки, а также 1993 монеты золотые, серебряные, медные и прочие” (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 308. Л. 158). Особенно много хлопот доставляло ему коллекционирование русских монет XIV–XV вв. Они были тогда крайне редки и стоили чрезвычайно дорого (до 50 руб.).

С годами военная карьера для Черткова потеряла привлекательность. Получив чин полковника в 1822 г., он, не задумываясь, подал в отставку и отправился в путешествие по Западной Европе (1823–1825), где посещал музеи, библиотеки, архивы, изучал памятники античности. Его живо интересовали археологические раскопки. Он даже свозил на развалины этрусского города Фиезоле, недалеко от Флоренции, Н.И. Тургенева, с которым у Черткова сложились самые душевные отноше-

ния. Но энтузиазм Черткова несколько не передался Тургеневу. “Вероятно, под землею существует более сих остатков”, – заметил он скорее равнодушно (Дневник Н.И. Тургенева, 1924. С. 142). В Россию Александр Дмитриевич привез книги, монеты, коллекцию минералов и этрусских ваз, а также огромное желание заниматься историей, для чего он стал основательно учить латинский язык.

Вести о выступлении на Сенатской площади Чертков получил в Орле, где проживал тогда вместе со своими родными. Новое обострение Восточного кризиса вновь призвало его к исполнению воинского долга, и в 1827 г. Александр Дмитриевич вступил в эрцгерцога Фердинанда (Изюмский) полк. Он принимал участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. После выхода в отставку в 1829 г. Чертков по зимнему пути приехал в Москву, в которой решил прочно обосноваться, а в 1831 г. купил замечательный особняк на улице Мясницкой. Его супругой в 1828 г. стала графиня Е.Г. Чернышева, и вместе с ней в его жизнь вошла ответственность за ее семейство, которое жестоко пострадало после событий 14 декабря 1825 г.

В Москве благодаря своим деловым и человеческим качествам Чертков занял видное положение в служебной и общественной элите города. Московское дворянство трижды (с 1835 г.) выбирало его московским уездным предводителем, а с 1844 г. четыре раза – губернским предводителем. Он достиг чина тайного советника и был награжден орденами Св. Владимира 2-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени. Императорское общество истории и древностей российских (ОИДР), действительным членом которого он стал в 1833 г., в 1836 г. избрало его своим вице-президентом, а в 1848 г. – председателем. Рождение и становление знаменитого впоследствии Училища живописи, ваяния и зодчества также связано с именем и плодотворной деятельностью Черткова. Москвичи и гости столицы пользовались богатством книжного и рукописного собрания Черткова не только при его жизни, но и после, поскольку, согласно его завещанию, оно было превращено его сыном, Г.А. Чертковым, в первую бесплатную публичную библиотеку в Москве – знаменитую Чертковскую библиотеку.

Но самое удивительное в деятельности Черткова этого периода – его достижения на научном поприще. Московские историки были поражены не только глубиной его познаний, уникальностью библиотеки, но и тем, что он смог превратить собираемые им монеты в настоящую нумизматическую коллекцию, составив их каталог. Особую научную ценность представляла классификация русских монет XIV–XV вв., которых в его собрании к 1833 г. насчитывалось уже до 3000 (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 210). Чертков первым сумел заставить

“безгласную грудю денежек” заговорить. “Наружность древних русских монет не может открыть нумизмату времени их сделания, ни ценности, ни часто названий: они малы и столь дурного штемпеля, что, имея десятки экземпляров одной и той же, иногда едва возможно прочесть надпись, собирая по 2 и по 3 уцелевшие буквы. Тщетно станем искать пояснений в летописях, грамотах... все безмолвствует и весьма мало положительного. Любитель русских монет, с усилием и помощью многих экземпляров прочесть в надписи княжеское имя без малейшего указания на время, место и ценность, дополняет все прочее собственными выводами. Без руководств и опытности, приобретаемой десятками лет терпения и труда, он утомляется от напрасной пытливости и перестает собирать мелкие, полустертые, никем не исследованные денежки. Да и как расположить, в какой привести порядок сих представителей избытка наших предков? Вот отчего, без сомнения, столь мало собраний русских монет, и те во мраке неизвестности: должно иметь к ним *страсть*, чтобы преодолеть множество затруднений”, – писал Чертков (1834. С. VI).

Но не только страсть, а прежде всего кропотливая и регулярная работа с монетами, удивительная систематичность мысли и строгий научный подход, глубочайшие познания в палеографии и истории, сопряженные с тонкой научной интуицией, позволили Черткову впервые выделить и правильно описать некоторые классы монет, соответствующие основным центрам русской чеканки. Он первым применил в русской нумизматике историко-географический принцип, разработку которого начал Х.Д. Френ в книге о монетах Золотой Орды (1832 г.). “Невозможно было избрать себе образец лучше и точнее, ни удачнее подражать избранному”, – с удовольствием подчеркивал рецензент журнала “Библиотека для чтения” (Описание древних русских монет, 1834. С. 11).

Чертков составил каталог монет удельно-княжеского периода для себя, но московские любители-нумизматы уговорили его издать этот каталог, чтобы иметь возможность разобраться со своими коллекциями. На его согласие повлиял и тот факт, что в минц-кабинете ОИДР, существовавшем почти 30 лет, царил полный хаос, с которым справился только Чертков. Вообще Александр Дмитриевич сам весьма скромно очерчивал круг задач, им преследуемых: «Издавая “Описание древних русских монет”, у нас собранных, мы не осмеливаемся принять на себя решение всех нумизматических вопросов. Пусть оно заохотит собирателей, более знающих и со средствами обширными, обнародовать редкости, у них скрытые, и выводы, ими сделанные. Единственное наше желание: содействовать по мере сил и разума успехам русской ну-

мизматики, а через то и истории» (Чертков, 1834. С. X).

Каталог “Описание древних русских монет”, вышедший в 1834 г., был снабжен научными примечаниями, родословной некоторых московских князей, указателем имен, названий предметов и таблицами веса монет. В нем было описано 434 монеты, хотя изображено только 336. Чертков не владел восточными языками, но и в целой Москве не было такого специалиста, который мог бы разобрать арабские легенды на монетах или просто указать, где начало и конец надписи. Черткову пришлось поэтому посоветовать литографу оставить пробелы на рисунках монет с арабскими легендами. Намереваясь приехать по своим делам в Петербург, он заодно предполагал обратиться за помощью к ученому-востоковеду академику Х.Д. Френу (1782–1851), который был “известен своей услужливостью в отношении всего, что касается пропаганды науки” (Савельев, 1853. С. 374), и затем только отгравировать арабские надписи. Те же немногие арабские и татарские надписи, которые были все-таки скопированы и отгравированы в каталоге монет, не поддавались, по словам Френа, чтению и переводу. Чертков предполагал подобное, поэтому и приостановил гравировку своих монет с восточными легендами. Замечания Френа, с которым у Черткова установились довольно интенсивная научная переписка и обмен монетами, были включены в “Прибавление первое” к “Описанию древних русских монет” (1837), где было описано еще 52 монеты, а изображено 50.

Френ также подтвердил подозрения Черткова, первым заметившего появление фальшивых древнерусских монет, которое стало результатом возбужденного каталогом Черткова интереса и спроса на монеты. Александр Дмитриевич отослал сомнительные монеты с арабскими или татарскими легендами в Петербург, поскольку полагал, что подделывать арабскую надпись было гораздо труднее, нежели русскую (Чертков, 1838. С. VI, 29). Выписки из письма к нему Френа, решительно открывавшие обман, Чертков поместил в “Прибавление второе” (1838).

“Монеты без каталога – зарытое в землю сокровище”, – совершенно справедливо воскликнул одесский историк Н.Н. Мурзакевич, желая узнать у Черткова, имеется ли каталог нумизматической коллекции графа С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 200об.). Чертков при встречах с коллекционерами и со страниц своих каталогов неоднократно вызвал: “Сколько нумизматических собраний исчезло и исчезает без малейшей пользы для отечественной археологии! Каталоги монет, хотя краткие, необходимы: без них не может составиться Полная русская нумизматика!” До сих пор эта мечта Александра

Дмитриевича не претворилась в жизнь (Федоров-Давыдов, 1981. С. 12). Чертков предупреждал: “Недавно Москва лишилась еще богатого собрания русских монет покойного П.П. Бекетова. Так точно и по другим предметам нашей археологии: мы пренебрегаем объяснением памятников нашей прежней гражданственности и утверждаем решительно, что их никогда не было” (Чертков, 1837. С. VIII). Столкнувшись со многими трудностями при создании и печатании рисунков монет и, наконец, найдя искусного художника К.Я. Тромонина, имевшего свою литографию, Чертков рекомендовал его всем нумизматам. В “Прибавлении третьем” (1842), в котором было описано и изображено 60 монет, Чертков специально поместил изображения медных, серебряных и золотых экземпляров “царского периода”, дабы продемонстрировать искусство художника-литографа, который сумел передать даже такой сложный материал. При этом ученый намеренно отступил от принятого им замысла. “Мы до сих пор не описывали ни одной царской монеты нашего собрания, полагая несравненно полезнее для русской нумизматики издавать сперва описание всех известных монет древнейшей эпохи, т.е. княжеских, великокняжеских и вообще чеканенных до принятия московским великим князем царского титула” (Чертков, 1842. С. 6).

В 1834 г. ученый мир России высоко оценил нумизматический труд А.Д. Черткова: Академия наук удостоила его половиной Демидовской премией (2500 руб.). Эти деньги исследователь передал в пользу Академии, и на них было издано Остромирово Евангелие. Нумизматические каталоги Черткова были сразу замечены критикой, учеными, любителями и пользовались долгое время большой популярностью и уважением, о чем свидетельствуют многочисленные благожелательные отзывы.

“Чертковым начался ряд наших ученых нумизматов”, – констатировал в 1867 г. академик И.И. Срезневский (1867. С. 107). Замечательный русский нумизмат А.В. Орешников, полностью разделяя это заключение, писал в 1896 г.: «“Описание древних русских монет” Черткова может быть названо первым серьезным нумизматическим каталогом, т.к. труды его предшественников... не представляют никакого значения для нумизматики и “Описание древних русских монет” Черткова... до сих пор не утратило своей ценности... Отличительные качества его труда – осторожность в определении имен князей, чеканивших монеты, избавившая его от многих ошибок, в которые впали его преемники, и остроумие, помогшее ему сделать классификацию огромной, не разобранной до него массы монет, которая в своих главнейших частях и принята всеми последующими нумизматами,... за что память о нем, как о нумизмате-археологе, останется навсегда

достойною искреннего уважения и благодарности. Труд Черткова указал путь последующим нумизматам...» (1896. С. I, VI).

Советские ученые А.В. Арциховский, Г.А. Федоров-Давыдов вполне разделяли высокое мнение Орешникова о трудах Черткова, правильность научных заключений которого относительно монет многих княжеств XIV–XV вв. была подтверждена позднейшими находками (Арциховский, 1955. С. 532; Федоров-Давыдов, 1981. С. 8, 9). Историк И.Г. Спасский, считая, что Орешников придавал исключительно большое значение систематизационной работе Черткова, не мог не согласиться, что на фоне неприглядной ситуации, связанной с изучением древнерусских денег в исторической литературе того времени, четко намеченная Чертковым сложная система денежного хозяйства феодальной Руси выглядела “как откровение” (1955. С. 34).

Став родоначальником русской нумизматики, А.Д. Чертков явился и первым исследователем курганов Подмоскovie. В 1838 г. ему представилась отличная возможность реализовать свое давнее увлечение археологией. Узнав, что граф Н.А. Толстой, желая расширить свои хозяйственные постройки, приказал срыть некоторые из 16 курганов, расположенных в его имении Верхогрязье (ныне Грязь) в Звенигородском уезде, Чертков поспешил туда. Под его руководством были раскопаны четыре кургана. Он написал обширную статью “О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н.А. Толстого”, сопроводив ее рисунками обнаруженных предметов в натуральную величину. Чертков отметил, что “некоторые из вещей столь искусно сделаны, что могут служить украшением и в нынешнее время. Супруга графа приказала вызолотить один браслет и носит его теперь на руке” (1849. С. 240, 241).

Благодаря этой работе ученого “стали известны науке изящные семилопастные височные кольца”, которые, как оказалось впоследствии, “были типичны для племени вятичей”, – писал А.В. Арциховский. Ученый высоко оценил деятельность Черткова как археолога, подчеркнув, что раскопки были им произведены “с точностью, предвосхищающей многие требования позднейшей археологической методики; точно описаны формы насыпей, их структура и положение костяков, вещи разделены по погребальным комплексам” (Арциховский, 1955. С. 533). Другой археолог, А.А. Формозов, также отмечал несомненные достоинства А.Д. Черткова: “Как полевой работник раскопщик Чертков стоял на большой высоте. В первой половине XIX в. делал то, что не всегда делали его преемники 100 лет спустя: описал находки по курганам, а не все в куче, выявил ровики, сохранил и отослал специалистам черепа” (2007. С. 44).

Точное описание Чертковым раскопок в селе Верхогрязье в 1838 г. и изображения предметов привлекли внимание многих ученых. Талантливый нумизмат-ориенталист П.С. Савельев (1814–1859) по поводу древностей сделал интересное наблюдение: “Все вещи медные примечательны для нас, потому что имеют одинаковую форму с серебряными ожерельями, запястьями, витыми жгутами, бляхами и бубенчиками восточной фабрикации. Очевидно, что они имели одинаковое назначение и готовились на один вкус; но трудно определить, арабы ли подделывали свои изделия на вкус жителей России, в подражание их медным вещам, или последние делали медные украшения на манер арабских” (1847. С. 162, 163). Чертков поместил замечания Савельева в новую статью о своих раскопках 1845 г. Археологи XX в. А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов склонялись признать плодотворной мыслью о влиянии художественных изделий арабского Востока на происхождение семилопастных височных колец вятичей (Седов, 1982. С. 150).

Но в 1838 г. Чертков не смог ответить на главный вопрос: какому народу принадлежали найденные вещи, поскольку аналогов им еще не было. Внимательно следя за успехами археологии как в России, так и за рубежом, Чертков не пропустил книгу профессора Дерптского университета Ф. Крузе, изданную на немецком языке в 1842 г. и описавшую артефакты, которые были обнаружены при необычайном разливе Западной Двины в 1839 г. Черткова поразило как необыкновенное сходство этих древностей с находками в звенигородских курганах, так и то, что “в лифляндских курганах гробницы помещены в 3 и 4 яруса, как в Звенигороде”. Крузе доказывал, что курганы и добытые вещи, изображения которых были приложены к изданию, принадлежали варяго-руссам. И Чертков также стал склоняться к подобной точке зрения.

О своих догадках он сообщил в письме от 3 октября 1844 г. Л.А. Перовскому, который после своего назначения министром внутренних дел (1841–1852) сохранял должность товарища министра Императорского Двора и уделов, куда позже входила и Археологическая комиссия. Перовский тоже увлекался археологией, а с 1850 г. стал заведовать Комиссией для исследования древностей. К письму Черткова был приложен металлический веночек. “Сличение древностей, найденных на Двине и в Московской губернии, одинаковое место их открытия (всегда на берегу реки или моря), одни и те же типы могильных курганов”, совпадение положения останков в них “ведет (по крайней мере, до сих пор) к заключению, что посылаемая древность (металлический веночек. – М.Ф.) принадлежала норманам, варяго-руссам”. Перовский в декабре 1844 г. сообщил, что древнее украшение по распоряжению

императора было передано для хранения в Эрмитаж (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 6, 9об.).

А.Д. Чертков прекрасно понимал, что случайные раскопки не могут дать полновесных результатов, получаемых при систематическом исследовании курганов. Ему удалось убедить Н.А. Толстого в необходимости продолжить археологические раскопки остальных 12 курганов весной 1845 г. И в письме от 21 декабря 1844 г. Чертков ставил в известность министра о своих исследовательских планах: “При разрытии я буду лично находиться и, взяв с собой рисовальщика из Москвы, постараюсь составить план всех курганов и сделать рисунки положений, в которых будут открыты остовы со всеми на них находимыми вещами. Может быть, мы тут найдем какую-нибудь вещь, могущую нас навести на настоящую эпоху сооружения 16 высоких могильных курганов на берегу Москвы” (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 8, 8об.).

Несмотря на весьма дурную погоду археологические работы Черткова принесли любопытные результаты. Ученый писал Перовскому: “Проливной дождь не допустил меня разрыть более 7 курганов, и не было никакой возможности производить далее изыскания, все ямы при вскрытии наполнились водою и даже нельзя было просеять, как бы следовало, земли для отыскания там мелких вещей, которые по всей вероятности должны в ней находиться. Из числа 7 остовов 5 решительно не имели никаких украшений, а на остальных двух найдены: браслеты, перстни, металлические жгуты, ожерелья из сердоликов и горного хрусталя, вещи”, подобные доставленным Чертковым прошлой зимой в Петербург, “серьги и к ним большие подвески, бубенчики, останки украшений от кушака и даже волосы” (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 12). Эта переписка убедительно опровергает мнение Немировского, который считал, что Черткову “ошибочно приписывают проведение первых научных раскопок подмосковных курганов”, что он якобы “только описал найденные вещи”, а не сам производил раскопки (1988. С. 44).

Будучи истинным ученым, Чертков попытался для выяснения вопроса о принадлежности захоронений прибегнуть к самым последним достижениям мировой археологии: к использованию химического анализа. Он обратился к Р.Г. Гейману (1802–1865), профессору химии Московского университета, с просьбой сделать химический анализ нескольких медных обломков из звенигородских курганов. И было установлено, что они не содержат цинка (Чертков, 1849. С. 250). Кроме того, для антропологического изучения Чертков послал четыре черепа академику К.М. Бэру: “может быть эти черепы и поведут к какому-нибудь результату насчет разрытых мною курганов” (СПб. АРАН. Ф. 30.

Оп. 3. Д. 316. Л. 13об.). Они затем были переданы в Музей анатомии Академии наук. Точная атрибуция звенигородских находок оказалась в то время невозможной, это было дело будущего, когда накопился другой полевой материал и изобрели более совершенные методы датировки древностей.

Отчет об экспедиции 1845 г. и находки были отосланы Перовскому, представившему их Николаю I, который “Высочайше повелевать соизволил передать эти вещи для хранения в московскую Оружейную палату, а Вашему превосходительству изъяснить благодарность. Древности я препроводил к обер-гофмейстеру князю Урусову” (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 20об.).

Результатами звенигородских раскопок заинтересовались члены “Русского географического общества”, пригласившие Черткова вступить в свои ряды. Чертков велел снять копии с рисунков и заново описал вещи, которые на время взял из Оружейной палаты. Эти копии затем были посланы в “Русское географическое общество”. Впрочем, звенигородские находки возбудили большее внимание в Археолого-нумизматическом обществе, также удостоившем Черткова избранием в свои члены. Доклад Черткова “Описание найденных в Звенигородском уезде древностей в 1838 и 1845 гг.” был прочитан на заседании Археолого-нумизматического общества 11 мая 1848 г. на русском языке и вошел в первый том русского издания его трудов, что знаменовало новый этап в работе Общества, прежде предпочитавшего употреблять в заседаниях и публикациях иностранные языки. Материалы о древних вещах, найденных в Звенигороде, чрезвычайно заинтересовали Б.В. Кене, немецкого археолога и нумизмата, члена Берлинского археологического общества, приехавшего в Россию. Его познаниям воздали должное, и он стал секретарем Археолого-нумизматического общества в 1846 г. Кене посчитал необходимым перевести обширную статью Черткова на французский язык, чтобы опубликовать в издании Академии наук для ознакомления и иностранных ученых (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 3).

Статья Черткова и изданные им рисунки звенигородских находок длительное время служили ориентиром для ученых и любителей-археологов. Так, в 1855 г. по приказанию сенатора С.Д. Нечаева, члена ОИДР, было раскопано 10 курганов “при селе Тихвинском, Авдотьино тож” в Бронницком уезде Московской губернии, на высоком берегу речки Северки. Село это находилось в ведении Комитета для просящих милостыню, президентом которого и являлся Нечаев. Находки очень сильно напоминали вещи из звенигородских курганов, поэтому срисованы были только те предметы, изображения которых отсутствовали на таблицах Черткова: “серп,

серебряная вещица с ушком и 4 глухих кольца с одной нарезкой” (О разрытии..., 1855. С. 88). Трудно сказать, какое участие в этом деле принимал Чертков, но снаряжение экспедиции не могло его миновать, тем более что он был членом Комитета для просящих милостыню. Может быть, при осмотре именина, некогда принадлежавшего Н.И. Новикову, а в 1847 г. подаренного Комитету, Чертков отметил наличие курганов, на исследование которых не требовалось уже особого разрешения владельца. Служебные дела, число которых увеличилось в связи с Крымской войной, скорее всего не позволили ему лично наблюдать за ходом раскопок, но находки Александр Дмитриевич не мог не держать в руках.

Чертков производил раскопки и в своих имениях – в селах Курове, Черкассовой Горе Дмитровского уезда – но их описание не сохранилось. Впоследствии его археологическая коллекция, пополнявшаяся также дарами коллег, была подарена Г.А. Чертковым Историческому музею. В 1874 г. вслед за передачей Москве книг Чертковской библиотеки Г.А. Чертков пожертвовал и нумизматическое сокровище своего отца. Этот щедрый подарок положил основу коллекции Исторического музея (Берестецкая, 1993. С. 11). В 1888 г. Г.А. Чертков передал музею 15 портретов государственных деятелей XVIII–XIX вв., значительно пополнивших его портретную галерею. В том же 1888 г. император Александр III “разрешил принять принесенные” Чертковым “в дар Императорскому Эрмитажу 81 штуку расписных ваз, найденных в Этрурии и Апулии”, за что Григорию Александровичу была также выражена благодарность (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 96).

Любопытно, что археологией и кропотливыми нумизматическими исследованиями увлекся не сын А.Д. Черткова, а его племянник – нумизмат, археолог и собиратель древностей Д.П. Сонцов (1812–1875), что совсем не отражено в историографии. Он был сыном сестры Александра Дмитриевича Е.Д. Черткой, вышедшей замуж за П.А. Сонцова, который был гражданским губернатором Орловской губернии (1824–1830). Именно он, приехав в Тагино, имение Чернышевых, предупредил Н.М. Муравьева и З.Г. Чернышева о выступлении 14 декабря 1825 г. и начавшихся арестах. А.Д. Чертков несколько зим провел в Орле, где не раз с удовольствием показывал Митеньке свою коллекцию монет. И в Москве, когда Д.П. Сонцов служил адъютантом у московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, а затем у князя А.Г. Щербатова, под влиянием А.Д. Черткова его давняя любовь к нумизматике обрела новое качество. А.Д. Чертков, всегда радушно принимая в своем доме, наполненном древностями и книгами, никогда не отказывал любителям нумизматики

и истории ни в беседе, ни в совете, ни в помощи, утверждая, что “нить науки и просвещения должна быть уделом всех и каждого, а не одной касты, посвященной в таинства” (Чертков, 1855. С. XI).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В.* Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955.
- Берестецкая Т.В.* К истории отдела нумизматики ГИМ (1918–1965 гг.) // Нумизматический сб. Ч. XII. М., 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 83).
- Гарский В.* Чертков А.Д. // Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905.
- Дневник Н.И. Тургенева.* Т. 4. СПб., 1924.
- Немировский А.И.* А.Д. Чертков (Опыт научной биографии) // Вопросы истории. 1988. № 10.
- О разрытии 10 курганов в Бронницком уезде // ЖМНП. 1855. Ч. 88. № 10–12. Отд. VII.
- Описание древних русских монет (рец.) // Библиотека для чтения. 1834. Т. 6. № 10. Отд. VI.
- Орешиников А.В.* Русские монеты до 1547 г. // ИРИМ им. императора Александра III. Описание памятников. Вып. 1. М., 1896.
- Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Ч. 1. СПб., 1847.
- Савельев П.С.* О жизни и ученых трудах Френа // ЗИРАО. 1853. Т. 6.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Спаский И.Г.* Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сб. Ч. 1. М., 1955 (Тр. ГИМ; Вып. XXV).
- Срезневский И.И.* Обзор материалов для изучения славяно-русской палеографии // ЖМНП. 1867. Ч. 133. № 1.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.
- Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007.
- Френ Х.М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных Мухаммеданских династий. В Прибавлении. СПб., 1832.
- Чертков А.Д.* Описание древних русских монет. М., 1834.
- Чертков А.Д.* Прибавление первое к Описанию древних русских монет. М., 1837.
- Чертков А.Д.* Прибавление второе к Описанию древних русских монет. М., 1838.
- Чертков А.Д.* Прибавление третье к Описанию древних русских монет. М., 1842.
- Чертков А.Д.* Описание найденных в Звенигородском уезде древностей в 1838 и 1845 гг. // Зап. Санкт-Петербургского археол.-нумизмат. общ-ва. 1849. Т. 1.
- Чертков А.Д.* О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древлессловенским. М., 1855.

СОВЕТСКО-АФГАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: ДВА ЮБИЛЕЯ

© 2010 г. Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, В.А. Гаибов

Институт археологии РАН, Москва

В 2009 г. мы могли бы отметить два юбилея Советско-Афганской археологической экспедиции: 40 лет с момента начала ее работ и 30-летие их завершения. Наша статья, однако, не имеет тех черт, которые обычно присущи юбилейным текстам. Обращаясь в данной работе к анализу характера и результатов деятельности этой экспедиции, мы ставим перед собой прежде всего чисто прагматические цели. Дело в том, что целый ряд российских археологических экспедиций, в первую очередь экспедиций Института археологии РАН, работают как в странах “дальнего зарубежья”, так и на территориях бывших союзных республик, ныне ставших суверенными государствами. И для таких экспедиций опыт (как позитивный, так и негативный) Советско-Афганской экспедиции, работавшей за пределами нашей страны, естественно, может быть полезен и должен быть учтен.

Советско-Афганская экспедиция работала 10 лет, у нее был достаточно серьезный бюджет, в ней участвовало значительное число специалистов как из нашего Института, так и из ряда других научных учреждений; участниками экспедиции были проведены значительные по масштабам исследования, некоторые результаты стали сенсационными. Все это заставляет вновь обратиться к опыту осуществления этого проекта. Сейчас, когда прошло весьма значительное время после его окончания и когда все некогда бушевавшие по этому поводу страсти утихли, есть возможность посмотреть *sine ira et studio* на деятельность экспедиции, ее характер, достижения и недостатки.

Необходимо сделать еще одно вводное замечание. Возможность написать данную статью появилась только недавно. Дело в том, что значительная часть полученных в ходе исследований экспедиции материалов оставалась неопубликованной. И.Т. Кругликова по настоянию Отдела классической археологии ИА РАН в течение последних лет осуществила их издание. Были опубликованы результаты раскопок одного из храмов Дильберджина (Кругликова, 1999. С. 1–99), цитадели Дильберджина (Кругликова, 2001. С. 312–413), городища Джагат-тепе (Джи-

га-тепе, Жига-тепе) (Кругликова, 2004. С. 479–561), наконец, материалы по “Археологической карте” Афганистана (Кругликова, 2005. С. 309–437)¹. Только после этих публикаций появилась возможность более полно представить масштабы и результаты деятельности Советско-Афганской археологической экспедиции. Вместе с тем некоторые из находок экспедиции остались неисследованными и соответственно неопубликованными. В качестве примера можно привести достаточно большую по содержанию монументальную бактрийскую надпись, открытую на Дильберджине. Ее начал исследовать В.А. Лившиц (Kruglikova, 1977. Р. 415. Fig. 7), но работы так и не были завершены.

Рождение этой экспедиции в некоторых отношениях было явлением вполне закономерным. После окончания Великой Отечественной войны развернулось беспрецедентное по своим масштабам исследование памятников прошлого на территории среднеазиатских республик СССР. Здесь работали московские и ленинградские экспедиции, а также экспедиции недавно созданных археологических центров местных академий и музеев. Чем шире разворачивались исследования, тем более ясным становилась достаточно простая истина: в историко-культурном отношении юг Средней Азии (особенно юг Узбекистана и Таджикистана) чрезвычайно близок северу Афганистана. В силу этого ответы на загадки памятников севера нужно искать на юге (и соответственно наоборот). Взгляды археологов, работавших в Таджикистане и Узбекистане, все чаще обращались к территориям, лежащим за Амударьей. Однако сама идея организации экспедиции в Афганистане довольно долгое время казалась несколько утопичной.

¹ Отдел классической археологии ИА РАН сердечно благодарит Редколлегия журнала “Проблемы истории, филологии, культуры”: главного редактора М.Г. Абрамзона за разрешение публиковать огромные по своим размерам тексты, равные, как правило, небольшим книгам, и зам. главного редактора С.В. Мокроусова, взявшего на себя труд подготовки к изданию всех графических материалов этих статей.

Как это ни странно, но толчок к созданию Советско-Афганской экспедиции дали французские археологи из ДАФА (Французской археологической делегации в Афганистане). Дело в том, что в 1967 г. в составе Делегации на раскопках городища Ай Ханум работали два советских специалиста: И.Т. Кругликова и Б.А. Литвинский². И.Т. Кругликова настолько вдохновилась этими раскопками, что активно стала пробивать идею советских археологических исследований в этой стране. Тогда в кулуарах говорилось, что создание экспедиции – результат неукротимой энергии И.Т. Кругликовой. Можно и нужно отдать должное ей, но, конечно же, необходимы были и другие составляющие. В первую очередь нужна была ясная позиция руководства Института, и академик Б.А. Рыбаков безоговорочно поддержал идею. Но главным было получить положительное решение “директивных органов”. В этом, насколько известно, важную роль сыграло Посольство СССР в Кабуле. Оно убедило руководство МИД, а то – более высокие инстанции в необходимости организации экспедиции. Причины этого также понятны. Советский Союз в это время активно развивал отношения с Афганистаном. Афганская армия получала современное оружие, ее офицеры обучались в советских военных центрах. Советские специалисты активно помогали в развитии экономики страны: строились фабрики, создавались ирригационные системы, прокладывались дороги, в том числе знаменитый путь через перевал Саланг. На севере страны действовало несколько геологических экспедиций, главным образом нефтяники и газовики. В этих условиях было решено дополнить этот комплекс “идеологической составляющей”, коей должна была стать археологическая экспедиция.

Когда было принято решение и в соответствии с ним заключено соглашение с Афганистаном, И.Т. Кругликова была назначена начальником экспедиции. Перед ней, естественно, первым стал вопрос о кадрах. Сама она, за исключением нескольких месяцев работы у французов, не обладала опытом работы на востоке, практически не знала материала, приемы раскопок сырцовой архитектуры оставались ей тогда еще мало знакомы. В таких условиях нужны были люди, которые имели бы среднеазиатский опыт и могли вести самостоятельно раскопки. Первым помощником И.Т. Кругликовой стал сотрудник ИА, выпускник кафедры археологии САГУ, участник ряда экспедиций в Узбекистане и Туркменистане В.И. Сарияниди. Несколько позднее в состав экспедиции вошла Г.А. Пугаченкова – архитек-

тор по образованию, крупнейший специалист по истории искусства центральноазиатского региона, участник и руководитель ряда экспедиций, в то время член-корреспондент АН Узбекской ССР. Широко были привлечены для работ молодые ученые из академий среднеазиатских республик (некоторые на короткий срок, другие – на все время деятельности экспедиции): О. Бердыев, Т. Ходжаниязов (Туркменистан), З. Хакимов, Ш.Р. Пидаев, У. Пулатов, Р. Сулейманов (Узбекистан), В.Н. Ягодин (Каракалпакия) и др.³ Необходимо подчеркнуть, что все эти участники экспедиции были высококвалифицированными специалистами, имевшими уже достаточно серьезный опыт работы. Не зря двое из них (Р. Сулейманов и Ш. Пидаев) позднее стали директорами институтов археологии. “Личную гвардию” И.Т. Кругликовой составляли сотрудники Сектора античной археологии ИА В.С. Долгоруков и Ю.М. Десятчиков. Первый из них, будучи вообще талантливым “полевиком”, очень быстро освоил все тонкости работы с сырцом и стал руководителем наиболее ответственных раскопок. Второй же, не обладавший подобными способностями, тем не менее оказался очень полезным: обладая чувством юмора, незлобивым характером, он много способствовал сохранению доброжелательной обстановки в коллективе. Когда среди находок экспедиции появились произведения искусства, прежде всего настенная живопись и глиняная скульптура, в полевых работах стали принимать участие реставраторы высшей квалификации: В.П. Бурый из Института реставрации (Москва)⁴ и В.М. Соколовский из реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа. Для камеральной обработки материалов также привлекались специалисты: бактрийские надписи читал В.А. Лившиц, монетные находки определялись Б.И. Вайнберг⁵.

Естественно, что при Советско-Афганской экспедиции находились, в соответствии с международной практикой, инспекторы из Департамента (позднее – Института) археологии Афганистана. Это были, как правило, молодые люди, не имевшие никакого специального образования и научного опыта. В это время в Афганистане имелся только

³ Огорчает отсутствие в составе экспедиции сотрудников Ленинградского отделения Института археологии, хотя в нем имелся сектор Средней Азии и Кавказа.

⁴ Тогда это учреждение называлось “Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей” (ВЦНИЛКР).

⁵ Б.И. Вайнберг, естественно, определяла монеты на основе фотографий. Часть монетных находок определялась в поле Г.А. Пугаченковой. Но в обоих случаях монеты оставались нерасчищенными, что, конечно, снижало качество работы.

² Ранее, в 1965 г., в ее работах участвовали два других советских специалиста: Р.М. Мунчаев и Г.А. Кошеленко.

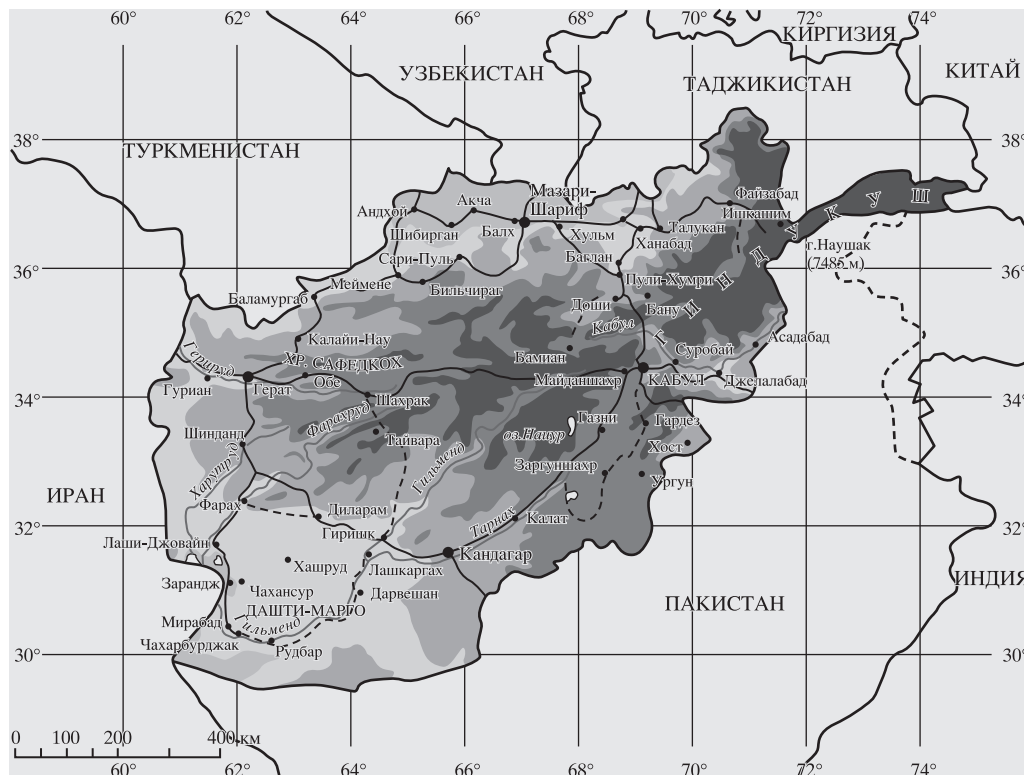

Рис. 1. Карта Афганистана.

один профессиональный археолог и один архитектор, занятый в сфере охраны памятников прошлого. Отношения с инспекторами складывались по-разному. Одни из них действительно стремились приобрести знания и активно участвовали в работах, другие воспринимали свое участие в экспедиции как нудное и ненужное занятие, мечтая побыстрее вернуться к радостям столичной жизни. Наконец, одного из инспекторов пришлось с позором изгнать за хищение драгоценных находок.

В целом Советско-Афганская экспедиция представляла собой достаточно серьезный коллектив специалистов, хорошо подготовленных к выполнению стоящих перед ними задач. Работы экспедиции охватили огромную территорию северо-запада страны: от Герата до Мазари-Шарифа (рис. 1). В опубликованных в последние годы документах переписки между ДАФА и соответствующими инстанциями в Париже явно сквозит тревога по поводу масштаба этих исследований и опасение того, что афганские власти решили вытеснить французов из северного Афганистана в угоду советской миссии (Olivier-Utard, 1997. P. 356).

Исследования экспедиции разворачивались по нескольким направлениям. Прежде всего необходимо отметить достаточно масштабные раз-

личные работы. Сотрудниками экспедиции было учтено несколько десятков ранее незафиксированных памятников различных эпох. В 1982 г. В. Болл (в сотрудничестве с Ж.-К. Гарденом) опубликовал большую работу, в которой обобщил все известные материалы, представив настоящую “Археологическую карту Афганистана” (Ball, Gardin, 1982). Он указывал, что в нее включены и те памятники, которые открыла Советско-Афганская экспедиция и которые были зафиксированы в ежегодных отчетах, сдававшихся в Институт археологии Афганистана. Однако выяснилось, что значительная часть памятников по неизвестным причинам в эти отчеты не попала. Эти памятники были опубликованы И.Т. Кругликовой только в 2005 г. (С. 309–437).

Кроме того, проводились целенаправленные поиски памятников каменной эпохи (правда, не все сезоны). Эту работу осуществлял сотрудник Института этнографии, многолетний участник работ Хорезмской экспедиции А. Виноградов.

Весьма значительные силы были привлечены к поискам и раскопкам памятников эпохи бронзы и раннего железа. Эта часть исследований осуществлялась под руководством В.И. Сарияниди. Итогом этой работы явилась диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, несколь-

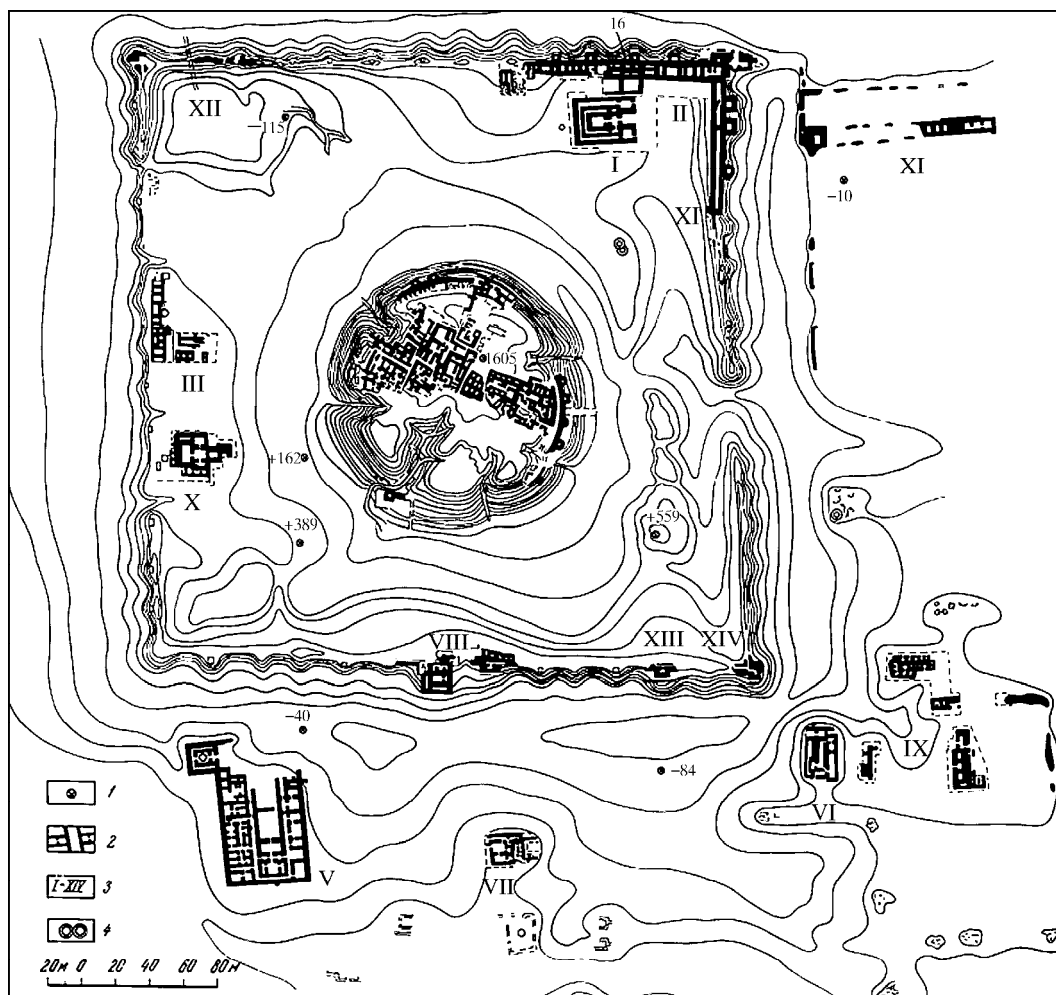

Рис.2. Дильберджин. План. 1 – репер (высота) над такыром; 2 – строительные остатки; 3 – номера раскопов; 4 – гончарные печи.

ко позднее изданная в виде отдельной монографии (Сарианиди, 1979).

Основное место в программе исследований занимали, естественно, памятники античной эпохи. Заветной мечтой И.Т. Кругликовой было найти нечто похожее на Ай Ханум, раскапывавшийся французскими археологами, т.е. еще один греческий город в Центральной Азии. Однако эта мечта осталась неосуществленной, и основным объектом исследований стал город следующей – кушанской – исторической эпохи Дильберджин (рис. 2). Несколько меньшие по масштабам раскопки проводились также еще на двух городских центрах: Емши-тепе и Джига-тепе (Жига-тепе, Джагат-тепе).

Необходимо подчеркнуть, что И.Т. Кругликова выбрала самое необходимое и наиболее перспективное направление исследований. Кушанский город на территории Афганистана оставался абсолютно “белым пятном”. Между Дальверзином (Южный Узбекистан) и Тахти-Сангином (Южный Таджики-

стан), с одной стороны, и Таксилой (Северный Пакистан) – с другой, простиралась обширная зона, где располагались руины десятков городов, но они оставались совершенно не затронутыми работами археологов. Можно перечислить все, что знали о городе кушанской эпохи в то время, когда Советско-Афганская экспедиция осуществляла свои исследования: некоторое количество шурфов и плохо понятые зачистки стен Бактр, примерно такое же количество шурфов на городище Старого Кандагара, часть городских ворот и две раскопанные комнаты комплекса, предположительно определенного как дворец в Беграме (Капише). Правда, в этих двух комнатах были найдены прекрасные произведения искусства и художественного ремесла, но все же это были только две комнаты большого комплекса (Mac Dowell, Taddei, 1978. P. 257–267).

В результате исследований Советско-Афганской экспедиции картина разительно изменилась. Раскопки трех городов дали весьма значитель-

Рис. 3. Дильберджин. Фрагмент полихромной настенной росписи.

ный материал по их истории, планировке, системе фортификации, жилой архитектуре, храмам, производственным комплексам и т.д. Произошел настоящий прорыв в наших знаниях кушанской эпохи. Особую ценность имели ранее не известные на территории Северного Афганистана произведения монументальной настенной живописи этого времени (рис. 3; 4), прекрасно отреставрированные сотрудниками экспедиции.

Своего рода последним аккордом в деятельности экспедиции стали замечательные открытия на холме Тилля-тепе возле Шибегана. При плановом исследовании храма раннежелезного века, руины которого у местного населения были известны под названием Тилля-тепе, неожиданно был обнаружен некрополь в составе по меньшей мере семи погребений. Некрополь, несомненно, принадлежал какой-то правящей фамилии, поскольку в могилах было обнаружено огромное число предметов из драгоценных металлов, главным образом из золота, украшенных драгоценными и полудрагоценными камнями. Датировка некрополя достаточно надежна (середина I в. до н.э. – середина I в. н.э.) благодаря найденным в погребениях монетам⁶. Иконография ряда найденных здесь произведений прикладного искусства с бесспорностью указывает на греческие прототипы, в то же самое время

Рис. 4. Дильберджин. Фрагмент полихромной настенной росписи.

художественные вкусы номадов проявляются в них с поразительной силой.

Значительной по масштабам была и публикационная деятельность экспедиции. Было издано три тома Трудов экспедиции (Древняя Бактрия..., 1976; 1979; 1984), к ним примыкала уже упомянутая ранее большая книга В.И. Сарияниди (1979), посвященная ранним земледельцам Афганистана, наконец, еще три меньших по размеру книги, специально посвященные результатам раскопок Диль-

⁶ Публикация монет (Сарияниди, Кошеленко, 1982. С. 307–318; Sarianidi, Koshelenko, 1992. P. 21–32).

берджина (Кругликова, 1974; Кругликова, Пугаченкова, 1977; Кругликова, 1986)⁷. Все это, кажется, должно было обеспечить результатам работ данной экспедиции достаточно почетное место в анналах археологии Востока.

Однако сейчас, спустя 30 лет с момента окончания работ, мы можем констатировать, что эти результаты оказались недостаточно востребованными мировой наукой. Особенно большое сожаление вызывает тот факт, что не используются результаты исследований городов южной Бактрии кушанского периода. Во вводной статье Д. Климбург-Салтер к широко известному сборнику, посвященному ряду проблем докушанского и кушанского периодов в истории Центральной Азии, говорится о расцвете городской культуры в Кушанском государстве (правда, без какой-либо конкретики) и перечисляются в той или иной степени исследовавшиеся города, но в этом списке нет тех городов, которые раскапывались Советско-Афганской экспедицией (Klimburg-Salter, 1999. Р. 8). Еще более показательным другим общим очерком, в котором рассказывается о судьбе Кабульского музея в последние десятилетия. Перечисляя экспедиции, которые в 60–70-е годы прошлого столетия работали на территории Афганистана, автор совершенно не упоминает Советско-Афганскую экспедицию, она упоминается только тогда, когда не сказать о ней просто невозможно – в связи с открытием Тилля-тепе (Grissman, 2006. Р. 63).

Есть только несколько сюжетов и находок, которые привлекли пристальное внимание иностранных исследователей. Как это ни странно, одним из таких сюжетов является планировка “храма Диоскуров” (рис. 5), о котором писали уже несколько исследователей, начиная с П. Бернара (Bernard, 1975. Р. 245–247).

Естественно, что некрополь Тилля-тепе с его богатейшими находками привлек внимание исследователей, но общая оценка с позиций иных, нежели позиции их публикатора, была за это время предпринята только Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелем (1986. С. 5–24; Pugachenkova, Rempel, 1991. Р. 11–25). Однако их концепция строилась на таком количестве недоказанных постулатов, что сейчас уже не может рассматриваться всерьез (Zeimal, 1999. Р. 239). Более продуктивными были более частные исследования. Ряд произведений искусства из раскопок некрополя Тилля-тепе анализировался исследователями, включая признанных специалистов,

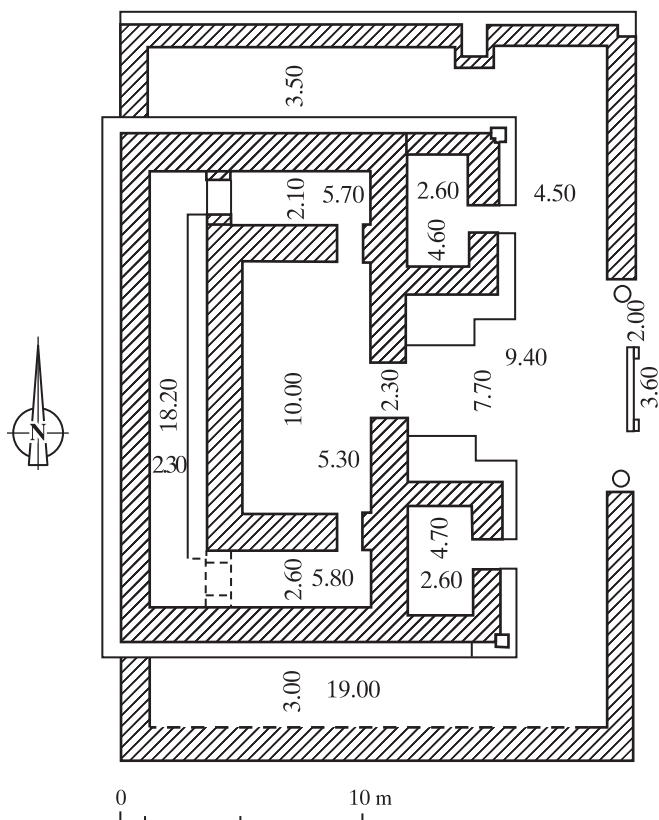

Рис. 5. Дильберджин. Храм Диоскуров. План.

таких как Дж. Бордмен и В. Шильц (Boardman, 2003a. Р. 133–146; 2003b. Р. 347–351; Schiltz, 2005. Р. 71–84; 2007. Р. 69–80). Загадочный артефакт, напоминающий индийскую монету (рис. 6), полученный при раскопках Тилля-тепе, после своей публикации привлек внимание сразу трех выдающихся исследователей: Б. Мукерджи, Ж. Фуссмана, Д. Мак Доуэлла (Mukherjee, 1981. Р. 41–45; Fussman, 1982. Р. 155–169; Mac Dowell, 1987. Р. 179–190). Затем, правда, он на много лет был забыт, несмотря на то, что является одним из ключевых памятников для понимания процесса рождения антропоморфного образа Будды.

К сожалению, основная масса информации оказалась невостребованной, большинство полученных данных не используются и не анализируются зарубежными коллегами. Нам представляется, что основная причина этого состоит в том, что не было итогового отчета, в котором были бы представлены в наглядном и достаточно сжатом виде все основные результаты исследований. Ведь все публикации экспедиции представляли собой ту или иную форму предварительного отчета. Сопоставлять данные, касающиеся одного и того же памятника, опубликованные в различных изданиях, – эта

⁷ Специально западных исследователей И.Т. Кругликова, кажется, информировала только один раз. Это доклад, прочитанный в Париже в Академии надписей и изящной словесности (Kruglikova, 1977. Р. 407–427).

Рис. 6. Тилля-тепе. Погребение 4. Артефакт, напоминающий индийскую монету.

задача пока превосходила силы наших зарубежных коллег.

Естественно, встает вопрос о причинах отсутствия такого отчета. С нашей точки зрения, дело не только в том, что деятельность экспедиции была прервана внезапно из-за развернувшейся в Афганистане гражданской войны. Существовала и другая причина, кроющаяся в психологическом настрое советских археологов, участников проекта. Дело в том, что для всех них, включая “ядро” экспедиции (И.Т. Кругликова, Г.А. Пугаченкова, В.И. Сарияниди), работа в Афганистане не стала, так сказать, “делом жизни”. Все они имели на территории Союза свои объекты исследований, экспедиции, памятники, которые в их представлении были важнее, нежели объекты, изучавшиеся ими в Афганистане. Работа в Афганистане воспринималась как интересное, почетное, экономически выгодное мероприятие, но никак не основное дело в их научной карьере. Видимо, именно поэтому в момент, когда полевые исследования в Афганистане стали невозможны, участники проекта вернулись к своим обычным занятиям в Причерноморье, Узбекистане, Туркменистане. Быстро закончилась и издательская деятельность. В 1984 г. вышел в свет последний том Трудов экспедиции. Единственным исключением стал В.И. Сарияниди, который посвятил несколько лет изданию материалов раскопок Тилля-тепе.

Видимо, подобным психологическим настроением объясняется и своеобразие публикационной практики экспедиции. Практически 90% публикаций принадлежат перу трех авторов: И.Т. Кругликовой,

Г.А. Пугаченковой и В.И. Сарияниди. “Рядовые” сотрудники публиковались очень редко и мало. Так, В.С. Долгоруков, А. Виноградов и Ш. Пидаяев за 10 лет работы экспедиции опубликовали по одной статье, Ю.М. Десятчиков и многие другие вообще не подготовили за это время ни одной работы. Также после публикации материалов Тилля-тепе больше 20 лет никаких новых публикаций по результатам деятельности Советско-Афганской экспедиции ее участниками не предпринималось.

Несколько запоздалым дополнением стал изданный по настоятельной просьбе Отдела классической археологии ИА РАН ряд больших статей И.Т. Кругликовой, о которых мы писали выше. При всей значимости этих публикаций нужно помнить, что столь большой срок между исследованиями и изданием их результатов не мог не повлиять на качество работы. Особенно наглядно это видно на примере археологической карты Афганистана. Прежде всего были утрачены те оригинальные карты, которыми пользовались археологи, и текст пришлось согласовывать с другими, с иными масштабами. Кроме того, в результате появились очень нежелательные “ляпы”. В ряде мест отчета присутствует информация такого характера: “слева от дороги находится тепе”... Но понять из отчета, куда ехали археологи: из Кабула в Герат или в обратном направлении – невозможно, и понять, где было лево, а где право – также.

Еще один пример недостатков в публикационной деятельности демонстрирует, как это ни стран-

Рис. 7. Джига-тепе. Надгробная надпись (фрагмент).

но, Г.А. Пугаченкова. При раскопках Джига-тепе была найдена фрагментированная греческая надпись (Пугаченкова, 1979. С. 75). Из сохранившихся частей текста для каждого антиковеда становилось предельно ясным, что надпись – надгробная (рис. 7). В ней отчетливо читалось “ΕΙΣ ΑΙΔ...”, т.е. “в Аид”, в загробное царство. Но Г.А. Пугаченкова, не являвшаяся антиковедом, стала трактовать надпись по своему: отталкиваясь от слова “ΠΑΤΗΡ” (отец) и рядового имени Диоген, также присутствующих в тексте, она предложила считать надпись посвяtitельной, укрепленной на стене храма. Почему не исправила эту грубую ошибку редактор И.Т. Кругликова, не понятно, но эта ошибка до сего времени служит объектом едких насмешек наших западных коллег (Bernard, 2002. Р. 106).

Отдельную и совершенно особую проблему представляет публикация находок Тилля-тепе. Как известно, эти раскопки проводила группа археологов под руководством В.И. Сарияниди. И.Т. Кругликова в этом сезоне не принимала участия, но формально она оставалась начальником экспедиции. Насколько известно, она поднимала перед Б.А. Рыбаковым вопрос о том, чтобы именно ей было предоставлено право публикации этих находок. Однако ответ академика Б.А. Рыбакова был сугубо отрицательным. Все права были отданы В.И. Сарияниди. Последний воспользовался этим правом в полной мере. Помимо бесчисленного количества статей им были изданы три книги, посвященные некрополю Тилля-тепе. Прежде всего необходимо указать на прекрасный альбом с воспроизведениями находок.

Сопровождающий иллюстрации текст представляет собой описание погребений и находок, сделанных в них, дополняемый некоторыми аналогиями (Sarianidi, 1985). Кроме того, появилась книга научно-популярного характера, в которой достаточно подробно освещен сам процесс производства раскопок, при этом иногда автор касается и некоторых теоретических вопросов (Сарияниди, 1983). Наконец, в конце 1980-х годов В.И. Сарияниди опубликовал книгу с минимальным количеством иллюстраций, но с достаточно обширным текстом, дающим квинтэссенцию его понимания памятника (1989)⁸.

Именно на основании этих основных публикаций мы и можем судить о правильности или ошибочности решения Б.А. Рыбакова отдать все материалы из раскопок Тилля-тепе для исследования и публикации В.И. Сарияниди. Сейчас, когда прошло столько времени, мы с определенной долей уверенности можем говорить о том, что академик Б.А. Рыбаков принял недостаточно взвешенное решение. В.И. Сарияниди был и остается специалистом по археологии бронзового века Центральной Азии, достаточно хорошо он знаком и с проблематикой раннего железного века этого региона, но он очень далек от проблем центральноазиатской античности. К тому же в данном случае античность представлена не в своем “стерильном” виде, как на городище

⁸Известно также о публикации В.И. Сарияниди (в соавторстве с Т. Ходжаниязовым) книги на туркменском языке, которая, кажется, представляла собой сокращенный пересказ книги “Афганистан: сокровища безымянных царей”.

Ай Ханум, а как античность, переработанная под влиянием потребностей новых “хозяев жизни”, – кочевнических вождей⁹. Адекватно понять феномен Тилля-тепе Сарияниди В.И. не смог, что немедленно было отмечено специалистами (Bernard, 1991. Р. 161–164). П. Бернар, в частности, указывал, что у В.И. Сарияниди отсутствует какая-либо концепция, соответственно привлекаемые аналогии случайны, иногда отсутствуют самые элементарные представления об обсуждаемых сюжетах. Так, при описании артефакта с изображением Диониса и Ариадны он иногда путает персонажи, и т.д. Не согласен П. Бернар и с отнесением персонажей, погребенных в данном некрополе, к числу представителей юечжийской знати; по его мнению, бóльшим правом на это обладают саки. Наконец, он считает совершенно нереалистичной картину характера погребений, нарисованную В.И. Сарияниди: тайное захоронение. Организовать тайное захоронение на расстоянии менее 1 км от городских ворот совершенно невозможно. Естественно, что подобная оценка публикаций некрополя сказывалась на оценке деятельности экспедиции, а то и Института в целом.

Видимо, оптимальным было бы другое решение вопроса об издании материалов Тилля-тепе – создание группы из трех ученых, включавшей в себя В.И. Сарияниди как первооткрывателя и раскопщика, И.Т. Кругликову как специалиста-антиковеда и авторитетного исследователя среднеазиатских кочевников. Последний был бы чрезвычайно полезен не только для решения вопроса об этнической принадлежности погребенных, но и еще одного важного вопроса. Неясно, был ли этот маленький некрополь обычным с точки зрения практики, т.е. погребены ли на нем представители одной семьи в течение определенного времени, или экстраординарным – погребением главы рода, сопровождаемым одновременными погребениями женщин его гарема, как это иногда предполагается (Bernard, 1991. Р. 164, 165). В зависимости от того или иного решения этого вопроса находится решение и ряда других, например, о монетах. В случае второго варианта все несколько искусственные построения Е. Зеймаля (Zeimal, 1999. Р. 239–244) по этому поводу оказываются бесполезными.

С другой стороны, сегодня мы наблюдаем другое следствие решения Б.А. Рыбакова. По миру путешествует выставка чудом сохранившихся сокровищ из коллекций Кабульского музея¹⁰. Основу ее составляют находки Тилля-тепе (Afghanistan..., 2007).

В каждой из стран издается свой каталог этой выставки и в каждом из них пишется о первооткрывателе некрополя В.И. Сарияниди. Но ни в одном из них, насколько мы знаем, не упоминается тот факт, что он являлся только представителем Института археологии – учреждения, организовавшего и финансировавшего исследования. Тот факт, что Институт археологии РАН в этих публикациях оказывается никак не причастным к одному из наиболее сенсационных открытий второй половины XX в., – следствие того же решения академика Б.А. Рыбакова.

Подводя некоторые итоги, мы можем утверждать, что в деятельности Советско-Афганской экспедиции были большие достижения, но и немалое число недостатков. Наша задача состояла в том, чтобы, указав на них, предостеречь сотрудников современных зарубежных миссий Института археологии РАН. Уже сейчас как в дальнем зарубежье, так и в странах СНГ работает ряд наших экспедиций. Бесспорно, что число их будет увеличиваться. В этих условиях их участники должны помнить, что на них будут смотреть сотни глаз, и эти глаза не всегда доброжелательны. По характеру и результатам исследований будут судить не только об отдельных археологах, но и о нашем Институте, Российской академии наук, вообще о российской науке.

Исходя из опыта Советско-Афганской археологической экспедиции, мы осмеливаемся дать несколько практических советов: 1) руководитель экспедиции и его непосредственные помощники должны быть сосредоточены только на ней, они не должны иметь иных заданий; 2) необходимо стараться вовлечь в камеральную и публикационную деятельность сколь возможно большее число участников экспедиции; 3) прилагать усилия для достаточно частого информирования коллег (включая зарубежных) о ходе работ и их результатах; 4) не затягивать публикаций по итогам работ в целом или по итогам завершения определенного их этапа; 5) дирекция Института должна особенно тщательно следить за уровнем публикаций зарубежных экспедиций.

Статья подготовлена в рамках Программы Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России” в рамках проекта “Отечественная школа центральноазиатской археологии”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Древняя Бактрия. Матер. Советско-Афганской археолог. экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976.
- Древняя Бактрия. Вып. 2. Матер. Советско-Афганской археолог. экспедиции. М., 1979.
- Древняя Бактрия. Вып. 3. Матер. Советско-Афганской археолог. экспедиции. М., 1984.

⁹ См., например, Кошеленко, Гаилов, 2008. С. 86–98.

¹⁰ О судьбе коллекций музея см.: Мунчаев, Кошеленко, 2009. С. 123–131.

- Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Бактрийский царь в кочевнической трактовке // ПИФК. 2008. Вып. XXII.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. М., 1974.
- Кругликова И.Т. Храм Диоскуров. М., 1986.
- Кругликова И.Т. Раскопки западного храма в Дильберджине // ПИФК. 1999. Вып. VII.
- Кругликова И.Т. Цитадель Дильберджина // ПИФК. 2001. Вып. X.
- Кругликова И.Т. Джагат-тепе // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969–1976 гг. // ПИФК. 2005. Вып. XV.
- Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин. Ч. 2. М., 1977.
- Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А. Судьба Кабульского музея // РА. 2009. № 4.
- Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Вып. 2. Матер. Советско-Афганской археолог. экспедиции. М., 1979.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. О “золоте безымянных царей” из Тилля-тепе // Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, 1986.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1979.
- Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
- Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du Musée national de Kaboul. Sous la direction de P. Cambon en collaboration avec J.-F. Jarrige, avec le concours scientifique de P. Bernar et V. Schiltz. Paris, 2007.
- Ball W., Gardin. J.-C. Archaeological gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. T. I, II. Editions recherches sur les civilisations. Paris, 1982.
- Bernard P. Les traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne // JA. 1975.
- Bernard P. Рец. на книгу Сарианиди В.И. “Храм и некрополь Тиллятепе” М., 1989 // Studia Iranica. 1991. T. 20.
- Bernard P. Langue et épigraphie grecques dans l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // Greek Archeology without Frontiers. Athènes, 2002.
- Boardman J. Three monsters at Tillya Tepe // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2003a.V. 9. № 1, 2.
- Boardman J. The Tillya Tepe gold: a closer look // Ancient West and East. 2003b. V. 2. № 2.
- Fussman G. Monnaie d'or de Kaniska inedited, au type du Buddha // Revue numismatique. 1982. 6^e ser. T. XXIV.
- Grissman C. The Kabul Museum: Its Turbulent Years // Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach / Ed. J. Van Krieken-Pieters. Leiden; Boston, 2006.
- Klimburg-Salter D. From an art historical perspective: problems of chronology in the Kusana period // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian borderlands / Eds M. Alram and D.E. Klimburg-Salter. Wien, 1999.
- Kruglikova I. Les fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjén en Bactriane (Afghanistan) // CRAI. 1977.
- Mac Dowell D.W. The Development of Buddhist Symbolism on the Coinage of the North West // Investigating Indian Art. Proceedings of a symposium on the development of early Buddhist and Hindu iconography held at the Museum of Indian art (Berlin) in may 1986. Berlin, 1987.
- Mac Dowell D.W., Taddei M. The Pre-Muslim period // The archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Eds F.R. Allchin and N. Hammond. L.; N.Y.; San Francisco, 1978.
- Mukherjee B.N. A gold coin from Tillya-tepe (Afghanistan) // Jr. Numismatic Society India. 1981. V. XLIII. P. 1.
- Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982). Paris, 1997.
- Pugachenkova G.A., Rempel L.I. Gold from Tillya-tepe // Bulletin of the Asia Institute. 1991. New ser. 5.
- Sarianidi V.I. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
- Sarianidi V.I., Koshelenko G.A. Les monnaies de la nécropole de Tillya-tepe (Afghanistan) // Studia Iranica. 1992. T. 21. Fasc. 1.
- Schiltz V. Tillya-tepe: nouveaux enjeux // L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Nouvelle données. Actes d'une journée d'études. UNESCO. 11 mars 2005. Paris, 2005.
- Schiltz V. Tillya tepe, la “Colline de l'or”, une necropole nomade // Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du Musée national de Kaboul. Paris, 2007.
- Zeimal E.V. Tillya-tepe within the context of the Kushan chronology // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian borderlands / Eds M. Alram and D.E. Klimburg-Salter. Wien, 1999.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АРХЕОЛОГИЯ: Учебник / Под ред. акад. РАН В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2006. 608 с.

Тем из нас, кому приходится преподавать основы археологии на первом курсе исторических факультетов университетов и пединститут, уже давно очень не хватает стабильного, компактного и отражающего современное состояние науки учебника, поэтому выход в свет рецензируемого издания был многими воспринят с энтузиазмом. Его публикация была, безусловно, в высшей мере актуальна. Над ним работала высокопрофессиональная команда сотрудников кафедры археологии МГУ и ИА РАН. Важно и то, что опорой для авторов послужили превосходные учебники: А.В. Арциховского, изданный больше 50 лет назад, и Д.А. Авдусина, вышедший 20 лет назад.

В предисловии четко указан адресат учебника. По Государственному образовательному стандарту археология давно стала неотъемлемой частью системы нашего исторического образования. Должны прослушать общий курс археологии и сдать экзамен **все студенты** исторического факультета независимо от их будущей специализации. То же касается и начальной полевой археологической практики. Если студент выберет специализацию по кафедре археологии, в последующие годы он будет углубленно изучать спецкурсы, работать в спецсеминарах и экспедициях.

Обычно общий курс археологии читается в течение одного семестра (редко – полутора) для студентов **первого курса**, т.е. для вчерашних школьников. Историю они изучали в школе, а археология для них дисциплина новая. Кое-что они знают из телевизионных программ, интернета и других СМИ, но эти знания, как правило, создают не вполне достоверный образ науки с сильным акцентом на сенсации, псевдосенсации и полевую романтику. В каждом новом наборе найдутся и такие абитуриенты, которые уже успели побывать волонтерами в археологической экспедиции. У них, конечно, более достоверное представление о науке, но общей картины оно не меняет.

Из этого следует, что учебник, по которому будут учиться не только будущие археологи, но и историки, этнографы, искусствоведы и другие гуманитарии, должен дать реальное, но *общее* представление об археологии, ее задачах, достижениях, методах исследования и т.д. С этой точки зрения представляется, что книга объемом более 600 страниц для семестрового общего курса, мягко говоря, великовата, а в совокупности с рекомендуемой литературой и вообще неподъемна. При правильном выборе в качестве опоры учебников Арциховского и Авдусина новый учебник почти втрое превосходит первый и вдвое – второй. За счет какого материала это происходит?

Очень удачным представляется содержание “Введения” (с. 8–27). На сравнительно небольшом количестве страниц компактно и ясно размещены почти полный обзор всего научного инструментария археологии и краткая история науки. При общей высокой оценке этого раздела все же следует отметить некоторые упущения и неточности.

Типологический метод В.А. Городцова только по названию совпадает с методом О. Монтелиуса и О. Питт-Риверса. Общее у всех троих – эволюционная философия. Монтелиус и Питт-Риверс на основе представлений об эволюции формы и

конструкции вещей пробовали построить их относительную хронологию. Городцов же пытался создать универсальный определитель, т.е. такую, подобную линнеевской, систему классификации, в которой каждый предмет или объект находил бы свое точное место в общем историко-культурном пространстве. Нечто вроде гигантского шкафа с определенными ячейками для типов, выделенных “по назначению, форме и веществу”.

Характеризуя метод определения абсолютного возраста по ^{14}C , теперь уже невозможно не упомянуть его модификацию AMS, т.е. молекулярно-спектроскопическую технологию, которая, во-первых, намного точнее, а во-вторых, позволяет датировать образцы массой 0.5 мг. Таким способом было датировано уже более сотни образцов древнейшей пещерной живописи.

В той части “Введения”, где перечислены наиболее выдающиеся российские археологи, почему-то выпало имя А.П. Окладникова, хотя упоминается созданный им Институт в Новосибирске. В одном ряду перечислены имена О. Монтелиуса, Х. Хильдебранда, О.Г. Питт-Риверса, К.Ю. Томсена, Й.Я. Ворсо, Й.Р. Аспелина, А.М. Тальгрена. Вклад в археологию Хильдебранда был весьма ограниченным: после окончания университета первые годы он вместе с Монтелиусом служил в Королевском музее в Стокгольме, а затем полностью посвятил себя медиэвистике. Аспелин вообще всего три сезона (1887–1889) собирал в Южной Сибири рунические надписи, которые он считал бесспорно финскими, а после дешифровки В. Томсена впал в уныние и отказался от дальнейших исследований. Странно, что в этом списке не нашлось места по крайней мере для двоих корифеев: Флиндерса Питри и Гордона Чайлда.

На с. 24 и 25 двумя невнятными строчками безлично сказано об эмиграции и незаконных репрессиях против советских археологов. Следовало бы в специальном абзаце-мартирологе перечислить имена Г.И. Боровки, М.П. Грязнова, Б.С. Жукова, А.А. Миллера, П.С. Рыкова, С.И. Руденко, С.А. Теплоухова и других, безвинно замученных и пострадавших в годы сталинских репрессий. И подчеркнуть, что этим нашей науке был нанесен урон, трудно восстанавливаемый до сих пор.

Перечисленные в конце “Введения” теоретические направления в российской археологии, сформировавшиеся после середины 1950-х годов, тоже вызывают вопросы. Представляется более подходящим название первого из них не “археологическая история”, а “историческая археология”. От такой перестановки слов меняется смысл в сторону правил исторической интерпретации археологических материалов и наблюдений, т.е. необходимой работы, которой постоянно занимается каждый из нас, но каждый – на свой лад и вкус. Если возможна “археологическая история”, то вслед за ней возможны и “этнографическая история”, и “антропологическая история”, и, скажем, вместо общепринятой “исторической географии” – “географическая история”.

“Социологическая археология” представляется вообще искусственно созданным направлением, не имеющим реальной фактической базы. Для него нужны более или менее точ-

ные цифры для наполнения моделей, иначе оно превращается в наукообразное украшательство. Название “технологическая археология” сужает фактическое содержание этого направления. Уместнее было бы назвать его “археологическая технология”, как это было сделано в ГАИМК с самого начала, или, как это теперь принято на Западе, “археометрия”. Тогда оно естественным образом вобрало бы в себя все виды аналитических исследований, в том числе не упомянутые в учебнике бурно развивающиеся ГИС-технологии, методы классификации, математической обработки и т.п.

Общее впечатление от логической структуры книги тоже вполне положительное. Объем первых трех разделов сбалансирован (в среднем по 120 стр.), но уже великоват для первого знакомства, а четвертый раздел почти вдвое больше. Возникает сожаление о существенном превышении общего объема. Мне можно возразить, что эта книга адресована еще и студентам, специализирующимся по археологии. Но для них потребуются более глубокое и подробное изложение всех проблем. Следовательно, для старших курсов этих разделов недостаточно, а для начального они слишком велики.

Раздел I “Каменный век” состоит из пяти глав: палеолит, мезолит, неолит плюс две вступительные главы. Он оставляет желать лучшего: здесь есть и фактические ошибки, и повторы, и излишества. Время выделения человека из животного мира – около 3 млн. л.н. (с. 28). Это если считать человеком австралопитека. Но самые ранние представители рода *Homo* с австралопитеком не связаны и появились примерно на 500 тыс. лет позже. Никакая из групп австралопитеков не была “базовой для дальнейшей эволюции человека” (с. 34). Они вымерли около 1 млн. л.н., когда их современником был уже *Homo erectus*. Луис Лики – не американский археолог, а южноафриканский антрополог, выходец из Англии. Допущены ошибки в названиях Макапансгат и Штеркфонтейн.

Таможенный чиновник Ж. Буше де Перт был археологом-любителем. Г. де Мортилье – инженер-геолог, который увлекся археологией и, познакомившись с Э. Ларте, стал заниматься ею профессионально. Здесь повторно упоминаются Томсен и Ворсо. Не совсем понятно, зачем перечисляются имена Моргана, Ратцеля, Коссинны и других исследователей, не имевших отношения к археологии каменного века.

Получилось так, что древнейшие этапы палеолита рассматриваются дважды. Сначала кратко в главе “Антропогенез”, а потом – слишком подробно на с. 44–62, где большая часть текста посвящена либо спорным, либо не вполне ясным сугубо специальным вопросам, которые студенту первого курса не нужны. А студент-старшекурсник заметит ошибки и неточности. Вообще раздел об антропогенезе следовало бы заказать профессионалу-антропологу. В Москве есть такие специалисты мирового уровня.

Очень сомнительны “жилище” из Олдува и возраст Улалинки. Более достоверные памятники не упоминаются (Карам на Алтае, Дарвагчай и Рубас в Дагестане и др.). В Дманиси найдены не только челюсть, но и черепа *Homo erectus*. Весь нижний палеолит можно было охарактеризовать на пяти-шести страницах, показав образцы каменной индустрии и карты ареалов. Для первого курса этого более чем достаточно.

Возникают вопросы и сомнения и при чтении раздела 3.4. “Мустьерская эпоха”. Студент-первокурсник, только дочитав до с. 61, догадается, что мустье – это время неандертальца, вокруг которого среди профессионалов накопилось еще больше неясностей, чем было до исследования его ДНК. Неандерталь – не город (с. 31), а долина реки Неандер. Находка была сделана близ Дюссельдорфа.

В этом и предыдущем разделах говорится об археологических культурах. Невредно было бы вспомнить мнение пре-

восходного знатока палеолита С.Н. Замятнина и не забывать, что Ф. Борд, формируя свою типологию, базировался на чисто формальных, в основном количественных признаках. И если исходить из понимания археологической культуры, приведенного на с. 14 (как представляется, вполне резонного), то для выделения культур в нижнем и даже среднем палеолите не просматривается никаких оснований. Для того времени невозможно говорить не то что об историко-этнических общностях, но и вообще о полностью осознавшем себя гоминиде.

При характеристиках жилищ и особенно мировоззрения неандертальцев в нашей литературе сложилась тенденция пересказывать данные не из первых рук. В таких случаях по правилу “испорченного телефона” накапливаются искажения фактов. Эти “разночтения” хорошо показаны в работах Ю.А. Смирнова о неандертальских “захоронениях” (1979 и др.). Еще в 1934 г. Замятнин “докопался” до записей братьев Буассоньи, копавших Ля Шапель-о-Сент (кстати, это название – не Капелла на Сене, как многие думают, а Капелла Всех Святых), из которых было ясно, что скелет лежал не в могиле, а в культурном слое толщиной около 40 см. В Шанидаре IV, по данным, которые сообщила мне Арлетт Леруа-Гуран, было найдено семь видов цветов-медоносов именно из той местности. Я не согласился с ее интерпретацией “букета на могилу”, поскольку пыльца была зафиксирована не над скелетом, а среди костей поясничного и тазового поясов, и предложил альтернативное, “неритуальное”, объяснение. Будучи больным, неандерталец, как и все животные, инстинктивно ел лекарственные растения, но они ему не помогли. Вывод о формировании мировоззренческих представлений и усложнении социальной организации в эпоху мустье (с. 62) ничем не обоснован, но неискушенный студент примет его за истину.

Характеристике верхнего палеолита отведено почти 30 страниц (с. 62–91). В целом этот раздел выгодно отличается своей конкретностью. Информация об орудиях труда и оружии, а также о жилищах, украшениях и об одежде наглядно представлена в иллюстрациях и текстах. Описание природы могло быть более живым. Например, студенты живей воспринимают характеристику рубежа между плейстоценом и голоценом, если им сказать, что за счет замерзания воды в ледниках уровень мирового океана был ниже современного на 120 м, поэтому вместо Берингова пролива был Берингов перешеек, через который заселялся американский континент. Между юго-восточной Азией и Австралией были большие пространства мелководья, что способствовало заселению Австралии уже около 40 тыс. л.н.

К сожалению, и здесь не удалось избежать ошибок. Кро-Маньон – не грот, а огромный скальный навес на окраине городка Лез-Эйзи де Тайяк в Дордони, где в 1868 г. Э. Ларте при строительстве железнодорожной станции нашел три мужских скелета, один – женский и один – подростка.

За подробным описанием технологии обработки камня и кости, а также за малопонятным первокурснику разделом “Культурные области и археологические культуры” потерялось самое главное отличие верхнего палеолита от предшествующих эпох – революционный характер, качественное изменение не только каменной индустрии, но и всего образа жизни. Фактически именно с верхнего палеолита начинается история человечества со всеми ее особенностями, и, прежде всего, история культуры во всех без исключения ее проявлениях: от технологической культуры, культуры жилища, одежды, питания и т.п. до мифологии и искусства.

Было бы целесообразнее раздел о каменном веке сократить до объема, который был в учебнике Арциховского, но с включением новых данных, которые в те годы еще не были известны. Это можно было сделать вполне безболезненно и

не перегружать студентов I-го курса подробностями, которые большинству из них вообще не понадобятся и настолько дискуссионны, что для их восприятия нужна специальная подготовка.

Разделы о религиозных представлениях и об искусстве тоже вызывают отдельные замечания. На с. 63 говорится о 80 находках костных останков из погребений, а на с. 77 их уже 70. Находка из Берехат Рам, которая по умолчанию имеется в виду, еще остается дискуссионной, а ее ближневосточное происхождение может быть связано с самыми ранними сапиенсами. Есть в доистории еще такое явление, как “забегание вперед” (Vishnyatsky, 1994), понимание которого заставляет с большой осторожностью относиться к единичным находкам, демонстрирующим некие несвойственные данной эпохе “прорывы” в будущее. Таким образом, пока нет оснований относить начало изобразительной деятельности к эпохам позднего ашеля и мустье. А прочитав строки на с. 79, первокурсник проникнется к ним полным доверием.

В целом раздел об искусстве верхнего палеолита вполне соответствует современному состоянию науки. Сказано главное – искусство верхнего палеолита свидетельствует о том, что завершилось формирование сознания современного человека. Однако не сказано о том, что искусство, речь и другие формы знакового поведения образовали в эпоху верхнего палеолита качественно новое явление в эволюции человека – информационное поле культуры. И поэтому только начиная с верхнего палеолита можно говорить о полноценной истории мировой культуры. Не сказано также, что палеолитическое искусство, так ярко вспыхнув и просуществовав почти 20 тыс., к XII тыс. угасло и не имело продолжения, а через 5–6 тыс. появилось другое, мезолитическое, искусство с явной тенденцией к схематизации.

Есть некоторые неточности. Возраст древнейших “черных носорогов” из пещеры Шове не 28, а 32 тыс. лет. Пещер с палеолитической живописью только в Испании 120, во Франции более 160, в Италии 21, а всего их более 300. Недавно открыта первая такая пещера в Англии. Раздел “Культурные области и археологические культуры” можно было безболезненно сократить, памятуя определение археологической культуры на с. 14 и имея в виду углубленное изучение палеолита на старших курсах.

Главы 4 и 5 “Мезолит” и “Неолит” в целом соответствуют требованиям к учебным текстам по данной тематике. Однако и здесь разделы, посвященные детальной характеристике каменной индустрии и археологическим культурам, которые не вписываются в критерии, представленные на с. 14, можно было опустить. Достаточно было показать два-три ключевых памятника в сопровождении хороших иллюстраций. В этой связи странно, что мелкий шрифт текста об Оленеостровском могильнике делает его чтение необязательным. Также странно, что в десятистраничном многословном тексте, посвященном общей характеристике неолита, ни разу не упоминается имя В. Гордона Чайлда, создателя теории неолитической революции.

Описывая искусство мезолита, можно было одним-двумя словами подчеркнуть, что роспись в гроте Шахты – самый высокогорный изобразительный памятник. Хорошо, что характеристики различных художественных изделий и изображений мезолита представлены в таблицах с четкими ссылками на конкретные памятники и без их “свободной”, не подкрепленной фактами интерпретации, но при описании изобразительных материалов эпохи неолита эта разумная сдержанность теряется. Таблицы на с. 126–146 лишены ссылок на конкретные памятники и не имеют ничего общего с “солнечными” ладыми, соляными знаками, тотемизмом и

анимизмом, культами плодородия, хозяйственно-календарными циклами, борьбой солнца с чудовищами и т.п. Все это – умозрительные интерпретации, не вытекающие из материала, не самый лучший пример для неискушенных студентов, которые легко принимают их за вполне научные рассуждения и потом копируют в своих курсовых и дипломных работах.

Между тем и в мезолитическом, и в неолитическом, и даже в верхнепалеолитическом искусстве редко, но встречаются образы, связанные со “сквозными” мифологическими сюжетами, существующими вплоть до нашего времени. Например, образы Девы-Прародительницы и божественного Быка как символа мужского начала находят явные параллели в праиндоевропейском мифе о творении мира. В этой связи странно, что таким памятникам, как Иерихон и особенно Чатал-Хююк, уделено всего 12 строк на с. 118. Святилища Чатал-Хююка с обмазанными глиной и расписанными черепами быков, с лепными фигурами рожавшей женщины как раз и находят вполне правдоподобное объяснение в упомянутом мифе. А стенная фреска с огромным быком и мелкими человеческими фигурами продолжает получивший начало в верхнем палеолите миф о трагическом исходе неудачной охоты на быка. Этот миф потом существует во всех евразийских древних культурах от “корриды” из пещеры Ляско до современной корриды.

Описание кельтеминарских жилищ (с. 135) могло бы стать хорошим примером неоднозначности наших интерпретаций и реконструкций (речь идет о разных реконструкциях кельтеминарского дома С.П. Толстовым и М.П. Грязновым). На таких примерах студент учится глубже понимать археологический памятник, отличать факты от выводов и накапливать разумный скептицизм по отношению к выводам других исследователей.

Главы раздела II “Энеолит и бронзовый век” в целом производят благоприятное впечатление простотой и ясностью изложения и несколько нетрадиционным для предшествующих учебников подходом к характеристике отдельных историко-культурных регионов с позиций развития металлургии меди и бронзы, т.е. по металлургическим провинциям (Е.Н. Черных). При этом не отбрасываются и традиционные методы изучения памятников энеолита и бронзового века на основе стратиграфии, типологии и с учетом абсолютных дат по ¹⁴C.

Главы 3–5 охватывают восточноевропейский, среднеазиатский и закавказский регионы с частичным выходом в некоторые районы Средиземноморья, т.е. это Балкано-Карпатская и Циркумпонтийская металлургические провинции, в которых сосредоточены основные земледельческие и степные скотоводческие культуры. Материал изложен подробно, ясно и последовательно. Однако наряду с высокой оценкой первых пяти глав раздела II трудно удержаться от некоторых, как представляется, существенных замечаний.

Главное из них состоит в том, что неясно, какому студенту эти главы предназначены – первокурснику-историку или старшекурснику-археологу. Повторяется ситуация, имевшая место в первом разделе: для первокурсника все это слишком подробно, малопонятно и потому не будет усвоено. Для старшекурсника данный раздел не нужен уже потому, что в большинстве глав дословно повторяются части учебного пособия (Рындина, Дегтярева, 2002), изданного, как представляется, для студентов, избравших своей специальностью археологию бронзового века. Таким образом, из 122 страниц раздела II не менее 85 можно считать лишними.

Есть замечания и по содержанию. Говоря о принципах хронологии и синхронизации культур бронзового века (с. 153), было бы очень полезно хотя бы в одном-двух абзацах изло-

жить смелую критику В. Милойичем радиоуглеродных датировок культур типа Караново-Винча. Эта критика, несмотря на некоторые погрешности, в итоге способствовала совершенствованию самого радиоуглеродного метода. Последовавшие за выступлением В. Милойича работы в течение 10–15 лет выявили ряд физических эффектов, влияющих на расхождения между радиоуглеродными и археологическими датами. Это мировые колебания климата (Х. де Фриз), сжигание ископаемого топлива, разбавляющее концентрацию ^{14}C старым легким углеродом, в котором уже не осталось радиоактивного изотопа (Г. Зюсс), а также испытания ядерного оружия в атмосфере. Был уточнен период полураспада: 5730 ± 40 лет (по Либби: 5568 ± 30). Все эти поправки необходимо учитывать при исчислении даты исследуемого образца.

Из опыта могу отметить, что аудитория с большим интересом воспринимает пример из программы по археологии Хайдельбергского университета. Там студенты выполняют лабораторную работу – датировку по ^{14}C веток современного кустарника, растущего вдоль автобана. Получается III–II тыс. до н.э. Вопрос: каким образом? Далеко не каждый и не сразу догадывается, что это результат многолетнего усвоения кустарником углерода из выхлопа горючего, в котором ^{14}C уже не осталось вовсе.

В разработке поправок к методу датировки по ^{14}C важную роль сыграла дендрохронология, построенная на образцах дерева-долгожителя, – калифорнийской остистой сосны. Наложением на живые деревья образцов от сухих деревьев удалось составить дендрохронологическую шкалу протяженностью 7117 лет, т.е. до 5150 г. до н.э. От этих образцов было отобрано 369 проб по 10 годичных колец в каждой и измерен их возраст по ^{14}C . В результате был построен график соотношения дендрохронологических и радиоуглеродных дат. Систематичность отклонений позволяет вводить на разных участках шкалы соответствующие поправки от 1.5 % (для середины II тыс. до н.э.) до 13% (для V–IV тыс. до н.э.).

Не вдаваясь в специальные подробности, можно в целом сказать, что работа над радиоуглеродной хронологией была едва ли не первым в XX в. активным взаимодействием гуманитариев и естественников (археологов и физиков), которое позволило усовершенствовать метод абсолютного датирования и существенно повысить уровень его точности. Опыт показал, что подобные экскурсии студенты 1-го курса воспринимают с интересом.

Еще одно замечание касается иллюстраций. В археологии иллюстрации – часть языка описания материала, и желательно с самого начала давать студентам образцы точности подобного описания. В данном случае имеются в виду ссылки на памятники, из которых происходят вещи, приведенные в таблицах. Желательно также избегать таких жаргонных выражений, как “энеолит однокомнатных домов” (с. 170).

Содержание главы 6 в целом дает адекватное представление о памятниках, расположенных за пределами Циркумпонтийской металлургической провинции, и особых замечаний не вызывает. Единственное, что хотелось бы отметить, – полное отсутствие имен исследователей, которые своим нелегким трудом открывали, изучали и вводили в научный оборот данные памятники (В.А. Городцов, Н.Я. Мерперт, М.П. Грязнов, А.Я. Брюсов, Н.Н. Гурина и др.).

Афанасьевская культура рассматривается как единый массив скотоводов Алтая и Минусинской котловины. На Алтае, может быть, и сложилась система яйлажного скотоводства, но в долинах рек Абакана и Енисея, где больше всего афанасьевских памятников, просто негде было кочевать по вер-

тикали. Там нет таких гор, как Саяны и Алтай. Стоянка Тора-Даш находится не в горах, а на берегу Енисейского каньона. Но здесь другая ситуация: в поймах Енисея и Абакана всегда было изобилие рыбы, дичи и птицы, чем пользовались местные жители эпохи неолита. Пришедшие с запада афанасьевцы не конфликтовали с местными охотниками и рыбаками, поскольку те и другие эксплуатировали разные экологические ниши. Скорее они находились в мирных отношениях и практиковали разные формы обмена, включая экзогамные браки. То, что обычно рассматривается как впускные окуневские захоронения в афанасьевских курганах (Черновая VI, Красный Яр и др.), на самом деле может быть следами такой экзогамии.

Рассказ о земледельцах и скотоводах Средней Азии мог быть немного больше, чем 1.5 страницы. Здесь было бы полезно следовать структуре изложения в учебниках Арциховского и Авдусина, т.е. не разделять три центра ранних земледельческих культур (Северное Причерноморье, Кавказ и Среднюю Азию), а показать стадийное сходство культуры всех оседлых земледельцев от Китая до Мезоамерики, особенно в расписной керамике, что до сих пор не получило достаточно ясного объяснения в нашей науке.

Вопрос об исчезновении (с. 218, точнее – об уменьшении доли) пышной расписной посуды в связи с появлением быстрого гончарного круга спорный. На ранних стадиях культур типа Анау-Намазга, по данным В.М. Массона, расписная керамика занимает едва 20% от общего массива.

Особо хотелось бы остановиться на количестве и номенклатуре археологических культур. Как и в разделе I, археологические культуры, приводимые то жирным, то “тощим” курсивом (по какому принципу, непонятно), соответствуют не первой части дефиниции, данной на с. 14, а скорее второй (неполнота и дискуссионность). Только во втором разделе культур названо более 130. Первокурсник должен их все запомнить? А если необязательно, то зачем подобная детализация? К тому же нет необходимой при таком обилии названий четкой их структуризации, т.е. соотносительности между собой. На с. 224 упоминается абашевская культура, а через страницу – абашевская культурно-историческая общность (с. 226). Не проще ли было вместо 130 с лишним культур ограничиться несколькими крупными культурно-историческими общностями? Тем более что границы между культурами размыты, и разные авторы воспринимают их по-разному. Например, совершенно непонятно, почему так называемая окуневская культура попадает в поздний бронзовый век (с. 249), если она вплотную примыкает к афанасьевской и, возможно, частично синхронна ей.

В целом в главах об эпохе бронзы (раздел II) заметен явный крен в область древней металлургии. Разделение регионов на металлургические провинции, предложенное в свое время Е.Н. Черных, несомненно, было новым и важным методическим приемом при целенаправленном исследовании древней металлургии бронзы. В рамках этой тематики оно получило всеобщее признание. В упомянутом выше учебном пособии (Рындина, Дегтярева, 2002) оно тоже оправдано, хотя и не полностью, поскольку энеолит и бронзовый век – это не только металлургия, но и многие другие стороны жизни, следы которой сохранились в археологических памятниках. Однако насколько оно уместно в учебнике для первокурсников-историков? К тому же в этих главах постоянно используются узкоспециальные аббревиатуры (ЕАМП, БКМП, ЦМП), о которых большинство студентов уже на 2-м курсе забудут. То же касается и бесконечного множества трудно отличимых одна от другой археологических культур.

Было бы уместнее показать, что на основе металлургии бронзы произошел мощный рывок в разных сферах развития культуры. В частности, ускорилось развитие колеса и колесного транспорта, который получил широкое распространение именно в бронзовом веке благодаря долговечной бронзовой втулке. Колесо помимо своего революционного утилитарного вклада в развитие цивилизации породило огромный пласт мифологии, особенно индоевропейской. Последняя отразилась в искусстве бронзового века (изваяния, петроглифы и т.п.) и частично сохранилась в древнейших пластах современного фольклора.

В разделе III “Ранний железный век” представлен классический и традиционный перечень археологических памятников данной эпохи: гальштат и латен, скифы и сарматы, саки и массагеты, гунны и т.д. Логическая структура, стиль и язык изложения в целом заслуживают высокой оценки. Но и к этому разделу есть замечания. Прочитав заглавие “Ранний железный век”, хочется заглянуть в оглавление и по логической аналогии с эпохой бронзы найти “Поздний железный век”, поскольку сарматы, пазырык, таштык и гунны, а также античные памятники римского времени никак в ранний железный век не вписываются. Тем более что далее используется понятие “позднескифская археологическая культура” (с. 350).

Если следовать хронологии, то Аржан I, ключевой памятник ранних кочевников, и Пазырык – этапы одной культуры. Но по времени Аржан, по крайней мере, на 200 лет (а скорее на все 400) старше пазырыкских курганов, в тексте же он помещен после них. Даты Аржана I предстают как дискуссионные “с учетом разноречивых типологических и радиоуглеродных показателей” (с. 338). Дискуссионность – неизбежный и нормальный спутник любой серьезной науки. Но сколько еще нужно провести специальных исследований, параллельно в российской и зарубежных лабораториях, сопоставляя даты по ^{14}C с дендрохронологическими и типологическими, чтобы они перестали быть “разноречивыми”? Какой еще курган скифского времени в Восточной Европе и Азии имеет более 20 калиброванных дат по ^{14}C , сопоставленных с дендрохронологическими? Почти 30 лет назад автор этих строк “вычислил” достоверный интервал нижней даты Аржана I с вероятностью в 95% как 990–790 гг. до н.э. (Шер, 1980. С. 249). Тогда еще были датированы только одиночные, некалиброванные образцы, и никто такой даты не признавал. Сейчас этот расчет полностью подтвержден (Зайцева и др., 2007. С. 251).

Очень распространена в нашей археологической литературе ошибка, когда современные административные названия Регионов проецируются на древность. Студенты воспринимают это как должное, а преподаватели не думают о том, что в скифское время не было ни Казахстана, ни Тувы, ни тем более Республики Тыва. Восточный Казахстан – это Западный Алтай, а Аржан расположен в отрогах Западного Саяна.

Характеризуя сарматскую культуру, можно было найти место для нескольких строк о едва ли не самых ярких памятниках этого времени – Сибирской коллекции Петра Великого и находках из Тилля-тепе.

Характеристики памятников античной культуры Северного Причерноморья (глава 3), рассмотренных на общесторическом фоне, представлены на 20 страницах практически безупречно. Кратко, емко и ясно. Но на фоне данного раздела усиливается сожаление о том, что менее выразительные и для первокурсника не очень нужные перечисления множества трудноразличимых культур эпох неолита и бронзы занимают многие десятки страниц. Не очень внятно

говорится о “Великой греческой колонизации”. Правда, это уже не археология, а история, но тем не менее. Современные студенты-первокурсники понимают колонизацию буквально, как некое завоевание, подчинение. Здесь же было все не так просто, особенно когда речь идет о Боспорском царстве, о греческо-варварском Танаисе и т.п. В ряде случаев скифы выполняли полицейские функции у басилеев, а их азиатские родственники саки – у персидских и китайских властителей.

В главах раздела III было бы вполне уместно подробнее показать наиболее яркие и сенсационные находки. Это полезно не только с точки зрения характеристики высокого уровня художественной культуры, но и с целью выработки у вчерашних школьников навыков отличать подлинные сенсации от мнимых, которыми полны средства массовой информации. Богатейший корпус скифо-греческой торевтики как-то теряется на таблицах иллюстраций. Такие предметы, как келермесское зеркало, кубок из Куль-Обы, амфора из Чертомлыка, гребень из Солохи, пектораль из Толстой Могины и т.п. можно было подать в более крупном масштабе и сопроводить краткими комментариями о мифологии, легендах и ритуалах, изображенных на этих вещах. Главы об античной культуре только бы выиграли, если хотя бы на половине страницы был помещен небольшой рассказ о находке в Нимфее фрески с изображением египетского корабля, собранной из многих сотен мелких фрагментов штукатурки. Сэкономив на объеме глав о неолите и эпохе бронзы, можно было вставить несколько цветных иллюстраций, которые бы сделали учебник еще более привлекательным для студентов первого курса.

О IV разделе (памятники средневековья) могу высказать только как преподаватель, поскольку большая его часть по содержанию выходит за рамки моей научной компетенции. В целом он производит очень благоприятное впечатление. В разделе почти 200 страниц. Но из них только 40 отдано Древней Руси, остальное – памятникам восточнославянских, финно-угорских и различных кочевых и полукочевых племен. Думается, что славянам и древнерусским городам можно было уделить больше места за счет менее выразительных материалов в других главах. Все же речь идет об археологии России, хотя это и не отражено в названии книги. Для справки: в учебнике Арциховского данной теме уделено 70 страниц из 275, т.е. 25%, в учебнике Авдусина – почти 100 из 334, т.е. 29%, а в рецензируемом учебнике – 13%. Но не это главное. Казалось бы, когда изучаются памятники дописьменных культур, их условные названия (ямная, афанасьевская и т.д.) вполне оправданы как некая вынужденная замена этнонима. Но в главах о ранних славянах, этнонимы которых хорошо известны, опять продолжается перечень археологических культур, чего практически не было в предыдущих главах о скифах и античном Причерноморье, – получается некоторое нарушение общей логической структуры учебника. Памятники гуннов можно было объединить в одной главе, а не разрывать их между III и IV разделами.

Рассказ о древнерусских городах (Киев, Новгород Великий, Старая Ладога, Москва и др.) можно было выделить в отдельную главу и, опять же за счет экономии места в двух первых разделах, сопроводить цветными иллюстрациями. Все же это учебник не только для студентов Московского и Санкт-Петербургского университетов, но и для множества тех, кто ни разу не был в упомянутых городах и вряд ли сможет там побывать в обозримом будущем. А таких студентов в нашей не очень веселой жизни становится все больше.

Подводя итог обзору содержания этой объемистой книги, прежде всего хочется, несмотря на недостатки, поздравить

коллектив авторов с несомненным успехом и выразить большое удовлетворение тем, что, наконец, после длительной паузы появился хороший учебник археологии. Думается, ему предстоит долгая жизнь и нужно, не медля, браться за новое издание независимо от того, будут ли приняты высказанные здесь замечания.

В заключение хотелось бы отметить, что для нас стала традиционной регионально-хронологическая схема формирования учебников по археологии. Вместе с тем в мире есть и другие подходы. Многократно издававшиеся учебники К. Ренфрю и П. Бана, Б. Фагана и Де Корса, Дж. Смита, К.-А. Муберга и других построены иначе: в основе их логической структуры лежат стадийное и типологическое сходство памятников и связь с методами исследования, а регионально-хронологические особенности рассматриваются дополнительно. Может быть, следует подумать и о такой структуре учебника общей археологии для студентов первого курса, а также о том, чтобы не превышать объем в 200–220 страниц.

Кемеровский государственный университет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю. и др.* История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Матер. конф., посв. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. СПб., 2007.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д.* Энеолит и бронзовый век: Уч. пособие по курсу “Основы археологии”. М., 2002.
- Смирнов Ю.А.* Погребение в Ля Шапель-о-Сен и проблема “информационного шума” в археологии // Вопросы антропологии. 1979. Вып. 61.
- Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Vishnyatsky L.B.* “Running ahead of time” in the development of Palaeolithic industries // *Antiquity*. 1994. V. 68.

Я.А. Шер

Выборнов А.А. НЕОЛИТ ВОЛГО-КАМЬЯ. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2008. 490 с.; ил.

Волго-Камскому региону принадлежит особая роль в истории России. Раскинувшись на тысячи километров от таежных лесов на севере до пустынь на юге, он с незапамятных времен является классической контактной зоной, соединяющей Европу и Азию, лесной север и степной юг. С территории Волго-Камья открываются удобные дороги на восток и юго-восток – в Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, на юг и юго-запад – на Кавказ, Ближний Восток, в Приазовье и Причерноморье, на запад – в Волго-Окское междуречье, на север – в таежные и приполярные районы. Поэтому не приходится удивляться, что на берегах Волги и Камы издавна пересекались пути многих народов. Многолинейность развития региона впервые стала отчетливо проявляться на завершающем этапе каменного века, в эпоху неолита, когда здесь, на восточных “задворках” Европы, необыкновенно рано по европейским меркам возникли первые сообщества, знакомые с технологией изготовления посуды из обожженной глины, керамики.

Неолитические сообщества населяют Волго-Камский регион не менее 3 тыс. лет. Они создают оригинальные культуры, оказывая заметное влияние на судьбы населения Восточной Европы и Западной Сибири. С их участием закладываются основы этнических общностей современной России, возникает система культурных связей, последствия которой дают знать о себе и сегодня. Изучение волго-камского неолита ведется уже более 100 лет. За это время накоплен огромный фактический и теоретический материал, нуждающийся в осмыслении и упорядочении. Эту непростую, но крайне своевременную задачу попытался решить в своей книге А.А. Выборнов.

Выход новой книги – событие знаменательное не только для автора, но и для всего научного сообщества. Она подводит итог многолетних исследований А.А. Выборнова, являющегося общепризнанным авторитетом в области первобытной археологии. В ней собраны богатейшие сведения по истории изучения неолита в регионе, перечислены все значимые открытия, представлены подробные сведения о наиболее информативных и важных памятниках, всесторонне проанализированы важнейшие гипотезы и концепции предшественников и современников.

К сожалению, при описании эталонных памятников автор не касается условий залегания материала, без чего сложно судить о репрезентативности коллекций и возможности использования их в культурологических построениях.

Нельзя обойти вниманием еще одну существенную особенность нового произведения. Проводя скрупулезный анализ научных концепций и фактов, выстраивая на этой основе собственные теоретические конструкции, автор невольно знакомит читателя с приемами и методами научного анализа, так называемой исследовательской кухней, что делает работу уникальным учебным пособием по овладению азами научно-мастерства.

Структурно книга состоит из введения, трех глав и заключения. Текстовая часть дополнена обильным иллюстративным и справочным материалом, что придает изданию статус энциклопедического пособия по неолиту Волго-Камья. Центральным стержнем произведения являются история формирования, развития и дальнейшие судьбы неолитических сообществ региона. На основе накопленных материалов и гипотез автор создает оригинальную модель развития от появления первых неолитических сообществ до их смены энеолитическими. Основные положения работы сводятся к следующему.

В первой главе рассматривается неолит Нижнего Поволжья. Его зарождение происходит на местной позднемезолитической основе. В начале VI тыс. до н.э. в Северном Прикаспии формируется каиршакская культура под влиянием неолитических центров Кавказа и Северного Ирана. Для нее характерны микролитическая кремневая индустрия и плоскодонная прочерченно-накольчатая керамика. В середине VI тыс. до н.э. в Северо-Западном Прикаспии возникает джангарская, испытывавшая влияние ракушечноярской, культура. Ей присущи микролитическая кремневая индустрия и тонкостенная керамика с орнаментом из треугольных наколов. Обе культуры входят в самобытную нижневолжскую культурную область. В последней четверти VI тыс. до н.э. каиршакское население проникает в Северо-Западный Прикаспий и Нижнее Поволжье. На рубеже

VI и V тыс. до н.э. заканчивается каиршакская и начинается тентексорская фаза развития неолита, во время которой вместе прочерченно-накольчатой орнаментации распространяется накольчатая, увеличивается количество орудий на отщепах, крупных пластинах, на смену сегментам приходят трапеции со струганой спинкой. Во второй четверти V тыс. до н.э. на территорию Северного Прикаспия вторгаются племена нижнедонской культуры, некоторое время сосуществующие с позднетентексорским и джангарским населением. В ходе взаимодействия всех этих компонентов формируется прикаспийская культура, а тентексорская линия развития прекращается. Джангаро-варфоломеевская линия продолжается до появления на Нижней Волге хвалынской культуры на рубеже V–IV тыс. до н.э.

Выстроенная схема развития северо-прикаспийского и нижневолжского регионов в неолите–энеолите в целом не вызывает возражений. В то же время не все выдвинутые А.А. Выборновым положения бесспорны. Гипотеза автора о формировании неолитических культур на местном мезолитическом субстрате хотя и распространена в отечественном неолитоведении, но не подкреплена бесспорными фактами. Формальное сходство кремня позднемезолитических и раннеэнеолитических памятников еще не доказывает их родство. Расположение раннеэнеолитических комплексов каиршакской и джангарской культур на дюнах вблизи озер, активно посещавшихся как неолитическим, так и мезолитическим населением, не исключает механическую примесь мезолитического кремня, придающего раннеэнеолитическим комплексам каменных изделий архаичный облик. При этом степень архаичности напрямую зависит от качества “мезолитической примеси”. Примером тому является стоянка Каиршак III, где типологически развитую керамику (биконические формы, сложный геометризованный орнамент, профилированные венчики и др.) сопровождает, по наблюдению самого автора монографии, практически мезолитический кремь. Совершенно иная ситуация наблюдается на расположенной поблизости стоянке Каиршак I, где с типологически ранней керамикой (прямошнурованность, утонченные венчики, менее сложная орнаментация) залегает относительно развитый кремь. Для доказательства генетической преемственности местного мезолитического и раннеэнеолитического населения автору необходимо было бы вначале выделить эталонные комплексы мезолитического и раннеэнеолитического кремня, используя специальную процедуру внутренней критики, а уже затем их сопоставить, чего, к сожалению, сделано не было.

Сомнение вызывает и попытка удревить каиршакскую культуру почти на тысячу лет по сравнению с ранее принятой хронологией. Поскольку “новая” хронология северо-прикаспийского неолита активно используется в последующих положениях рецензируемой работы, остановимся на этом моменте подробнее.

При датировке древнейшего неолита Северного Прикаспия первой половиной VI тыс. до н.э. А.А. Выборнов сделал упор на серию дат со стоянки Каиршак III, полученных в Киевской радиоуглеродной лаборатории по образцам керамики. Их серийность и компактность, казалось бы, являются надежной гарантией их достоверности. Поэтому более “молодые” даты с других памятников каиршакской культуры, а также полученная ранее для нижнего слоя стоянки Каиршак III дата по углю, компактно укладываемые в рамки конца VI – начала V тыс. до н.э., относятся автором к финальным для каиршакской культуры. При принятии “новой” хронологии не берется в расчет и типология керамики, вследствие чего архаичная по облику керамика стоянок Каиршак I и Кугат IV датируется более поздним временем, чем типологически более развитая посуда стоянки Каиршак III. Выстраивается не находящая логического объяснения схема развития неолита Северного Прикаспия: от “сложной” керамики стоянки Каиршак III к “простой” – стоян-

ки Каиршак I, а затем опять к “сложной” – стоянки Тентексор. Против резкого удревления материалов нижнего слоя стоянки Каиршак III свидетельствуют и данные по хронологии типологически сходных комплексов прочерченно-накольчатой керамики соседних регионов: 3-го слоя стоянки Варфоломеевка, нижнего слоя Джангара, 15–12-го слоев Ракушечного Яра (Белановская, Тимофеев, 2003. С. 17), ранних этапов сурской и буго-днестровской культур (Котова, 2002. С. 96, 103), памятников сунпаньского типа Западной Сибири (Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 85). Все они, как и “молодые” даты каиршакской культуры, относятся ко второй половине VI – началу V тыс. до н.э. Сближение датировок комплексов наиболее ранней прочерченно-накольчатой керамики юга Русской равнины и Сибири не только доказывает поспешность удревления неолитических материалов стоянки Каиршак III, но и свидетельствует о существовании обширной общности прочерченно-накольчатой керамики, образование которой едва ли можно объяснить только экспансией североприкаспийского населения.

Сделанная поправка в хронологию каиршакских материалов заставляет усомниться и в тезисе о генетической преемственности между каиршакскими и тентексорскими комплексами. И дело не только в значительном культурном различии этих групп (Кольцов, 2005. С. 294). Приведенные автором в конце работы новые даты свидетельствуют, что тентексорские комплексы возникают во второй четверти V тыс. до н.э., лишь немного позже каиршакских. Появление в пределах североприкаспийской области в близких хронологических рамках нескольких культурных групп окончательно снимает тезис о местных истоках неолита и заставляет искать их внешние прототипы.

Вторая глава посвящена неолиту Среднего Поволжья. Началом неолитической эпохи на Средней Волге становится возникновение в начале VI тыс. до н.э. елшанской культуры, характеризующейся отщепово-пластинчатой кремневой индустрией и остродонной профилированной керамикой, связанной происхождением со среднеазиатским регионом. Роль мезолитического субстрата прослеживается слабо. Под влиянием неолитических культур нижневолжского региона во второй четверти VI тыс. до н.э. елшанская керамика приобретает плоские донца. В середине VI тыс. до н.э. происходит инфильтрация елшанского населения на территорию Нижнего Поволжья. В начале V тыс. до н.э. на юге региона при слиянии местного позднеелшанского и пришлого джангарского населения формируется средневолжская культура, отличительными чертами которой являются плоскостность, накольчатая орнаментация керамики, ямочно-жемчужные пояски под венчиками сосудов. Во второй четверти V тыс. до н.э. в Предволжье распространяются памятники луговского типа, наследующие традиции елшанского населения в изготовлении плоскостной неорнаментированной керамики и пластинчато-отщепового кремневого инвентаря. К середине V тыс. до н.э. средневолжская культура распространяется до устья Камы и Средней Суры включительно. Но в северной части лесостепи воздействие джангаро-варфоломеевских традиций ощущается слабее, доминирующее влияние имеют луговские традиции. В третьей четверти V тыс. до н.э. появляется гребенчатая посуда, украшенная оттисками короткого, а в конце V тыс. до н.э. – оттисками длинного зубчатого штампа. Наиболее ранние комплексы гребенчатой керамики отмечены в Посурье в конце V тыс. до н.э., откуда изгнотвалявшее ее население продвигается на восток и к началу IV тыс. до н.э. достигает устья Камы. На рубеже V–IV тыс. до н.э. в южные районы Среднего Поволжья проникают нижневолжские племена прикаспийской культуры, и при участии местных средневолжских племен формируется самарская культура. В начале IV тыс. до н.э. из степного Поволжья приходят хвалынские племена и смешиваются с местными самарскими. Одновременно с самарским и хвалынским населением в вол-

го-уральской лесостепи продолжает существовать население средневожской культуры, развитие которой заканчивается не раньше середины IV тыс. до н.э. В северных районах Среднего Поволжья в начале IV тыс. до н.э. с территории Волго-Окского междуречья происходит расселение племен ямочно-гребенчатой керамики, продвинувшихся по долинам Волги и Камы на восток до устья р. Белой.

Большинство высказанных А.А. Выборновым во второй главе положений также не вызывают возражений. Разночтения касаются лишь нескольких вопросов, важнейшим из которых является происхождение неолита Среднего Поволжья. Данная проблема в последние годы активно обсуждается специалистами. Введение в научный оборот новых радиоуглеродных дат заставляет внести в предлагаемую автором схему ряд корректировок. Судя по опубликованным в монографии датам, полученным на разных памятниках по образцам керамики и кости, комплексы елшанской остродонной керамики не относятся к числу самых ранних в регионе. Они появляются на рубеже VI–V тыс. до н.э. практически одновременно на всей рассматриваемой территории. Сходные типы остродонной керамики обнаружены и за пределами Среднего Поволжья: на Мокше (Выборнов и др., 2006. С. 113–120), Хопре (Сурков, 2007. С. 37–54; Хреков, Юдин, 2003. С. 16–18, 28, 29), Верхнем Дону (Смольянинов, 2008. С. 93, 94). Они могут отмечать наиболее вероятные пути проникновения елшанского раннеэнеолитического населения на Среднюю Волгу. Против среднеазиатского происхождения елшанской культуры, давним сторонником которого является А.А. Выборнов, свидетельствует облик керамики и кремневого инвентаря. Для раннего неолита Средней Азии не характерен отщеповой кремневый инвентарь, шлифованные рубящие орудия и пластинчатые наконечники стрел. Здесь практически не представлены биконические формы сосудов с наплывами-утолщениями на венчиках, гофрировкой среза, ямочно-жемчужными поясками, прочерченными фигурами с точечным заполнением. Не могут служить бесспорным аргументом восточного происхождения елшанских комплексов и отдельные находки “рогатых” трапедий на памятниках с разрушенным культурным слоем. В закрытых раннеэнеолитических комплексах Волго-Уральской лесостепи эта категория изделий не обнаружена, и потому ее принадлежность эпохе неолита нуждается в особых доказательствах. Спорным является и тезис о среднеазиатском происхождении “рогатых” трапедий, так как серии этих изделий встречаются на памятниках мезо-неолитического времени к западу от Урала: в Северном Прикаспии (Ластовский, Комаров, 1988. Рис. 3, 1; Выборнов, Козин, 1988. Рис. 2, 30), на Северо-Восточном Кавказе (Амиранов, 1987. Рис. 17, 1; 19, 3, 4), Среднем и Верхнем Дону (Сурков, Федюнин, 2006. Рис. 1, 5–7, 10, 14; Горелик и др., 2003. С. 28, 29; Цыбрий, 2003. С. 44. Рис. 3, 1, 2, 7, 36).

Приведенные в работе новейшие радиоуглеродные даты свидетельствуют, что вопреки устоявшимся представлениям наиболее ранними в системе средневожского неолита следует считать комплексы не остродонной, а плоскодонной керамики, обнаруженной в качестве примеси к другим группам энеолитической посуды на ряде стоянок (Ивановка, Елшанка XI и др.), а в наиболее чистом виде – на стоянке Усть-Ташелки под Ульяновском. Полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории даты по керамике и кости со стоянок Ивановка и Усть-Ташелка указывают на существование этой культурной группы уже в первой половине VI тыс. до н.э. Керамика ранней группы заметно отличается от более поздней плоскими и плосковогнутыми донцами, наплывами-утолщениями на венчиках, наличием сосудов биконической формы, разреженной накольчатой-прочерченной орнаментацией. Такая посуда неизвестна в неолите Средней Азии, зато находит множество параллелей в

неолите Кавказо-Анатолийского региона. Следы присутствия похожей керамики выявлены в нижнем слое Варфоломеевской стоянки, что, на наш взгляд, также указывает не на восточные, а на южные истоки раннего неолита средневожского региона.

В начале V тыс. до н.э. на Средней Волге появляются комплексы не только остродонной елшанской, но и других выделенных автором типов керамики: неорнаментированной луговского, прочерченной, накольчатой. Между собой все эти типы посуды сближает широкое использование при оформлении горловины ямочно-жемчужных поясков – одной из ярких черт средневожского неолита. Но ямочно-жемчужные пояски не характерны для ранней группы плоскодонной керамики типа Усть-Ташелка. Наличие между ней и керамикой более поздних групп ряда типологических различий, а также временного разрыва в 400–500 лет, не заполненного памятниками, скорее всего, говорит о прерывании ранней традиции в середине VI тыс. до н.э. Кроме того, внимание на себя обращает тот факт, что начало второго этапа неолитизации региона совпадает по времени с началом непродолжительного периода климатического оптимума конца VI – начала V тыс. до н.э. Исходя из этого, можно предположить, что появление сразу нескольких новых культурных групп в течение узкого временного периода – результат не развития местного, как считает автор, а притока нового населения. И хотя определение истоков этих новых групп является задачей будущих исследований, уже сегодня можно утверждать, что в пределах нижневожского и северо-прикаспийского региона прототипы большинства из них обнаружить не удастся. Типологическое сходство неолитической керамики лесостепных районов Среднего Поволжья и юга Русской равнины указывает если не на общность ее происхождения, то, по крайней мере, на существование активных связей и обмена населением между этими регионами. Следовательно, история сложения средневожского неолита – значительно более сложная и динамичная, чем рисует схема А.А. Выборнова.

После непродолжительного “затишья”, вызванного похолоданием третьей четверти V тыс. до н.э., в конце V – начале IV тыс. до н.э. начинается следующий этап неолитизации региона. Во время очередного потепления на Средней Волге появляются новые группы населения и новые традиции изготовления керамики. На участках Марийского и Чувашского Поволжья развитие получает накольчатая керамика, происхождение которой напрямую не связано со средневожской культурой. Различия этих культурных групп касаются особенностей изготовления и украшения посуды, кремневой индустрии и, возможно, хозяйства. К числу нововведений относятся каменные утюжки, часто встречающиеся на памятниках накольчатой керамики в Марийском и Чувашском Поволжье, но практически не известные в других частях Среднего Поволжья, кроме единственного изделия на Виловатовской стоянке. Оригинальные группы остродонной накольчатой-прочерченной керамики, напоминающей сосуды дронихинского типа Среднего Подонья, выявлены недавно на Средней Суре под г. Алатырем. Этим же временем датируется появление в Посурье первых групп населения, использующих остродонную посуду с гребенчатым орнаментом. Еще большее культурное разнообразие наблюдается в южных районах Среднего Поволжья, где, судя по новым радиоуглеродным датам, практически в одно и то же время существуют накольчатая керамика виловатовского типа, гребенчатая плоскодонная керамика, ямчатая, самарская и др. Сам факт присутствия на юге Волго-уральской лесостепи такого количества разнотипных групп свидетельствует об усилении контактов с другими регионами Восточной Европы: Подоньем, Похоперьем, Поочьем, Поднепровьем, а не только с Нижним Поволжьем, как считает автор рецензируемой монографии.

В третьей главе рассматривается неолит Прикамья. Начало неолита здесь связано с продвижением накольчатой керамики

с Волги и Суры в лесные районы Прикамья и на р. Вятку в третьей четверти V тыс. до н.э. В последней четверти V тыс. до н.э. в камско-вятском регионе на местной мезолитической основе формируется камская культура гребенчатой керамики с остро-круглодонной посудой. Между камскими племенами и группами населения, использующего накольчатую керамику, происходят спорадические контакты. Камские племена устанавливают связи с зауральским населением. В первой половине IV тыс. до н.э. на камской гребенчатой посуде появляется наплыв на внутренней стороне венчика. С середины IV тыс. до н.э. под влиянием самарской и хвалынской культур камская приобретает некоторые южные черты: “воротнички” на венчиках сосудов, уплощенные днища, косозубый штамп, крупные пластины. Под влиянием ямочно-гребенчатой керамики, достигающей Среднего Прикамья и Вятки, камская заимствует характерные пояски ямок на тулове. В конце IV тыс. до н.э. из лесостепных районов Среднего Поволжья на Нижнюю Каму проникают группы позднего неолитического населения, изготавливающего керамику с насечками. В начале III тыс. до н.э. на юге лесного Прикамья закрепляется реликтовая группа татазбейского типа, знакомая с металлургией и пластинчатым инвентарем.

Не все положения завершающей главы вызывают доверие. К их числу относится гипотеза о формировании камской неолитической культуры на местной мезолитической основе, главные положения которой были сформулированы еще О.Н. Бадером. Наличие между камской мезолитической и неолитической культурами временного разрыва и значительное различие их кремневых индустрий вызывает несколько вопросов, не имеющих ответа. Во-первых, почему неолитизация местного мезолитического населения начинается только в конце V тыс. до н.э. под влиянием племен гребенчатой керамики, а не под влиянием более ранних племен накольчатой керамики? Во-вторых, на каком основании сделан вывод о преемственности камской неолитической и камской мезолитической культур, если кремль мезолитической культуры имеет отчетливый микропластинчатый характер, а неолитической – отщеповый, а небольшое количество микропластин вполне может быть результатом механической примеси мезолитических материалов?

Перечень спорных вопросов при желании можно продолжать. Однако это не снижает достоинств книги, а лишь усиливает к ней интерес. Данная работа, без сомнения, послужит стимулом для дальнейшего изучения неолитической эпохи как в Волго-Камском регионе, так и в стране. Остается пожелать, чтобы появление новой книги не прошло незаметно для отечественного неолитоведения, чтобы она скорее нашла своего читателя, заняв почетное место на рабочем столе не только археологов, краеведов и историков, но и всех тех, кому небезразлична история и судьба родного края.

Ульяновский государственный университет

А.В. Вискалин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Чохское поселение. М., 1987.
- Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.
- Выборнов А.А., Козин Е.В. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Горелик А.Ф., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н. Группа мезо-неолитических памятников в районе пгт. Георгиевск (Луганская область) // Матер. и исследов. по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск, 2003.
- Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.
- Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А. Неолитическое поселение Сумпань VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Ластовский А.А., Комаров А.М. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев реки Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Манько В.А. Проблемы зимовниковской культуры в северо-восточном Приазовье // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996.
- Смолянинов Р.В. Памятники елшанской культуры на Верхнем Дону // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1. Пенза, 2008.
- Сурков А.В. Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж, 2007.
- Сурков А.В., Федюнин И.В. Геометрические микролиты Среднего и Верхнего Дона // Археологическое изучение центральной России. Липецк, 2006.
- Хреков А.А., Юдин А.И. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.
- Цыбрий А.В. Неолитические памятники Восточного Приазовья // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.

Г.Г. Король. ИСКУССТВО СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ. ОЧЕРКИ. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; Вып. V). 332 с., ил.

Отрадно, что в последнее время выходит все больше книг по самым разным разделам археологии, но, вне всякого сомнения, в этом потоке монография Г.Г. Король “Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки” не может пройти незамеченной.

Данная книга является завершением многолетней работы автора по изучению искусства кочевников Евразии конца I – начала II тыс. н.э. Основательный труд Г.Г. Король создан в форме очерков, наверно, потому, что тема, заявленная в названии, много шире, чем круг привлекаемых источников, их

география и хронология. Хорошо продуманные разделы работы, с одной стороны, вполне самостоятельны, а с другой, насыщенные тщательно подобранным сопроводительным иллюстративным материалом, весьма гармоничны в своем единстве.

Автор попыталась охарактеризовать феномен искусства средневековых кочевников на примере такого раздела декоративного искусства, как торовтика малых форм (представленная преимущественно ремennыми украшениями воина-всадника и его коня) на материалах конца I – начала II тыс. из Южной Сибири (Саяно-Алтая) и с юга Восточной Европы. В целом работа направлена на исследование одной из фундаментальных проблем исторической науки, связанной с выявлением механизма формирования и развития традиций в культуре. Название книги во многом представляется оправданным, поскольку разрабатываемые вопросы, исследовательский подход, выводы значимы для изучения других родов искусства средневековых кочевников (каменные изваяния, наскальные изображения) не смотря на их специфику.

Подход Г.Г. Король к анализу торовтики малых форм основан на ряде принципиальных положений. Одно из них – признание единства художественного стиля “степного орнаментализма” (с учетом локальных отличий как в крупных регионах, так и в микрорегионах внутри них). Исходя из этого автор рассматривает особенности формирования и развития стиля на примере его саяно-алтайского варианта. Другой важный исходный тезис – о стадийной общности визуального (декоративное) и вербального (устное эпическое) искусств, процесс формирования и развития которых “в раннем средневековье происходил на основе духовного потенциала народа, его мифологии, традиционного мировоззрения, религиозных верований (выделено нами. – Л.Е., О.С.)”. Это позволило Г.Г. Король как проводить сопоставление изображений с героическим эпосом, так и обращаться для их толкования к перечисленным источникам обоих видов искусства. К внешним факторам сложения и эволюции изучаемого художественного стиля автор относит заимствования. Художественный синкретизм декоративно-прикладного искусства Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. удачно определяется ею как “внешняя эклектика” (с. 73, 74). Ввиду этого логична попытка выявления традиционного содержания образов, включающих наряду с другими символы “буддийского происхождения, которые широко использовались и в манихейском изобразительном искусстве” (с. 221). Наиболее популярные и яркие в художественном отношении символические мотивы (“цветок смоквы”, “пламенеющая жемчужина”, “бесконечный узел”, “гроздь винограда”) рассмотрены подробно с привлечением разных источников.

Важным в работе представляется сопоставление, а также выявление общего и особенного в изобразительном антропоморфно-сюжетном декоре двух крупных регионов степной Евразии и предгорных районов. Детально рассмотрена иконография и семантика наиболее впечатляющих изобразительных “сюжетов” с юга Восточной Европы и почти всех известных немногочисленных образцов из Саяно-Алтая (Южной Сибири). Особое внимание уделено так называемым личинам – подвескам или накладкам, в том числе в форме лиц, с их изображением – из обоих крупных регионов степной Евразии, а также фигуркам всадников саяно-алтайского варианта искусства. Представлены практически все известные на сегодняшний день подобные изображения из Саяно-Алтая и прилегающих территорий, выполненные в мелкой металлической пластике. На примере наиболее распространенных в искусстве Саяно-Алтая композиций растительного, геометрического (в меньшей степени зооморфного) декора рассмотрен процесс формирования и видоизменения традиций: выявление корней

раннесредневекового искусства, определение признаков, отражающих в первую очередь историко-культурные связи народов, населявших очерченную территорию, а также основные направления этих связей.

Значительный интерес представляет рассмотрением автором декоративно-прикладного искусства как части народного искусства, другой стороной которого является устное творчество, прежде всего эпос. В книге предприняты попытки выявления закономерностей развития декоративного искусства, а на основе исследований специалистов по эпосу и фольклору (филологов и этнографов) – и эпоса, подчеркнуты общие закономерности формирования и развития обеих ветвей искусства, общность их стилистики и образов. Эта часть исследования является новаторской и вносит свой вклад в изучение духовной жизни народов средневековья.

Работа Г.Г. Король имеет несомненную источниковедческую ценность. Отметим уточненные прорисовки предметов торовтики, выполненные на основе контактного копирования – «по “протиркам” оригиналов на тонкую бумагу», указания на неточности воспроизведения изображений в публикациях и даже обнаружение несуществующего артефакта, “возникшего” в результате небрежного цитирования (с. 118, 119). Книга содержит скрупулезный анализ декора и орнамента рассматриваемых изделий, множество аналогий, привлечение которых потребовало изучения огромного количества изобразительного материала из разных регионов и эпох. В источниковедческом отношении важны также большинство приложений, в том числе малоизвестные, ранее не опубликованные таблицы иллюстраций (Приложение 10) из “рукописного” альбома В.В. Радлова 1861 г., хранящегося в МАЭ (Санкт-Петербург). Автор активно использует эти материалы, выясняя порой запутанные истории происхождения отдельных предметов, раскрывая некоторые научные “мифы”, например о так называемом серебряном кубке Мессершмидта (с. 132, 133).

Особый источниковедческий интерес представляет глава о двух наиболее крупных собраниях исследуемых предметов: Тухтятском кладе из Минусинской котловины на Среднем Енисее (Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова) и собрании П.К. Фролова из Алтайского края (Государственный Эрмитаж, Отдел Востока), разных по происхождению, но сходных по структуре входящих в них материалов. Впервые детально рассмотрен и проанализирован декор ремennых украшений этих коллекций (в первой – 123 предмета, во второй – 80) на широком фоне евразийских аналогий, с которыми автор знакома не только по публикациям, но и, главным образом, по музейным коллекциям (ею обработано свыше 5 тыс. ремennых украшений из цветного металла).

Нельзя не отметить еще один важный аспект научных изысканий Г.Г. Король, проводившихся совместно с Л.В. Коньковой. Исследование по системе “декор – технология”, выполненное этими соавторами, позволило не только выявить первичные – “из качественного металла, изготовленные на высоком технологическом уровне, с четким и профессионально (в той или иной степени) выполненным рисунком декора” (с. 304) – и вторичные, более низкого качества, которое ухудшалось в результате тиражирования или копирования качественных предметов, изделия, но и установить наличие или отсутствие связи между химическим составом металла и типом декора. Обобщение основных итогов комплексного изучения ремennых украшений, включающего исследование декоративных особенностей, морфологии предметов, технологии их изготовления, в том числе состава металла, является, на наш взгляд, чрезвычайно важным разделом работы. Это новое направление в изучении средневе-

ковья Саяно-Алтая, уже поддержанное другими исследованиями. Хочется обратить внимание на значимость Приложения 8 (автор Л.В. Конькова), в котором приводятся итоги сравнительного изучения результатов химико-технологического анализа изделий Тюхтатского клада в соответствии с выделенными Г.Г. Король художественными группами. Ценно то, что в книге даны таблицы химического состава, а анализы сделаны для большей части предметов (почти 100 единиц!) из цветного металла этого клада. Подобные комплексные работы в таком объеме проводятся крайне редко, поэтому данную часть исследования можно считать большой удачей авторов. Теперь любой специалист может использовать созданную информационную базу в своих изысканиях.

Важен и еще один аспект работы: автором собраны и представлены практически все имеющиеся к настоящему времени аналогии для вещей из коллекции П.К. Фролова, что ранее никем сделано не было. Попутно хотелось бы отметить ценность обширного библиографического списка, приведенного Г.Г. Король. В нем отражена практически вся литература по рассматриваемой тематике, а также охвачен широкий спектр книг и статей о древнем и средневековом искусстве и сопутствующих их изучению проблемах.

В монографию Г.Г. Король включены помимо текста из 6 глав 10 приложений, а также около 100 качественных иллюстраций, в том числе 27 таблиц и 2 листа цветных вкладок, что, безусловно, уже само по себе гарантирует успех изданию. Прделана поистине титаническая работа, за что последователи, бесспорно, будут крайне благодарны автору. Следует подчеркнуть, что книга прекрасно издана. В связи с этим хотелось бы отметить тщательную и эффектную оформительскую работу Е.А. Миклашевич.

В целом исследованию Г.Г. Король присущи стройность теоретических построений, терминологическая строгость, четкие принципы систематизации. Автор стремится к предельной обоснованности, объективности суждений и выводов, проявляет осторожность в высказываниях, добросовестность в цитировании работ других исследователей и корректность в критических оценках некоторых из них. Естественно, в книге Г.Г. Король – глубокое и оригинальное исследование – имеются и спорные моменты; на некоторых из них позволим себе остановиться подробнее.

Пытаясь систематизированно представить изобразительный материал, автор оперирует принятыми в литературе, а также предложенными ею самой терминами. Отдельные понятия кажутся неоднозначными. Так, антропоморфный код кроме антропоморфно-сюжетных изображений, антропоморфных фигур (в том числе фигурок всадников) представлен личинами, среди которых различаются “портретные (антропоморфные) или условные (антропоидные) изображения лиц” (с. 73). Термин “антропоидный” вызывает ассоциацию с зоологической систематикой, тем более что и “антропоморфный”, и “антропоидный” одинаково означают “человекообразный”. Термин “портрет” в работе нередко заключен в кавычки, что свидетельствует об относительном, условном его употреблении. Местами автор поясняет, что имеется в виду “не столько индивидуальная, сколько типологическая” портретность (с. 102), определяет изображения как “символические портреты” (с. 104), пишет о “стилистике, проявившейся в портретности” (с. 116). Почему бы не использовать традиционное деление антропоморфных изображений на реалистичные (индивидуализированные) и условные (схематичные)? Вызывает вопрос использование термина “эпические сказания” (в филологии есть понятия “героический эпос” и “героические сказания”), неудачно словосо-

четание “кимак Кустанайской области”. Последнее, правда, – формулировка антропологов, ссылка на исследование которых дана в книге строкой ниже (с. 109).

Существенное внимание Г.Г. Король уделила одной из общих для изучения разных родов искусства средневековых кочевников проблем – возможности и принципам сопоставления изобразительного (визуального) и эпического (вербального) творчества. (Отметим интересный раздел, в котором зооморфный и растительный коды визуального искусства сопоставлены с соответствующими кодами вербального искусства на основе анализа некоторых опубликованных в академических изданиях эпических произведений народов разных регионов Саяно-Алтая: алтайцев, хакасов, тувинцев, шорцев.) Исследовательница пришла к выводу, что в декоративном искусстве (торевтике малых форм) интерпретация (условная, многовариантная и т.п.) изображений на основе конкретного эпического повествования возможна лишь для сюжетно-антропоморфного декора восточноевропейских изделий. Содержание изображений на предметах из саяно-алтайского региона может быть предположительно истолковано прежде всего на основе традиционного мировоззрения.

Автор, безусловно, права в том, что изучение искусства средневековых кочевников Евразии должно опираться на знание всей совокупности явлений духовной культуры, в том числе “мифологии, традиционного мировоззрения, религиозных верований”. Вместе с тем искать буквальные совпадения в текстах героических эпосов, записанных сравнительно недавно (например, нартского), и изображениях, созданных в средневековье (не всегда местными мастерами, или местными, но с использованием инокультурных образцов, и пр.), вряд ли оправдано. Исследовательница в поисках таких совпадений старается показать весь спектр возможных сопоставлений и этим подчеркивает их условность. По справедливому замечанию самой Г.Г. Король, «образы эпических героев носят обобщенный характер, набор сюжетов также достаточно определен, описание подвигов и деяний нередко содержит “эпические клише”, по которым трудно соотносить конкретную эпическую картину с изобразительной» (с. 23). Неудивительно, например, что автор в поисках соответствий изображению на конском начальнике из могильника Андреевская щель под Анапой на юге восточноевропейского региона обнаружила несколько вариантов частично аналогичных сюжетов в нартском эпосе, привлекая и этнографические данные, включая обрядовую поэзию (с. 52 и сл.).

Известно, что специфика вербального и визуального образов не предполагает их тождества. Изобразительный эквивалент может сильно отличаться от словесного образа. Приведем пример с иллюстрацией одного эпизода из “Шахнаме”. Вот как описывается чудовищный волк, с которым предстоит сразиться Гоштаспу в Фаскунской чаше: “не волк, а дракон”, “рогатый, клыки, что у вепря, торчат” (Фирдоуси, 1994. С. 27). В поединке с героем волк ранит его когтями. Но на иллюстрации XVII в. Гоштаспу противостоит обыкновенный волк (Фирдоуси, 1994. С. 33, 159). Г.Г. Король признает неодинаковость изобразительного и эпического образов, когда пишет о необходимости “взаимной интерпретации образов (словесных и наглядных. – Л.Е., О.С.) анималистики на уровне идей, а не конкретных деталей или морфологии” (с. 25), хотя не совсем ясно, о каких именно идеях идет речь. На наш взгляд, этот подход справедлив и в отношении (сюжетно-) антропоморфного декора. В изобразительных памятниках можно выявить визуальные соответствия архаическим мотивам (в том числе сюжетообразующим), метафорам, эпитетам героического эпоса, рассматриваемого как явление типологическое. Воплощение

эпического мотива пира, ассоциирующегося с битвой, борьбой (в том числе за женщину), в декоре убранства боевого коня (Андреевская щель, Змейский – Северо-Восточное Причерноморье и Северный Кавказ), оружия (Зевакино – Верхнее Прииртышье), так же как эпического мотива телесного трофея (голова-“личина”) в украшении конской сбруи или воинского пояса вполне уместны и оправданны.

Следует согласиться с авторской оценкой апотропеического назначения декора торовтики малых форм. Мы также полагаем, что зримые воплощения эпических мотивов – (взаимосвязанных) мотивов сражения, охоты, пира; телесного трофея; ярости/кровожадности; образов (например, всадника); атрибутов (оружие) – в снаряжении воина-всадника призваны были отвести вредоносное влияние извне. В традиционной культуре героический эпос вообще обладал апотропеической функцией. Например, хакасы считали необходимым рассказывать героические сказания ночами – “в самое страшное время”, приходящееся на середину зимы, а также накануне похорон и на сомоковой день после смерти (Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 48). С другой стороны, изобразительный “язык” оберегов, например антропоморфных, оперирует “стандартным” набором (угрожающих, отвращающих) поз: Ф-образное положение рук или производные от него варианты (Ермоленко, Советова, 2009), поднятые и разведенные в стороны или сведенные на торсе руки, согнутые в коленях – “танцующие” или разведенные ноги. Апотропеический смысл придается изображениям отдельной (отделенной) головы, угрожающей гримасы, половых органов. Эти признаки свойственны персонажам апотропеических изображений разных эпох и культур. Не случайно встречаются случаи вторичного использования в качестве женских украшений или их деталей воинских “оберегов” либо мотивов их декора.

Что касается возможности сопоставления эпоса и растительного декора, уместна ссылка автора на признание специалистами “орнаментальности” героического эпоса (с. 28). Предположение же Г.Г. Король о том, что “растительный код в декоративном искусстве наилучшим образом выражает концепцию бессмертия, бесконечного возрождения жизни” (с. 25) подтверждается, на наш взгляд, также мотивом неуязвимости

(=бессмертия) богатыря в героической эпике тюркских и монгольских народов.

Автор верно предполагает и убедительно доказывает апотропеическое назначение растительного декора. В частности, это наглядно демонстрируют стилизованные личины, детали которых выполнены растительным орнаментом. Отметим, что к таким “личинам” кроме указанных автором (с. 188, 189) можно отнести бляшки, украшенные мотивом “симметричные гроздья винограда” (рис. 41, 1–6; 43). На наш взгляд, в книге выделены также стилизованные личины “геометрического типа”, которые автор именует бляшками-“книжками” (рис. 46; 48, 2; 49), приводя свое обоснование этого условного названия (с. 173, 174). К предложенному обоснованию, впрочем, можно добавить, что символика “раскрытой книги” известна в некоторых религиях и мистических учениях.

Высказанные замечания не только не умаляют значимости рецензируемой работы, но и свидетельствуют о том, что она вызовет интерес у специалистов разного профиля и активное обсуждение. Конечно, книга будет востребована в первую очередь исследователями, изучающими материальные и духовные аспекты жизни древних и средневековых кочевников степной Евразии и прилегающих территорий. Но ее огромный фактический и аналитический корпус несомненно полезен и более широкому кругу читателей, в том числе этнографам, искусствоведам, краеведам, историкам, музейным работникам. А поскольку книга написана хорошим языком, она будет интересна и широкой публике, заинтересованной в познании прошлого своих народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ермоленко Л.Н., Советова О.С. О “фертообразных” воинских изображениях релкинской культуры // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: Сб., посв. юбилею Л.А. Чиндиной. Томск, 2009.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.

Фирдоуси А. Шахнаме. В 6 т. Т. 4. М., 1994.

Кемеровский государственный университет

Л.Н. Ермоленко,
О.С. Советова

ОТКРЫВАЯ И ИНТЕРПРЕТИРУЯ ПРОШЛОЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Рецензируемые тома (Uncovering Southeast Asia's Past: Selected Papers from the 10th Intern. Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists, The British Museum, 14th–17th September 2004 / Eds Elisabeth A. Bacus, Ian C. Glover, Vincent C. Pigott. Singapore, 2006; Interpreting Southeast Asia's Past: Monument, Image and Text. Selected Papers from the 10th Intern. Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists. V. 2 / Eds Elisabeth A. Bacus, Ian C. Glover & Peter D. Sharrock. Singapore, 2008) содержат материалы 10-й Международной конференции Европейской Ассоциации археологов Юго-Восточной Азии¹ (далее ЮВА) – наиболее авторитетного объединения исследователей прошлого этого региона. Начиная с 1986 г. Ассоциация проводит свои конференции, посвященные актуальным проблемам археологического и исторического изучения ЮВА и освещающие текущие археологические исследования в ее странах. 10-я конференция про-

ологов Юго-Восточной Азии¹ (далее ЮВА) – наиболее авторитетного объединения исследователей прошлого этого региона. Начиная с 1986 г. Ассоциация проводит свои конференции, посвященные актуальным проблемам археологического и исторического изучения ЮВА и освещающие текущие археологические исследования в ее странах. 10-я конференция про-

¹The European Association of Southeast Asian Archaeologists – EurASEAA.

ходила 14–17 сентября 2004 г. в Британском музее (Лондон, Великобритания).

Двухтомник материалов конференции включает тексты большей части прочитанных на ней докладов и позволяет в сочетании с известными монографиями о прошлом ЮВА (Bellwood, 1997; Higham, 2002; Southeast Asia..., 2004) составить целостное представление о современном состоянии археологической изученности этого района земного шара.

Первый том состоит из разделов: “Юго-Восточная Азия в позднем плейстоцене – раннем голоцене”, “Новые взгляды на неолит”, “Погребальные обряды в бронзовом и железном веках”, “Ландшафты и культуры железного века”, “Ранние государства”, “Организация и ограничения южно-восточноазиатских городских ландшафтов” и “Региональные и межрегиональные торговые связи”.

В открывающей сборник публикации доклада Ее Королевского Высочества Махачакри Сириндорн рассматриваются эпиграфические памятники, найденные в кхмерском по стилю храме Прасат Пном Рунг из Таиланда; они датируются серединой X – XII в. (с. 1–12). Ч. Хайэм обосновывает идею о единстве Южного Китая и материковой ЮВА в доисторический период; по его мнению, это был один регион (с. 13–21). Р. Шуконджи сообщает о раскопках стоянки каменного века (*rock-shelter*) Там Лод в провинции Ма Хонг Сон, Северо-Западный Таиланд, которая функционировала как кладбище и мастерская по производству галечных орудий. Она посещалась охотниками и собирателями уже 35 000 л.н. (с. 22–37).

Н. Пурепатпонг излагает результаты краниологического анализа пяти скелетов из раскопок стоянок каменного века Там Лод и Бан Рай в Северо-Западном Таиланде. Останки из Там Лода относятся к позднему плейстоцену, а из Бан Рая – к раннему голоцену. Возраст умерших варьируется: от 9–13 до 45–50 лет, пол определен лишь у двух из них: женщины 25–35 лет и старика 45–50 лет. В ряде случаев удалось определить примерный рост людей – между 150 и 160 см (с. 38–45). Р. Рабетт и его коллеги изучают сборы фауны из раскопок пещеры Ниах, Саравак, Малайзия (с. 46–59). М. Сайдин публикует результаты раскопок мастерской каменного века Букит Бунух, долина Ленггонг, штат Перак, Малайзия. Она существовала 40 000 л.н. Найдены наковальни, ядра, каменные молоты (*hammerstones*), галечные орудия, чопперы и топоры с коротким топорщиком, чешуйчатые орудия (*flake tools*) (с. 60–64).

С. Оппенгеймер возвращается к вопросу о прародине австронезийской языковой семьи (см.: Куланда, 1992. С. 26–35) и показывает, что лингвистически возможными остаются две теории: о возникновении ее на Тайване и Филиппинах (с. 65–73). С. О’Коннор на основе археологического изучения Восточного Тимора критикует теорию целенаправленной австронезийской колонизации ЮВА в эпоху неолита (с. 74–87). По ее мнению, региональные отличия в материальной культуре настолько велики, что рассматриваемые древности не образуют единого комплекса (ср. со статьей Сяо-чунь Хуна, Й. Иицуки и П. Беллвуда в этом же томе; см. ниже). Н.В. Оливейра формулирует проблему изучения истории земледелия на Восточном Тиморе (с. 88–97).

Ч. Хайэм и Р. Тхосарат излагают результаты первых трех сезонов раскопок на памятнике Бан Нон Ват в долине реки Мун на северо-востоке Таиланда (с. 98–104). Это поселение существовало с конца III тыс. до н.э. до I тыс. н.э., от неолита до железного века. Погребальная практика бронзового века, который, согласно радиоуглеродному анализу, начался в этом райо-

не в 1300–1200 гг. до н.э., свидетельствует о развитой социальной стратификации, чем Бан Нон Ват отличается от других памятников Таиланда. Э.А. Бакус установила связь статусных и возрастных иерархий в эпоху “среднего” бронзового века (1500–1000 гг. до н.э.) в Таиланде по материалам поселения Нон Нок Тха, хронология которого отличается от изучаемого Хайэмом и Тхосарат памятника (с. 105–115). Раскопкам в Нонг Кванге (западный Таиланд) посвящен обзор П. Канджанаджунторна (с. 116–127).

Ж.-П. Потро и его коллеги сообщают о результатах изучения нескольких могильников бронзового и железного веков в долине реки Самон, Бирма (с. 128–136). Б. Винсент исследует керамику из производственного центра II тыс. до н.э. Кхок Пханом Ди в Таиланде (с. 137–147). К. Кеоспха публикует менгиры северного Лаоса (с. 148–153). В. Пиготт и его коллеги разрабатывают программу исследований органических останков из производивших медь доисторических поселений Центрального Таиланда (с. 154–167).

Большая статья М. Ямагаты посвящена разведочным раскопкам на памятниках культуры Шахюинь (Sa Huynh) во внутренних частях долины реки Тю (Thu Bon) во вьетнамской провинции Куангнам (с. 168–183). Традиционный взгляд на эту культуру как преимущественно прибрежную должен быть скорректирован. Ямагата и ее коллеги обнаружили множество поселений в верхнем и нижнем течении реки Тю и предложили характеризовать культуру Шахюинь как “приречную” (*riverine*). Модель приморского государства, разработанная Б. Бронсоном (Bronson, 1977. Р. 39–52; Захаров, 2006. С. 73–75), получает, по мнению Ямагаты, новое подтверждение на вьетнамском материале.

В статье Р. Томаса и Р. МакЛаухлана делается попытка обобщить данные радиоуглеродного анализа по хронологии доисторических памятников Вьетнама (с. 184–195). Ю. Кэмерон публикует уникальные остатки циновки и тканей из затопленных памятников Донгшонской культуры во Вьетнаме (с. 196–202).

Сяо-чунь Хун, Й. Иицука и П. Беллвуд в статье “Тайваньский нефрит в контексте археологии Юго-Восточной Азии” реконструируют “торговую сеть” и древнее мореплавание III–I тыс. до н.э. по материалам археологических раскопок на Тайване, Филиппинах и в штате Саравак Малайзии (с. 203–215). Изделия из зеленого нефрита, добывавшегося на месторождении Фентьянь на восточном Тайване, обнаружены более чем на ста археологических памятниках: об этом свидетельствует химический состав найденных предметов. Исследователи связывают распространение нефритовых артефактов с колонизацией Восточной и Юго-Восточной Азии представителями малайско-полинезийской группы австронезийской языковой семьи.

В работе Нгуена Ким Дунга, Й. Главера и М. Ямагаты “Раскопки в Ча Киеу и Го Чам, провинция Куангнам Центрального Вьетнама” дается обзор археологических изысканий на перечисленных памятниках и делается вывод о значительном влиянии Китая на становление цивилизации чамов в первой половине I тыс. н.э. (с. 216–231). Основанием для этого вывода служат находки ханьских артефактов, таких как бронзовые и железные орудия и оружие, глиняные или стеклянные катушки с проушинами, сосуды с геометрическим орнаментом из необожженной глины, отпечатки ханьской монеты на некоторых керамических сосудах, два отпечатка китайских печатей. Один из них прочитан: *хуан шен ши чже чжан*, что можно перевести как “печать посланника желтого Бога”.

Ле Ты Лиен освещает раскопки холма Мин Су на памятнике Го Тап провинции Донгтап в Южном Вьетнаме в 2000–2003 гг. (с. 232–244). Найденные там предметы позволяют отнести это поселение к культуре Окео, процветавшей в первые века н.э. благодаря участию в международной торговле (Malleret, 1959–1963).

П.-И. Мангэн и Агустиджанто Индраджайя излагают предварительные результаты исследований Батуджайи на Западной Яве, Индонезия (с. 245–275). Там обнаружены по меньшей мере тринадцать кирпичных построек, из которых раскопано двенадцать. В публикации внимание сосредоточено на храмах Сегаран 5 (Унур Бхандонган) и Телагаджайя 1С и 1D (Унур Серут), а также на светских сооружениях Сегаран 11 и 12. Сегаран 5 прошел в своем развитии три фазы. Он не мог быть сооружен ранее V в. Найденные в нем глиняные буддийские вотивные таблички, по-видимому, датируются VII в. Храм был вскоре заброшен и возродился лишь в IX в., подвергнувшись капитальному ремонту. От этой эпохи дошли китайские кувшины стиля Гуаньдун. На рубеже X–XI вв. храм был окончательно заброшен. Небольшой фрагмент головы с вьющимися волосами может принадлежать изображению Будды. Остаток терракоты с надписью содержит с двух сторон часть буддийского стиха “*aññāṇaṁ cūyate kamma*”, который авторы называют мантрой и оставляют без перевода (с. 250). Это не совсем точно: она переводится как “незнанием накапливается карма” и имеет аналоги в надписях из Кедаха (южная часть Малаккского полуострова), где данный текст известен в большем объеме (Jack-Hergoualc’h, 1992. Р. 217–226). Раскопки в Телагаджайе дали много гипсового орнамента (*stucco décor*) с изображениями необычных и простых животных, людей и фантастического существа индуистско-буддийской мифологии Макары. Исследование светских памятников Батуджайи показало, что они датируются временем около X в. Керамика господствует грубая, утилитарная. Китайские сосуды IX–X вв. составляют не более 0.5% от всех находок посуды. Найденны бусины, грузила, тигли и металлический шлак. Шурфы на Сегаране 5 показали, что в первой половине I тыс. эта территория была обитаемой: в них найдена керамика, типичная для культуры Буни, с характерным геометрическим орнаментом. Некоторые черепки, правда, из другого раскопа – Сегаран 2 – формой напоминают сосуды из раскопок Арикамеду на восточном побережье Индии. Мангэн и Индраджайя полагают, что связи с Индией существовали задолго до возникновения оставившей надписи политики царя Пурнавармана Таруманагары (о ней см.: Захаров, 2006. С. 46–56).

Т. Лертчанрит сообщила о раскопках окруженного рвом поселения Промтин Тай в Центральном Таиланде (с. 258–265). Оно датируется довольно широко: от 600 г. до н.э. до 500 г. н.э. Его жители занимались плавкой меди и железа, шедшего на вывоз, по-видимому, в обмен на стеклянные, а также агатовые, сердоликовые и покрытые золотой фольгой бусы. Есть данные о питании местного населения, в котором господствовали продукты собирательства, охоты и рыболовства. Пока нет сведений о потреблении риса. Найденны три погребения: одно, относящееся к бронзовому веку, два – к железному. Костяки лежат на спине во весь рост. Они различаются по ориентации: захоронение бронзового века совершенно головой на северо-восток, тогда как костяки железного века ориентированы на северо-запад. В погребениях железного века сопроводительная керамика сознательно разбита.

В статье П. Силапантх освещаются предварительные итоги раскопок двух поселений культуры Дваравати, датирующихся

примерно серединой I тыс. и расположенных на старой береговой линии Тайского залива в провинции Петчабури, Таиланд (с. 266–271). Нонг Чик – крупный центр ремесленного производства, в котором найдено несколько незавершенных статуй Будды и оленей. В поселении Тунгсетти обнаружено более тысячи гипсовых скульптур.

Сан Шве рассказывает о культуре “старого города Вишну” Пейктано в Бирме (с. 272–283). Памятник датируется I тыс. н.э. Он обнесен стеной, но это не означает наличия внутри исключительно урбанистической застройки: по-видимому, значительная часть земли оставалась под садами и лугами для выпаса скота. Есть основания предполагать самодостаточность экономики бирманских городов I тыс. В Пейктано жили и буддийские монашеские общины *сан-ххи*, свидетельство чему – многочисленные ступы и ступообразные сооружения и погребальные урны. Известны здания разной формы, одна из которых особенно любопытна: прямоугольник с внутренним круглым в плане пространством. В центре – не комната, что явственно следует из фотографий и прорисовок на с. 276, а ступообразная постройка, возвышающаяся над прямоугольным основанием. И то, и другое сложено из кирпича, часто с отметинами ногтей. Сан Шве проводит параллели с Нагарджунакондой и Таксилой в Индии, указывая и на отличия: вне ЮВА в таких зданиях не засвидетельствованы погребения в урнах и остатки скелетов. Вероятно, носители культуры Пейктано (народы Пью, по обозначению Сан Шве и традиционной историографии) рассматривали ступу как “памятное сооружение” (*memorial structure*), поскольку в ней регулярно встречаются погребальные урны. Раскопанные культовые сооружения ориентированы друг на друга, а не по основным сторонам света, что до сих пор отличает культовое строительство в Бирме. В 2003 г. в Пейктано впервые были найдены образ Будды и колокольчик, опубликованные Сан Шве (с. 280, 281).

Э. Мур и Т. Све освещают раскопки двух обнесенных стеной поселений – Тагары и Мокти – недалеко от Тенассеримского побережья Бирмы около Тавоя, которые могут быть выделены в отдельную культуру (с. 284–297). В отличие от монашеских городов I тыс. стены вокруг Тагары и Мокти земляные с использованием кирпича (у монов они из кирпича и латерита). В Тагаре найдены бусины, глазурованные горшки (*glazed pots*) и бронзовые предметы, в первую очередь статуэтки Будды разного времени, предположительно от VI до XIV в. Встречена также фляжка с зооморфным образом. Рядом с памятником в погребениях обнаружены терракоты, одна из которых с надписью (рис. 27, 12), к сожалению, нерасшифрованной. Датировать Тагару I тыс. позволяют стилистические особенности бусин и терракот, бронзового сидящего Будды (рис. 27, 11). Во время раскопок в Мокти были найдены вотивные таблички и статуи. Из них интересны образы индуистских божеств Вишну и Ганеши. Образ Вишну представляет собой рельеф на камне. Точно датировать его не удается: он близок тайским и кхмерским скульптурам VI–X столетий. Мур и Све думают, что это изображение “могло быть уже буддийским и использоваться в Паганскую эпоху для изображения брахманического божества” (с. 293).

К. Потье в статье “Под водами Западного Барая” излагает предварительные результаты исследования древнего памятника Кох Та Меас, обнаруженного на дне этого гигантского сооружения (с. 298–309). Памятник может датироваться I тыс. до н.э. Западный Барай был построен в XI в., для чего были разрушены предшествующие сооружения. Основными наход-

ками стали керамические предметы, подъемные и из слоя в трех шурфах. В шурфах археологи добрались до материка и обнаружили, что осадки песка и минеральных пород составляют не более 30 см. Это позволяет отказаться от объяснения гибели Ангкорской империи, при которой был сооружен Западный Барай, отложением пород, которое привело к разрушению этого водяного резервуара, что в свою очередь вызвало ирригационные проблемы в государстве. Потье предполагает существование доангкорского святилища в районе Кох Та Меас.

Д. Бонац рассказывает об обследовании района озера Керинчи на плато Джамби, Суматра (с. 310–324). Там обнаружены мегалиты, керамика, в том числе китайская, стеклянные бусины и железные ножи. Мегалит из Пондока интересен тем, что находился в пределах каркасно-столбового жилища на 26 опорах. Наличие бытовой керамики позволяет утверждать, что это было именно жилище, а не религиозное сооружение. Под одной из опор найден клад в плоской чаше, состоявший из стеклянных бусин и ножа. Бонац датирует этот клад и существование жилища XII в. на основании находок китайской керамики эпохи Сун и сходства химического состава бусин из клада с бусинами из Джамби в долине реки Батанг Хари – столицы Шривиджайи с XI в. По мнению Бонаца, жилой дом с мегалитом был центром федерации местных общин, вовлеченной в систему обмена с прибрежными политиями Суматры, в том числе Шривиджайей. Э. МакКиннон описывает средневековые прибрежные памятники провинции Аче, Северная Суматра (с. 325–334).

Анализу сингапурских памятников XIV в. посвящена статья Дж. Миксича (с. 335–346). Работы проводятся на территории нынешнего города. Наибольшее количество данных получено из раскопок на холме Форты Каннинга, предпринятых в 1984–2003 гг. В 2003 г. были исследованы территория Сингапурского крикетного клуба и округа Собора Святого Андрея. На сегодняшний день в Сингапуре насчитывается семь памятников XIV в. Все они различаются по планировке и найденным артефактам, что свидетельствует о разнородности древнего города. Миксич полагает, что внутренний план Сингапура определялся скорее экономическими, чем символическими соображениями его творцов. Среди найденных предметов преобладают каменные изделия, хотя есть фарфор и керамика. Миксич высказывает гипотезу о том, что урбанизация, т.е. возникновение города как особого типа поселения промышленно-торгового характера в островной Юго-Восточной Азии, должно датироваться XII в. (ср.: Города-гиганты, 1995).

Р. Флетчер, Д. Пенни и их коллеги описывают цели и задачи научного проекта “Большой Ангкор”, направленного на изучение двух проблем: причин упадка Ангкорской империи и роли в ее истории управления водными ресурсами (с. 347–354). С. Баудлер на основании находок предметов хоабиньской культуры на территории ЮВА, Полинезии и Австралии делает вывод о существовании ранней торговой сети в этом районе Земли (с. 355–359). А.С. Мийарес публикует керамику из раскопок пещерных памятников Пеньябланки на северо-восточном Лусоне, Филиппины; она была произведена 3500–1500 л.н. (с. 360–378).

Б. Беллина и П. Силапантх рассказывают о раскопках уникального памятника Као Сам Кео в тайской части Малаккского полуострова около Чумпхона (с. 379–392). Као Сам Кео был ремесленным центром в доисторический и ранний исторический периоды истории ЮВА. В статье Беллины и Силапантх предложена приблизительная датировка памятника концом

I тыс. до н.э. – первыми веками н.э.² Его продукцию составляли бусины из полудрагоценных камней агата и сердолика и каменные украшения. Археологи отмечают, что в районе Као Сам Кео нет источников сырья для этого производства, что заставляет предполагать существование оживленных торговых контактов. По мнению Беллины и Силапантх, часть артефактов свидетельствует о значительном индийском влиянии. Они думают, что можно вести речь о поселениях индийских ремесленников в Као Сам Кео, по крайней мере, на начальных этапах существования этого производственного центра. Авторами опубликован слепок с найденной там золотой печати, содержащей четыре изображения: льва, быка, шестилучевой звезды и надписи, сделанной письмом “раннее Паллава”, которое ими называется либо брахми, либо североиндийским алфавитом Гуптов (с. 384, 385; рис. 35.6). Датировка возможна лишь приблизительная: от IV до VII в., хотя более вероятными кажутся V–VI вв. Рецензенту хотелось бы отметить, что на слепке с золотой печати надпись читается как *çivadattasya*, а не *çivadattasaya*; допустимо и чтение *çivadantasya* (рис. 35.6). Предлагаемый Беллиной и Силапантх перевод “собственность Шивы / последователь Шивы” возможен, но есть еще варианты “[это печать] Шивадатты” и “данного Шивой” (последний вариант возникает при буквальном прочтении). Если же исходить из чтения “Шиваданта”, то мы имеем дело скорее с личным именем, и надпись следует читать “[это печать] Шиваданты”.

Д. Балбек исследует археологические и этнографические коллекции, собранные Паулем и Фрицем Заразин на плато Ламанчонг, Сулавеси, Индонезия (с. 393–410).

Во втором томе существенно больше внимания уделяется архитектуре, ремеслам и скульптуре. Он содержит разделы “Монументальное искусство Юго-Восточной Азии”, “Скульптура и живопись в Юго-Восточной Азии”, “Исследование эпиграфики и текстов”, “Ремесленное производство и торговля в Юго-Восточной Азии”, “Технические исследования” и “Исследования по сохранению наследия” (*Heritage Studies*).

Кл. Жак доказывает, что часто встречающийся второй ров вокруг храмов Ангкорской империи (например, Та Прохм, Бантеай Срей и Муанг Там) возникает вследствие расширения первоначального храма (с. 3–8)³. Установлению первоначального числа “башен с лицами” в знаменитом храме Байон посвящена статья О. Кьюнина (с. 9–24). Исследователь насчитывает их пятьдесят девять. У. Саусворт предлагает пересмотреть традиционную хронологию Ангкора: по его мысли, храм Ангкор Ват был сооружен позже Байона и не ранее XIV в. (с. 25–43). Издатели тома Э. Бакус, Й. Главер и П. Шаррок называют его идею “умозрительной и провокационной” (с. XXV: tentative and provocative).

² На 12-й конференции EurASEAA 4 сентября 2008 г., в которой рецензенту посчастливилось участвовать, Беллина и Силапантх сообщили о результатах радиоуглеродного анализа, согласно которым найденные в Као Сам Кео поселения должны датироваться IV–II вв. до н.э. (Захаров, 2009). Тем не менее другие артефакты, в первую очередь эпиграфика, не позволяют ограничивать существование ремесленного центра столь узким промежутком времени. О раскопках Као Сам Кео см. также: Bulletin de l'École..., 2003.

³ Отмечу, что в монографии Н.И. Рыбаковой вообще не упоминается существование ровов вокруг этих памятников, а их значение – символическое или иное – не исследуется (2007. С. 59–69, 140).

П. Баптист анализирует образы танцоров и музыкантов из Ча Киеу (Вьетнам) в сравнении с другими образами VII–X вв. и стремится доказать, что базы, на которых они изображены, принадлежали не пьедесталам богов или жертвенникам, а были частью храмовых стен (с. 46–54). Напротив, Чан Ки Пхуонг строит эволюцию чамских храмов, считая эти базы с танцорами пьедесталами для статуй богов и жертвенных алтарей (с. 55–72). Э. Гийон пытается показать, что в северных провинциях Вьетнама – Тьюа Тьен и Хюе – тоже существовала чамская цивилизация, которая исповедовала буддизм махаяны (с. 73–84).

С. Левин исследует недавно открытые уникальные чамские рельефы X в. из Кхуонг Ми вьетнамской провинции Куангнам (с. 85–99). На них изображены сцены из индийского эпоса “Рамаяна” в наиболее известной версии Вальмики. Это позволяет утверждать близкое знакомство чамов с индийской культурой. Рельефы Кхуонг Ми демонстрируют близость скульптуре Чолов в Южной Индии.

Н. Чутивонгс анализирует архитектуру и иконографию Чанди Сингасари на восточной Яве (с. 100–121). Сри Суджатми Сатари реконструирует возникновение и развитие одной из яванских традиций – разведения садов вокруг храмов, святилищ, дворцов, обителей и кладбищ, – которая сохранилась до наших дней (с. 122–132). Ее появление, по данным эпиграфики и архитектуры, относится к IX в.

П. Гутман изучает немногочисленные образы Шивы и реконструирует историю шиваизма в Бирме (с. 135–141). Установлена стилистическая связь шиваитских образов с Палами и Чолами Индии, Ангкором и святилищем Накхон Си Тхаммарат в Таиланде. Кл. Баутце-Пикрон анализирует бирманские фрески с изображениями проповеди Будды, восседающего на горе Меру, из святилища Лока-тхейк-пан XII в. (с. 142–155). Образ Будды, сидящего на горе Меру “владыки Вселенной”, – типично бирманский. Но фрески позволяют предполагать очень близкое знакомство их творцов с индийской иконографией биографии Будды.

П. Бхумадхон публикует обнаруженные в июле 1997 г. тринадцать буддийских статуй из Лопбури, Таиланд (с. 156–164). Они были найдены в кувшине XIII в., и их состояние великолепно. По стилистическим признакам их можно отнести к буддизму махаяны.

П. Шаррок обосновывает важную роль буддизма ваджраяны в Ангкорской империи начала XIII в. при Джайявармане VII на основе изучения статуй йогини из храма Байон (с. 165–183). Э.И. Джессуп рассматривает взаимодействие брахманизма и буддизма тхеравады в Камбодже XI в. на примере рельефов скалистого приюта Пеунг Кумну, содержащих образы Вишну, и делает вывод о синкретизме как характерной черте кхмерской иконографии (с. 184–192).

Л. Кивен, изучая рельефы Чанди Джаго на восточной Яве, указывает на нововведение в яванской иконографии в эпоху Маджапахита (1300–1500 гг.) – головной убор в виде кепки-шлема (с. 193–207). А. Кало реконструирует связи между китайской культурой Диань, распространенной в провинции Юннань, и донгшонской культурой Вьетнама на основании анализа бронзовых барабанов, одной из характерных черт обо-

их сообществ (с. 208–224). Цзехюэй Чиу-Пен рассматривает место лошади в культуре Диань (с. 225–238).

С. Пу восстанавливает значение заимствованного из санскрита древнекхмерского термина *kalpanā* (с. 241–247). Он использовался кхмерами с VII по XIV в. и обозначал не только жертвоприношения и обрядовые приготовления, но и обретаемую жертвователем или дарителем магическую силу, которая позволяла увековечить его деяние с помощью “запретительной нормы” (*injunction*). Нарушитель ее обрекался на все мыслимые и немыслимые наказания. П. Скиллинг доказывает, что буддийские посвященные таблички, или “отпечатки” (*votive tablets, sealings*), в Юго-Восточной Азии не связаны с деятельностью паломников, а представляют собой продукты местного производства, предназначенные для совершения обрядов по достижению религиозных заслуг, спасения или состояния Будды (с. 248–262). В его статье содержится и перевод небольшого тибетского текста об изготовлении миниатюрных глиняных ступ, принадлежащего перу знаменитого патриарха Атиши. Р.Л. Браун обращается к вопросу о значении именования бодхисатвы Авалокитешвары в Юго-Восточной Азии по данным ритуальных текстов и скульптуры (с. 263–272).

Еа Дарит и его коллеги исследуют недавно открытые керамические печи Ангкорской империи (с. 275–285). Л. Лефертс и Л.А. Корт показывают, что район горного хребта Пхном Кулен играл важную роль в жизни Ангкорской Камбоджи, обеспечивая ее жителей водой и поставляя керамическую продукцию (с. 286–295). Вопрос о появлении техники золочения и амальгамирования в кхмерском ремесле обсуждает Э. Банкер (с. 296–305). По ее мнению, широкое распространение этой техники датируется серединой X в. Источниками необходимой для данного производства ртуты могли быть районы Вьетнама. П. Индравутх описывает памятники ремесленного производства – камнеобработки – I тыс. из провинции Петчабури (Таиланд), где изготавливались каменные дхармачакры – буддийский символ круговорота бытия и проповеди Будды – и другие бытовые предметы (с. 306–322). Изучению хронологии привозной керамики в ЮВА посвящена статья М.-Ф. Дюпуаза (с. 323–332).

Дж. Ланктон, Л. Дюсюбье и Т. Ререн исследуют южно-восточноазиатские традиции изготовления стеклянных бусин середины I тыс. (с. 335, 356). Петрографические характеристики кхмерских скульптур из Национального музея Камбоджи в Пномпене изложены в работе Дж. Дуглас (с. 357–373).

Проблеме сохранения культурного наследия Ангкора посвящена статья Кейко Миуры, обратившей внимание на сложность сохранения “живого наследия” – местных жителей, отстраненных от участия в международных и национальных проектах по консервации памятников и обреченных на потерю культурной самобытности и/или исчезновение в условиях развития массового туризма (с. 377–390). Х. Ляйзен и его коллеги занимаются сохранением храма Ангкор Ват, сосредоточившись на его каменной скульптуре (с. 391–399). О состоянии знаменитой лаосской Долины каменных кувшинов пишут П. Роджерс и Дж. Ван ден Берг (с. 400–408).

Таким образом, рецензируемые тома содержат крайне важные для дальнейшего изучения ЮВА материалы, необходимые любому специалисту по истории и археологии региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Города-гиганты Нусантары и проблемы их развития (Малайско-индонезийские исследования, IV) / Сост. Б.Б. Парникель. М., 1995.
- Захаров А.О. Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): конструктивистский вариант. М., 2006.
- Захаров А.О. Двенадцатая международная конференция Европейской ассоциации археологов Юго-Восточной Азии, Лейден, Нидерланды, 1–5 сентября 2008 г. // Восток (Oriens). 2009. № 1.
- Кулланда С.В. История древней Явы. М., 1992.
- Рыбакова Н.И. Искусство Камбоджи с древнейших времен до XIV в. М., 2007.
- Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. 2nd Revised Edition. Honolulu, 1997.
- Bronson B. Exchange at the Upstream and Downstream Ends: Notes toward a Functional Model of the Coastal State in Southeast Asia // Economic Exchange and Social Interaction in Southeast Asia: Perspectives from Prehistory, History, and Ethnography / Ed. K.L. Hutterer. Ann Arbor: University of Michigan, Center for South and Southeast Asian Studies, 1977.
- Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, Paris. T. 93. Paris, 2003.
- Higham Ch. Early Cultures of Mainland Southeast Asia. Bangkok, 2002.
- Jack-Hergoualc'h M. La civilisation de ports-entrepôts du Sud Kedah (Malaysia): V–XIV siècle. Paris, 1992.
- Malleret L. L'Archéologie du delta du Mecong. T. I–IV. Paris, 1959–1963.
- Southeast Asia: From Prehistory to History / Eds I. Glover, P. Bellwood. L.; N.Y., 2004.

Институт востоковедения РАН, Москва

А.О. Захаров

ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Международный симпозиум “Pottery, people and places (Керамика, люди и места). Исследование и интерпретация позднеэллинистической керамики”.
Зандберг (Дания), 27–29 ноября 2008 г.

В датском городе Зандберге прошел международный симпозиум, посвященный позднеэллинистической керамике (200–50 гг. до н.э.). Симпозиум был организован Датским Центром причерноморских исследований. В его работе приняли участие ведущие специалисты в области изучения античной керамики из Болгарии, Дании, Германии, Греции, Израиля, Польши, России, Румынии, США, Украины, Франции.

Ж.П. Морель (Марсель) посвятил свое выступление двум группам керамики италийского производства, которые предшествовали классической *terra sigillata*, – *Campana A* и *B* – и проблемам “глобализации” античного керамического производства и торговли. В ходе дискуссии было установлено, что находки подобной керамики (во всяком случае, *Campana B*) известны и на территории Боспора, в частности в Пантикапее и Фанагории.

Джс. Лунд (Копенгаген) в докладе “Керамика и политика” рассмотрел вопросы производства и дистрибуции столовой посуды и тарных амфор на эллинистическом Востоке. Особое внимание было уделено государству Селевкидов и царству Птолемея, на территории которых существовал целый ряд производственных центров. С этими же территориями связаны многочисленные находки как локальной, так и импортной керамики (вазы Гадры, керамика стиля Гнация, родосские тарные амфоры и т.п.).

С.А. Коваленко (Москва) посвятил свой доклад “Керамика и монеты” связи этих двух различных категорий античного материала. Изображение сосудов на монетах и воспроизведение отдельных монетных типов в керамике (в том числе рельефной) не только дополняют наши знания об объектах исследования, но подчас позволяют уточнить центры производства отдельных керамических сосудов.

Г. Сандерс (Американская школа в Афинах) рассмотрел одну из наиболее распространенных групп коринфской керамики – канфары. Пересмотрев хронологию Р. Эдвардса, он на основании анализа ряда хорошо датированных комплексов предположил, что в III в. до н.э. в Коринфе господствующим типом посуды для питья были скифосы аттического типа, периодом 210/200–180/170 гг. до н.э. датируется производство собственно коринфских скифосов, которые затем сменяются рельефными чашами.

Доклад С. Джеймс (Остин) был посвящен керамике коринфского производства, изготовленной после 146 г. до н.э. Как известно, дата разгрома Коринфа римскими войсками под предводительством Муммия стала *terminus ante quem* для Р. Эдвардса, разработавшего хронологическую шкалу локальной керамики в своем классическом труде, созданном более 40 лет назад. Однако в последнее время появились веские основания, чтобы говорить о том, что массовое керамическое производство продолжалось в городе и после его разгрома. В докладе был проанализирован позднеэллинистический комплекс с пола помещения в Коринфе, в состав которого входила как импорт-

ная (например, сирийская Восточная сигиллата А), так и местная керамика.

А. Берлин (Мичиган) посвятила свое выступление столовой посуде из административного здания в Кедеше (Израиль). Наибольший интерес вызывает группа сосудов, изготовленных из той же глины, что и Восточная сигиллата А, названных К. Слейн в свое время BSP (*Black Slipped Predecessors of ESA*).

С. Ротроф (Вашингтон) прочитала доклад “Суллы и пираты: комплексы начала I в. до н.э. в Афинах и на Делосе”. Рассмотрев хронологию ряда комплексов на Делосе, связанных, по ее мнению, с атаками пиратов Афендора в 69 г. до н.э., исследовательница сравнила их с комплексами, возможно, относящимися к периоду военных действий Митридата в 88 г. до н.э. Сопоставив последние с материалами периода разгрома Афин войсками Суллы в 88 г. до н.э., С. Ротроф предположила, что ей удалось весьма четко выявить различия в составе комплексов, отстоящих друг от друга всего на 20 лет.

Доклад Н. Баду (Французская школа в Афинах) был посвящен пересмотру хронологии родосских амфорных клеев из ольвийской цистерны, опубликованной в 1964 г. Е.И. Леви. Эти клеи относятся к III периоду родосского клеймения, датируемому 220–180 гг. до н.э. Н. Баду также подверг критике некоторые положения хронологии Г. Финкельштейна, опираясь на эпиграфические данные.

В. Лунгу (Бухарест) и П. Дюпон (Лион) представили результаты изучения группы позднеэллинистической керамики из Северо-Западного Причерноморья, орнаментированной красной краской. Часть этих сосудов – известные вазы Гадры, производство которых началось на Крите (около 260–190 гг. до н.э.), а потом продолжилось в Александрии. В Северо-Западном Причерноморье выделяются сосуды – имитации ваз стиля Гадры. Авторы на основании стилистического анализа, а также археометрических исследований убедительно предполагают их местное происхождение. Значительное количество подобных сосудов известно в Ольвии и Херсонесе, тогда как на Боспоре их найдено совсем немного.

Два выступления были посвящены позднеэллинистической керамике с территории Болгарии. А. Бозкова (София) рассмотрела керамику типа *West Slope* из Месамбрии Понтийской. Большая часть этой посуды имеет восточнотракийское происхождение. Кроме того, выделяется группа керамики понтийского производства, имитирующей продукцию мастерских Пергама, Родоса и других производственных центров уже в первой половине II в. н.э. Близкие по форме и характеру орнаментации сосуды известны и в Северном Причерноморье, в частности в Ольвии (опубликованы М. Парович-Пешикан) и Пантикапее.

Доклад А. Петровой (София) был посвящен выделенной ею группе рельефной керамики, которую исследовательница связывает с местным производством Месамбрии. В дискуссии было отмечено, что подобная посуда известна и в Северном

Причерноморье, во всяком случае, в Ольвии, Пантикапее и Неаполе Скифском.

К. Рогл (Вена) прочитала доклад “Эфесская рельефная керамика: современное состояние исследования”. Она рассмотрела хронологию производства эфесской рельефной керамики, основные мотивы, клейма и мастерские. В Эфесе обнаружены десятки форм для производства таких чаш. Крупнейшей мастерской Эфеса была так называемая мастерская монограммы, изделия которой широко представлены в том числе и в Северном Причерноморье. Эта группа рельефных сосудов доминировала на рынках Восточного Средиземноморья и Причерноморья в конце II – первых десятилетиях I в. до н.э.

П. Гүлдагер Билде (Орхус) посвятила свое выступление рельефным чашам из мастерской со штампом KIRBEI. Подавляющее большинство клейм этого мастера происходит из Северного Причерноморья, что позволило еще Р. Цану высказать гипотезу об ольвийском производстве указанной группы чаш. С.А. Коваленко на основании сходства изображения на клейме с монетами Смирны предположил, что рассматриваемые сосуды были изготовлены в этом городе. П.Г. Билде предложила вернуться к гипотезе об ольвийском происхождении такой керамики. В ходе последующей дискуссии было решено организовать международный российско-французско-датский проект по археометрическому изучению данной группы клейм для точной локализации мастерской.

К. Домжалски (Варшава) рассказал о двух путях развития керамического производства на Востоке по материалам раскопок польской миссии в Ливане. Речь шла о Восточной сигиллате А, производство которой в настоящее время локализуется в районе Антиохии-на-Оронт, и Пергамской сигиллате. Обе эти группы ранней краснолаковой керамики присутствуют также в Северном Причерноморье.

О. Бунезру (Яссы) рассмотрел основные характеристики пергамской сигиллаты и мастерские, в которых она производилась, включая недавно открытые центры в долине Кетиос, наряду с давно известной Чандарли, Элайя и Гринион. Ряд идентификаций базируется на археометрических данных, представленных Г. Шнайдер (Берлин).

С. Ладитетер (Вена) изучала керамическое производство Эфеса в позднеэллинистическое время. Она отметила, что ни в предшествующий, ни в последующий хронологические периоды это производство Эфеса не достигало подобных высот. Высококачественная эфесская керамика (рельефные чаши, светильники, серая керамика) найдена повсюду в Восточном Средиземноморье, а также в Причерноморье. В слоях второй половины II – первой половины I в. до н.э. она доминирует практически во всех пунктах.

Н. Фенн (Кельн) рассказала о результатах исследования позднеэллинистической рельефной керамики Приены. Наряду с импортной посудой эфесского происхождения в Приене найдены фрагменты керамики, которые можно связывать с местным производством рельефных чаш.

Доклад Д.В. Журавлева (Москва) был посвящен местному керамическому производству Боспора в позднеэллинистическое время. Докладчик рассмотрел боспорскую сигиллату, появившуюся в последней четверти I в. до н.э., возможно, под влиянием сирийской Восточной сигиллаты А, а также основные группы боспорских светильников этого времени. Кроме того, Д.В. Журавлев рассказал о производстве керамики на Азиатской стороне Боспора, в частности в Фанагории и Кепах. Отдельно была рассмотрена группа клейм IE на столовой посуде из Таманского толоса и эллинистического комплекса, исследованного Н.П. Сорокиной.

Ю.П. Зайцев (Симферополь) посвятил свое выступление керамическому комплексу укрепленного поселения в Белогорском районе Крыма Ак-Кая – вероятно, скифской царской резиденции. Исследование памятника только началось, но уже сейчас на основании анализа керамического материала могут быть выделены основные этапы существования этого укрепления в IV–I вв. до н.э.

В докладе Н.В. Журавлевой (Москва) освещалась рельефная керамика из Пантикапея. Были рассмотрены основные группы импортных “мегарских” чаш, из которых на Боспоре доминировали изделия эфесского производства. Под влиянием импортных изделий здесь возникло собственное производство рельефной керамики, преимущественно в мастерских Деметрия и Дамоклея (конец II – первая четверть I в. до н.э.). Н.В. Журавлева рассмотрела также находки пергамской керамики, среди которой выделяются скифосы с аппликативными рельефами, и отметила, что в отечественной историографии процент пергамского импорта сильно завышен. Отдельно были представлены рельефные импортные светильники, среди которых преобладают эфесские. Кроме того, в Пантикапее встречены изделия Книда, Пергама и целого ряда неизвестных центров.

В.В. Крапивина (Киев) рассмотрела находки позднеэллинистической краснолаковой керамики из Ольвии, среди которой были обнаружены Восточная сигиллат А, пергамская позднеэллинистическая керамика, родосская *Red Coloured-Coated Ware* и другие группы столовой посуды.

Л. Зумерер (Мюнхен) представила обзорный доклад о позднеэллинистической керамике из Амиса. Поскольку материалы из Южного Причерноморья практически не опубликованы, этот доклад вызвал большой интерес. Среди керамического импорта встречены эфесские рельефные чаши, пергамская керамика с аппликативными рельефами, позднеэллинистическая керамика в силе *West Slope* и другие категории находок.

М. Лаваль (Орхус) с группой соавторов (П. Гүлдагер Билде, С. Хандберг, Я. Мунк Хойте, В. Столба, Н.А. Лейпунская) представили большой итоговый доклад, посвященный позднеэллинистической керамике с раскопа НГС в Ольвии. Были рассмотрены амфоры родосского, кидского, понтийского, итальянского производства, а также столовая посуда *West Slope*, импортная рельефная керамика, кидские сосуды, лагиносы с белой облицовкой и др.

П. Кеглер (Франкфурт) выступила с сообщением о кидской столовой посуде позднеэллинистического времени. Особо интересно отметить, что эта группа керамики в Северном Причерноморье до настоящего времени не выделялась, а к ней может быть отнесено множество сосудов, до сих пор определяемых как безлика керамика “малоазийского” производства.

Г. Финкельштейн (Израиль), активно участвовавший в дискуссиях по докладам, подвел итоги работы конференции. Он отметил интересную тематику всех выступлений, а также проанализировал основные задачи в области изучения позднеэллинистической керамики на будущее.

Все доклады сопровождалось бурным обсуждением. Значение подобных научных симпозиумов, на которых собираются специалисты по достаточно узкой теме, трудно переоценить. Высокий уровень прочитанных докладов и оживленная дискуссия были явным тому доказательством. Поскольку симпозиум был организован Датским центром причерноморских исследований, керамика из Северного Причерноморья находилась в зоне повышенного внимания. Материалы симпозиума будут опубликованы в ближайшем выпуске Трудов Датского Центра причерноморских исследований (*Black Sea Studies*), которых к настоящему моменту издано уже шесть томов.

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “КУЛЬТУРЫ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.”

IV Международная археологическая конференция “Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы межатнических контактов и межкультурного взаимодействия)” проходила в г. Самаре с 17 по 21 ноября 2008 г. Она была организована ГУК “Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина” при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 08-01-26180Г/В). По условиям регионального конкурса 2008 г. “Волжские земли в истории и культуре России” долевое участие в финансировании проекта приняла Администрация Самарской области.

В конференции приняли участие 37 ученых из 17 городов и 26 научных организаций России, Болгарии, Венгрии, Румынии, Казахстана и Украины, а также преподаватели, аспиранты и студенты исторических факультетов самарских вузов, сотрудники археологических учреждений г. Самары.

Проведение конференции было приурочено к экспонированию археологической выставки “Хозяева степей: древние кочевники России и Канады”, подготовленной Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В. Алабина и корпорацией “Канадский музей цивилизаций” (г. Гатино, Канада). На выставке были представлены и материалы, происходящие с памятников второй половины I тыс. н.э. с территории Среднего Поволжья. После осмотра выставки состоялся круглый стол “Особенности использования археологического материала в музейной экспозиции”, на котором было заслушано два доклада.

В выступлении *А.Ф. Кочкиной* (Самара) “Из опыта международного сотрудничества СОИМК им. П.В. Алабина с Канадским музеем цивилизаций” были освещены вопросы, связанные с возможностями использования археологических коллекций провинциальных музеев для пропаганды российского археологического наследия за рубежом.

Л.П. Мылыгашева (Москва) в своем выступлении “Отражение духовной культуры древнего населения Южной Сибири в музейных собраниях” акцентировала внимание на проблеме бережного и уважительного отношения к предметам, связанным с духовным миром человека, при построении музейной экспозиции, осмыслении их значимости.

После завершения круглого стола состоялось открытие конференции. С приветственным словом к ее участникам обратилась директор СОИМК им. П.В. Алабина *Л.В. Кузнецова*.

На конференции было заслушано 38 докладов. Два из них были посвящены памяти выдающихся археологов, занимавшихся исследованием культур второй половины I тыс. н.э., ушедших из жизни в 2008 г. – Г.И. Матвеевой и Р. Рашева.

В докладе *Д.А. Сташенкова* (Самара) “Памяти профессора Самарского государственного университета Г.И. Матвеевой” освещались основные моменты научной биографии ученого. Акцент был сделан на вкладе Г.И. Матвеевой в изучение памятников именновской культуры в Среднем Поволжье, славянская принадлежность которых ею активно отстаивалась, и на ее роли в открытии и исследовании подкурганых захоронений новинковского типа на Самарской Луке, которые связывались исследователем с праболгарским населением.

Доклад *В. Йотова* (Варна, Болгария) “Памяти директора Института археологии и музея Болгарской Академии наук

Рашо Рашева” охарактеризовал вклад выдающегося болгарского археолога в изучение раннеболгарских древностей Восточной Европы и Балкан.

Серия выступлений была посвящена проблемам изучения этнокультурной ситуации в ряде крупных регионов Евразии.

В докладе *О.А. Щегловой* (Санкт-Петербург) «“Каганат русов” и памятники волынцевского типа (к проблеме историко-политической интерпретации культурного явления)» особое внимание обращалось на полноценную критику источников. На примере анализа археологических материалов именновской и волынцевской культур доказывалась невозможность их генетического родства, о котором говорили различные исследователи в последние годы.

Выступление *О.В. Дьяковой* (Владивосток) было посвящено миграционным процессам во Внутренней Монголии и Манчжурии в I тыс. н.э.

В докладе *Л.М. Плетневой* (Томск) была проанализирована этнокультурная ситуация в Томском Приобье во второй половине I тыс. н.э.

Г.Н. Белорыбкин (Пенза) рассмотрел этнокультурную ситуацию в Верхнем Посурье во второй половине I тыс. н.э., остановившись на хронологии памятников буртас и именновской культуры.

М.Л. Швецов (Донецк, Украина) представил доклад “Ново-григорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье (IV–VIII вв.)”. В нем был введен в научный оборот комплекс с пальчатыми фибулами из погребения IV–VI вв. в степном Приазовье и на основе краткой характеристики материалов пеньковского облика поселения “Старица” рассматривалась этническая ситуация в Приазовье – Подонцовье.

В стендовом докладе *А.В. Расторопова* (Самара) “Вопросы этнокультурной истории лесостепного Поволжья второй половины I тыс. н.э. и миграции с юга Восточной Европы”, носившем историографический характер, была дана краткая характеристика трех миграционных волн кочевников последней четверти I тыс. н.э. в Поволжский регион.

Отдельное заседание на конференции было посвящено проблемам археологии и ранней истории древних тюрок.

В выступлении *И.Л. Кызласова* (Москва), акцентировавшего внимание на том, что первое появление тюркоязычных народов на исторической арене не связано собственно с древними тюрками, был проведен анализ раннесредневековых пережитков древних связей тюркских и индоевропейских народов.

С.Г. Боталов (Челябинск) в выступлении “Раннетюркские ареалы Восточной Европы в системе кочевой цивилизации Евразии”, используя понятие этнокультурных ареалов и метод ареальных исследований, постарался очертить границы конкретных этнополитических объединений гуннского и раннетюркского ареалов.

В совместном докладе *Г.В. Кубарева* и *В.Д. Кубарева* (Новосибирск) были представлены результаты исследования древнетюркского поминального мемориала в долине р. Хар-Яматын гол (Монгольский Алтай) в 2007 г.

Ю.А. Мотов (Алматы, Казахстан) обратился к проблеме происхождения древнетюркских каменных поминально-риту-

альных оградок и на основании анализа материалов исследованного им погребального комплекса на территории поселка Алатау поставил вопрос о степени вклада юзджей в культуру тюрков Семиречья.

Ряд докладов был посвящен результатам археологических исследований последних лет.

В докладе *З.Х.-М. Царикаевой (Албеговой)* (Москва) “Могильник Мамисондон. Предварительные результаты исследований” были рассмотрены материалы, аналогии которым пока не известны в Предкавказье. Вероятно, представленные комплексы отражают взаимодействие населения, оставившего памятник, с жителями сопредельных территорий.

Стеновый доклад *К.А. Руденко* (Казань) “Тетюшское II городище имениковской культуры. Проблемы датирования” продемонстрировал новые материалы, позволившие автору высказать дискуссионное предположение о формировании поселений городского типа на территории имениковской культуры.

Серия докладов была посвящена анализу отдельных категорий артефактов и исследованию частных вопросов раннесредневековой археологии.

А.В. Богачев (Самара) обратился к изучению состава и хронологии комплексов с пряжками предгеральдического стиля Поволжско-Приуральской лесостепи. Автор пришел к заключению, что пряжки с выпукло-вогнутыми рамками отражают процесс поиска ремесленниками нового оригинального стиля ремешных украшений в середине VI в.

Ю.А. Семькин (Ульяновск) представил новые данные о развитии железообработки у раннесредневекового населения Среднего Поволжья, особое внимание уделив составу рудных источников, их распространению и принципам переработки руды.

В совместном докладе *Б. Тотева* (Добрич, Болгария) и *О. Пелевиной* (Варна, Болгария) “Новый вариант сцены борьбы животных в древнеболгарской металлопластике” были продемонстрированы материалы, выявленные в последние годы на территории Дунайской Болгарии. Авторами был сделан вывод, что изображения дракона и зайца, часто встречающиеся на связанных с древними болгарскими племенами находках, восприняты из традиционной китайской культуры.

И.Р. Газимзянов (Казань) обратился к истокам и этнокультурной интерпретации обряда искусственной деформации головы у раннесредневекового населения Среднего Поволжья и Приуралья.

З.Х.-М. Царикаева (Албегова) (Москва), проанализировав литые бронзовые амулеты аланской культуры, показала перспективность их использования для реконструкции не только религиозных верований раннесредневекового населения Предкавказья и Подонья, но и исторических процессов, происходивших в регионе.

Три выступления были посвящены анализу отдельных категорий предметов вооружения.

В докладе *В. Йотова* (Варна, Болгария) “Сабли раннего средневековья – вклад болгар” была предложена типология этого вида клинкового оружия, обоснована его принадлежность к собственно болгарским видам вооружения.

В докладе *Г. Чики* (Будапешт, Венгрия) “Сабли аварского периода в Карпатской котловине. Вопросы типохронологии” были проанализированы находки на территории современной Венгрии. Сделан вывод, что различные типы сабель в Карпатской котловине появились в разное время, что иллюстрируют различные переходные типы между палашами и саблями.

В стеновом докладе *Г.В. Кубарева* (Новосибирск) “Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи” собраны и обобщены имеющиеся данные об археологических находках коленчатых кинжалов и их изображениях, которые относятся ко времени существования Первого Тюркского каганата.

Вопросам формирования этнокультурных общностей в различных регионах были посвящены четыре доклада.

В выступлении *Э. Корбу* (Слобозия, Румыния) были представлены исторические и археологические свидетельства присутствия печенегов на Нижнем Дунае.

В. Йотов (Варна, Болгария) привел новые археологические данные, свидетельствующие о присутствии викингов на Балканах в X–XI вв.

В выступлении *Н.А. Лифанова* (Самара) “Предсалтовские и раннесалтовские памятники Южного Средневожья и начальный этап тюркизации региона” анализировались преимущественно подкурганские захоронения хазарской эпохи, производились поиски аналогий выделенным группам. Автор сделал вывод о том, что тюркизация региона была следствием распространения власти хазар на его территории.

В стеновом докладе *Д.Г. Бугрова* (Казань) были представлены новые материалы позднесарматского круга, выявленные в Нижнем Прикамье, за северной границей основного сарматского ареала.

Анализу особенностей погребальной обрядности раннесредневекового населения евразийских степей были посвящены доклады *А. Тюрка*, *О.В. Букиной*, *А.В. Комара*.

А. Тюрк (Будапешт, Венгрия) представил результаты классификации захоронений с лошадьми у древних венгров в Карпатской котловине в X в.

Доклад *А.В. Комара* (Киев, Украина) был посвящен практически неразработанной теме захоронения пира. Рассматривая так называемые клады, в том числе Перещепинский и Келегейский, как наборы для захоронения пира, автор обратил внимание на центральноазиатские параллели поминальным традициям кочевников Восточной Европы VII–VIII вв.

В сообщении *О.В. Букиной* (Самара) “Обычай кремации в рязано-окских могильниках” на основе анализа взаимовстречаемости предметов и признаков погребального обряда выделены группы кремационных погребений в рязано-окских могильниках и сделана попытка выявить их истоки.

Впервые на тематической конференции был представлен целый блок докладов, в которых на основе новых археологических материалов анализировалась проблема седентаризации раннесредневековых кочевников.

Выступление *А.А. Иванова* (Ростов-на-Дону) было посвящено проблеме формирования оседлых памятников хазарского времени на территории Нижнего Подонья на примере исследованного автором Крымского городища.

В докладе *Д.А. Сташенкова* (Самара) “О поселениях хазарского времени в Среднем Поволжье” были проанализированы материалы из раскопок кратковременных поселений хазарского времени на территории Самарской и Ульяновской областей и представлена типология этих поселений. Сопоставление поселенческих материалов с погребальными комплексами новинковского типа, исследованными на Самарской Луке, показало их принадлежность к различным культурно-хронологическим группам.

Совместный доклад *Л.А. Вязова* и *И.А. Нерушина* (Самара) был посвящен результатам раскопок Малорязанского VIII селища на Самарской Луке. Исследования этого памятника по-

звалили выделить материалы, свидетельствующие о миграции в регион в хазарскую эпоху группы оседлого населения из района Подонья.

Э. Корбу (Слобозия, Румыния) предложила новую гипотезу о печах-канах на поселениях IX–XI вв. в Румынии.

В докладе С.Г. Бочарова (Симферополь, Украина) “Поселение Тепсень в Восточном Крыму по материалам раскопок 2003–2007 гг.” анализировались новые материалы, позволяющие выделять только один период существования поселения, что отличается от выводов, сделанных исследователями ранее.

В сообщении В.И. Баранова (Киев, Украина) “Ранние памятники салтово-маяцкой культуры в Крыму” были представлены результаты исследований памятников в юго-западной части ареала салтово-маяцкой культуры.

Два доклада характеризовали опыт применения информационно-компьютерных технологий в археологии.

Доклад Е.А. Беговатова, О.А. Кашиной (Казань), А.Ф. Кочкиной (Самара) был посвящен решению задачи идентификации археологических экспонатов с помощью клиент-серверного приложения на сайте археологического музея КГУ. В докладе предложен новый подход к созданию web-приложения на основе серверной базы данных как инструментария для хранения данных археологических исследований и их обработки математическими методами в режиме реального времени. Подобный подход продемонстрирован на материалах гончарных клейм Волжской Болгарии, палеозоологических и связанных с технологией древних стеклянных изделий.

В докладе Е.А. Беговатова и И.М. Фатхутдинова (Казань) «Метод s-“ближайшего соседа” и распределение памятников именьковской культуры в Татарстане (Закамье)» была сделана

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

попытка выяснить характер распределения археологических памятников в конкретном регионе, используя метод, успешно зарекомендовавший себя в экологии и биологии. Количественные характеристики для измерения группового распределения памятников позволяют более объективно судить о системе расселения племен именьковской культуры в Восточном Закамье.

Стендовый доклад В.Ю. Морозова (Самара) был посвящен обзору сасанидских нумизматических материалов, обнаруженных в Урало-Поволжском регионе в последние десятилетия.

По всем заслушанным докладам состоялись дискуссии.

В резолюции было отмечено, что свою задачу – предоставление и анализ новых материалов, полученных в ходе исследований археологов в последнее десятилетие, – конференция выполнила.

Во время работы конференции ее участники посетили археологический музей Самарского государственного университета, а также получили возможность работы с археологическими коллекциями в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

К открытию мероприятия были изданы тезисы докладов “Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.” (Самара, 2008. 104 стр., илл.). Экземпляры издания переданы в библиотеки России, Болгарии, Венгрии, Румынии, Украины, Казахстана.

По итогам конференции подготовлен сборник докладов ее участников. Было принято решение посвятить формирующийся сборник “Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)” памяти выдающихся археологов-медиевистов, ушедших из жизни в 2008 г.: Г.И. Матвеевой, Р. Рашева, С.А. Плетневой.

Д.А. Сташенков

К 70-ЛЕТИЮ А.З. ВИННИКОВА

Казалось, совсем недавно мною совместно с М.В. Цыбиным была написана статья, посвященная 60-летию известного российского археолога, историка-слависта, заведующего кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета Анатолия Захаровича Винникова (Пряхин А.Д., Винников А.З. К юбилею коллеги // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Воронеж, 2000).

Направленность исследовательского поиска ученого формировалась еще в годы обучения на историческом факультете Воронежского государственного университета (1959–1964 гг.). Последующие этапы научного пути Анатолия Захаровича связаны с этим факультетом. С 1966 по 1976 г. он – лаборант, затем – преподаватель, старший преподаватель кафедры истории СССР досоветского периода. С образованием в 1976 г. кафедры археологии и истории древнего мира – старший преподаватель, доцент, а затем, с 1993 г., и профессор этой кафедры. С 1994 г. А.З. Винников возглавляет кафедру истории средних веков и зарубежных славянских народов, где им создается успешно функционирующее в настоящее время археолого-этнографическое научное направление по средневековой археологии Восточной Европы и этнографии южнорусского населения;

с конца 1995 г. в течение десяти лет он был деканом исторического факультета, внесшим более чем заметный вклад в его развитие.

В 1974 г. в Институте археологии АН СССР А.З. Винников защищает кандидатскую диссертацию “Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII–X вв. (по керамическому материалу)” и там же в 1991 г. – докторскую диссертацию “Древнерусское население лесостепного Дона в VIII – начале XIII в.”

Под руководством Анатолия Захаровича в 60-70-е годы исследуется целый ряд ныне широко известных памятников боршевской культуры последних веков I тыс. – самого начала XI в. по высокому правому берегу р. Воронеж (I и II Белогорский могильники, городища I Белогорское, у Михайловского кордона, ныне включаемые в комплекс памятников “Вантит”), а затем и Животинное городище. Первое опубликованное им монографическое исследование посвящено анализу результатов раскопок славянских курганных древностей Подонья (Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984), а 11 лет спустя в монографии “Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI вв.)” (Воронеж, 1995) изложены основные положения его докторской диссертации.

Во второй половине 70 – начале 80-х годов XX в. в составе Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции он руководил раскопками Маяцкого селища, результаты исследования которого опубликованы в серии работ, в том числе и в монографиях (Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища (Матер. раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж, 1991; Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998). После завершения работ экспедиции в Дивногорье, благодаря усилиям С.А. Плетневой и А.З. Винникова, создается природный архитектурно-археологический музей-заповедник “Дивногорье”.

Безусловно, важное значение имели осуществленные в 1980-е годы под руководством А.З. Винникова раскопки городища Холки на р. Оскол (Белгородская область) – одного из ключевых памятников в системе укрепленных поселений юго-восточного порубежья Древней Руси XII–XIII вв. И, конечно же, надо назвать раскопки 1990-х годов сначала экспедицией Воронежского педагогического университета, а затем Воронежского государственного университета под руководством А.З. Винникова Новохарьковского бескурганного могильника эпохи Золотой Орды в правобережье Дона на пограничье степи и лесостепи – базового памятника для решения проблемы взаимодействия земледельческого и скотоводческого миров в эпоху средневековья, результаты изучения которого опубликованы в коллективной монографии “Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды” (Воронеж, 2002). Особую значимость этой книге придает то обстоятельство, что ее авторами наряду с А.З. Винниковым и М.В. Цыбиным являются палеоантропологи ак. Т.И. Алексеева, член-корр. РАН А.П. Бужилова, д.и.н. М.Б. Медникова, д.и.н. М.В. Козловская (Добровольская), д.и.н. Т.В. Лебединская. Тогда был сделан вывод, что оставившее Новохарьковский могильник население – это потомки алан (фиксируется наличие генетической преемственности с предшествующим по времени населением салтово-маяцкой культуры).

А.З. Винников сначала руководил, а затем принимал непосредственное участие в раскопках Мандровского могильника в Поосколье, опубликованного им в совместной с В.А. Сарапулкиным монографии “Болгары в Поосколье (Мандровский могильник)” (Воронеж, 2008).

Разумеется, отмеченными полевыми исследованиями не ограничивается перечень археологических памятников, изучавшихся под руководством А.З. Винникова, и его монографические работы (Перечень публикаций юбиляра включает 10 монографий и более 200 других работ).

В их числе выдержавшая два издания совместная с А.Т. Синюком научно-популярная книга по археологии Верхнего и Среднего Подонья “Дорогами тысячелетий” – одна из наиболее удачных работ подобного рода, в одинаковой степени полезная как для массового читателя, так и для более узкого круга профессионалов (Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 2003). Им же опубликована небольшая, но весьма информативная, выполненная на высоком профессиональном уровне книга, посвященная результатам изучения Дивногорского комплекса памятников салтово-маяцкой культуры в лесостепном Подонье (Винников А.З. Хазарская крепость на Тихой Сосне. Воронеж, 2006).

Необходимо также отметить плодотворную деятельность А.З. Винникова в качестве научного редактора. Только за последние 10 лет под его редакцией опубликованы получившие высокую научную оценку сборники научных статей “Средневековые древности Евразийских степей” (Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001); “Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи” (Воронеж, 2008); Дивногорский сборник (Вып. 1. Археология. Воронеж, 2009) и другие.

А.З. Винников – организатор ряда международных научных конференций, среди которых “Восточнославянский мир Днестро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья (VIII–X начало XI в.)” (РА. 2009. № 4), проведенная в 2008 г. на базе кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета и приуроченная к 90-летию со дня рождения доцента А.Н. Москаленко, стоявшей у истоков развития археологии в Воронежском государственном университете. В ней приняла участие большая группа украинских исследователей, в числе которых и выпускники Воронежского государственного университета. (А.З. Винников уделяет постоянное внимание развитию научного сотрудничества археологов-славистов Воронежского государственного университета с украинскими исследователями, включая разработку совместных научных тем.)

Под руководством А.З. Винникова выполнено 10 кандидатских диссертаций; одна из его учениц – старший научный сотрудник ИА РАН А.В. Мастыкова – недавно защитила и докторскую диссертацию.

Искренне поздравляя Анатолия Захаровича с юбилеем, нельзя не пожелать ему крепкого здоровья и новых значимых научных результатов.

Воронежский государственный университет

А.Д. Пряхин

ПАМЯТИ НАТАЛИИ ЛЬВОВНЫ ЧЛЕНОВОЙ (1929–2009)

16 октября 2009 г. скончалась Наталия Львовна Членова. Всем, кто интересуется археологией бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, это имя хорошо знакомо. Наталия Львовна прожила 80 лет и один день, хотя последние 6 лет были мучительны для ее деятельной натуры: поразивший ее в октябре 2003 г. инсульт лишил возможности двигаться, говорить и писать.

Н.Л. Членова родилась в Москве 15 октября 1929 г. в семье врачей. В 1948 г. она поступила на исторический факультет Московского университета, где быстро выбрала в качестве основной специальности археологию Сибири, родины предков. Высокую оценку получила ее дипломная работа «О происхождении тагарской культуры» (1953). Начало трудовой деятельности Н.Л. Членовой связано с Государственным Историческим музеем. То было время активного изучения коллекций, первых публикаций и самостоятельной экспедиции – Ужурской (1955). В 1956–1959 гг., будучи аспиранткой ИИМК (ныне ИА РАН), Наталия Львовна сосредоточилась на изучении тагарской культуры. В 1960 г. она стала сотрудницей Института археологии, в котором проработала более 43 лет, до декабря 2003 г. В 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию, а через четверть века – докторскую.

Главным поприщем Н.Л. Членовой в науке изначально стала публикация разнообразных материалов бронзового и раннего железного веков. Всего в списке ее работ 6 монографий и более 130 статей, заметок и рецензий. Научные интересы Наталии Львовны всегда были на острие наиболее актуальных проблем отечественной археологии. Их разработка велась по нескольким направлениям.

Первое из них реализовано в 1950–1990-е годы в диссертационных исследованиях и ряде монографий. Кандидатская диссертация по своему содержанию была несколько шире книги «Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры» (1967): в последнюю не вошла глава «Памятники карасукского времени, генетически связанные с тагарской культурой»; остальные разделы монографии полностью соответствовали диссертации. Две главы посвящены тем категориям предметов, «которые обнаруживают сходство с вещами скифов Причерноморья и саков Средней Азии». В последней главе анализируются тагарские бронзовые ножи и керамика как «категории вещей, которые составляют своеобразие тагарской культуры и отличают ее от других культур скифского мира». Подводя итог, Н.Л. Членова писала об отсутствии этногенетической связи тагарской и карасукской культур, о тагарской культуре как одной из общностей скифского мира, о проблеме динлинов и о вероятном ираноязычии носителей тагарской культуры.

В конце 1960-х и в 1970-е годы Наталия Львовна вплотную занялась изучением карасукской культуры – предшественницы тагарской в Минусинской котловине, а результаты подвела в монографии «Хронология памятников карасукской культуры» (1972) и небольшой книге «Карасукские кинжалы» (1976). Стержневая глава монографии посвящена хронологии карасукских памятников. Она и поныне сохраняет свое значение как образец хронологических разработок для археологических культур, расположенных далеко от регионов, содержащих большое количество сравнительно легко датированных памятников и находок. Выяснение как абсолютной, так и относительной хронологии карасукской культуры опиралось на тщательно разработанную морфологическую схему, в которой выделялся наиболее важный компонент – бронзовые ножи. Им и практически всем другим категориям вещей отыскивались датированные аналогии на весьма широких территориях. В итоге обосновывалась абсолютная датировка карасукских ножей, а затем соответственно и памятников этой культуры – от XIII–XI до VII–VI вв. до н.э.

В главе 2 реконструировалось распространение карасукской культуры из Тувы и Монголии на север. Здесь же обсуждалась проблема формирования тагарской культуры в VII–VI вв. до н.э. на базе традиций населения андроновской и лугавской культур, а также мигрантов из более западных районов.

Во второй части монографии рассматривались археологические источники – лугавские и предтагарские памятники Минусинской котловины. Кроме того, книга сопровождалась двумя полемиками экскурсами: «О культурной и этнической общности карасукской и других культур Евразии» и «Восточные датированные параллели сейминским и турбинским бронзам». Проблемы, затронутые в них, продолжают обсуждаться и в наши дни.

Обе монографии стали в итоге основой докторской диссертации Н.Л. Членовой (1990). Этот труд был направлен на изучение относительной и абсолютной хронологии памятников Западной и Средней Сибири XIV/XIII–VII/VI вв. до н.э., относящихся к карасукской, лугавской, ирменской и ирменско-большереченской культурам. Материалы неопубликованных частей диссертации вошли в монографию “Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири” (1994).

Второе важнейшее направление научных поисков Н.Л. Членовой – вне древностей Минусинской котловины – связано с генезисом и ранней историей культур раннего железного века (“скифо-сибирского мира”), которые ее всегда глубоко интересовали. В этих поисках базовыми для нее оставались, безусловно, сибирские и центральноазиатские древности. Но, начиная с 1970-х годов, в сферу научных интересов ученого вошли памятники эпох поздней бронзы и раннего железа на Северном Кавказе. Им она посвятила небольшую книгу “Оленные камни как исторический источник” (1984). Стержнем данного труда была попытка решения киммерийской проблемы. Наталия Львовна, обращаясь к теме, исходила из реальности киммерийских древностей на Северном Кавказе, которые связывала с памятниками каменномогильско-березовского типа. Она ввела в научный оборот находки “оленных камней” этого региона, сравнила с иными группами изваяний в Евразии, датировала их второй половиной – концом VII в. до н.э., определила различия между “оленными камнями” и скифскими “каменными бабами”. Н.Л. Членова сочла вполне доказанной этническую принадлежность “оленных камней” киммерийцам, высказав гипотезу о том, что “киммерийцы – автохтонное население Северо-Западного Кавказа”.

С историей скифо-сибирского мира связан, как уже отмечалось, основной блок публикаций исследовательницы, в том числе о зверином стиле и его истоках, культуре плиточных могил и особенно о хронологии культур ранних кочевников, включая одну из последних ее работ – небольшую книгу о кургане Аржан (1997). Она посвящена в основном уточнению даты этого важнейшего памятника раннескифской эпохи. Попытки М.П. Грязнова и его последователей удревнить дату Аржана до IX–VIII вв. до н.э. были восприняты Н.Л. Членовой критически. Особое внимание она уделила разбору радиоуглеродной хронологии и результатов дендрохронологических изысканий. Подробно проанализировав вещевые находки из Аржана, Наталия Львовна пришла к основному заключению: “выводить скифов Причерноморья из Центральной Азии (Туву), где единственный представительный памятник – Аржан, совершенно неправомерно. Аржан – это памятник Саяно-Алтайского культурного региона VII–VI вв. до н.э.”

К третьему направлению научных поисков, связанному с историей древних индоиранцев и финно-угров во II–I тыс. до н.э.

в Восточной Европе и на Урале, Н.Л. Членова подошла в 1980-е годы. Только освоив все многообразие источников по этим сложнейшим проблемам, она посчитала для себя возможным включиться в их обсуждение. Цикл ее статей тех лет действительно привлек к себе внимание, дав повод для дискуссии в “Российской археологии” (в связи со статьей “Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тыс. до н.э.”) и откликов в ряде других изданий. Многие археологи и сейчас с благодарностью вспоминают Н.Л. Членову, обращаясь к ее картам распространения памятников культур позднего бронзового века – черкаскульской, курмантау, федоровской, алакульской, срубной и абашевской – на территории СССР. Из общения с Наталией Львовной мы знаем, что итогом разработки данных проблем должна была стать книга о древних индоиранцах в пределах их исторической прародины в евразийских степях. К сожалению, план этот остался неосуществленным.

К последнему направлению поисков примыкает еще одно, сложившееся в те же годы. Н.Л. Членова с увлечением обратилась к изучению проблемы взаимодействия культур карасукско-киммерийского и скифо-сибирского миров со своими ближними и дальними соседями, прежде всего южными (население Средней Азии, Ирана, Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Подунавья) и северными (культуры Волго-Уралья конца II – начала I тыс. до н.э.). Выявляя на юге и севере многие общие черты материальной и духовной культуры, характерные для ранних кочевников и их предшественников в евразийских степях, Наталия Львовна “выстраивала” эти факты по преимуществу в контексте миграций.

В своих поисках Н.Л. Членова опиралась на вполне традиционные методы исследования, но ее отличал обостренный интерес к анализу вещевого материала. Разработанная ею типология тагарских и карасукских бронз воспринималась коллегами как своеобразный “апофеоз вещеведения”. В области хронологических построений Наталия Львовна выработала и придерживалась таких методических основ, как максимальная структурированность вещевого материала, продуманность и планомерность исследования, очень широкий круг аналогий и привлеченных фактов вообще, принципиальное противостояние модным “удревнительным тенденциям”. Все это опиралось на присущие ей неконформизм и высокую научную честность.

Наталия Львовна Членова оставила о себе добрую память как ученый и как личность. Ее трудами во многом заложен фундамент нашего современного знания о культурах эпох поздней бронзы и раннего железа Северной Евразии, и прежде всего Средней Азии. Н.Л. Членова, безусловно, была и останется одной из знаковых фигур в отечественной археологической науке, которой она верно служила более полувека.

Институт археологии РАН, Москва
Государственный музей искусства народов Востока, Москва

С.В. Кузьминых,
В.А. Коренько

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВИЧА ПРАСЛОВА (1937–2009)

2 июня 2009 г. после тяжелой продолжительной болезни ушел из жизни Николай Дмитриевич Праслов, доктор исторических наук, ведущий специалист в области палеолита, ученый, отдавший ЛОИА – ИИМК РАН почти 50 лет жизни.

Пройденный путь от деревенского мальчика до ученого с мировым именем свидетельствует об исключительных личных качествах и работоспособности исследователя. Военное детство на оккупированной территории, потеря родителей, голод и полная неустроенность быта составили те условия, вопреки которым сформировалась личность Н.Д. Праслова. Его отличительными чертами были целеустремленность и предельная концентрация на достижении поставленной цели. Это определило и характер молодого человека, и его отношение к работе и людям.

На уроженца села Костенки не могли не оказать влияние работа археологических экспедиций, появление в российской глубинке маститых ученых из ведущих научных центров, студентов. Для большого количества местных ребят, работавших тогда на раскопках, это была только возможность заработать. Н.Д. Праслов оказался единственным среди односельчан, для кого исследовательская сторона оказалась привлекательнее материальной, кто сделал археологию каменного века не только своей специальностью, но и программой всей жизни. Потребность в знании всегда оставалась главной стратегией его жизненного пути.

На формирование интереса молодого человека к археологии оказали влияние не только раскопки сами по себе, что при-

влекает многих, но и те проблемы, на решение которых они были направлены. Участие в раскопках Костенок 17 (1955) и 19 (1956) под руководством П.И. Борисковского определило творческое отношение Николая Дмитриевича к исследованию и пониманию культурного слоя. В 1956 г. им была открыта стоянка Костенки 21 (Гмелинская), на которой в 1957–1958 гг. он проводил самостоятельные раскопки, позднее продолженные в 1971, 1976–1979 и 1980-е годы.

Воронежский университет (1954–1959); работа в Таганрогском музее (1959–1962); аспирантура ЛОИА АН СССР, после которой в 1965 г. Н.Д. Праслов был принят младшим научным сотрудником в сектор палеолита; защита докторской диссертации в 2001. За коротким списком стоит необычно высокая степень отдачи: 10 лет от первой студенческой публикации в 1958 г. до собственной монографии “Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона”. В этом промежутке в 1964 г. в серии “Свод археологических источников” выходит совместная работа П.И. Борисковского и Н.Д. Праслова “Палеолит бассейна Днепра и Приазовья” – обобщение также монографического уровня. Данными публикациями был определен круг научных интересов и исследовательских принципов, которым Николай Дмитриевич оставался верен на протяжении всей своей научной деятельности. Отличительной особенностью как этих работ, так и подхода к материалу в целом является оптимальное сочетание предельной детализации анализа источника (элементы оформления ударных площадок, специфические приемы первичного расщепления и пр.) и глобальных обобщений типа подразделений среднего палеолита Восточной Европы и явления конвергенции в формировании облика палеолитических индустрий в широком общеевропейском контексте. Не случайно при наличии большого количества специалистов по ранним периодам палеолита именно Н.Д. Праслову принадлежат разделы по хронологии и периодизации, проблеме освоения человеком территории Восточной Европы, раннему палеолиту Русской равнины и Крыма в томе “Палеолит СССР”, более 25 лет остающемся основной обобщающей работой по палеолиту.

Впечатляет интенсивность полевых исследований Н.Д. Праслова. Его несомненная заслуга – открытие стратифицированных памятников раннего палеолита (Хрящи, Михайловское, Герасимовка), раскопки мустьерских (Носово, Рожок 1) и верхнепалеолитических (Мураловка, Золотовка) стоянок в Приазовье и на Нижнем Дону, разведки в Ергенях и на берегу Цимлянского водохранилища, работы в Ильской и Сухой Мечетке. Практически каждая из этих работ стала этапом в изучении не только памятников самих по себе, но и широких территорий: открытие древнего палеолита в Причерноморских степях коренным образом изменило представления о первоначальном освоении Восточной Европы человеком; мустье Приазовья позволило внести существенные коррективы в понимание среднего палеолита, а морфология зуба человека из Рожка остается не оцененной должным образом до сих пор. Раскопки Ильской подтвердили ее многослойность; материалы Мураловки и Золотовки явились основанием для выделения новой, до раскопок этих памятников не известной культурной традиции.

Особое место в работах Н.Д. Праслова всегда занимали Костенки, поскольку как никто другой он мог оценить их значение как уникального явления общемирового масштаба. Начатые в 1971 г. раскопки второго жилого комплекса верхнего слоя Костенок 1 под руководством А.Н. Рогачева, а с 1974 г. –

Н.Д. Праслова составили как новый этап изучения этого наиболее широко известного палеолитического памятника Восточной Европы, так и новый этап развития методики комплексного полевого исследования. В период 1971–1994 гг. участие в раскопках принимали многие ведущие отечественные и зарубежные специалисты в области первобытной археологии и четвертичной геологии, работавшие по своим исследовательским программам, но с включением в них костенковских материалов как предельно разнообразных и информативных. В эти годы впервые в отечественной практике были получены статистически репрезентативная серия радиоуглеродных определений возраста для верхнего слоя Костенок 1; колонка палеомагнитной изменчивости с четырьмя экскурсами в хронологических рамках 120–10 тыс. лет для разреза “стратиграфического шурфа”; построены пыльцевые диаграммы для опорных многослойных памятников района (Костенок 1, 8, 11, 14, 17); определен источник происхождения вулканического пепла; опробованы различные методы TL-датирования. Не боясь ошибок, А.Н. Рогачев и Н.Д. Праслов привлекали к работам в Костенках исследователей различных направлений, часто неожиданных для археологии (например, для измерения степени плотности пола землянок). В этот период Костенки стали полигоном испытания на пригодность новых методов, количество которых тогда увеличивалось с каждым годом.

Только часть из этих во многом экспериментальных исследований нашла отражение в вышедшей в 1982 г. под редакцией Н.Д. Праслова и А.Н. Рогачева коллективной монографии “Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979”, не только обобщившей итоги столетнего изучения палеолита района, но и ознаменовавшей начало нового этапа, перспективы и возможности которого были намечены достаточно четко, по крайней мере в области привлечения всех доступных методов естественно-научной аналитики.

Естественно-научный аспект исследования всегда составлял отдельную и приоритетную область научной деятельности Н.Д. Праслова. Трудно назвать другого специалиста в археологии палеолита, одинаково профессионально ориентирующегося в четвертичной геологии, палинологии, палеонтологии, малакологии, методах абсолютного датирования настолько, что на защите его кандидатской диссертации возник резонный вопрос, степень каких наук этой диссертации присуждать: исторических или геолого-минералогических. По его инициативе была начата работа по составлению базы данных по радиоуглеродной хронологии палеолита Восточной Европы.

Были и другие приоритеты: он первый в отечественной археологии специально занимался палеолитическими красками; на обширном фактическом материале поставил проблему лука и стрел в палеолите; по-новому сформулировал проблему организации позднепалеолитических поселений после открытия серии вымоستок из каменных плит в Костенках 21 и “печи для обжига глины” в Костенках 1. Все это подчеркивает глубокую творческую индивидуальность Николая Дмитриевича, не только способность видеть новое, но и ориентированность на поиск новых источников.

Отдельную область деятельности Н.Д. Праслова составляет серия историографических очерков, посвященных основоположникам отечественной археологии палеолита: И.С. Полякову, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнину, П.И. Борисковскому, А.Н. Рогачеву.

Не случайно курс палеолита на кафедре археологии Ленинградского университета был передан П.И. Борисковским именно Н.Д. Праслову, который вел его в течение шести лет в середине 70-х годов прошлого века. Николай Дмитриевич выступал с лекциями в отечественных и зарубежных универси-

тетах. Из кандидатских диссертаций, подготовленных под его руководством, особого упоминания заслуживают успешно защищенные в 1985 г. работы Л.В. Кузнецовой “Палеолит среднего и нижнего Поволжья” и М.А. Ивановой “Структура Гмелинского палеолитического поселения”. За время руководства Н.Д. Прасловым Костенковской экспедицией в ее работе, будучи студентами и аспирантами, принимали участие многие современные ведущие специалисты в области археологии палеолита России, Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, а также студенты из Африки и Азии. Костенковская школа полевого исследования, сложившаяся при раскопках второго жилого комплекса верхнего слоя Костенок 1 в 1971–1994 гг. под руководством А.Н. Рогачева и Н.Д. Праслова как школа комплексного мультидисциплинарного подхода к изучению сложно структурированных объектов, остается одной из ведущих в отечественной археологии палеолита и сохраняет международное признание.

Исследовательские качества, объем знаний, коммуникативность привели к участию Н.Д. Праслова в ряде международных и отечественных междисциплинарных проектов и к включению его в состав постоянных комиссий при различных учреждениях. Он занимал пост секретаря восточноевропейской рабочей группы Комиссии по палеоэкологии древнего человека при Комиссии по Изучению четвертичного периода; входил в Бюро Комиссии по изучению мамонтов и мамонтовой фауны при АН СССР; был членом Межведомственного стратиграфического комитета при Министерстве геологии СССР; состоял в редколлегии журнала “Природа”. Н.Д. Праслов участвовал в реализации ряда международных программ, среди которых выделяется “Лесс-перигляциал-палеолит Средней и Восточной Европы”, состоял в комиссии по ориньяку и перигордену Международного Союза доисторических и протоисторических наук, являлся организатором советско-французского (1981) и советско-американского (1989) полевых семинаров. Отдельного упоминания заслуживают его участие в фундаментальном издании атласа-монографии “Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет” и редакторская деятельность, которая всегда занимала важное место в его работе.

Нельзя не остановиться на административной стороне деятельности Н.Д. Праслова. С 1988 по 1997 г. он возглавлял отдел палеолита ИИМК РАН. Его несомненная заслуга в этот непродолжительный период – сохранение научного потенциала коллектива, долгое время являвшегося единственным ведущим научным центром Восточной Европы в области археологии палеолита. Следует отметить, что при общем снижении интенсивности исследований международные связи отдела в этот период значительно увеличились в немалой степени благодаря активности Н.Д. Праслова, его личным контактам и увеличению интереса к костенковским материалам. Свидетельство тому явилась серия международных выставок, в первую очередь по палеолитическому искусству, в которых Костенки всегда занимали особое место.

Многогранная научная и научно-педагогическая деятельность Н.Д. Праслова получила официальное и заслуженное признание в виде Почетных грамот Президиума РАН, Центрального совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, серебряной медали ВДНХ 1982 г. за организацию выставки “Достижения советских ученых в изучении четвертичного периода”.

Личные качества Н.Д. Праслова: скромность, благожелательность, интерес к любому проявлению творческого подхода – определили отношение к нему со стороны коллектива, в котором он работал, и со стороны иногородних и зарубежных коллег.

Три момента следует подчеркнуть особо.

За исключением обычных для руководителя подразделения “отчетных” и юбилейных статей, у него не было “проходных” работ, не было тезисов, не соответствующих тематике конференций. Николай Дмитриевич никогда не измерял научную деятельность килограммометрами печатной продукции. Наиболее длительным и трудоемким этапом для него была работа с написанным текстом. Во многом поэтому до издания не дошли многие его исследования.

Он никогда не шел в русле модных течений и никогда не считал необходимым высказать свое мнение по всем возникающим вопросам и обсуждаемым проблемам. Он определял фаунистические остатки на уровне опытного палеонтолога, но к выделению археозоологии в отдельную дисциплину относился отрицательно. Таким же было его отношение к геоархеологии и этноархеологии, хотя он профессионально владел методами и свободно оперировал данными и геологии, и этнографии. Были и проблемы, чаще всего из разряда “теоретических”, к которым он не боялся высказывать свое негативное отношение как к лжепроблемам, от решения которых ничего не меняется. Он не испытывал потребности в периодически входящих в моду социологических реконструкциях, если не видел в них смысла или оснований. И это не значило, что он ограничи-

вал проблематику, а только подчеркивало предельный рационализм и требование обоснованности построений.

Доброжелательное отношение к новым открытиям и особенно к молодым исследователям было одним из главных качеств Праслова-археолога и Праслова-руководителя. Почти половина современного состава отдела палеолита и Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК были приняты в штат института при участии Н.Д. Праслова, с его рекомендациями и с использованием преимуществ его административного положения. Такие преимущества были у многих, но очень немногие их в таких целях использовали.

Уход Н.Д. Праслова – это невосполнимая потеря для отдела палеолита ИИМК, потому что “ниша”, которую он занимал в коллективе, слишком индивидуальна, как и его научная деятельность, которая не попадает ни под какое направление.

Еще в 2008 г. Николай Дмитриевич планировал участие в раскопках в Костенках, участие в конференциях. Очень трудно шла подготовка заявки на грант по проблеме культурной преемственности и наследования, для которой нужно было пересмотреть большое количество коллекций из старых раскопок.

Судьба распорядилась иначе.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

А.А. Синицын

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в двух экземплярах, распечатанных через 1.5 интервала (шрифт Times New Roman, кегль 14) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат 290 × 210) с одной стороны листа с обязательным приложением электронной версии. К рукописям по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии» должно быть приложено краткое резюме (не более 0.5 стр.) и ключевые слова (не более 10). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в текс-

те рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

На отдельном листе обязательно приводятся сведения об авторах: ФИО, ученая степень, должность, место работы, почтовый и электронный адреса, контактный телефон.

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 8 иллюстраций. Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков и 1–3 иллюстраций. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе «Хроника», не должны превышать 10 тыс. знаков и не должны сопровождаться списком трудов ученого (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш.Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва (электронный адрес одного из авторов)

Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии – на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, особенно плохой сохранности (чертежи и пр.), только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельном листе.

Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. через точку с прописной буквы. Например (Смирнов, 1964. С. 23. Рис. 5).

Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года с ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений на отдельной странице. Источником библиографического описания является титульный лист

издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск, включая иностранные издания. Например, *монография*: Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

статьи: Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000. № 3.

источники: Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Присланные распечатанный и электронный варианты статей должны сопровождаться подписанным **Договором** о передаче авторских прав на публикацию издательству «Наука». Текст Договора размещен на сайте Издательства «Наука» <http://www.naukaran.ru/>

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА ЗА 2010 г.

- Авилова Л.И.** Золотое веретене. № 3, 37–43.
- Авилова Л.И.** Обмен металлом на Ближнем Востоке в раннем и среднем бронзовом веке. № 1, 5–14.
- Ахмедов И.Р.** “Свев” из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. № 1, 26–37.
- Балабанова М.А.** Новые данные об антропологическом типе сарматов. № 2, 67–77.
- Балахванцев А.С., Николаишвили В.В.** “Алан Бакур” из Древней Иберии. № 4.
- Баранова С.И.** Поливные черепицы в монашеском погребении Московского Сретенского монастыря. № 1, 160–162.
- Батаршев С.В., Морева О.Л., Кузьмин Я.В.** Рудническая неолитическая культура в Приморье: проблемы периодизации и хронологии. № 4.
- Беляев Л.А., Кренке Н.А., Шуляев С.Г.** Докремлевская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ X/XI–XIV вв. № 1, 104–115.
- Беляев Л.А., Романов Н.С., Шлионская Л.И.** Надгробия игуменьи Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре. № 2, 156–165.
- Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н.** Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону. № 2, 125–134.
- Бессуднов А.Н.** см. Бессуднов А.А.
- Борисов А.В.** Природные процессы в формировании заполнения котлованов средневековых построек. № 3, 119–129.
- Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б.** Новые материалы к вопросу о древнейшем заселении Сибири анатомически современными людьми. № 1, 15–25.
- Буланкин В.М., Завьялов В.И., Судаков В.В.** Характеристика культурного слоя кремля Переяславля Рязанского. № 1, 116–124.
- Бураев А.И.** Этнокультурная идентификация неолитического населения Циркумбайкалья (современное состояние проблемы). № 3, 13–21.
- Валеев Р.М.** Города Поволжья как центры торговых связей Булгарии. № 2, 89–97.
- Васильев С.А.** см. Скакун Н.Н.
- Вискалин А.В., Выборнов А.А.** Неолит Волго-Камья. Самара. 2008, № 4.
- Волкова Е.В.** Топоры из фатьяновских могильников у д. Новинки (Калининский р-н, Тверская обл.). № 2, 18–24.
- Выборнов А.А.** см. Моргунова Н.Л.
- Гаилов В.А.** см. Кошеленко Г.А.
- Гайдуков П.Г.** “Воспоминания” В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии. № 4.
- Гайдуков П.Г.** см. Макаров Н.А.
- Гиря Е.Ю., Дорофеева Т.С.** Уникальный моржовый клык с Рюрикова городища: трасологический анализ. № 1, 64–73.
- Гуцалов С.Ю.** Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане. № 2, 51–66.
- Давудов О.М., Шуньков М.В.** Международный симпозиум “Древнейшие миграции человека в Евразии”, 2006. № 3, 181, 182.
- Детлова Е.В., Добиат К., Кузьминых С.В.** Геро фон Мергарт в истории российской и немецкой археологии (Международный симпозиум “Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.” Марбург, 2009). № 2, 186–188.
- Добиат К.** см. Детлова Е.В.
- Добровольская М.В.** см. Бужилова А.П.
- Дорофеева Т.С.** см. Гиря Е.Ю.
- Енуков В.В., Лебедев В.П.** Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из Курского Посемья. № 1, 94–103.
- Епимахов А.В. О.Д. Мочалов.** Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008. № 1, 181.
- Епимахов А.В.** “Темные века” эпохи бронзы Южного Зауралья. № 2, 39–50.
- Ермоленко Л.Н., Советова О.С. Г.Г. Король.** Искусство средневековых кочевников Евразии. М.; Кемерово. 2008, № 4.
- Ершова Е.Г., Чернов С.З.** Природа и человек на водоразделах Радонежа в XIII–XVI вв.: методика корреляции спорово-пыльцевых данных (новые исследования Морозовского болота). № 3, 101–118.
- Жарников З.Ю.** см. Мыглан В.С.
- Жукова О.В.** см. Лычагина Е.Л.
- Жульников А.М., Кашина Е.А.** Образ птицы в искусстве неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы. № 2, 5–17.
- Журавлев Д.В.** Международный симпозиум “Pottery, people and places”. Зандберг. 2008, № 4.
- Завьялов В.И.** см. Буланкин В.М.
- Зайцева И.Е.** см. Макаров Н.А.
- Зайцев Ю.П., Хелльштрём К., Хохмут М.** Фрагменты молотилок из Усть-Альминского позднескифского некрополя в Крыму. № 2, 78–88.
- Захаров А.О.** Archaeology in Southeast Asia: From Homo Erectus to the Living Traditions. Bougon. 2008, № 1, 182–184.
- Захаров А.О.** Открывая и интерпретируя прошлое Юго-Восточной Азии. № 4.
- Зиливинская Э.Д.** Минареты Золотой Орды. № 2, 98–111.
- К 80-летию А.А. Бобринского.** № 3, 188.
- Калинина И.В.** Семантический подход в изучении технологии древней керамики. № 3, 157–159.

- Калмыков А.А.** см. Кореневский С.Н.
- Кальмринг С.** см. фон Карнап-Борнхайм К.
- Капустина Е.П.** Еще раз об одной из групп керамики с декорированными ручками сарматского времени. № 3, 86–92.
- Кашина Е.А.** см. Жульников А.М.
- Китова Л.Ю.** Георгий Петрович Сосновский. № 3, 146–153.
- Китова Л.Ю.** Сергей Александрович Теплоухов. № 2, 166–173.
- Клейн Л.С.** Пути ариев. Полемиические заметки о книге Е.Е. Кузьминой. № 3, 171–173.
- Ковалюх Н.Н.** см. Моргунова Н.Л.
- Кореневский С.Н.** Ахундов Т.И., Махмудова В.А. Южный Кавказ в кавказо-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н.э. Баку. 2008, № 1, 168–173.
- Кореневский С.Н., Калмыков А.А.** Энеолитический скипетр-утюжок из Ставрополь. № 4.
- Коренько В.А.** см. Кузьминых С.В.
- Коробов Д.С.** Погребальный комплекс начала III в. н.э. из Кисловодской котловины. № 1, 138–148.
- Королькова Е.Ф.** О путях исследования звериного стиля (к проблеме метода и этики в новейших работах по искусству сарматской эпохи). № 4.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.** Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.). № 4.
- Кочкаров У.Ю.** Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. № 1, 157–159.
- Кошеленко Г.А.** Буддийские памятники района Кабула. № 1, 174, 175.
- Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаيبов В.А.** Советско-афганская археологическая экспедиция: два юбилея. № 4.
- Кошеленко Г.А.** О ранних памятниках буддийского искусства на Великом шелковом пути. № 2, 179–181.
- Красникова А.М.** см. Макаров Н.А.
- Кренке Н.А.** см. Беляев Л.А.
- Крийска А., Уткин А.В.** Рихард Индреко (1900–1961) – один из основателей современной археологии Эстонии. № 3, 154–156.
- Кузнецов А.М.** Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America / Eds Yaroslav V. Kuzmin, Susan G. Keats, Chen Shen. Archaeology Press. Simon Fraser University. Barnaby, B.C. 2007, № 3, 169, 170.
- Кузьминых С.В., Коренько В.А.** Памяти Натальи Львовны Членовой. № 4.
- Кузьминых С.В.** см. Детлова Е.В.
- Кузьмин Я.В.** John F. Hoffecker, Scott A. Elias. HUMAN ECOLOGY OF BERINGIA. N.Y. 2007, № 2, 174, 175.
- Кузьмин Я.В.** см. Батаршев С.В.
- Кулаков В.И.** Germania – Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград. 2008, № 1, 185–188.
- Кызласов И.Л.** Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (к исследованию и ранней истории чиков). № 4.
- Лебедев В.П.** см. Енуков В.В.
- Лонго Л.** см. Скакун Н.Н.
- Лошенко М.И.** Археоботанические коллекции с городищ милоградской культуры Черное, Отрубы и Красная горка в Беларуси. № 3, 61–72.
- Лыхин Ю.П.** см. Мыглан В.С.
- Лычагина Е.Л., Жукова О.В.** Новые исследования Хуторской стоянки в Верхнем Прикамье. № 3, 130–137.
- Майничева А.Ю.** см. Мыглан В.С.
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г.** К юбилею Е.Н. Носова. № 1, 38–40.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е.** Могилище Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополе. № 1, 41–52.
- Масловский А.Н.** см. Яблонский Л.Т.
- Медникова М.Б.** см. Бужилова А.П.
- Мещерин М.Н.** Средняя пора верхнего палеолита в Забайкальской региональной схеме периодизации (состояние изучения). № 3, 5–12.
- Молева Н.В.** Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007, № 1, 176–180.
- Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.** Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования. № 4.
- Морева О.Л.** см. Батаршев С.В.
- Мунчаев Р.М.** см. Кошеленко Г.А.
- Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П.** Результаты дендрохронологического обследования Братского острога. № 3, 164–168.
- Николаишвили В.В.** см. Балахванцев А.С.
- Ошибкина С.В.** Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008, № 2, 176–178.
- Панасюк Н.В.** Раннекатакомбные курьельницы степного Предкавказья. № 2, 25–38.
- Петракова А.Е.** Чаши мастера Тлесона из раскопок в Северном Причерноморье в собрании Государственного Эрмитажа. № 4.
- Плиссон Г.** см. Скакун Н.Н.
- Попов П.В.** Зооморфный декор в керамике Самосдельского городища. № 2, 112–124.
- Потапов В.В.** Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (финальный этап эпохи бронзы) № 1, 155, 156.
- Прасолов Я.В.** Необычный боевой нож из коллекции музея “Пруссия”. № 3, 138–145.
- Пряхин А.Д.** К 70-летию А.З. Винникова. № 4.
- Пятых Г.Г.** В.С. Горбунов. Срубная общность Восточной Европы. Уфа, 2006, № 3, 174–180.
- Радюш О.А.** см. Родинкова В.Е.
- Редакция и редколлегия журнала** К юбилею О.Н. Аксеновой. № 3, 185.
- Родинкова В.Е.** Куриловский клад раннесредневекового времени. № 4.
- Родинкова В.Е., Радюш О.А.** Международный коллоквиум “Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jhs. n. Chr. im Reich und im Barbaricum –

- ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)" (Франкфурт-на-Майне, 2009). № 2, 182–185.
- Рождественская Т.В.** К юбилею А.А. Медынцевой. № 2, 189–191.
- Романова Г.Б.** Чаша Уацамонга и Колесо Балсага осетинского нарского эпоса – некоторые историко-археологические параллели. № 3, 93–100.
- Романов Н.С.** см. Беляев Л.А.
- Савенко С.Н.** Позднекочевническое ритуальное захоронение на Ставрополье. № 2, 147–155.
- Сарачева Т.Г.** см. Янин В.Л.
- Свешников А.В., Свешникова О.С.** Группа архаического земледелия ГАИМК в 1930-е годы. № 1, 149–154.
- Свешникова О.С.** см. Свешников А.В.
- Синицын А.А.** Памяти Николая Дмитриевича Праслова (1937–2009). № 4.
- Скакун Н.Н., Васильев С.А., Плиссон Г., Лонго Л.** Международный конгресс "Первобытная техника": 40 лет спустя. Функциональные исследования и русское наследие" (Верона, 2005). № 3, 183–184.
- Скрипкин А.С., Шинкарь О.А.** Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье. № 1, 125–137.
- Скрипкин В.В.** см. Моргунова Н.Л.
- Советова О.С.** см. Ермоленко Л.Н.
- Сотрудники Института археологии РАН** Татьяна Ивановна Макарова, № 3, 189, 190.
- Сташенков Д.А.** IV Международная археологическая конференция "Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.". № 4.
- Стефанов В.И.** см. Корочкова О.Н.
- Столярова Е.К.** см. Янин В.Л.
- Стоянов Р.В.** Антропоморфные надгробия в погребальной практике греков и варваров в VII–II вв. до н.э. № 4.
- Судаков В.В.** см. Буланкин В.М.
- Терещенко А.Е.** Истоки экономического кризиса III в. до н.э. № 4.
- Торгоев А.И.** Патрицы с изображением черепахи и журавля из Чуйской долины. № 3, 160–163.
- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т.** Ахеменидская (?) серебряная рукоять ножа в форме фигуры оленя из Филипповки. № 3, 73–85.
- Уткин А.В.** см. Крийска А.
- Фомичев Н.М.** см. Яблонский Л.Т.
- фон Карнап-Борнхайм К., Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й.** Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования. № 1, 53–63.
- Фролова М.М.** А.Д. Чертков и его вклад в русскую нумизматику и археологию. № 4.
- Фурасьев А.Г.** Эволюция двупластинчатых фибул Крыма в V–VII вв. н.э. № 4.
- Хаванский А.И.** Относительная хронология орнаментации керамики синташтинских могильников. № 3, 22–36.
- Хелльштрём К.** см. Зайцев Ю.П.
- Хильберг Ф.** см. фон Карнап-Борнхайм К.
- Хохмут М.** см. Зайцев Ю.П.
- Цветкова Н.А.** Раннеэолитическая стоянка Альба 8 в верховьях Клязьмы. № 2, 135–146.
- Чернов С.З.** см. Ершова Е.Г.
- Черных Е.М.** Жилища начала железного века в Волго-Камье. № 3, 51–60.
- Шарганова О.Л.** Следы технического происхождения на днищах глиняных сосудов (по материалам Гнёздова). № 1, 74–81.
- Шемаханская М.С.** см. Трейстер М.Ю.
- Шерстобитова О.С.** Красноозерская культура в среднем Прииртышье: динамика развития. № 4.
- Шер Я.А.** А.И. Мартынов. Археология. М., 2005, № 1, 163–167.
- Шер Я.А.** Археология: Учебник / Под ред. акад. РАН В.Л. Янина. М., 2006, № 4.
- Шинкарь О.А.** см. Скрипкин А.С.
- Шлионская Л.И.** см. Беляев Л.А.
- Шульце Й.** см. фон Карнап-Борнхайм К.
- Шуляев С.Г.** см. Беляев Л.А.
- Шуных М.В.** см. Давудов О.М.
- Щербакова Е.Е.** Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнёздове. № 1, 82–93.
- Эспелунд А.** Черная металлургия в Норвегии на раннем этапе развития. № 3, 44–50.
- Яблонский Л.Т.** см. Трейстер М.Ю.
- Яблонский Л.Т., Фомичев Н.М., Масловский А.Н.** Четвертая международная научная конференция "Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве", посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова. № 1, 189.
- Янин В.Л., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К.** К юбилею Ю.Л. Щаповой. № 3, 186, 187.
- Памяти академика Богуслава Хроповского. № 2, 192.
- Список сокращения. № 3, 192.
- Список сокращения. № 4.
- Правила для авторов. № 3, 191.
- Правила для авторов. № 4.
- Авторский указатель за 2010 г. № 4.